Ис(Бур
1701

Д. Д. АМОГОЛОНОВ

СОВРЕМЕННЫЙ БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

БУРЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ . 1958

Ис(Бур)
А-23

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

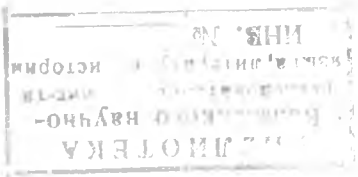
Д. Д. АМОГОЛОНОВ

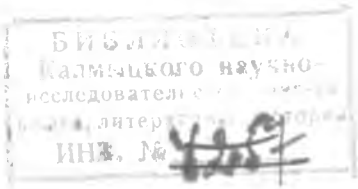
СОВРЕМЕННЫЙ БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

УЧЕБНИК ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Утвержден Минпросом БурАССР

-1701-
1958 Ке
1961
1971

УЛАН-УДЭ * 1958

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

(Краткий обзор)

Триста лет назад Бурятия присоединилась к России. Этот исторический акт в судьбе бурятского народа вызвал практический интерес к его языку и необходимость его изучения как средства общения между представителями разноязычных народов. Изучение бурятского языка в том далеком историческом прошлом диктовалось практической необходимостью в усвоении края, в изучении быта, традиций и обычаев аборигенов, в установлении делового контакта с ними, а также требованиями миссионерской деятельности представителей православия среди местного населения.

Бурятия представляла собою в ту пору страну, граничащую на большом протяжении с Монголией и Китаем, с которыми Россия начинала налаживать оживленный товарообмен, деловые и дипломатические отношения. С целью обеспечения надежного пути русским людям нужно было обеспечить доверие у сибирских аборигенов, в частности у бурят, вступив с ними в добрые отношения. Нужны были люди, хорошо владеющие двумя языками — русским и бурятским, толмачи и писари при административных чиновниках и при деловых людях-представителях торговых компаний. И такие люди действительно находились. Известны в истории имена первых толмачей-переводчиков—Михаила Епифанова, Алексея Чемисова, Ивана Чемисова, Александра Игумнова, Василия Новоселова. Так, весьма примечателен, например, из их деятельности факт, когда на приемах посольства Галдан-Бошогто хана в 1689 и 1691 гг. с воеводой иркутским Леонтием Кислянским присутствовал иркутский казак Михаил Епифанов в качестве переводчика речей и документов с монгольского на русский язык и обратно.

Переводческая деятельность первых толмачей была довольно многосторонней. Так, одновременно с устным однократным переводом и переводом деловых бумаг с одного языка на другой, шло собирание и публикация словарных и иных материалов, выпуск словарей, учебных пособий и переводов различных священных писаний. В 70-х годах XVIII в.

составлялись списки и словарики на небольшое количество бурятских слов, в частности „Иркутской губернии перевод братского языка. Подлинный переводил иркутский дворянин Иван Чемисов в 1773 году", его же: „Перевод разговора братских иноверцев Иркутского уезда", „Словарики монгольского языка" Александра Игумнова и Василия Новоселова. Между прочим, собранные в те времена энтузиастами некоторые бурятские слова даже вошли в „Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей высочайшей особы" (1789 г.).

Вместе с тем, писались работы и исследовательского, просветительского характера, как например, А. Игумнов „О происхождении монгольских букв" (Казанские Известия, № 19, за 1816 г.), Доржи Дарбаев „Бичихан Записка" (1839 г.), Г. Н. Потанин „О переводах на русский язык с бурятского языка" (1883 г.), В. О. Паршин „О необходимости знать бурятский язык при собирании и записывании устного народного творчества бурят" (1827 г.), И. П. Чечулин „Монголо-бурятские пословицы, поговорки, сказки и песни" (текст, 1859 г.), Спасский Григорий „О бурятском языке и письменности" (1824 г.), Стуков К. „Об элементах монголо-бурятского языка" (1865 г.), Г. Гомбоев „Сказания об Убаши хон тайжа хане" (1858 г.) и др.

Пропаганда христианского учения среди бурят и практические дела миссионеров не ограничивались только пределами устной проповеди „святого дела", но проводились и через печатание переводных религиозных книг и писаний с русского на бурятский язык и через популярное изложение основ христианства, как например, „Огласительное поучение готовящимся к святому крещению язычникам на бурятском языке" (1896 г.), Г. Гомбоев „Начатки христианского учения, перевод на монгольский язык" (1861 г.), „Учение о христианской вере, изложенное в беседах с бурятами, с переводом на наречие северо-байкальских бурят" (1877 г.), некоторые церковные песнопения в переводе на бурятский язык (перевод Забайкальской миссии, 1909 г.), архиепископ Нил „Перевод богослужения на бурятский язык" (1909 г.) и т. п.

Настоятельная потребность в кадрах для обеспечения успехов административных начал в крае, транзитных перевозок товаров по глубинным караванным путям и для обращения „неверных" в православную веру вызвала необходимость создания ряда специальных школ переводчиков по подготовке миссионерских кадров и чиновников. Эти школы поддерживались идейно и материально, в основном, специально учрежденными церковными миссиями в Забайкалье и Прибайкалье. Церковная миссия Забайкалья, например, была основана в 1681 году. Так были открыты в 1724 году ведомством Синода Иркутско-Вознесенская школа монгольского языка, в 1831 году — в Троицкосавске, в 1839 году — в Нерчинске и в последую-

щие годы в Казани и в Петербурге. Также в разное время в Восточной Сибири открывались и другие школы, как например, приходские училища. Выпускники или обучавшиеся в этих школах работали в различных местах: переводчиками в учреждениях и в аппарате Главного Управления Восточной Сибири или Приамурья, преподавателями различных языков, в том числе и монгольского, в университетах и духовных академиях в Петербурге и Казани.

Выходцы из этих школ-буряты, работая в различных школах, комиссиях и учреждениях, собирали и опубликовывали материалы устного народного творчества, составляли различные учебные пособия, записывали легенды, составляли родословные бурят и т. д. Например, Санжиханов Ф. С., селенгинский бурят, учился в Селенгинской пограничной воеводской канцелярии с 1774 по 1780 год и был учителем в Иркутском главном училище и переводчиком при Иркутском наместничестве в 1787 г.; Гомбоев Цырен, бурят из Селенгинской степной думы, служил штатным переводчиком в Приамурском Областном Управлении в 1865 году; Мункоев Цырен, бурят из Агинска, работал учителем в Агинском приходском училище в 1866 году; Чистохин Я. А., агинский бурят, перевел сказку А. С. Пушкина „Золотая рыбка" на бурятский язык в 1899 году; учитель Болдонов Н. П. составил букварь для бурятских школ (1866 г.) и русско-бурятский словарь (1864 г.); известный фольклорист Хангалов М. Н., бурят из Унги, издал в 1889 году „Сказания и поверия бурят" и в 1903 г.— „Балаганский сборник"; Волошинов Н. А. составил в 1898 году „Русско-монгольский переводчик"[1]. Наряду и одновременно с ними научным изучением бурятского языка занимались миссионеры и лингвисты по образованию, ученые по профессии. Первым по времени посетил Забайкалье в 1828 году ученый-путешественник О. М. Ковалевский и занимался изучением бурятского языка и в частности его восточного наречия для пополнения картотеки будущего большого трехтомного „Монгольско-русско-французского словаря"; М. А. Кастрен, путешествуя по Сибири, в 1848 году посетил Бурятию. На собранных им самим лингвистических сведениях и материалах М. Кастрен создал свой „Versuch einer burjatischen Spachlehre" („Опыт грамматики бурятского языка"). По свидетельству акад. Б. Я. Владимирцова—„блестящий труд Кастрена намного опередил монголоведные работы той эпохи. Монголоведение в течение последующих за составлением работы Кастрена 50-ти лет оказалось неспособным принять исследования финского ученого и оценить его должным образом".

В 1878 году выходит в свет „Грамматика монголо-бурятского разговорного языка" протоиерея А. Орлова, созданная

[1] Часть сведений получена в личном архиве С. П. Балдаева.

„Во славу Православной Церкви Божией и в пользу Иркутской и Забайкальской духовных миссий". Грамматику А. Орлова, однако, не спасло от неудачи даже высокое посвящение божественной церкви. Оно не стояло на уровне требований современного автору монголоведения, имевшего в своем активе замечательные труды А. Бобровникова, М. Кастрена, О. Ковалевского и др.

В 1909 и 1911 годах издает свои труды священник Н. А. Подгорбунский, озаглавленные „Материалы для грамматики разговорного языка", „Несколько замечаний о глаголе в бурятском языке", „Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов" и „Русско-монголо-бурятский словарь".

В 1913—1914 годах А. Д. Руднев опубликовывает свою монографию „Хори-бурятский говор" (Опыт исследования, тексты, переводы и примечания). А. Д. Руднев, изучивший один из говоров бурятского языка, по праву считается пионером в области исследования бурятских диалектов, и фундаментальный труд его является настольной книгой для любителя родного языка и его исследователей.

Труды дореволюционных исследователей бурятского языка и любителей родного языка[1] заложили основу и создали базу для научного его изучения и вызвали интерес и любовь носителей языка к родной речи.

Подлинный расцвет науки о языке бурят связан с торжеством и процветанием Великой Октябрьской революции. Изучение бурятского языка наряду с работами в других областях знаний и с подъемом и расцветом культурной и духовной жизни народа приобретает широкий размах, систематичность и главное — поставлено на плановое начало. Изучение бурятского языка и создание трудов по нему, освещающих современное его состояние, литературную и народную его формы, его фонетические и грамматические категории и формы и подготовка кадров в этой области знаний становятся заботой, мероприятиями и плановыми работами государственных учреждений. Создаются специальные научные учреждения для изучения наряду с другими практическими и научными вопросами и проблем бурятского языка. Создается в 1922 году Бурят-

[1] Было бы несправедливо требовать от ученых и любителей родной речи того, чего не могло быть по состоянию науки того времени, и вполне уместно привести в защиту пионеров изучения бурятского языка следующие слова одного из основоположников монголоведения — Я. Шмидта: „Сие (речь идет о возможных и наверных недостатках в трудах ученых) впрочем отнюдь не служит укором знаменитым мужам, только слегка коснувшимся сего предмета: они сделали все, что могли, судя по их времени и кругу познаний и уже тем снискали право на нашу признательность, что устремили обильный в других глубокомысленных творениях разум свой на подобные попытки, наложив на них через то, так сказать, печать достоинства и поощрив своим примером к дальнейшему оных преследованию".

монгольский Ученый Комитет и в 1924 году — Научное Общество им. Доржи Банзарова. Принимают участие в работе этих учреждений как местные научные кадры, так и ученые центральных научных учреждений (Ленинграда, Москвы, Иркутска и др). Во всей деятельности бурятских научных и исследовательских учреждений и в подготовке научных кадров для республики оказывает огромную помощь Академия Наук СССР и в частности ее Институт Востоковедения.

Дореволюционное наследство в виде специальных работ — грамматик и материалов по бурятскому языку и общему для всех монгольских народов письменному монгольскому языку было значительным. На основе марксистско-ленинской методологии, на базе старого наследия, вырабатывались иные исследовательские приемы и строились новые теоретические принципы. Это было необходимо для достижения как теоретических, так и практических позитивных результатов. Организация школ с преподаванием родного языка учащихся в них, развитие сети культурных учреждений, распространение грамотности, печать и радио, начатки сценического искусства и многое другое поставили на очередь дня к разрешению целый комплекс вопросов. Так создавались условия и организационная база для превращения отрывочных сведений, отдельных материалов о языке бурят в количественно и качественно отличные материалы, исследования, позволяющие создать самостоятельную науку о языке бурят. Нуждалась в замене старо-монгольская графика, как не отражающая особенностей современного бурятского языка, новой системой письма; выбор основополагающего диалекта, сначала выпал на селенгинский, а затем — на хоринский диалект, который должен был служить лексико-грамматической базой нового национального литературного языка, создание учебников и словарей; разработка и освещение проблемы по изучению бурятского языка и его разнообразных частных вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса и т. д.

Все это способствовало тому, что наступил период, когда изучение бурятского языка пошло в самых разных направлениях: пошло собирание, обработка и публикация диалектологических и фольклорных материалов и их обобщение, создание учебников и учебных пособий, создание и унификация терминологии, разработка отдельных вопросов фонетики, морфологии и синтаксиса языка, создание лексикографических работ-словарей и обобщающие и синтезирующие труды по языку в виде статей, монографий и научных грамматик.

Научные традиции по разработке вопросов лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса русского языка, приемы, принципы и результаты исследования этого языка такими выдающимися представителями русского языкознания, как М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. А. Бодуэн де Кур-

тенэ. А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. П. Обнорский, Л. А. Булаховский, Д. Н. Ушаков и др., сыграли выдающуюся роль в исследовании бурятского языка и служили образцом и критерием для его исследователей.

Первым делом началось планомерное изучение бурятских диалектов и говоров: в 1928 году были снаряжены лингвистические экспедиции в Агинский аймак и в район города Нижнеудинска; в 1929 году — в Окинский аймак и на о. Ольхон; в 1930 году — в Агинский аймак; в 1931 году — в Селенгинский, Торейский, Джидинский аймаки; в 1932 году — в Эхирит-Булагатский и Баргузинский аймаки; в 1933 году — в Боханский аймак; 1934 году — в Селенгинский и Боханский аймаки; в 1936 году — в Хоринский; в 1937 году — в Еравнинский, Хоринский, Кижингинский, Мухор-Шибирский, Эхирит-Булагатский аймаки; в 1940 году — в Тункинский, Кабанский и Байкало-Кударинский аймаки; в 1951 году — в Курумканский, Баргузинский, Джидинский и Торейский аймаки; в 1952 году — в Иволгинский, Тункинский, Боханский, Аларский, Эхирит-Булагатский аймаки и т. д. Эти экспедиции собрали ценный лингвистический материал, который еще ожидает своего обобщения и полной публикации. На материалах этих экспедиций написан ряд статей и научных работ, так например, проф. Г. Д. Санжеев опубликовал: „Фонетические особенности нижнеудинского говора", „Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори" („Записки ГИЯЛИ", вып. 1, 1939 г.), некоторые разделы его труда „Сравнительная грамматика монгольских языков", ч. 1 (М., 1953 г.); проф. Т. А. Бертагаев — „Заметки лингвиста о хоринском говоре" („Записки ГИЯЛИ", вып. 1, 1939 г.). „Словарные расхождения говоров" („Записки ГИЯЛИ", вып. V—VI, 1941 г.), „Западно-бурятский диалект на материалах лексики" (1934 г.), „Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка" („Ученые записки БМГПИ", 1948 г.) и некоторые разделы его труда „Лексика монгольских языков"; К. М. Черемисов — „Заметки по бурят-монгольскому языку", III, „Несколько замечаний о тункинском диалекте" („Записки ГИЯЛИ", вып. III—IV, 1941 г.), его же: „Заметки по бурят-монгольскому языку", IV „О кабанском подговоре" („Записки НИИКЭ", вып. VII, 1947 г.); Д. А. Алексеев — „Диалекты бурят-монгольского языка" („Ученые записки ЛГУ, Серия Востоковедных Наук", 1949 г.); Д. А. Абашеев — „Заметка о говоре иволгинских бурят" (Записки НИИК,, 1952 г.), в рукописях: Д. А. Абашеев — „Тункинский говор", М.П. Хомонов — „Боханский говор," Э. Р. Раднаев — „Баргузинский говор", Б. В. Матхеев — „Эхирит-Булагатский говор" и др[1].

[1] Вопросы истории бурятской письменности освещены в разделе „Графика и орфография".

В двадцатые и тридцатые годы создаются учебники, учебные пособия и различные вспомогательные пособия - хрестоматии: Ч. Базарон, Советский букварь на старо-монгольском языке (1924), его же: „Красная звезда", (хрестоматия в двух частях); проф. Г. Цыбиков „Грамматика монгольского языка" (1925); проф. Г. Д. Санжеев, М. Н. Имехенов „Грамматика бурят-монгольского языка", ч. I (фонетика и морфология) для семилетних и средних школ (1938); проф. Г. Д. Санжеев и Ц. С. Сультимов „Грамматика бурятского языка", ч. II (синтаксис) для семилетних и средних школ (1939). Авторами учебников и учебных пособий для бурятских школ выступают Т. А. Бертагаев, Д. А. Алексеев, Д. А. Абашеев, Д. Д. Дугар-Жабон, М. Н. Имехенов, Д. М. Мижидон, Ц. Б. Цыдендамбаев, Б. С. Санжин, П. Д. Доржиев, Д. Д. Дашиев, А. А. Аюрзанаин, Б. Б. Батоев и др.

Для решения насущных вопросов бурятского языкознания и практических реализаций достигнутых успехов не раз созывались конференции и совещания как в Москве, так и на местах. Известны такие совещания и конференции, как Улан-Удэнская лингвистическая конференция 1936 года, где был решен вопрос о перебазировании основы языка письменности с селенгинского говора на восточное наречие; Улан-Удэнское совещание 1937 года, где решались вопросы о внесении коррективов в действовавшие в то время орфографические нормы; Улан-Удэнское совещание 1939 года, где разрешен вопрос о переводе письменности с латинской на русскую графику и создание новой орфографической нормы и, наконец, Улан-Удэнская лингвистическая конференция 1953 года, на которой был заслушан и обсужден целый комплекс вопросов бурятского языкознания.

Дискуссия 1950 года по вопросам советского языкознания и участие в ней И. В. Сталина плодотворно повлияли на дальнейшее развитие советского языкознания. Многие вопросы языкознания здесь получили свое правильное разрешение, и был открыт широкий простор для исследовательской работы языковедов.

В преддверии к созданию обобщающего капитального труда по грамматическому строю бурятского языка написано большое количество работ с охватом разнообразных тем по диалектологии, фонетике, орфографии, лексике, орфоэпии, морфологии, синтаксису бурятского языка, сравнительной грамматике и лексике монгольских языков. Вот неполный перечень работ, освещающих эти разнообразные стороны вопросов бурятского языкознания: проф. Г. Д. Санжееву принадлежит создание первых учебников по фонетике, морфологии и синтаксису бурятского языка для семилетних и средних школ и грамматики бурятского языка в научном освещении. Вслед за ним создают учебники для бурятских школ проф. Т. А. Бертагаев, доц.

Д. А. Алексеев, М. Н. Имехенов, Д. Д. Дугар-Жабон, Ц. С. Сультимов. Создание сравнительной грамматики и лексики монгольских языков связано с именами проф. Г. Д. Санжеева и проф. Т. А. Бертагаева. Изучение бурятского языка в сравнительном аспекте с другими монгольскими языками не может не принести большой пользы науке и в объяснении законов развития бурятского языка, ибо „... материя и форма родного языка становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“[1].

Наряду с упомянутыми выше обобщающими трудами разработаны отдельные актуальные темы бурятского языка, как например, в статьях проф. Т. А. Бертагаева о сложном предложении в бурятском языке, об орфоэпии, о принципах терминотворчества и словообразования, об аморфном сочетании имен и др. Вслед за ними опубликовал ряд серьезных работ К. М. Черемисов в области лексикографии, как дифференциальный „Бурят-монгольско-русский словарь“ в 25 тысяч слов, „Русско-бурят-монгольский словарь“ в соавторстве с Д. А. Абашеевым, и в своих „Заметках по бурят-монгольскому языку“ он подвергает основательному анализу ряд его грамматических вопросов; Д. А. Алексеев пишет монографию о наречиях бурятского языка, о синтаксических функциях падежей в бурятском языке (Сборник трудов по филологии, вып. I, 1948), о некоторых показателях множественности в бурятском языке (в том же Сборнике), об именных частях речи в бурятском языке (Вопросы языкознания, № 6, 56 г.) и „Диалекты бурятского языка“ (Сборник „Материалы лингвистической конференции 1953 года“); Ц. Б. Цыдендамбаев публикует работу об общественно-политической терминологии (Сборник трудов по филологии, вып. I, 1948) и словарь общественно-политических терминов. Изучению бурятского языка и разработок вопросов бурятского языкознания посвящают свои работы доц. Д. А. Абашеев — Русско-бурят-монгольский словарь, орфографический словарь бурятского языка в соавторстве с К. М. Черемисовым и Д. Д. Амоголоновым, монография о тункинском говоре, о языке иволгинских бурят и „Порядок слов в бурятском предложении“; Ц. Ц. Цыдыпов — „Частицы *бэ* и *ааб* в бурятском языке („Записки НИИК, 1950), „Изучение беглых гласных в пятых, шестых классах“ („В помощь учителю“, 1950) и „Изучение состава слова в пятом классе“ (1955); Н. С. Хамгушкеев — К вопросу стилистико-синтаксической структуры рассказа „Ури нэхэбэри“ (Ученые записки БМГПИ, вып. VII, 1955) и „Наблюдения над языком и стилем поэмы „Убгэн гэлэнэй

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, изд. 1950 г., стр. 303.

үгэ" (Ученые записки БМГПИ, вып. XI, 1957); Б. В. Матхеев — фонетические особеиности Эхирит-Булагатского говора (Ученые записки БМГПИ, вып. XI, 1957) и морфологические особенности Эхирит-Булагатского говора (Записки НИИК, 1957); М. П. Хомонов, У. Ш. Дондоков, Л. Ш. Шагдаров, А. А. Дарбеева, И. Д. Бураев, М. Н. Орловская, Э. Р. Раднаев и др.[1]

Правда, не всегда и не во всех работах удача сопутствовала авторам[2]. В результате плодотворной работы большого коллектива работников как теоретического, так и практического фронта были созданы условия для подготовки обобщающего труда по бурятскому языку — научной грамматики бурятского языка коллектива авторов в составе Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Д. А. Алексеева, Ц. Б. Цыдендамбаева, Д. А. Абашеева, И. Д. Бураева, А. А. Дарбеевой, М. Н. Орловской, М. П. Хомонова и др., которая готовится к выпуску.

Все вышеперечисленные труды в основном опубликовывались на страницах бюллетеня „Бурятоведение", „Бурятоведческий сборник", „Жизнь Бурятии", „Записки НИИК (ГИЯЛИ, НИИКЭ)", „Ученые записки БМГПИ", „Наш опыт" ИУУ, центральных академических журналов и отдельными изданиями в Бурятском книжном издательстве.

---

[1] Упущения, допущенные автором по вполне понятным причинам, дополняем: доц. Д. Д. Амоголонов — „Проект реформы бурят-монгольской письменности на латинской основе" (Проект утвержден ЦИК-ом БМАССР в 1937 году), „К переводу бурят-монгольской письменности с латинской на русскую графику", „Проект перевода бурят-монгольской письменности с латинской на русскую графику" (проект утвержден Президиумом Верховного Совета БМАССР в 1939 году), „Краткий справочник по орфографии и пунктуации бурят-монгольского языка" (1940, без указания автора), „Орфографический словарь бурят-монгольского языка" в соавторстве с Д. А. Абашеевым (в изданиях 1940, 1945 и 1954 гг.), „Деепричастие в бурят-монгольском языке" (1948), „Язык произведении писателя Х. Намсараева", „А. С. Пушкин и бурят-монгольская литература", „Некоторые вопросы развития бурят-монгольского литературного языка" (Сборник трудов по филологии, вып. II, 1949), „Бурят-монгольское языкознание в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания" (Записки НИИК, 1951), „Программа по теоретическому курсу современного бурят-монгольского языка для ВУЗ-ов (Утверждена Минпросом РСФСР, 1952), „Программа по бурят-монгольскому языку и литературному чтению для бурят-монгольских средних школ" в соавторстве с Д. Д. Дугар-Жабоном (1946), „Введение в морфологию бурят-монгольского языка" (Ученые записки БМГПИ, 1955), „Вопросы улучшения и упрощения бурят-монгольской орфографии (Сборник „Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка", 1953), „Русское заимствование в бурят-монгольском языке" в соавторстве с Д. Ошоровым; „Бурят-монгольская пунктуация", „Курс лекций по современному бурят-монгольскому языку" (рукопись).

Прим. ред.

[2] См. статьи: Т. А. Бертагаев „К истории изучения бурят-монгольского языка за советский период" (Записки НИИКЭ, вып. XI, 1949); Г. Д. Санжеев „Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания в свете трудов И. В. Сталина" и Д. Д. Амоголонов „Бурят-монгольское языкознание в свете трудов И. В. Сталина о языке" (Записки НИИК, вып. XI, 1951).

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Язык обладает строго выработанной звуковой системой. „Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей" (И. Сталин).

Звуки речи являются первоэлементом, „природной материей" языка. Без звукового оформления не могут существовать слова и, следовательно, язык. Звуки языка играют исключительную роль в оформлении слов и их частей, обозначающих предметы и явления окружающей нас действительности. Звуки речи, взятые сами по себе, не содержат и не выражают смысла и лишены реальной значимости. Они служат для организации, выявления и выражения слов и их значений посредством соответствующей комбинации сложения своих „членов".

Звуки речи как объект фонетики служат „строительным материалом" для образования значимого элемента языка — слова. Звук речи относится к слову как частное к целому. А само целое слово, состоящее из звуков, в свою очередь, является объектом исследования других разделов языкознания — лексикологии и грамматики.

Разделы языкознания — фонетика и грамматика — имеют различные объекты своего исследования. Они не входят друг в друга, хотя они имеют тесную связь друг с другом.

Звуки речи являются элементами структуры языка и создающими слово единицами. „На духе" с самого начала тяготеет проклятие отягощения его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков,— словом, в виде языка" (К. Маркс и Ф. Энгельс).

Наука, изучающая условия образования звуков речи, их изменения и смыслоразличительную функцию или звуковой строй языка, называется ф о н е т и к о й.

Звуки речи по своему образованию и смыслоразличительной функции представляют из себя сложное физиологическое, физическое и социальное (общественное) явление.

Сообразно специфике, сущности звуков речи фонетика, как учение о звуковой системе языка, изучает:

(1) физиологию звуков речи, то есть устанавливает, как и где образуются те или иные звуки речи и систематизирует их по способу и месту образования;

(2) акустику (физические свойства) звуков речи, то есть устанавливает, какими акустическими качествами обладают произносимые звуки — тон и шум, высоту и силу звука, глухость и звонкость звука, твердость и мягкость звука, взрывность и плавность звука, сильное и слабое произнесение звуков и т. д.;

(3) звуки, участвующие в выражении смысла слова, то есть устанавливает смыслоразличительные функции фонем (в словах, например, хада „гора", худа „сват" — звуки *а, у* играют смыслоразличительную роль).

Все эти указанные выше три раздела фонетики неразрывно связаны между собою. Однако звуки речи не только создают формы слов, заключающих определенные значения, но и служат средством их понимания, поэтому раздел, изучающий смыслоразличительную функцию звука, занимает исключительное место в фонетике. „Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира..." (И. Сталин).

Первые два раздела фонетики находятся вне отношения к смысловой стороне языка, а третий раздел имеет непосредственное отношение к ней, поскольку содержит в себе те элементы, которые участвуют в образовании слов. Последнее, т. е. слово, имеет две стороны — смысловую и звуковую. Фонетика имеет отношение к этим сторонам слова.

I. Физиолого-акустическая характеристика звуков речи.

Слово состоит из звуков, которые можно произносить и слышать. Звуки — результат работы органов речи. Органы, служащие для произнесения звуков речи, составляют речевой аппарат.

Положение органов речи и их движение, необходимые для произнесения тех или иных звуков, называется артикуляцией этих звуков.

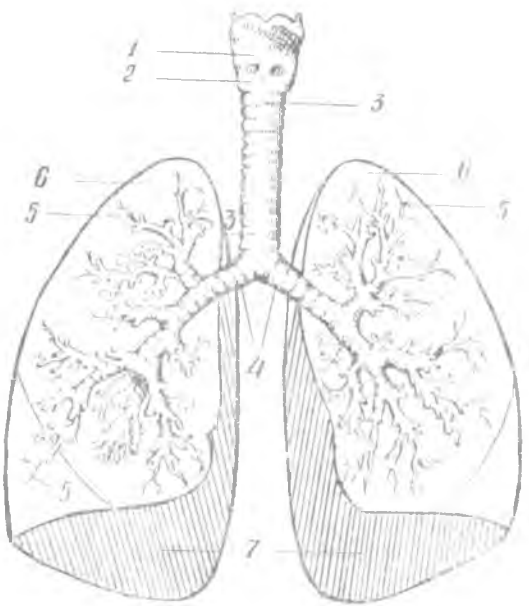
Звуки речи образуются благодаря (1) мозговой деятельности; (2) препятствиям, встречающимся на пути выдыхаемой из легких струе воздуха и (3) различному характеру артикуляции органов речи.

Физиология звуков речи изучает (1) речевой аппарат; (2) артикуляцию органов речи; (3) процесс образования препятствий и (4) различия звуков друг от друга.

Речевой аппарат. Выдыхаемый из легких воздух используется для образования звуков речи. Органы речевого аппа-

дата по своему отношению к образованию звуков речи распадаются на три группы: дыхательные органы, гортань с голосовыми связками и надгортанные полости. Последние две группы речевого аппарата имеют непосредственное отношение к преобразованию струи воздуха в звуки, в целом они — активные органы, а первая — служит поставщиком преобразуемого на следующих этапах своего прохождения в звуки воздуха, пассивные органы.

Дыхательные органы. В понятие дыхательные органы входят легкие, дыхательное горло, диафрагма, грудная клетка. Роль этих органов речи заключается в подаче струи воздуха, необходимой для образования звуков соответствующими „активными" органами речи.

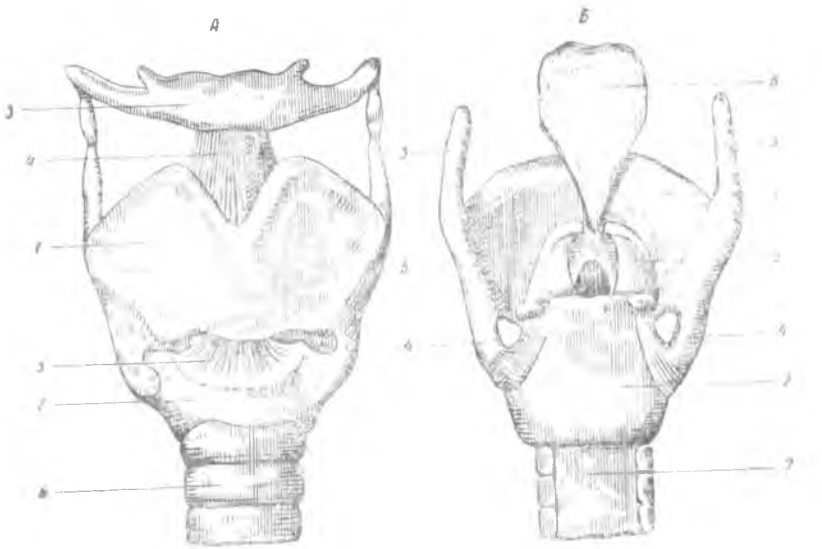
Дыхательный аппарат.

1— щитовидный хрящ; *2*— перстневидный хрящ; *3*— дыхательное горло (трахея); *4* — бронхи; *5*— конечные разветвления бронхиальных веточек; *6*— верхушки легких; *7*- основания легких.

Гортань. Она расположена спереди пищевода и представляет собою сложную систему хрящей, соединенных между собою мускулами и связками. В гортани расположены голосовые связки, одна из существенных частей гортани.

Голосовые связки представляют собою две хрящевидные пластинки, прикрепленные к черепаловидным хрящам, от движения которых изменяется их положение. Голосовые связки очень подвижны. Благодаря своей подвижности они могут приближаться друг к другу и отдаляться. При выдвижении голосовых связок вперед друг к другу идущий поток воздуха встречает препятствия. Благодаря этому усиливается воздушное давление, которое в свою очередь заставляет голосовые связки вибрировать, то есть образуется периодическое приближение и отдаление их друг от друга. Струя, выходящая из гортани такими периодическими перерывами, толчками, вызывает в ротовой полости сгущение и разрежение воздушной среды, что дает звуковую волну — голос. От места расположения голосовых связок по отношению друг к другу при прохождении через них воздушной струи, идущей из легких, зависит состав звуков речи, то есть образование „голосовых" и „неголосовых" звуков или звуков речи, произносимых с голосом, без голоса или из смешения голоса и шума.

Звуки речи по степени участия голоса при их образовании распадаются на четыре группы:

Гортань.

А. Гортань спереди: *1*— щитовидный хрящ; *2*—перстневидный хрящ; *3*— подъязычная кость; *4*— средняя щито-подъязычная связка (соединяющая щитовидный хрящ с подъязычной костью); *5*— средняя перстне-щитовидная связка; *6*— трахея.

Б. Гортань сзади: *1*— щитовидный хрящ;*2*—перстневидный хрящ; *3*— верхние рога щитовидного хряща; *4*—нижние рога щитовидного хряща; *5*—черепаловидные хрящи; *6*— надгортанник; *7*— перепончатая (задняя) часть трахеи.

а) звуки, состоящие только из голоса — гласные;

б) другие — только из шума — глухие согласные;

в) третьи — из голоса и шума с преобладанием голоса над шумом — сонорные согласные;

г) четвертые — из шума и голоса с преобладанием шума над голосом — звонкие согласные.

Различные формы голосовой щели.

Дифференциация, отшлифовка, окончательное оформление отдельных звуков каждой указанной выше группы происходит в полости рта и носа, благодаря различным работам активных органов речи.

Надгортанные полости. В эту группу речевого аппарата входят полости глотки, рта и носа. Важнейшей из них для образования отдельных звуков речи является полость рта. В полости рта расположены наиболее подвижные органы — язык, губы, мягкое нёбо. Задней границей полости рта является полость глотки; передней — губы и зубы: верхней — твердое и мягкое нёбо, альвеола; нижней — язык, челюсть.

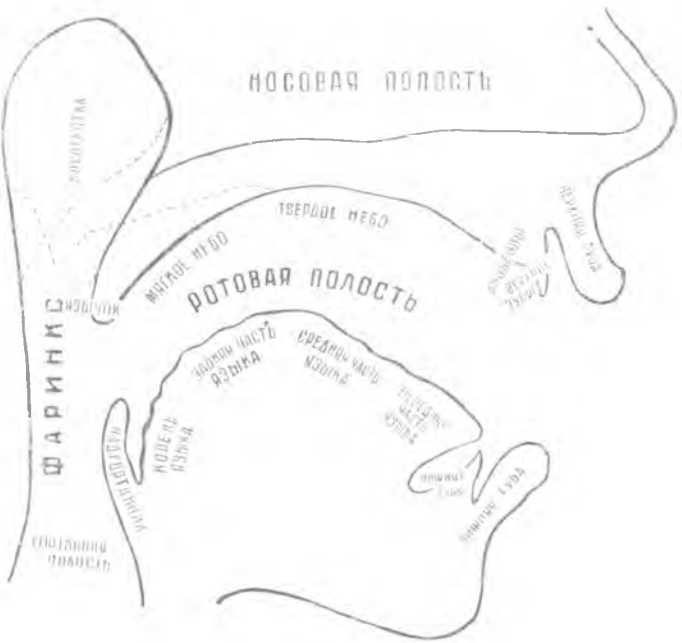
Таким образом, полость рта представляет собою комплекс многих взаимодействующих органов речи и играет роль резонатора. В ней производятся самостоятельные шумы с разным тембром, смешивающиеся в потоке речи с гортанными звуками. Выдыхаемая струя воздуха в полости рта встречает различные препятствия, создаваемые благодаря работам органов речи, в результате чего образуются различного качества звуки. Объем полости рта и величина ротового отверстия определяют тембр образуемых звуков.

Подвижные органы речи, находящиеся в полости рта, особенно язык и губы, играют наиболее существенную роль. Движение органов речи, находящихся в полости рта, их сужение или смыкание в том или ином месте, образуя препятствие на пути потока воздуха, создаёт и отшлифовывает отдельные звуки речи.

Таким образом, образование звуков, различия между отдельными звуками речи и их дифференциация обусловлены различным характером препятствий, образуемых в местах сближения или смыкания двух или более органов речи. Такие места сближения или смыкания образуются, например, благодаря работам языка, у которого задняя и средняя части спинки или

кончик его[1]) при подъёме приближаются к твердому и мягкому нёбу, к альвеоле и верхнему ряду зубов; при подъёме нижней губы к верхнему ряду зубов при смыкании и округлении губ.

Звуки речи по месту своих образований соответственно называются гортанными, носовыми, заднеязычными, среднеязычными, переднеязычными губно-зубными, губно-губными.

Надгортанные полости.

Активные и пассивные органы речи. В зависимости от степени участия в образовании звуков органы речи разделяются на активные и пассивные.

Под активными органами речи подразумевают те подвижные органы, которые производят самостоятельную работу. Они играют основную роль в образовании отдельных звуков речи.

---

[1]) Примечание. Деление языка на три части условное. Часть языка, находящаяся напротив мягкого неба, называется задней спинкой. Часть языка, находящаяся напротив твердого неба, называется средней спинкой языка. Часть языка, находящаяся напротив альвеолы, называется кончиком или передней частью языка.

К ним относятся голосовые связки, задняя стенка зева, маленький язычок, мягкое нёбо, язык, губы.

Под пассивными органами речи подразумевают те органы речи, которые неподвижны, не производят самостоятельной работы, а служат вспомогательными средствами, опорными пунктами для работы активных органов. К пассивным органам речи относятся дыхательные органы, твердое нёбо, альвеола, зубы, полость носа.

II. Описание звуков речи.

По своему составу звуки речи подразделяются на три большие группы — гласные, сонорные и шумные согласные Разница между этими группами звуков вызвана различиями их артикуляций — положением органов речи и их участием в образовании преград и их напряженность или ненапряженность, неодинаковость в подаваемой из легких воздушной струи при производстве звуков речи.

1. Гласные.

Гласные звуки в бурятском языке характеризуются сложной системой признаков и свойств, отличающих их друг от друга, каковыми могут быть: место образования, закрытость или открытость, губное округление — и в каждом звуке в отдельности — ясная и неясная артикуляция, краткие, долгие и дифтонгоидные звуки, положение звука в слове.

Звук *а* — по горизонтальному движению[1] языка — заднеязычный, по вертикальному движению языка[2] — низкого подъема; ненапряженный, открытый; нелабиализованный (губы занимают индифферентное положение).

Примеры: *албан* „служба“, *хара* „черный“, *гаahан* „трубка“.

Звук *э* — по горизонтальному движению языка — переднеязычный, по вертикальному движению языка — среднего подъема, открытый, ненапряженный; нелабиализованный (губы занимают индифферентное положение).

Примеры: *эрдэм* „учение“, *эльгэн* „печень“, *эгсэ* „крутой“.

Звук *о* — по горизонтальному движению языка — заднеязычный, по вертикальному движению — среднего подъема; лабиализованный, слабо напряженный.

Примеры: *олон* „много“, *хорон* „яд“, *холхи* „сера“.

[1] Под горизонтальным движением языка подразумевается перемещение языка назад или вперед горизонтально.

[2] Под вертикальным движением языка — поднятие языка к небу или его опускание.

Звук *ө*[1])-- по горизонтальному движению языка — заднеязычный, по вертикальному движению — высокого подъема; лабиализованный, слабо напряженный.

Примеры: *өдөр* „день“, *нөхөр* „товарищ“, *өндөгөн* „яйцо“.

Звук *ү* — по горизонтальному движению языка — заднеязычный, по вертикальному движению — высокого подъема; лабиализованный, сильно напряженный.

Примеры: *үе* „период“, *хүбүүн* „мальчик“, *хүшэр* „тяжелый“.

Звук *у* — по горизонтальному движению языка — заднеязычный, по вертикальному движению — среднего подъема; лабиализованный, сильно напряженный.

Примеры: *уһан* „вода“, *хуса* „баран“, *хуби* „часть“.

Звук *и* — по горизонтальному движению языка — среднеязычный, по вертикальному движению — высокого подъема, нелабиализованный.

Примеры: *илаха* „победить“, *инаг* „милый“, *бидэ* „мы“.

Гласные звуки — *а, о, у, ү, ө* — заднеязычные. При их произнесении спинка языка отодвинута назад и приподнята кверху по сравнению с спокойным его положением, *а* — гласный низкого подъема, *о, у* — гласные среднего подъема, *ү, ө, и* — высокого подъема.

Гласный *э* — переднеязычный. Язык при его произнесении продвинут вперед и кверху.

Гласный *и* — среднеязычный. При его произнесении язык средней своей частью приподнят по направлению к твердому

Таблица гласных

Язык	Передние		Средние		Задние	
	губные	негубные	губные	негубные	губные	негубные
Высокого подъема		—		и	ү, ө	—
Среднего подъема		э		—	у, о	
Низкого подъема		—		—	—	а

[1] Краткий звук *ө* в живой речи у большинства носителей языка является четко произносимым и смыслоразличительным. Однако в литературном письменном языке он не обозначается особым знаком. Имея в виду важную роль краткого *ө* в деле создания орфоэпической нормы, мы везде наряду с другими краткими гласными даем ему характеристику как живому звуку и употребляем для его обозначения одинарную фету в отличие от долгого *өө*.

нёбу, кончик языка прижат к нижнему ряду зубов, задняя часть языка находится в прежнем, спокойном положении.

Сингармонизм. Бурятские гласные по своей акустической природе и смыслоразличительной функции представляют большое разнообразие. В различных положениях в слове встречаются нормальные краткие, краткие редуцированные и долгие гласные в твердом и мягком согласном окружении. Они физиологически однородны, но различаются акустически. Смыслоразличительная функция звука не отделяется от его физиолого-акустической природы. Поэтому все стороны звука для его характеристики должны рассматриваться в единстве. Ибо фонема есть звук, связанный со смыслом слова и произносимый чётко в своем самостоятельном значении.

Гласный состав бурятского слова употребляется по определенным нормам, т. е. слово не свободно в своей звуковой организации. В слове соблюдается определенная закономерность сочетания гласных низкого, среднего и высокого подъемов языка, т. е. за гласными высокого подъема первых слогов следуют нелабиализованные гласные в непервых слогах и т. д. Так создается однородный, гармоничный гласный состав слова. Эту норму гласного состава слова называют сингармонизмом. Сингармония распространяется на корневые, словообразующие и словоизменяющие морфемы слова. Она играет роль фонетического объединения слогов слова, как лексическую единицу.

Краткие гласные. Нормальные краткие гласные, в зависимости от своей позиции и звукового окружения в слове, в своем качестве варьируются. Краткие гласные первых и непервых слогов слова и в соседстве с палатализованными согласными артикуляционно различны: они реализуются как звуки полного, неполного и „мягкого" образования.

Краткие гласные первых слогов слова — звуки полного образования: четко артикулируются и обнаруживают в своем употреблении большую устойчивость. Поэтому краткие гласные первых слогов слова выступают как фонемы, участвующие не только в оформлении звукового облика слова, но и служащие целям его смыслоразличения. Ударение падает на краткие гласные первых слогов.

Таких кратких гласных фонем семь, а именно: *а, э, о, ө, у, ү, и*.[1] Все эти гласные первых слогов слова качественно различны друг от друга, противопоставлены по своей функции в слове как фонемы. Употребление, например, фонем *а, у* в словах *хада* „гора", *худа* „сват" несет смыслоразличительную функцию. Примеры: *хара* „черный", *хура* „дождь", *хоро(н)*

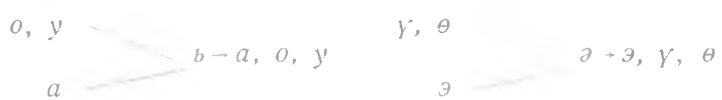
[1] В орфографическом письме, основанном на восточном диалекте, нет знака для обозначения краткого *ө*. В целях облегчения усвоения письма вместо „*и*" в начале „мягкого" слова употребляется „э". См. раздел „Орфография".

„яд", *хурэ* „достигай", *хирэ* „как раз, в пору", *хэрэг* „дело", *хөрөхө* „остывать".

Краткие гласные непервых слогов слова — звуки неполного образования. Эти звуки произносятся очень бегло, отсутствует четкая и определенная артикуляция. Произнесение этих звуков зависит от гласных звуков первых слогов, т. е. их качество обусловлено гласными первых слогов слова, местом их расположения в слове. В пределах произнесения слова действует сингармонизм, т. е. соблюдается единообразие гласных в целом слове, основанном на вертикальном делении по артикуляции (широкое и узкое образование) гласных и их лабиализации.

Всем гласным первых слогов противопоставляются нелабиализованные гласные заднего ряда *а* и переднего ряда *э*. Таким образом, сильно лабиализованные гласные высокого подъема *у, ө* в непервых слогах соотносятся к гласному среднего подъема, нелабиализованному *э*. Лабиализованные гласные среднего подъема *о, ү* соотносятся к гласному низкого подъема, нелабиализованному *а*. Краткие гласные первых слогов реализуются в непервых слогах в виде *ь, ъ*, которые являются их вариантами. Но эти неясно произносимые звуки *ь, ъ* реализуются по-разному в зависимости от гласных первых слогов слов. Они существуют как варианты фонем в непервых слогах, так как самостоятельного существования они не имеют и в смысловом отношении не дифференцируют слова. Краткие гласные непервых слогов являются исключительно комбинаторными. По горизонтали эти комбинаторные звуки *а, о, у, ү, э, ө* в непервых слогах не противопоставляются друг другу, но они противопоставляются как фонемы по вертикали, т. е. *ь, ъ* реализуются как фонемы в своем противопоставлении друг другу.

Если представить схематически, то получаем следующую картину:

После *а, о, у* первого слога слова имеем *ь*, который реализуется после *а* первого слога — как *а*, после *о* первого слога — как *о*, после *у* первого слога — как *у*. А после *э, ү, ө* первого слого имеем *ъ*, который реализуется — после *э* первого слога — как *э*, после *ү* первого слога — как *ү*, после *ө* первого слога — как *ө*:

а, о, у — ь — а, о, у
э, ү, ө — ъ — э, ү, ө

Сущность сингармонизма состоит в употреблении в слове гласных различных подъемов языка и сочетаний напряженных

лабиализованных и непапряженных нелабиализованных гласных. Этот принцип поддерживается постоянством поднятости спинки языка при произнесении гласного состава до конца произнесения всего слова. Он распространяется, за некоторым исключением, на все случаи употребления кратких и долгих гласных. Поэтому более отчетливо после кратких *а, у* первого слога произносится *а (а, у—а)*, после краткого *о* первого слога — *о(о — о)*, после кратких *э, ү* первого слога — *э*, после краткого *ө* первого слога — *ө*.

Это может быть представлено следующей таблицей:

Краткие гласные первого слога	Краткие гласные непервых слогов
а у	а
о	о
э ү	э
ө	ө
	и

Примеры: *а-рад* „народ“, *а-ха* „брат“, *у-һан* „вода“, *ху-һан* „береза“, *о-род* „русский“, *о-рон* „страна“, *э-хэ* „мать“, *хэ-лэн* „язык“, *хө-бөн* „вата“, *ө-нөр* „плодовитый“.

После напряженных лабиализованных звуков высокого и среднего подъемов языка *у, ү* первого слога слова идут ненапряженные нелабиализованные звуки *а, э*.

Гласная фонема *и* своей способностью сочетаться с другими гласными фонемами занимает нейтральную позицию, т. е. место образования этой гласной фонемы способствует ее сочетанию в слове с любой гласной фонемой: *а, у, о, э, ү, ө, и*: *али* „где?“, *унин* „дым“, *үни* „давно, долго“, *хонин* „овца“, *инжи* „приданое“ и т. д. Фонема *и* встречается в положении после палатализованных согласных и варьируется с *э* после согласных *j, ж, ш*.

Примеры: *нимгэн* „тонкий“, *нидхэ* „брови“, но *жил — жэл* „год“, *шил — шэл* „стекло“, *јил — јэл* „год“[1]. Очень часто она переходит на обслуживание предшествующего мягкого согласного ценою потери своей самостоятельности.

Примеры: *морин* „лошадь“→*морёор* „лошадью“, *амин* „жизнь“→*амяараа* „отдельно“.

[1] Об употреблении букв *и, э* см. раздел „Орфография“

Таблица реализации кратких гласных непервых слогов слова

Гласный состав первого слога	Реализация гласных в непервых слогах		
а	ь	а	и
у		о	
о			
э	э	э	
ү			
ө		ө	

Долгие гласные. Долгие гласные произносятся продолжительнее, чем краткие. Эта количественная разница сохраняется во всех случаях их произнесения и применения, причем сама долгота гласных имманентная, независимая от фонетического окружения и несет самостоятельную смыслоразличительную функцию[1].

Долгие гласные, хотя и сохраняют во всех своих положениях в слове смыслоразличительную функцию так же, как и краткие гласные в первых слогах, подразделяются в свою очередь на долгие гласные первых и непервых слогов слова[2]. В первых слогах слова долгие гласные находятся и употребляются вне зависимости от звукового окружения и соседства, за исключением предшествующих им мягких согласных.

---

[1] В письменном монгольском языке отсутствуют долгие гласные. Экспираторно сильно, следовательно, продолжительнее произносится гласный, находящийся в конце сочетания: гласный+*г*+гласный. Такое сочетание в письменном монгольском языке закономерно дало в бурятском следующие долгие гласные: **агу** — **уу**: письм. монг.: *агула* — бур.: *уула* „гора“; **эгэ** — **ээ**: письм. монг.: *дэгэрэ* — бур.: *дээрэ* „вверху, лучше“; **уга** — **оо**: письм. монг.: *туг-а* — бур.: *тоо(н)* „число“; **өгэ** — **өө**: письм. монг.: *бөгэр-э* — бур.: *бөөрэ*: „почка“; **эгү** — **үү**: письм. монг.: *эгүр* — бур.: *үүр* „гнездо“; **эгү-үү**: письм. монг.: *тэгүхэй* — бур.: *түүхэй* „сырой“; **өгэ** — **өө**: письм. монг.: *зөгэ* — бур.: *зөө* „перевози„; **ого** — **оо**: письм. монг.: *огосор* — бур.: *ооһор* „подвязка“; **игу** — **уу**: письм. монг.: *аригун* — бур.: *арюун* „чистый“. Однако не всегда это сочетание (гласный+*г*+гласный) дает стяжение: бур.: *дэгэл* „шуба“, а не: *дээл; аль(и)ган* „ладонь“, а не: *аляан*; *оготоно*, а не: *оотоно*; *хагар(а)ха* „разорваться“, а не: *хаараха; нагалдарга* „подстежка“, а не: *наалдарга; нуга* „подмышка“, а не: *нуу* и т. д.

[2] См. Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в количественном и качественном отношении, СПБ, 1912, стр. 129 „...длительность гласных является наименьшей перед смычными; она несколько больше перед носовыми, еще больше перед щелинными... наконец является наибольшей в абсолютном исходе“.

Примеры: *аажам* ,,тихий", *хээрэ* ,,степь", *оодорхо* ,,скакать", *уужам* ,,просторный", *бүүдэгэр* ,,неясный", *бөөгнэрхэ* ,,скучиваться", *шинаха* ,,жужжать".

Между тем в непервых слогах они находятся в зависимости от гласных первых слогов. Эта зависимость обусловлена наличием сингармонизма. Однако обусловленность долгих гласных непервых слогов от гласных первых слогов слова менее тесная, чем зависимость кратких гласных непервых слогов от гласных первых слогов слова.

Примеры: *а — аа: а-гаар* ,,воздух", *а-хаар* ,,братом", *э — ээ: э-шээн* ,,берлога", *э-мээл* ,,седло", *о — оо: бо-гоол* ,,раб", *о-боо* ,,куча", *у — уу: у-зуур* ,,основание", *бу-шуу* ,,расторопный"; *ү — үү, ээ: ү-зүүр* ,,острие", *хү-зүүн* ,,шея", *ү-неэн* ,,корова", *ө — өө: ө-нөө* ,,месть", *нө-лөөн* ,,влияние".

Помимо наличия обычных, природных долгих гласных в бурятском языке имеются еще грамматикализованные долгие гласные фонемы. Эмфатическая речь оформляется удлинением краткой гласной фонемы последнего слога слова. Она употребляется (1) при настоятельных обращениях к кому-нибудь, например, *Доржээ, ябаа, хожомдохомнай* ,,беги, опаздываем"; (2) при указании значительного удаления на расстоянии кого-нибудь или чего-нибудь и высоты, например, *тэры тэрэ ябана* ,,вон там идут", *ундыр хашаа бариба* ,,построили высоченный забор"; (3) в экспрессивной речи, в которой сильно акцентируются отдельные моменты высказывания, например, *Мэндээ! Бата нэрээлтэмни, һайн байна гүт?* Здравствуйте, ну, как поживаете, Бата-тезка?

Таблица реализации долгих гласных в непервых слогах слова

Гласный состав первого слога			Долгие гласные непервых слогов	
а, аа о, оо	у, уу	и, ии	аа, уу оо	ии
э, ээ ө, өө	ү, үү		ээ, үү өө	

Примеры: *барисаан* ,,связь", *баруун* ,,западный", *дундуур* ,,посередине", *хуушуур* ,,жаренные в масле пирожки", *һургуулиин* ,,школьный", *ороһон* ,,зерно", ,,рожь", *бороо* ,,дождь", *ооһороор* ,,веревкой", *орхиши* ,,оставь", *ээрүүл* ,,веретено", *үүшээхэ* ,,потакать", *ээлжээн* ,,очередь", *өдөрөөр* ,,за день", *өөрөө* ,,сам".

Физиолого-акустические особенности гласных в слове в окружении смягченных согласных. Гласные как краткие, так и долгие (за исключением звука *и*) после смягченных согласных, физиологически отличаются от соответствующих гласных после твердых согласных. Эти отличия вызываются тем, что смягченные согласные, образуясь дополнительной артикуляцией средней части спинки языка, передвигают место образования следующих за ними гласных вперед или назад в зависимости от основного места образования согласного. Следовательно, место образования мягкого согласного акустически преобразовывает соседние гласные: они, особенно краткие гласные, приближаются в этом положении к неясно артикулируемому *и*.

Примеры: *манан* „туман", но: *мяхан* „мясо", *наана* „по эту сторону", но: *няана* „приклеивает", *хорохо* „уменьшаться", но: *хёрхо* „зоркий", *хуураһан* „поджаренный", но: *хюурһан* „гнида", *булуу* „дамская принадлежность", но: *булюу* „превосходящий", *элүүр* „здоровый", но: *элюур* „утюк", *худэлвөөн* „движение", но: *худэлмэрөө* „свою работу", *бүлэ* „семья", но: *булеэн* „теплый".

Перелом гласных. Это явление действует в пределах закона сингармонизма, но как бы в нарушение последовательности гласных. Как известно, принцип последовательности гласных зиждется на следовании в одном и том же слове гласных определенного ряда. Между тем перелом гласных по существу является дальнейшей детализацией этого общего принципа в отдельных его звеньях. Он имеет место в многосложных словах и касается реализации кратких гласных в слогах, следующих за непервыми слогами, имеющими в своем составе долгие гласные. Суть этого явления заключается в том, что в указанных случаях после некоторых кратких гласных первого слога слова и следующих за ними некоторых долгих гласных непервых слогов употребляются не те краткие и долгие гласные, которые можно было бы ожидать, а именно:

о, оо — уу — а
ө, өө — үү — э
ү, үү — үү — ээ

Примеры: *ор-шуул-ха* „переводить", *тоо-луул-ха* „заставить считать", *өн-дүүл-хэ* „дать возможность нюхать", *хөө-рүүл-хэ* „заставить говорить", *ү-зүүл-ээ* „показал".

Такое явление обусловлено возможностью появления после кратких гласных первых слогов слова долгих гласных *уу, үү*, которые в свою очередь обусловили появление после них кратких *а, э* и долгого *ээ*.

Таблица реализации кратких и долгих гласных непервых слогов, следующих за долгими гласными.

Гласный состав первого слога	Долгие гласные в середине слова	Краткие и долгие гласные, следующие за долгими гласными середины слова
о, оо	уу	а
ө, өө	үү	э
ү	үү	ээ

Дифтонги. Бурятские дифтонги имеют сложную артикуляцию. Чистые краткие гласные переднего и заднего ряда смешиваются в произнесении с среднеязычным *и*, входящим в их артикуляционную орбиту, т. е. они представляют собою своеобразный звуковой комплекс, не разложимый на составные — слоговую и неслоговую — части. В этом комплексе имеются два с качественным и количественным своеобразием звуковых элемента, переходящих друг в друга. Они образуют один долгий гласный, звучание которого не совсем чистое, и отличаются от „чистых" долгих гласных произнесением как по количеству, так и по качеству. Способом их образования является скольжение задней спинки языка или кончика языка к средней спинке языка, потому они называются среднеязычными. Они производят впечатление на слух как звуки „мягкого" произнесения. Этот звуковой комплекс, представляя недифференцированный долгий звук дифтонгического характера, выступает как особая фонема, противопоставленная как кратким, так и долгим гласным. Таких фонем шесть, а именно: *ай, ой, үй, эй, уи, өй.*

Примеры: *айлшан* „гость", *далай* „море", *ой* „лес", *шарай* „лицо", *уитан* „узкий", *харгуй* „дорога", *дэлхэй* „вселенная", *өймөөн* „волнение", *өдөрөй* „дневной", *гүйхэ* „бежать", *харюугүй* „безответный".

Реализация этих фонем в составе слов та же, что реализация чистых кратких и долгих гласных. Все дифтонгические звуки в сильной позиции приближаются к дифтонгам: отчетливо произносятся и несут смыслоразличительную функцию, выступают как фонемы и определяют реализацию следующих за ними гласных в слове. А в непервых слогах они представляют более монофтонгический комплекс, определяемый гласными первых слогов слова. В непервых слогах основ слов после твердых согласных эти монофтонги реализуются как долгий *и*. Однако дифтонгоиды *ай, ой, эй, өй* содержат в себе не совсем среднеязычный элемент в виде *и*, а задиеязычный среднего подъема элемент вроде *э*, а остальные — *уй, үй*

содержат среднеязычный элемент вроде *й*, что это так, показывает их реализация в непервых слогах. В исходе слов, в особенности в связи с общим ослаблением артикуляции, дифтонгоиды *уй*, *үй*, *эй* по произнесению приближаются к *ы*. В непервых слогах слова не появляются *уй*, *үй*. Дифтонгоид *эй* в непервых слогах в наибольшей степени потерял свое акустическое свойство, приближаясь по своему звучанию к долгому *ээ*.

Примеры: а) *уй*>*ы*;

агы „пещера", *ажахы* „экономика, хозяйство", *баригты* „поймайте", *будангы* „мглистый", *дулды* „опора", *дугы* „мостик";

б) *үй*, *эй*>ы;

бүгзыхэ „горбиться", *бүхы* „все", *гүнзэгы* „глубокий", *хүсы* „люцерна", *үгы* „нет", *нүлмыхэ* „затухать";

в) *эй*, *ии*>ы;

дэмы „напрасно", *хэды* „сколько", *эзы* „мать", *дэрбыхэ* „растопыриться", *хэлтыхэ* „накрениться".

Таблица, иллюстрирующая реализацию дифтонгов в первых и непервых слогах.

Если гласный состав слова с включением дифтонгов первого слога		Встречаются дифтонгоиды:	
а, аа, ай, у, уу, уй о, оо, ой э, ээ, эй, ү, үү, үй ө, өө, өй	и, ии	ай ой эй өй	ы

Сводная таблица, иллюстрирующая действие законов сингармонизма, последовательности и перелома гласных

С и н г а р м о н и з м										
последовательность гласных							перелом гласных			
гласные первых слогов	гласные непервых слогов						гласные первых слогов	гласные непервых слогов		
	краткие		долгие		дифтонгоиды			средние	последующие
а, аа, ай у, уу, уй	а	и	аа, уу	ии	ай	ы	о	уу	а
о, оо, ой э, ээ, эй	о		оо		ой				
ү, үү, үй	э		ээ, үү		эй		ү	үү	ээ
ө, өө, өй	ө		өө		өй		ө		э

Следовательно, в бурятском языке насчитываются 23 гласные фонемы, а именно:

1) кратких гласных: а, у, о, э, ү, и, ө, ь, ə (9);
2) долгих гласных: аа, уу, оо, ээ, үү, ии, өө (7);
3) дифтонгоидных: ай, уй, ой, эй, үй, өй (ы) (7).

2. Согласные.

По своей акустико-физиологической природе бурятские согласные являются простыми. В начале и в конце бурятских слов не встречаются стечения согласных, а в середине — более двух согласных. Междугласные одинарные согласные в слове приближаются в своем произнесении почти к изолированному, чистому, их произнесению. Произнесение согласных выявляет на слух их различия между собою, с одной стороны, с гласными — с другой.

Однако согласные как в количественном, так и в качественном отношениях представлены в большом разнообразии. При классификации согласных учитывается большое количество акустико-физиологических моментов. Прежде всего, согласные по образованию различаются от гласных более энергичной работой органов речи, положением и напряжением последних в местах и по способу их образования. Согласные различаются по месту и способу образования и по участию или неучастию голоса при их образовании. Следовательно, противопоставление их друг к другу по этим упомянутым признакам составляет классификационный принцип согласных.

По участию голоса и шума согласные подразделяются на сонорные и шумные. Шумные в свою очередь — на звонкие (слабые) и глухие (сильные), а сонорные всегда звонкие.

По способу образования согласные подразделяются на смычные и щелевые.

По месту образования преград согласные подразделяются на четыре большие группы: губные, язычные, носовые и фарингальные.

Участие или неучастие голоса и способ образования преград составляют акустическую природу согласных. Шумные и сонорные, смычные и щелевые, звонкие и глухие, слабые и сильные, свистящие и щипящие, твердые и мягкие признаки согласных — суть их акустической характеристики.

Сонорные согласные. Согласные, образуемые слабой струей воздуха и незначительным препятствием на пути ее прохождения, составляют особую группу — сонорные согласные. Сонорные согласные по своему составу (качеству) представляют собою голос и шум, с преобладанием первого над вторым.

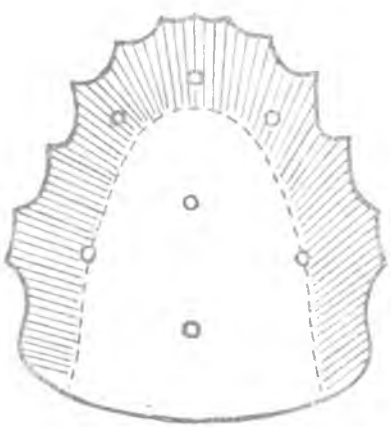
Этой своей особенностью они приближаются к группе гласных[1], но отсутствие у них слогообразующей способности оставляют их в разряде согласных. Бурятские сонорные согласные в любом звуковом окружении и в исходе слов сохраняют устойчивое качество, то есть не подвергаются ассимилятивным влияниям со стороны соседних звуков. Поэтому они по впечатлению на слух всегда слабые. И точно также они в любой своей коррелирующей форме не подвергают соседние звуки диссимиляции.

а) Носовые[2]. Фонема *м* образуется смыканием губ и мгновенным их раскрытием под давлением идущей из легких воздушной струи. По месту и способу образования она похожа на *б*. Однако мягкое нёбо опущено и преобладающая часть воздуха проходит через носовую полость, отсюда у звука *м* наличие носового резонанса.

Фонема *м* — губно-губной, смычный с носовым резонансом, слабый звук.

Примеры: *мал* „скот", *амтан* „вкус", *аман* „рот", *хадам* „свекор", *хэрэм* „кремль".

Фонема *н* образуется артикуляцией кончика языка с верхним рядом зубов и альвеолами (под давлением воздушной струи кончик языка отталкивается от зубов и альвеол). Образование звука *н* аналогично с образованием *д*, но опущенное мягкое нёбо пропускает часть воздушной струи через носовую полость и образует носовой резонанс. В середине слов при окружении определенными звуками *(г, х)* и в исходе слов *н* приобретает качество заднеязычного звука *(нг)* в связи с почти одновременной артикуляцией за ним идущих заднеязычных *г, х* и общим ослаблением артикуляции в исходе слов.

Палатограмма фонемы *н*.

Фонема *н* — переднеязычный, смычный с носовым резонансом, слабый звук.

Примеры: *нуга* „луг", *нютаг* „родина", *хана* „стена", *эндэ* „здесь", *халюун* „выдра", *морин* „лошадь".

Фонема *н(г)* образуется посредством смыкания задней части спинки языка с мягким нёбом, причем струя

[1] На этой предпосылке установлено бурятское правописание, гласящее о том, что в непроизводной именной основе после *р, л, м* не писать краткие гласные.

[2] Носовые фонемы бывают всегда смычными.

воздуха проходит в полость носа. Она реализуется в слове перед *г*, *х*[1] и в конце слов. В начале слов не встречается *н(г)*, и она составляет отдельную фонему, отличную от переднеязычной *н*.

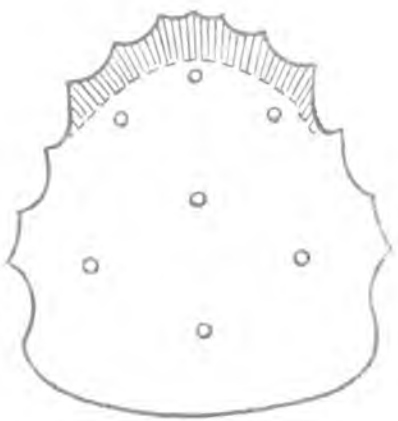
Фонема *н(г)* — заднеязычный, носовой, смычный, слабый звук.

Примеры: *ан(г)хан* „сначала", *ун(г)гэ* „цвет", *хадалан(г)* „покос", *жаргалан(г)* „счастье".

б) Плавные. Фонема *л* образуется посредством смыкания кончика языка с верхним рядом зубов, и задержанная таким образом струя воздуха проходит через опущенные края языка.

Фонема *л* — зубно-переднеязычный, боковой, щелевой, слабый, плавный звук.

Примеры: *алаг* „пестрый", *алха* „молоток", *мал* „скот", *оэгэл* „шуба".

Палатограмма фонемы *л*.

Фонема *р* образуется посредством поднятия кончика языка по направлению к альвеолам (но с ними не смыкается), и воздушная струя вызывает ритмическое колебание (дрожание) напряженного кончика языка.

В начале исконно бурятских слов фонема *р* не встречается.

Фонема *р* — переднеязычный, альвеолярный, проточный, дрожащий, слабый, плавный звук.

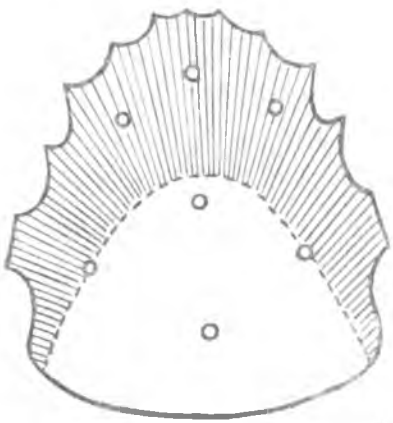
Примеры: *арад* „народ", *хурдан* „быстрый", *хавар* „весна", *гэр* „дом".

Шумные согласные. Воздушная струя, встречающая различные виды преград в тех или иных местах говорильного аппарата, образует шум. От характера и места преград в ротовой полости этот шум образует различные звуки, именуемые шумными. Шумные согласные звуки по способу своего производства, по встречающимся на пути прохождения воздушной струи препятствиям, распадаются на щелевые и смычные.

Щелевые согласные образуются в полости рта благодаря сближению органов речи друг к другу, образуя узкую щель,

[1] В алфавите письменного монгольского языка эта фонема отмечалась особой буквой (иг), например, ᠠᠩᢀ „класс" ᠮᠣᠩᢀᠣᠯ „монгол" ᠳᠠᠩᢀ „мирный". Но в бурятском алфавите она не отмечается особым знаком, а буквой *н*.

а воздушная струя, проходя через неё, производит шум. Щелевые согласные произносятся посредством поднятия нижней губы по направлению к верхнему ряду зубов *(в, ф)*, кончика языка к альвеолам *(с, з, ш, ж)*, средней части спинки языка — к твердому нёбу *(j)*, задней части спинки языка — к твердому нёбу *(х)* и *h* образуется в фарингсе посредством безголосого выдоха.

Палатограмма фонемы *р*.

Первые три пары согласных каждая в отдельности образуются в одном месте и одинаковым способом, но представляют различные фонемы по паре в отдельности по двум признакам, противопоставленным друг к другу — участие и неучастие голоса (звонкие и глухие) в их образовании и слабые и сильные — по впечатлению.

Звонкие и глухие щелевые согласные по степени напряжения участвующих в их образовании органов речи подразделяются на слабые и сильные. Звонкие щелевые согласные образуются слабым выдохом воздушной струи и слабой артикуляцией органов речи. По акустическому впечатлению звонкие согласные — слабые.

Глухие щелевые согласные образуются сильной артикуляцией органов речи и энергичным напором воздушной струи. По акустическому впечатлению глухие согласные — сильные.

Фонемы *в* и *ф* отсутствуют в исконных словах бурятского языка. Они осваиваются бурятами употреблением и произнесением их в составе заимствованных из русского языка слов.

Фонема *в* — шумный, щелевой, губно-зубной, звонкий, слабый звук.

Фонема *ф* — шумный, щелевой, губно-зубной, глухой, сильный звук.

Примеры: *вагон, вокзал, фабрика, кофто*.

Фонемы *ж, ш* образуются в результате образования двух щелей в полости рта, о края которых идущая из легких струя воздуха производит трение, в результате чего получается шум.

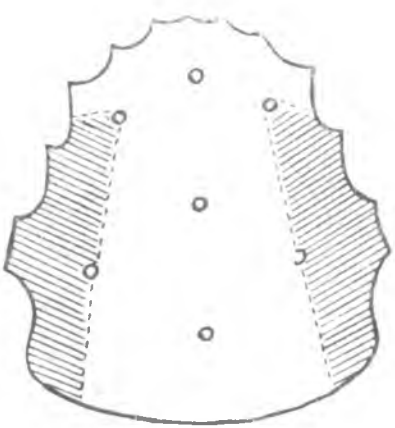
Кончик языка приподнимается слегка по направлению к верхним зубам, альвеолам, а задняя часть языка — к мягкому нёбу, края языка прижимаются к верхним боковым зубам. Таким образом, образуется ложкообразная форма языка, но он в обоих концах не смыкается с органами речи, расположен-

ными над ними. Эти звуки, образованные воздушной струей, проходящей через двойную щель, называются двухфокусными и по своеобразию шума — шипящими. Средняя часть спинки языка при образовании этих двухфокусных звуков не участвует. Поэтому шипящие звуки бывают всегда твердыми.

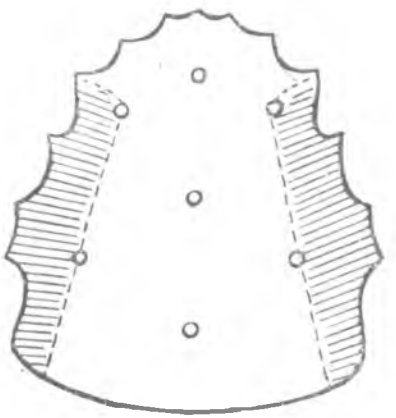
Фонема *ж* — шумный, щелевой, переднеязычный, двухфокусный, шипящий, твердый, звонкий, слабый звук.

Фонема *ш* — шумный, щелевой, переднеязычный, двухфокусный, шипящий, твердый, глухой, сильный звук.

Примеры: *жаргал* „счастье“, *жороо* „иноходец“, *ажал* „хозяйство“, *тажаа* „рахит“, *шанга* „крепкий“, *ашаа* „обоз“.

Палатограмма фонемы *ж*.

Палатограмма фонемы *ш*.

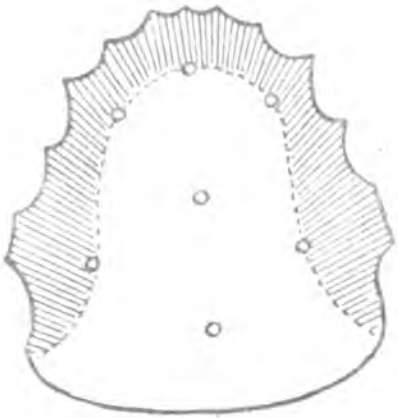
Фонемы *ж*, *ш* встречаются в конце лишь заимствованных слов.

Фонемы *з* и *с* образуются приблизительно так же, как фонемы *ж* и *ш*. Разница заключается в том, что фонемы *з* и *с* образуются одной щелью, которая появляется в результате поднятия кончика языка по направлению к альвеолам, не примыкая вплотную к ним. Края языка прижимаются к верхним зубам. Язык в своей передней части принимает форму желобка, проходя по которому, воздушная струя дает резкий шум, напоминающий свист, — отсюда отнесение звуков *з* и *с* к свистящим.

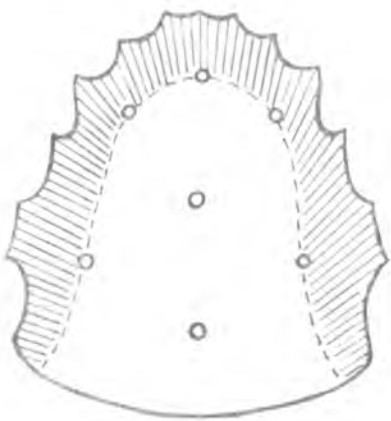
Фонема *з* — шумный, щелевой, нёбно-зубной, звонкий, слабый звук.

Фонема *с* — шумный, щелевой, нёбно-зубной, глухой, сильный звук.

Фонемы *з* и *с* встречаются в исходе только заимствованных слов.

Палатограмма фонемы *з*.

Палатограмма фонемы *с*.

Примеры: *загаһан* „рыба“, *аза* „фарт“, *саһан* „снег“, *аса* „вилы“, но: *колхоз, силос*.

Описанные пары щелевых согласных каждая в отдельности, противопоставляясь друг к другу по одному признаку — участия или неучастия голоса, имеют еще одну особенность: глухие согласные образуются по сравнению со звонкими более суженной щелью.

Фонема *j* образуется посредством поднятия средней и задней части языка по направлению к твердому нёбу, где появляется узкая щель, проходя через которую, воздушная струя создает слабый шум. При этом бока языка прижимаются к верхним боковым зубам и кончик языка упирается в нижние зубы. Встречается она перед гласными и между гласными в слове[1]. Это постоянное положение перед гласными делает ее звонкой. Она не имеет пары по месту и способу образования.

Фонема *j* — шумный, щелевой, среднеязычный, звонкий, слабый звук.

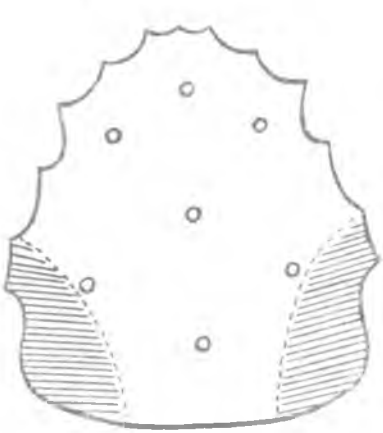
Примеры: *јаһан* „кость“, *јанза* „форма, вид“, *ајан* „путешествие“, *хојор* „два“.

Фонема *х* образуется посредством поднятия задней части языка по направлению к мягкому нёбу, причем края задней части языка вплотную приближаются к передним краям мягкого и задней части твёрдого нёба. Так образуется щель, проходя через которую, воздушная струя дает сильный шум. В зависимости от характера последующего гласного фонема *х* может варьироваться по месту образования. С заднеязычными

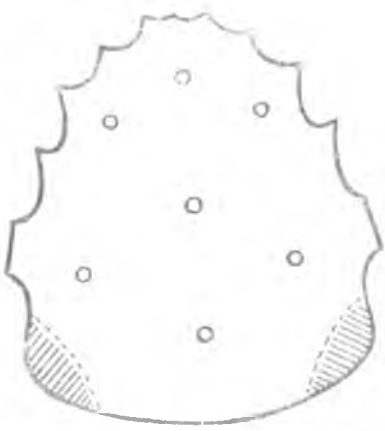
[1] Фонема *j* не имеет своего буквенного обозначения в бурятском алфавите.

гласными низкого и среднего подъема, фонема *х* более заднеязычного образования, а с переднеязычными низкого подъема и заднеязычными высокого подъема — фонема *х* более переднего образования. Тем не менее, *х*—одна фонема, которая лишь варьируется в зависимости от гласных[1]. В конце слов не встречается.

Фонема *х* — шумный, щелевой, заднеязычный, глухой, сильный звук.

Палатограмма фонемы *i*.

Палатограмма фонемы *х*.

Примеры: *таха* „подкова", *хабар* „весна", *ухаан* „ум", *эхэ* „мать", *хүхэ* „синий".

Фонема *h* образуется сужением щели, находящейся между корнем языка и задней стенки зева, проходя через которую, воздушная струя создает слабый шум, напоминающий безголосый выдох. Этот звук встречается в слове только в сочетании с гласными. Находясь в положении между гласными, комбинаторно приобретает звонкость, но озвончение не дает противопоставляемой глухой фонеме самостоятельной звонкой фонемы. Фонема *h* не встречается в исходе слов.

Фонема *h* — шумный, щелевой, фарингальный, глухой, сильный звук.

Примеры: *hан* „казна", *hамар* „орех", *oho.л*" онлошность", *уhан* „вода".

Смычные согласные. Смычные согласные образуются в полости рта при полном смыкании органов речи, и это смыкание взрывается под напором воздушной струи, идущей из легких. Они образуются посредством либо смыкания губ *(б, п)*,

[1] В монгольском письменном языке фонема *х* передавалась двумя буквенными знаками, [illegible] например, [illegible] „гора", [illegible] „дело".

либо передней части спинки языка с альвеолами и верхними зубами *(д, т)*, либо задней части спинки языка с задним краем твердого нёба и мягкого нёба *(г, к)*.

Все представленные по паре смычные согласные образуются в одном месте и одинаковым способом, но представляют различные фонемы по паре в отдельности по двум признакам противопоставления друг к другу — участие и неучастие голоса (звонкие и глухие) в их образовании и слабые и сильные по впечатлению (см. „Щелевые согласные“).

Между прочим, в любом соседстве с согласными звуками, в середине слов и в абсолютном исходе слов бурятские звонкие смычные согласные не переходят в свои соотносительные пары, т. е. в глухие смычные согласные, а в связи с ослаблением напряжения голосовых связок только оглушаются (что, конечно, не идентично с глухостью).

Фонемы *б* и *п* образуются полным смыканием губ, которые под напором скопившегося за смычкой воздуха мгновенно раскрываются и дают шум.

В бурятском языке смычные согласные внутри слова перед другими согласными теряют свой взрывной характер, как бы разрядясь при образовании следующей согласной, ибо к моменту образования смычной согласной фонемы начинает образовываться следующая любая согласная фонема, которая нейтрализирует смычку органов речи. Точно так же в конце слов смычные согласные приобретают щелинные свойства.

В бурятском языке звуки *б*, *п*, хотя и составляют отдельные соотносительные фонемы, но *п* находит свое самостоятельное, полноценное существование лишь в заимствованных словах. В бурятском языке фонема *п* употребляется преимущественно в звукоподражательных и характеристических словах типа *паршаганаха* „говорить хриплым голосом“, *папайха* „быть лохматым“.

Фонема *б* в зависимости от звукового окружения имеет ряд комбинаторных особенностей. Обычная ее физиологическая характеристика — губно-губной, звонкий звук, но в положении между двумя гласными в слове фонема *б* представляет собою губно-губной, щелевой звук, а в конце слогов, перед глухими согласными следующего слога и в конце слов, особенно многосложных слов, артикулируется и реализуется как оглушенный звук, но не совпадает с *п*.

Фонема *б* — шумный, смычный, губно-губной, звонкий, слабый звук.

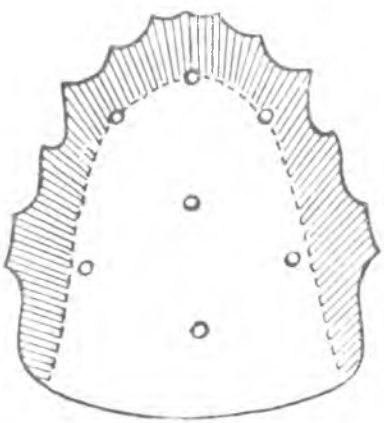
Фонема *п* — шумный, смычный, губно-губной, глухой, сильный звук.

Примеры: *баатар* „богатырь“, *бата* „крепкий“, *шубуун* „птица“, *абаха* „взять“, *һурахаб* „спрошу“, *хэб* „форма, колодка“, *пулаад* „платок“, *плуг* „плуг“, *пантагар* „тучный“.

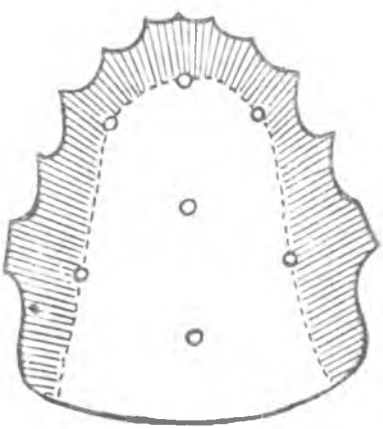
Фонемы *д* и *т* образуются путем полного смыкания передней части спинки языка с альвеолами и верхним рядом зубов, которое прорывается сильной струей скопившегося за преградой воздуха, создав шум, сопровождаемый голосом или без голоса. Эти фонемы в бурятском языке являются наиболее четко артикулируемыми звуками, не допускающими чередования с другими фонемами. Противопоставление их друг к другу идет по линии участия и неучастия голоса при их образовании. Фонема *д* оглушается в соседстве с другими согласными и в исходе слов. Фонема *т* не встречается перед согласными внутри слова и в исходе слова.

Фонема *д* — шумный, смычный, переднеязычный, звонкий, слабый звук.

Фонема *т* — шумный, смычный, переднеязычный, глухой, сильный звук.

Палатограмма фонемы *д*.

Палатограмма фонемы *т*.

Примеры: *дааган* „жеребенок“, *дэгнүүл* „дёрн“, *аадар* „ливень“, *адха* „горсть“, *үдхэн* „густой“, *алад* „мимо“, *булад* „сталь“, *таабари* „загадка“, *табилан* „рок, судьба“, *бүтэн* „целый“, *бута* „муравейник“.

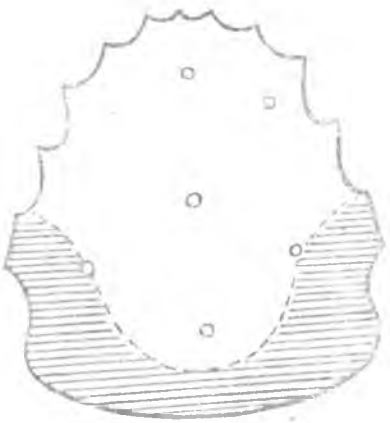
Фонемы *г* и *к* образуются внезапным раскрытием под напором воздушной струи плотной преграды, образованной посредством смыкания задней части языка с задним краем твердого нёба и смежной с ним частью мягкого нёба и дающим в результате этого раскрытия шума в виде этих звуков.

Фонема *к* отсутствует в бурятском языке, она употребляется в заимствованных словах.

Фонема *г* различно звучит в зависимости от звукового окружения внутри слова и в исходе слов. Вариации фонемы *г* в гласном окружении приблизительно такие же, как и фонемы *х* (см. „фонема *х*“), но в согласном окружении внутри

и в исходе слова она оглушается так же, как фонема *б* (см. „фонема *б*“).

Фонема *г* — шумный, смычный, заднеязычный, звонкий, слабый звук.

Палатограмма фонемы *г*.

Фонема *к* — шумный, смычный, заднеязычный, глухой, сильный звук.

Примеры: *гэзэгэ* „коса“, *эгэшэ* „сестра“, *зүг* „сторона“, *ганса* „один“, *агаар* „воздух“, *багша* „учитель“, *кино, трактор, турник*.

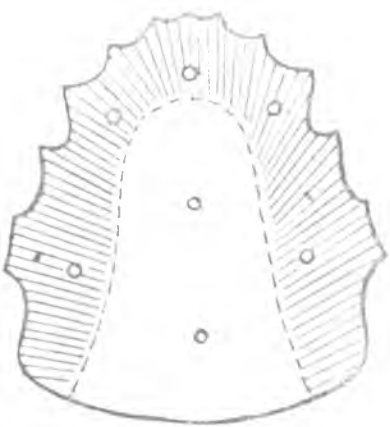
Аффрикаты.

Аффрикаты *ц* и *ч* образуются посредством смыкания передней части языка с верхними зубами, но смычка оканчивается образованием щели теми же органами речи и в том же месте. Причем образование смычки и щели происходит моментально, в непрерывной последовательности во времени. В бурятском языке нет аффрикат. Они употребляются в заимствованных словах.

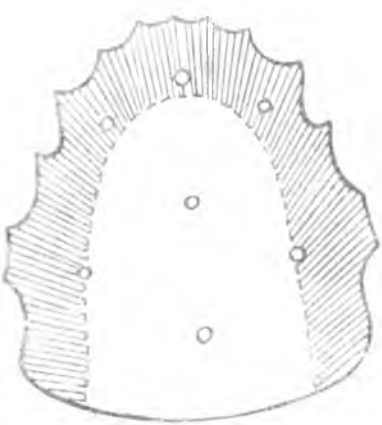
Фонема *ц* — шумный, смычный, переднеязычный, твердый, глухой, сильный звук.

Фонема *ч* — шумный, смычный, переднеязычный, мягкий, глухой, сильный звук.

Примеры: *цирк* „цирк“, *чек* „чек“, *центнер* „центнер“, *чердак* „чердак“.

Палатограмма фонемы *ц*.

Палатограмма фонемы *ч*.

Классификация согласных.

Способ образования \ Место образования			губные		язычные				фарингальные
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные: зубные	переднеязычные: альвеолярные	среднеязычные	заднеязычные	
Шумные	смычные	аффрикаты (глухие)		—	ц, ч		—	—	—
		звонкие, слабые	б	—	д	—	—	г	—
		глухие, сильные	п	—	т			к	—
	щелевые	звонкие, слабые	(w)	в	—	з, ж	j	(5)	—
		глухие, сильные	—	ф	—	с, ш	—	х	h
Сонорные		боковые, (звонкие)	—	—	л	—	—	—	—
		дрожащие (звонкие)	—	—		р	—	—	—
		носовые (звонкие)	м	—	н			н(г)	—

Мягкие согласные. Все согласные, за исключением шипящих, среднеязычной фонемы и аффрикат, могут быть образованы еще дополнительной артикуляцией к основной посредством поднятия средней части языка по направлению к твёрдому нёбу.

Уменьшение резонатора в полости рта в связи с поднятием массы (средней части) языка придает этим звукам *и*-образную окраску, именуемую мягкостью.

Мягкий ряд согласных составляет самостоятельные, но соотносительные фонемы с твердым рядом согласных.

Примеры:

б — б′: *ба* союз „и“ — *бии* „есть“
т — т′: *тама* „ад“ — *тиимэ* „такой“
д — д′: *адаха* „обрезаться“ — *диилэхэ* „победить“

Примечание. В скобках даны варианты соответствующих фонем.

г — г′: *газар* „земля“ — *гинаха* „визжать“
х — х′: *эхэ* „мать“ — *эхин* „начало“
л — л′: *болоо* „сварился“ — *болёо* „перестал“
р — р′: *хараа* „силуэт“ — *харяа* „вернулся домой“
м — м′: *манан* „туман“ — *мяхан* „мясо“
н — н′: *хоноо* „ночевал“ — *хонёо* „своего барана“ и другие.

Примечание. В орфографическом письме мягкость согласных обозначается внутри и в конце слова в неслогообразующем положении *ь* (мягким знаком), йотированными гласными буквами, буквой *и*, мягкими слогами *-ги (-гир)*, *-хин, (-дин)*.

Например: *хальһан* „скорлупа“; *сэдьхэл* „дума“, *фонарь, ахань* „его брат“, *мянган* „тысяча“, *хяра* „гребень горы“, *нямняа* „одуванчик“; *морин* „конь“, *хари* „чужой“, *тиимэ* „такой“, *үнн* „долго“: *анги* „класс“, *ангир* „турпан“; *һалхин* „ветер“, *элдин* „просторный“.

В бурятском языке имеется 21 твердая согласная фонема (из них — 6 употребляются в заимствованных словах — *ц, ч, п, к, в, ф)*; 16 мягких согласных фонем; *с, з, ж, ш, ц, һ* — всегда твердые; *j, ч* — всегда мягкие.

Чередование согласных. В бурятском литературном языке под влиянием местных диалектов наблюдается в некоторых случаях довольно свободное употребление одних согласных вместо других, имеющих в большинстве случаев общие черты по месту и способу образования. Таковы например:

д — с-з: *досоо — зосоо* „внутри“, *дэбидхэр — дэбисхэр* „постель“;
р — л: *тармуур — тармуул* „грабли“;
с — һ: *солоомо — һолоомо* „солома“;
ж — з: *шоргоолжон — шоргоолзон* „муравей“;
нг — н: *һунгааха — һунааха* „тянуть“;
нг — гн: *ангуури — агнуури* „охота“;
ри — р: *тэнгэри — тэнгэр* „небо“;
ж — ш: *ошожо — ошшо* „придя“;
г — д: *гааһан — даанан* „трубка“;
д-ш-с: *буряадые — буряашые — буряасые* „бурята“.

Слог.

Звуки речи образуют слово, но в нем звуки произносятся с „попеременными нарастаниями и падениями мускульного напряжения. Каждое звуковое напряжение с последующим падением и образует слог“ (Л. В. Щерба).

Наиболее полнозвучными звуками в слове являются гласные, а наиболее напряженными — согласные. Следовательно, гласные являются слогообразующими в цепи звуков в слове, а согласные — слогоразделом, границей слога.

В бурятском языке слоги образуются по принципу сочетания (согласные одинарные, сочетание согласных в конце звукоподражательных слов) согласный + гласный; гласный + согласный; согласный + гласный + согласный; гласный.

Например: *ха-да* „гора“, *хэ-тэ* „огниво“, *ар-гам-жа* „веревка“, *эр-хэ* „избалованный“, *сад-ха-лан* „сытый“, *нар-һан* „сосна“, *аа-ли* „тихий“, *у-һан* „вода“.

Слоги, которые оканчиваются на гласные, называются открытыми, а на согласные — закрытыми.

В орфографическом письме краткие гласные непервых слогов нередко не произносятся и не пишутся. В тех случаях можно говорить о сокращении слогов слова, например: произносится слово *үбэһэн* „сено“, а пишется үбһэн. Здесь имеем сокращение слова на один слог (*ү-бэ-һэн* и *үб-һэн*). И, наоборот, в письме иногда увеличивается количество слогов, например, в устной речи произносится *хүд-мэ-ри* „работа“, а пишется: *хү-дэл-мэ-ри*.

Ударение.

Звуки речи, особенно гласные, произносятся в слове не всегда одинаково. Гласный звук, который произносится наиболее четко и служит смыслоразличением, является ударным. Ударение выделяет тот или иной слог в слове от остальных слогов силой его произношения. Такое ударение называют силовым.

В бурятском языке ударение падает всегда на первый слог слова. Этот ударный гласный слога характеризуется тем, что (1) он всегда выступает как фонема, (2) на физиолого-акустическом свойстве этой гласной фонемы построен принцип гармонии гласных, (3) он устойчив в своем произнесении и бытовании, тогда как гласные других слогов слова сильно редуцируются и не играют смыслоразличительной функции, (4) он независимо от своей краткости и длительности занимает исключительное положение в произносительном оформлении всего гласного состава слова. Однако долгие гласные непервых слогов слова нередко решающим образом влияют на ударный гласный первого слога слова. Нередки случаи, особенно в диалектах, когда под влиянием следующего долгого гласного исчезают краткие гласные первого слога слова (*үнеэн-неэн* „корова“, *энеэдэн-неэдэн* „смех“) или ассимилируются (*буляаха-баляаха* „отбирать“).

Транскрипция.

Орфографическое письмо не может точно и полностью передать звуковые особенности языка. Поэтому для исследо-

вания и изучения звуковой системы языка применяют транскрипцию, т. е. запись звуковой речи посредством той или иной алфавитной системы, снабженной дополнительными буквами и различными знаками. Точность этой записи достигается удовлетворением таких требовании, как обозначение одного звука одним знаком, применение простых буквенных знаков для обозначения звуков, универсальный характер всех употребляемых дополнительных знаков, например, для обозначения мягкости всех согласных, долготы всех гласных и т. д.

Для исследования звуковой системы бурятского языка и его диалектов применяется русская алфавитная система (принятая для бурятской письменности), снабженная дополнительными буквами и диакритическими знаками. Дополнительные буквы: *ѡ* (междугласный *b*), *ɔ̄* (*г* с заднеязычными гласными низкого и среднего подъема), *х* (*х* с переднеязычным гласным и гласными высокого подъема), *н* (заднеязычный н), *ө* (краткий).

Диакритические знаки: *а̄* употребляется для обозначения редуцированных (неясно произносимых) гласных; *а* для обозначения долгих гласных; *а̋* для обозначения дифтонгоидов. *х′* для обозначения мягкости согласных, *х°* для обозначения лабиализации.

Образец транскрипции

Борхонок

Эсэгынгэ өрө бар′хая ɔамнадак хутаɔын мохотор тал′хажа, Доржо томо гэдэк номо дархатна. Гэр со аб′а шэмэгү, үе үе болод лэ гэр дэгүр харасɔанут пишаɔаналдана. „Дархан болхош! Дархан болхош!“ — гэжэ эдэ шүwүт Доржые мактана хэwэртэ. Мөнгө шаракдаһан зэт ɔуɔа үлгүрэ жэн′гэрхэ дулдат, Доржын эхэ арсата оёрсок тэwэринхэ оромо — „Ямар хашарта дархан би болоо! — гэжэ эхэмни зэмэлхэн′ гэт, Доржо һанаwа. Хар′ан эхэн′ нэгэшье хазаɔа үгэ хэлэwэгү: хөлөршөһөн хүwүгэ энхэрү дулаханар харат, оёрсоо эргэнэгэ урда таw′awa. Тэрэ дары ɔодон шэрдэк дэрэ үбдэглэн

hүбат, хурбанда арһан хурапшая углат, өшө уллагдагү бутала awана.

Доржын сэлмэккэн шара зол баярар гэрэлтэнэ. Махалик хасарнудын' яба уланут. Хүwүн түнбалак хара ошо дэлгэжэ бабандал харакдадак хурса харасата: томгү зэрэнхэк нөдөдын' ходо ходо энэпх'илнэ. Зузахан урала санаһа сawалзаһан бабахан забһарта жэжэхэн шөдөдын' дэрэгэрхэн шэхэдын', морхобор хөрхөн хасарын' хүwүнэ шарае улам ур'ахан, улам өрэхэн болбоно. Үн'н утадаһан хара боро самсын' хамсы охорхонут, хөхө өмдөнөн' өбдэгүдэ сорхонудар хүрин улан м'аханин бултана.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, 1934.
И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950.

Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, 1956.

Т. А. Бертагаев, Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка, ученые записки БМГПИ, 1947.

Проф. Д. В. Бубрих, Грамматика литературного языка коми языка, разд. „фонетика", Л., 1949.

Алексей Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, разд. „О письме и чтении", Казань, 1849.

Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, ч. I. фонетика, Л., 1929.

Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, разд. „Фонетика", М., 1957.

Грамматика русского языка,т. I, разд. „Фонетика", изд. АН СССР, М., 1953.

Проф. А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.-Л., 1949.

Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, разд. „Фонетика", М.-Л., 1948.

Д. Дугар-Жабон, Бурят-монгол хэлэн, разд. „Фонетика", Улан-Удэ„ 1952.

М. Н. Имехенов, Бурят-монгол хэлэнэй грамматика, разд. „Фонетика", Улан-Удэ, 1956.

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевая-Сокольская. Современный немецкий язык, разд. „Фонетика", Л., 1941.

А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, разд. „Фонетика", М-Л., 1956.

М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1948.

Проф. Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, разд. „Краткий фонетический очерк", М-Л., 1941.

Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, том I, разд. „Фонетический очерк", М., 1953.

Проф. А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, разд. „Фонетика", М., 1952.

Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПБ. 1912.

Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М., 1948.

Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Всякое современное письмо имеет две стороны — графику и орфографию. Эти две стороны письма находятся во взаимодействии. Общим для них является задача (1) максимально точной передачи звуковой системы живой речи посредством доступных зрительному восприятию знаков (букв), (2) установление твёрдых норм письменного языка. Однако эти две стороны письма каждая в отдельности имеют свои собственные объекты изучения.

Графика.

Графика представляет собою систему знаков, служащих средством передачи на письме звуков устной речи и включает в себя следующие вопросы:

1) выбор того или иного алфавита для данной письменности;

2) установление количества фонем языка и их графическое изображение (отношение букв к звуковому составу языка);

3) определение общих приёмов письма для передачи произносительных особенностей данного языка;

4) обозначение одним отдельным письменным знаком одной фонемы и установление звуковых значений букв и их чтение;

5) соблюдение стройности и простоты письменных знаков и требование к алфавиту наличия взаимно противопоставленных буквенных знаков.

Одним из культурно-политических завоеваний бурятского народа является создание новой письменности и своего национального литературного языка. После Великой Октябрьской социалистической революции отсутствие единой письменности и литературного языка в общенациональном масштабе тормозило политическое и культурное просвещение трудящихся бурят. Монгольский письменный язык в период царизма был принят как язык государственных актов, школы, прессы. Но для советского времени он был крайне несовершенным орудием, не отвечающим задачам осуществления великой программы новой, социалистической по содержанию, национальной по форме культуры. Монгольский алфавит состоял

из 108 различных начертаний, одной и той же буквой обозначались разные звуки и, наоборот, различными буквами один и тот же звук.

Орфография монгольского письменного языка, построенная на историческом принципе, не допускала никаких отступлений, и для современных практических целей она была непригодной. Более того, лексика письменного языка, выработанная в эпоху средневековья кочевыми племенами монгольских народов, не всегда была доступна современному рядовому нашему читателю. Правда, в начале XX века под напором народных масс некоторые представители бурятской интеллигенции пытались реформировать письменность на основе разговорной речи. И эти попытки не увенчались успехом, так как они не шли дальше частных реформ алфавита.

Переход на латинский алфавит и построение письменности на языке селенгинских „цакающих" бурят не обеспечили сближения создаваемого литературного языка с бурятским разговорным, народным языком. Орфография новой письменности отрывала литературный язык от языка основных бурятских масс, затрудняла своим сложным построением усвоение трудящимися грамоты на новой письменности и лишила возможности проникновения в бурятский язык советизмов, научно-технических, общественно-политических терминов. Недостатки новой письменности заключались в следующем:

а) ввиду того, что в латинском алфавите не хватало букв для обозначения всех фонем бурятского языка, он был дополнен модифицированными, комбинированными буквами и различного рода диакритическими знаками. Таким образом, латинский алфавит был настолько изменён в своей основе, что он вошёл в историю под названием „латинизированного" алфавита;

б) наличие различных комбинаций, сочетаний букв в слове и двойных начертаний для передачи фонем крайне усложняло орфографию;

в) возрастающий в бурятском языке запас советизмов, научно-технических, общественно-политических терминов и даже собственно бурятские слова не могли передаваться этими буквами и их сочетаниями без того, чтобы не быть искажёнными при их произношении, ибо различные комбинации букв для передачи фонем зачастую были весьма неудачными;

г) очень многие буквы в латинском и русском алфавите имеют совершенно одинаковые начертания при их различных звуковых значениях. Поэтому параллельное изучение двух языков (бурятского и русского), в основе которых лежали различные алфавитные системы, вызывало большие неудобства в школьной практике;

д) письменность, основанная на латинизированном алфавите, была построена в значительной степени на фонетических

и морфологических нормах халха-монгольского языка и была рассчитана на лексические заимствования из последнего, что не могло не отразиться на развитии бурятского языка;

е) частые реформы орфографии приводили к подрыву престижа новой письменности, ибо система новой орфографии не имела под собой научной почвы;

ё) попытки массового внедрения в словарный состав языка архаизмов и выдуманных слов, противопоставленных советизмам и интернациональным словам, засоряли язык и делали его искусственным и непонятным для народа.

Все это вместе взятое показывает, что латинизация не смогла служить средством разрешения вопроса о создании норм письменного литературного языка, понятного для подавляющего большинства бурят.

В 1939 году был принят русский алфавит для бурятской письменности. Русская графическая система, отвечающая требованиям наиболее удачного обозначения звуков бурятского языка, способствовала правильному отображению в орфографии его фонетико-грамматических норм.

Русский алфавит, принятый для бурятской письменности, полностью сохранил все буквы без исключения, они имеют максимальную нагрузку в части обозначения нюансов бурятских звуков в их различных положениях в слове (например: *бата* „крепкий", *аба* „отец", *унаган* „жеребенок", *ан* „зверь", *гар* „рука", *гэр* „дом", *худаг* „колодец", *хада* „гора", *хэрэг* „дело"). Не введены в алфавит двойные буквенные сочетания для обозначения одинарного звука, как например, заднеязычного *н*. Для обозначения специфических звуков бурятского языка введены в алфавит дополнительные буквы *ө* (фета), *ү* (ижица) и *һ* (аш).

Первые две буквы церковнославянского происхождения, которые функционировали в составе русского алфавита до реформы 1917 года, например, в слогах типа *сүнод, кавөдра*. Эти буквы — фета и ижица — предназначены для обозначения весьма употребительных узких заднеязычных высокого подъёма гласных звуков, являющихся самостоятельными фонемами в противовес заднеязычным среднего подъёма фонемам *о, у*. Например, *үүр* „рассвет" — *уур* „гнев", *үһэн* „волосы" — *уһан* „вода", *өөдэ* „вверх" — *оодон* „короткий", *өдөр* „день" — *одон* „звезда". Эти восстановленные в алфавите две буквы для обозначения упомянутых выше звуков ни в какой мере не нарушают структуры и стройности русской основы алфавита, ибо они (правда, без самостоятельного звукового значения) функционировали в графической системе русского языка.

Особое положение занимает буква *һ* (аш) в новом алфавите. Для обозначения специфически бурятского фарингального звука выдвигались в свое время различные варианты.

Они сводились к следующему: *х* (с птичкой или с хвостиком), *х* (с мягким или твердым знаком), *с* вместо *h* (возврат к языку селенгинских бурят в передаче *h* через *с*: *hара—сара* „луна“).

Однако эти варианты не выдержали критики. Выбор впал на букву *h*.

Русская графическая система максимально обеспечивает обозначение её письменными знаками фонем бурятского языка в их основных и вариантных употреблениях, а это достигается тем, что 1) буквы русского алфавита точнее обозначают фонемы бурятского языка, так как фонетика бурятского языка имеет очень много общих черт с русской (например, твёрдый и мягкий ряд согласных типа *н* — твёрдый, *н*— мягкий, *х* — твердый, *х*— мягкий); (2) в значительной степени устраняется обозначение одного звука двумя буквами; (3) обеспечивается передача некоторых особенностей сочетаний звуков бурятского языка, как например, *мяхан* „мясо“, *нарьяха* „громыхать“ и т. д., и с введением алфавита упрощён целый ряд вопросов, связанных с орфографией: а) обозначение мягких согласных; б) отпала необходимость написания трех *„и“* в словах типа xariiin „чужой“, hurguuliiin „школьный“; в) устранено графическое изображение букв *я, ю, е, ё* посредством сочетания двух букв в словах типа jabaka „ходить“, ajan путешествие“; г) облегчается правописание заимствованных из русского языка слов и терминов, как например, *социализм, совет, трактор* и т. д.

Как известно, в основу письма звукового языка кладутся письменные знаки в виде букв, которые, сочетаясь друг с другом на основе установленных правил, дают письмо. Полный перечень букв в общепринятом порядке называется а л ф а в и т о м.

Бурятский алфавит

А а а	Б б бэ	В в вэ	Г г гэ	Д д дэ	Е е е	Ё ё ё	Ж ж жэ	З з зэ
И и и	Й й и краткое	К к ка	Л л эль	М м эм	Н н эн	О о о	Ө ө ө	П п пэ
Р р эр	С с эс	Т т тэ	У у у	Ү ү ү	Ф ф эф	Х х ха	Һ һ hа	Ц ц цэ
Ч ч че	Ш ш ша	Щ щ ща	ъ ер	Ы ы	Ь ерь	Э э э обо- ротное	Ю ю ю	Я я я

Бурятский алфавит располагает 36 буквами. Каждая буква имеет свое название, многие из этих названий не совсем соответствуют произношению звуков, обозначенных соответствующими буквами. Буквы имеют две разновидности: прописную и строчную. Буквы имеют также некоторые различия в печатном и письменном видах.

Двенадцать букв алфавита называются гласными: *а, о, у, я, е, ё, э, өө, ү, и, ы, ю.* Однако буква *й* называется полугласной. Две буквы *ъ* и *ь* никаких звуков не обозначают, их называют немыми или безгласными. Остальные — 21 букву называют согласными: *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, h, ц, ч, ш, щ.*

Гласные и некоторые согласные буквы, за исключением йотированных гласных букв, обозначают один звук, а йотированные гласные буквы обозначают два звука": я — j+а; е — j+э; ю — j+у, ү; ё — j+о. Кроме того, буквы могут быть однозначными и двузначными, т. е. иметь одно или два значения. В одном случае буквы обозначают чистые гласные звуки и всегда твёрдые или мягкие согласные — это однозначные буквы, а в другом случае буквы имеют два значения, передающие парные твёрдые и мягкие ряды согласных — это двузначные буквы.

Буквы алфавита реализуются следующим образом:

а — *аман* „рот", *наран* „солнце", *хадаха* „жать", *хадалгаха* „спрятать", *уран* „искусный";

б — *буга* „олень", *абаха* „брать", *бодол* „мысль", *шүрэб* „шуруп", *баабгаи* „медведь";

в — *вакса, взвод, вагон, вожата*;

г — *гал* „огонь", *гаргаха* „исключить", *агнаха* „охотиться", *ангир* „турпан", *хэрэг* „дело";

д — *далай* „море", *дунда* „середина", *булад* „сталь", *дуран* „любовь", *удаа* „значение";

е — *ерэхэ* „придёт", *ехэ* „большой", *бэе* „тело", *үе* „период", *эрьехэ* „вращаться", *үер* „наводнение";

ё — *ёһо* „обычай", *хоёр* „два", *гоё* „красивый", *горьё* „пряжка", *орьёл* „пик", *нёдонон* „прошлый год";

ж — *жэл* „год", *ажалшан* „трудящийся", *жэжэ* „мелкий", *аржагар* „неровный", *тираж*;

з — *зам* „путь", *газар* „земля", *зоримгой* „смелый", *зарим* „некоторый", *зун* „лето", *колхоз;*

и — *инаг* „милый", *илдам* „приветливый", *хорин* „двадцать", *хилэ* „граница", *дали* „крыло";

й — *аймаг* „аймак", *байрлаха* „обосноваться", *нойр* „сои", *сайка, сарай;*

л — *лаб* „достоверно", *алдар* „слава", *жэргэмэл* „жаворонок", *альбом, лаампа;*

м — *мал* „скот", *намар* „осень", *амарха* „отдыхать", *дүрим* „правило", *машина;*

н — *нэрэ* „имя“, *ан* „зверь“, *унаган* „жеребёнок“, *уһан* „вода“, *анхин* „в начале“.

о — *одон* „звезда“, *боро* „серый“, *орон* „страна“, *омогорхохо* „гордиться“ *бочко;*

өө — *өөхэн* „жир“, *хөөрэлдөөн* „беседа“, *зөөри* „имущество“, *бөөрэ* „почка“, *худөө* „степь“;

п — *протокол, поезд, пумпэгэр* „пучкообразный“;

р — *революци, арал* „остров“, *арбан* „десять“, *гонзогор* „продолговатый“, *тэргэ* „телега“;

с — *самса* „рубашка“, *аса* „вилы“, *бэгсэргэ* „сыч“, *сэдьхэл* „дума“, *силос*;

т — *тала* „простор“, *алтан* „золото“, *толгой* „голова“, *тэрэ* „тот“, *совет;*

у — *уһан* „вода“, *хула* „саврасый“, *будаг* „краска“, *урал* „губа“, *культура*;

ү — *үгэ* „слово“, *үһэн* „волосы“, *дүтэ* „близко“, *үгы* „нет“, *дүрбэн* „четыре“;

ф — *фабрика. шарф, кофто, портфель, фуфайка, фанерэ;*

х — *хада* „гора“, *аха* „брат“, *хүхихэ* „радоваться“, *хюрөө* „пила“, *эдэбхи* „активность“;

һ — *һара* „луна“, *һанал* „мысль“, *хуһан* „берёза“, *арһан* „кожа“, *һалхин* „ветер“;

ц—*центр, цех, цинк, принцип, Цыремпил, цирк, центнер;*

ч — *почто, Чита, Чехов, врач, Чимит, точко, точила;*

ш — *шанар* „качество“, *ашаха* „грузить“, *бэшэхэ* „писать“, *хашхархи* „кричать“, *карандаш*;

щ — *щётко, плащ, общежити, щёлочь;*

ъ — *съезд, разъезд, субъект, объект;*

ы — *харгы* „дорога“, *эжы* „мать“, *ургы* „подснежник“, *дэмы* „зря“, *сыр;*

ь — *эрье* „берег“, *мүльһэн* „лед“, *ажалынь* „его труд“, *артель, харья* „быстрина“;

э — *эрдэм* „образование“, *эрид* „решительный“, *нэгэдэл* „объединение“, *эхэнэр* „женщина“, *энэ* „этот“;

ю — *юһэн* „девять“, *нюдэн* „глаз“, *нютаг* „родина“, *юрэ* „вообще“, *бюджет;*

я — *ябадал* „ход“, *мяхан* „мясо“, *аяга* „чашка“, *ябая* „пойдем“, *хяра* „гребень“.

Орфография.

Термин „орфография“ происходит от греческих слов *orphos* — правильный и *grapho* — пишу.

Орфография есть практическая система письменного языка и представляет собою собрание теоретически обоснованных правил написания слов, лексических и грамматических единиц данного языка. Задачей орфографии является установление оп-

ределенных норм передачи единиц устной речи на письме. Следовательно, она имеет дело с реализацией фонем и морфем на письме. Орфография занимается решением вопросов: а) наиболее точной передачи звуковой стороны речи; б) установления правильных взаимоотношений между произносительной и графической формами языка; в) сохранения единообразия написаний значимых частей слов как носителей определенного значения, что способствует быстрому восприятию их при чтении. Передача устной речи на письме осуществляется на основе исторически сложившихся принципов орфографии, которых насчитывают четыре: идеографический, фонетический, морфологический и исторический. Однако эти принципы каждый в отдельности не существуют в чистом виде, а существуют и взаимодействуют почти в любом письменном языке. Господство того или иного принципа орфографии решается удельным весом его применения.

Наиболее характерными принципами для бурятской орфографии являются фонетический и морфологический, которые существуют параллельно на равных правах. Сосуществование их не предполагает преобладания одного принципа над другим, а означает их органическое сплетение и дополняющий друг друга характер, ибо фонетический закон языка действует в пределах его морфологической нормы, и, наоборот, морфологическая норма выявляется через фонетическое оформление слов. В этом смысле можно говорить о фонетико-морфологическом принципе бурятской орфографии.

Сущность фонетического принципа заключается в том, что написание слов в основном базируется на их произношении. Бурятская орфография обеспечивает максимальную близость слов к их произношению. За каждой буквой закрепляется на письме присвоенное в алфавите значение.

Написание огромного большинства бурятских слов, поэтому, не вызывает сомнений. Такое явление объясняется тем, что действующий в языке закон сингармонизма гласных и несвойственность стечения согласных в слове обеспечивают употребление букв для обозначения закрепленных им прямых значений. Произношение звуков определяет морфологические признаки слов и их написания.

Однако графическая система языка не может полностью обеспечить обозначение звуков и их нюансов в различных положениях в слове и их качества, как например, мягкость согласных. Какую бы сильную позицию ни занимали и как бы дифференцированно ни произносились, звуки речи в зависимости от положения в слове и фонетического окружения в своем произношении варьируются. Там, где письмо расходится с произношением, выступает в свои права морфологический принцип, устанавливая написание морфем, значимых частей слова, как неизменное, т. е. соблюдается постоянство написа-

ния одних и тех же морфем. Регулирование написания глухих и звонких согласных на исходе слога и слова, написание мягких и твёрдых согласных, имеющих одно буквенное обозначение, исходя из грамматического состава слова и его связи с другими родственными словами — таков неполный перечень вопросов, интересующих морфологический принцип.

Для обозначения специальных профессиональных понятий, как математические знаки, химические формулы, цифры и т. д., употребляются идеографические знаки, символы, передающие чистое понятие, воспринимаемые зрением как условные знаки. Этот способ передачи понятия называется идеографическим.

Таким образом, графическая и орфографическая системы в языке устанавливаются на базе научно-теоретических предпосылок и практической целесообразности, и нормы письма узакониваются государственной властью, когда отступать от них уже никто не может, и тем самым обеспечивается их устойчивость.

Правописание гласных.

1. В бурятском языке гласные звуки по произношению делятся на краткие, долгие и дифтонгоиды. Краткие гласные обозначаются одной буквой, их шесть: *а, о, у, ү, э, и*, долгие гласные, за исключением *ы*, двумя буквами, их семь: *аа, оо, уу, ээ, өө, үү, ии*. Дифтонгоиды образуются при слитном произношении кратких гласных *а, о, у, ү, э* вместе с *и* кратким и обозначаются двумя буквами, их пять: *ай, ой, уй, эй, үй*.

Примеры на употребление кратких, долгих букв и дифтонгоидов:

а, аа, ай: *адар* „грузный“, *ааdар* „ливень“, *айдар* „любезный“;

о, оо, ой: *одон* „звезда“, *оодон* „короткий“, *ойдо* „ в лесу“;

у, уу, уй: *ула* „подошва“, *уула* „гора“, *уйлаха* „плакать“;

э, ээ, эй: *эм* „лекарство“, *ээм* „ключица“, *эй!* (междометие);

и, ии: *нидхэ* „брови“, *ниидэхэ* „летать“.

2. Краткий звук *ө* не имеет в бурятском литературном языке фонематического значения и не обозначается буквой. Соответствующий ему долгий звук обозначается двумя буквами *өө*.

Примеры: *өөдэлхэ* „идти вверх“, *хөөрэлдөөн* „беседа“, *үлхөө* „нанизанный“.

3. Буква *ы* употребляется в двух функциях: в бурятских словах употребляется как долгая вместо дифтонгоидов *уй, үй, эй* в непервых (особенно последних) слогах слова и после твердых согласных, а в заимствованных словах из русского языка — в своем прямом значении.

В непервых слогах после твёрдых согласных реализуется как *ы*, а после мягких согласных как *иы*.

Примеры: *харгы* „дорога“, *дэмы* „зря“, *цынга, наринхан* „тонкий“, *„hэрхыхэ* „растопырпться“.

4. Гласные звуки *а, о, э, у, ү, аа, оо, ээ, уу, үү* после мягких согласных звуков (кроме *ж, ш, щ, ч*) обозначаются соответственно буквами *я, ё, е, ю, яа, ёо, еэ, юу*.

Примеры (сравнить): *хара* „черный“ — *хяра* „гребень“, *хорохо* „уменьшаться“ — *хёрхо* „зоркий“, *хуһан* „берёза“ — *хюһа* „соскобли“, *нүхэр* „товарищ“ — *нюдэн* „глаз“, *тараа* „разошелся“ — *таряан* „хлеб“, *болоо* „достаточно“ — *болёо* „перестал“, *халуун* „горячий“ — *халюун* „саврасый“, *булуу* „ступица“ — *булюу* „преимущественный“, *hэрээ* „острога“ — *hэрээ* „разбудился“, *элүүр* „здоровый“ — *элюур* „утюг“.

В начале слова, после гласного звука, а также после знаков *ь, ъ* буквы *я, ё, е, ю, яа, юу, еэ, ёо* обозначают два звука: *я* — *j*+*а*, *ё* — *j*+*о*, *ю* — *j*+*у* или *j*+*ү*, *е* — *j*+*э*, яа — *j*+аа, ёо — *j*+оо, юу — *j*+уу или *j*+үү, еэ — *j*+ээ.

Такие буквы называются потированными.

Примеры: *ябаха* „ходить“, *харья* „быстрина“, *аян* „путешествие“, *ёһо* „обычай“, *оёдол* „шов“, *орьёл* „остроконечный“, *эрьюулхэ* „вращать“, *эрье* „берег“, *түрьеэн* „шум“, *юрэнхы* „вообще“, *яараха* „торопиться“, *аляа* „шутник“, *намняа* „одуванчик“, *оёор* „дно“, *юумэн* „вещь“, *үнеэн* „корова“.

5. Бурятские гласные буквы употребляются в слове на основе действующей в языке гармонии гласных:

а) Краткие *у, ү*, дифтонгоиды *уй, үй* и потированная краткая *ю* не употребляются в непервых слогах слова. Все долгие гласные, за исключением *ы*, употребляются одинаково во всех слогах слова.

Примеры: *ааран* „ненадёжный“ — *магтаал* „хвала“, *хяаза* „кант“ — *яряан* „беседа“, *хоолой* „горло“ — *холоо* „стерлось“, *бууса* „усадьба“ — *буруу* „телёнок“, *үүлэн* „облако“ — *хүзүүн* „шея“, *өөхэн* „жир“ — *үрхөөр* „через отверстие“, *бээлэй* „рукавица“ — *эреэн* „пестрый“;

б) Краткие гласные *а, я, о, ё, э, е* непервых слогов слова оформляются по гласному первого слова:

если в первом слоге слова стоят *а, аа, ай, я, яа, у, уу, уй*, то в последующих слогах пишутся из кратких *а, я*: *аса* „вилы“, *аадар* „ливень“, *айдар* „любезный“, *яһан* „кость“, *яарал* „спешка“, *уһан* „вода“, *уурал* „пар“, *уйтан* „узкий“, *ябая* „пойдем“;

если в первом слоге слова стоят *э, ээ, е, еэ, өө, ү, үү, уй*, то в последующих слогах пишутся из кратких *э, е*: *эшэ* „корень“, *ээрсэг* „веретено“, *ехэ* „большой“, *хөөргэ* „мех“, *үрэһэн* „семена“, *үүлэн* „облако“, *түймэр* „пожар“, *эрье* „берег“, *бэе* „тело“, *бүүехэ* „бурлить“;

если в первом слоге слова стоят *о, оо, ой, ӗ, ӗо,* то в последующих слогах пишутся из кратких *о, ӗ: бодол* „мысль", *оохор* „верёвка", *оймһон* „чулки", *ӗһо* „обычай", *ӗолоон* „стон", *оёдол* „шов";

если в первом слоге слова стоит *и, ии, ю, юу,* то в последующих слогах пишутся *а* или *э* в зависимости от состава гласных слова: *инаг* „милый", *иимэрхүү* „таков", *юрэ* „вообще", *хюмһан* „ногти", *юумэн* „вещь";

если в первом слоге слова стоят *о, оо, ой, ӗ, ӗо,* и в одном из непервых слогов — *уу,* то в последующих слогах — дальше *уу* — пишется *а*: *оршуулга* „перевод", *оймуулха* „заставить купаться", *ӗһолуулха* „заставить придерживаться обычая";

если в первом слоге слова стоят *ү, үи, өө, ю,* то в последующих слогах из долгих гласных пишется *өө*. *үшөөһэн* „ветка", *гүрөөһэн* „дикая коза", *хүһөө* „надгробный памятник", *зүйдөөл* „сшитый из лоскутков", *өөрөө* „сам", *хюрөө* „пила", *үимөөн* „смута";

если в первом слоге слова стоит *ү,* то в последующих непосредственно за ней слогах после мягкой согласной пишется из долгих гласных *ээ,* а дальше *ээ* пишется *ээ*: *үнээн* „корова", *үнээдээ* „своих коров", *худэлмэрээр* „работой", *худэлмэрээрээ* „своей работой".

6. После слогов с долгим *үү* всегда пишется из долгих гласных — *ээ* или *ээ*: *үүдээр* „через дверь", *дүүдээ* „своему брату", *дүүеэн* „шум", *хүүеэн* „вой".

Буквы *и, ю* употребляются во всех словах независимо от состава гласных слова: *үни* „давно", *үнин* „дым", *нюдэн* „глаз", *нютаг* „родина".

7. Употребление букв *э* и *и* в первых слогах регулируется на письме следующим образом: в словах с гласными высокого подъема и переднеязычным обозначается буквой *э, а* в словах с гласными низкого и среднего подъёма, в личных местоимениях первого и второго лица (*би* „я", *ши* „ты"), а также в „женских" словах после мягких согласных — буквой *и*: *эрэ* „мужчина", *элирүүлхэ* „выяснить", *шэнэ* „новый", *жэл* „год", но: *би* „я", *ши* „ты", *илдом* „любезный", *нимгэн* „тонкий", *бариха* „держать", *урилха* „сменять",

8. В бурятском языке буквы *я, ё, ю,* обозначающие мягкость предыдущего согласного, дальше первых слогов в обозначении мягкости не употребляются, а употребляется *и*: *дали* „крыло", *хабирга* „ребро", *дабирхаи* „деготь", *бариха* „держать". Употребление букв *я, и* в качестве обозначителей мягкости согласной в первых слогах „мужских" слов регулируется семантическими требованиями слова. Если слово в косвенных падежах, и особенно в винительном, требует четкого произношения гласного звука *а,* то во всех этих случаях (после *м, х, н*) употребляется буква *я*: *хяра* „гребень", *мя-*

хан „мясо“, *нягта* „плотный“ и другие произносятся в винительном падеже: *хярые, мяхые, нягтые.*

9. Неясные гласные в непроизводных основах имен после *р, л, м, б* не обозначаются, также не обозначаются неясные гласные перед слогами: *-гай, -хай*: *hамган* „женщина“, *нарhан* „сосна“, *дабhан* „соль“, *малгай* „шапка“, *баабгай* „медведь“, *уйлхай* „плаксивый“.

10. Основы глагола с тремя и более слогами теряют неясные краткие гласные *а, о, э,* кроме *и,* после *л* и *р*: *тэhэрбэ* „взорвался“, *худэлмэрилнэ* „работает“, но *hубариба* „шли друг за другом“.

При прибавлении окончаний с долгим гласным в начале все краткие гласные основы отпадают: *бари — баряад* „держа“, *ошо — ошоод* „прибыв“, *еруулэ — еруулээд* „пригласив“.

При образовании глаголов от имён посредством аффиксов *-ла,-да* конечные краткие гласные, кроме *и,* отбрасываются вместе с *н*: *нэрэ* „имя“,— *нэрлэхэ* „именовать“, *хорон* „яд“— *хорлохо* „повредить“, *тала* „степь“— таллаха „уходить в степь“.

Перед аффиксами *-га, -да, -та -уула, -үүлэ, -ха* основы теряют свои конечные неясные гласные *а, о, э, и*: *гара — гаргаха* „выводить“, *оло — олдохо* „найдётся“, *аба — абтаха* „быть отобранным“, *ерэ — еруулхэ* „заставить придти“, *бари — барюулха* „заставить держать“, *нэгэдэ — нэгэдхэхэ* „объединить“.

11. Непроизводные и производные глагольные основы всегда оканчиваются на гласную: *яби* „иди“, *эли* „пари“, *худэлмэрилэ* „работай“, *hуу* „сиди“, *бай* „стой“.

При прибавлении окончаний *-ба, -ха, -hан* и др. двусложные глагольные основы сохраняют свои неясные гласные *а, о, э, и: гараба* „вышел“, *үгэхэ* „дать“, *бариhан* „державший“, *ошобо* „ушёл“.

При стечении согласных в конце основы или в начале окончаний, а также в обращениях к третьему лицу гласные не отпадают: *бухал* „копна“— *бухаллаха* „копнить“ (и *бухаллаба* „копнили“), *баяр* „радость“— *баярла* „радуйся“ (и *баярлаба* „радовался“), *яба* „иди“— *ябая* „пойдем“.

12. Гармония гласных не соблюдается в следующих случаях:

в заимствованных из русского языка словах типа *экономико, трактор, варени;*

в сложных бурятских словах, дающих одно понятие и воспринимающихся как одно целое типа *олониитэ* „общественность“, *hайндэр* „праздник“;

в словах с отрицательными и притяжательными частицами типа *ябаагүй* „не ушёл“, *ошоодүй* „еще не ушёл“, *ерэхэмнай* „приедем“, *ошохомнай* „поедем“;

в окончаниях косвенных падежей, особенно в винительном типа *морине* „коня“, *далайе* „море“, *хадые* „гору“.

Правописание согласных.

1. Буквы *в, к, ф, ц, ч, щ* используются для обозначения звуков заимствованных слов, отсутствующих в бурятском языке: *ваза, фабрика, цирк, щётко, Чапаев.*

2. В словах *сарбуу, асуудал, соносхол, сомон, сандали, субаха, суйд, солоомо, исалха, дайсан* пишется *с.*

3. В конце закрытых слогов пишутся звонкие *б, г, д,* а не глухие *п, к, т.: дабтаха* „повторять“, *агта* „рысак“, *алаг* „пестрый“, *адха* „горсть“, *удха* „значение“.

4. Мягкость согласных обозначается на письме буквами *и, ё, ю, яа, еэ, юу, ёо, и.: хяра* „гребень горы“, *нютаг* „родина“, *таряан* „хлеб“, *хорёо* „изгородь“, *энеэдэн* „смех“, *барюул* „ручка“, *хилэ* „граница“; мягким знаком: *гарьха* „кольцо“, *сэдьхэл* „мысль“, *артель, моринииньо* „его конь“; мягким слогом: *hалхин* „ветер“, *хонгёо* „звучный“, *hэрхиихэ* „просвечиваться“.

5. Мягкий знак *(ь)* перед йотированным гласным служит разделительным знаком: *эрье* „берег“, *бурьяха* „бить ключом“, *эрьюулхэ* „вращать“.

6. В конце непроизводных глаголов и в производных от них причастиях мягкость согласных обозначается через *и.: хали — халима — халиhан* „выходить“, *мули — мулихэ — мулиhэн* „выстроганный“, *тури — туриhэн — турихэ* „наседать“, но в середине непроизводных глагольных и именных основ мягкость согласных — через *ь.: мульhэн* „лёд“, *хальhан* „скорлупа“, *турьhэн* „икра“, *оньhон* „пружина“, *хурьhэн* „почва“, *эльбэхэ* „гладить“, *эльгээхэ* „отправлять“, *удьхэлхэ* „пинать“.

Правописание заимствованных слов.

1. Заимствованные слова в основном сохраняют своё русское начертание: гармония гласных не соблюдается, ударные гласные обозначаются одной буквой, удвоенные согласные и стечение их сохраняются.

а) Заимствованные собственные имена (фамилии, имена, отчества, прозвища, клички), а также нарицательные имена, оканчивающиеся на согласные, на йотированные и ударные гласные полностью сохраняют свой русский облик: *коммунист, колхоз, социализм, бригадир, трактор, Иванов, Петров, Василий, Каштанка, кино, судья.*

б) В нарицательных именах окончания: *-я, -е, -ия, -ие, -ье, -ий* передаются через *и.: бани, поли, революци, общежити, пролетари, варени.*

в) Безударные гласные окончания нарицательных имен оформляются по ударному гласному основы, т. е. через *а, о, э:* форма — *формо,* ферма — *фермэ,* точка — *точко,* чайная — *чайна,* столовая — *столово.*

2. Заимствованные слова, оканчивающиеся на ударные *-ая, -ое, -ой* оформляется через *-ой:* мостовая — *мостовой,* мастерская — *мастерской,* запятая — *запятой.*

3. Географические названия не переводятся и пишутся как на русском языке, но в названиях, оканчивающихся на *-ия,* это окончание передается через *-и*: Волга, Ростов-на-Дону, Манчжурн, Свердловск.

4. Собственные географические названия, являющиеся определением к другому географическому названию и обозначающие цвет, местонахождение по странам света, переводятся полностью: *Сагаан далай* (Белое море), *Баруун Европа* (Западная Европа), *Урда Америка* (Южная Америка), но слова, обозначающне названия районов, областей, краев, республик, не переводятся, а окончания их *(-ое, -ая, -ий)* передаются по ударному гласному основы через *-а, -о, -э: Агинска округ, Свердловско область, Башкирска АССР.*

5. Если непосредственно перед слогом с ударными *и, ы, ю* стоят *а, я, о, ё, у*, то в окончаниях прилагательных и падежных окончаниях существительных пишутся *а, аа, яа: политикаар, революцида, экономическа, демократическа.*

Если непосредственно перед слогом с ударными *и, ы, ю,* стоят *е, э, и, ы, ю*, то пишутся *э, ээ, еэ: критикээр, алюминиһээ, теоретическэ, коммунистическэ, алюминеэр.*

Если непосредственно перед *ы, и, ю* нет гласных, то пишутся *э, ээ, еэ: Нинэдэ, люстрээр.*

6. Суффиксы заимствованных прилагательных сохраняются в русском начертании без изменения, но окончания прилагательных в составе родовых окончаний передаются краткими гласными по ударному гласному основы, а именно:

Суффиксы прилагательных в русском языке	Оформляются следующим образом	Примеры
-онн-	-они-	революционно, комиссионно
-н-	-н-	социальна, культурна
-истск-	-истск-	марксистска, антифашистска
-ск-	-ск-	пролетарска, советскэ

7. Заимствованные из русского языка слоговые и буквенные сокращения сохраняются в том же начертании, т. е. без перевода отдельных слагаемых, входящих в такие сокращения: обком — *обком*, США — *США*, РТС — *РТС*.

8. Сложные слова, заимствованные из русского языка и пишущиеся в последнем через дефис, сохраняются в той же орфографии: *марксизм-ленинизм*.

9. Сложные слова, состоящие из двух элементов (одного русского и другого — бурятского, т. е. половинные кальки) оформляются применительно к русской орфографии: *олонационально, научно-шэнжэлэлгын*.

10. Ранние заимствования (названия предметов обихода и быта), вошедшие в бурятский язык с голоса, т. е. через живое общение, изменились в своем фонетическом облике и пишутся так, как произносятся: *пулаад, сабхи, хилээмэн*.

11. Все заимствованные слова склоняются в соответствии с морфологической системой бурятского языка, но их падежные окончания и суффиксы множественного числа оформляются по ударному гласному основы.

Примеры: *экономико — экономикодо, экономикоор, экономикоһоо, Женева, Женевэдэ, Женевээр, Женевэһээ*.

Примечание. В заимствованных словах, оканчивающихся в именительном падеже на согласные *к, т*, эти окончания в косвенных падежах передаются через *г, д*: совет — *соведэй, соведээр*, кружок — *кружогой, кружогоор*.

10. Заимствованные глаголы оформляются по инфинитивному глаголу совершенного вида с отбрасыванием *-ть* и без удвоения ударного гласного: ремонтировать — *ремонтировалха*.

Правописание сложных слов.

1. Сочетание двух слов, дающих одно понятие и воспринимаемых как одно целое, следует писать слитно, независимо от того, изменяются ли они или нет при вхождении в такие сочетания, причём правила гармонии гласных в таких случаях не соблюдаются: *ажамидарал* „жизнь, существование“, *үхибүүд* „дети“, ажахы „хозяйство“, *олониитэ* „общественность“.

2. В бурятском языке парные слова, дающие одно понятие, пишутся раздельно: *эхэ эсэгэ* „родители“, *ехэ бага* „величина“, *гол мүрэн* „реки“.

3. Сложные прилагательные типа *хара соохор* „черно-пестрый“, *хүхэ ногоон* „сине-зеленый“, *хара алаг* „темно-пегий“ пишутся раздельно.

4. Сложные глагольные основы типа *ябад гэ* „походи“, *ялагад гэ* „поблести“, *татад гэ* „потяни“ пишутся раздельно.

5. Глаголы, образованные из двух слов типа *гүйн+ошо, табижа+орхи*, пишутся в одно слово, причём основы теряют

конечную или начальную буквы, а окончания подчиняются закону гармонии гласных: *гүйшэбэ* „побежал“, *табижархиба* „отпустил“, *ябашаба* „ушёл“, но в причастиях прошедшего времени в конце пишется долгое *оо*, *оё*: *гүйшоо* „убежал“, *хэлэжэрхёо* „сказал“.

Перенос слов.

1. Слова переносятся со строки в строку по слогам.
2. Если слог состоит из одной гласной, то эта гласная не отделяется от последующего или предыдущего слога: *үхэр* „корова“, *үе* „период“, *бэеэ* „своё тело“.
3. Две одинаковые согласные отделяются друг от друга, если за ними следует гласная: *комис-си, тон-но, ком-мунист.*
4. При стечении в слоге трех согласных слог переносится с последней согласной: *воск-ресени, порт-фель.*
5. Сложно-сокращенные слова переносятся по тем слогам, из которых составлено слово: *мин-прос, кол-хоз.*
6. Буквы, обозначающие долгие гласные и дифтонги, не разделяются: *аа-дар* „ливень“, *шарь-яан* „шум“, *аи-маг, най-хан.*

Вопросы упрощения и улучшения бурятской графики и орфографии.

Национальный язык предполагает наличие его письменной формы при необязательном наличии литературной разговорной формы. При таком положении (литературная) письменная форма языка несёт очень большую нагрузку не только как средство переноса языка из области изустного в область письма, но и как консолидирующее начало литературной речи. Письменный язык, беря за основу общепародный язык, отличается от последнего рядом специфических черт, и он оказывает влияние на устную разговорную речь, на формирующуюся литературную речь.

Огромное значение письменного языка, следовательно, литературной продукции для культурных, образовательных целей требует к себе пристального внимания и пересмотра ряда неудачных положений орфографических начал, неудачных графических знаков, поскольку основой письменного языка является функционирующая в виде графики и орфографии система.

Известная устойчивость правил письма и твёрдое проведение их на практике обуславливает известное отставание и отклонение от живых норм языка. Поэтому возникает необходимость через определенные промежутки времени вносить коррективы в орфографию с целью её максимального приближения к установившейся в данный период времени звуковой и морфологической системе языка.

Удовлетворительность разрешения основных вопросов бурятской графики и орфографии подтверждается практикой уже более чем десятилетнего их применения. Проблемы наилучшей реализации букв алфавита на письме и приближения орфографии к нормам живого разговорного языка в основном разрешены. Графика и орфография выдержали испытание времени не только по назначению, но и по удобству и простоте. Ныне действующие графическая система и основы орфографии бурятского языка не нуждаются в коренной ломке: уже больше нет необходимости в пересмотре принципов орфографии, а также в замене графики вообще.

Русская графическая система, отвечающая требованиям более удачного обозначения звуков бурятского языка, язык хоринских бурят, легший в основу общенационального литературного языка, создание оригинальной художественной литературы, осуществление переводов трудов классиков марксизма-ленинизма, произведений русской классической и советской художественной литературы, составление учебников и словарей, наличие периодической печати, функционирование сцены и радио на родном языке, преподавание на бурятском языке, и, наконец, правильное направление и решение принципиальных вопросов графики и орфографии — всё это укрепляет позиции бурятского литературного языка.

Однако практика применения новой графики и основ орфографии показала и выявила также и некоторые их теневые стороны. Ибо кодифицированный проект алфавита и правописания заключал только основные начала письма и не был свободен от ряда неудачных формулировок. Поэтому впоследствии были внесены в орфографию некоторые коррективы и новые правила.

Недочеты бурятского алфавита и орфографии могут быть сведены:

1) неправильное применение некоторых графических знаков на письме, например, букв *„у“* и *„ү“*;

2) неполнота кодекса правил письма (заимствованные слова, согласные);

3) неудовлетворительная и сложная формулировка ряда правил;

4) неполнота разработок вопросов орфографии и стихийное проникновение диалектизмов в литературный язык вызывают разнобой в написании и нарушение существующих правил письма. Сюда же относится и наличие различных, дублетных написаний одних и тех же слов (*үри — үрэ; тармуур тармуул);*

5) неудовлетворительные, противоречащие и сложные правила правописания заимствованных слов:

6) неупорядоченность слитного, раздельного и дефисного написания слов (*малажал, һүнтүрэлтэ* и т. д.);

7) отсутствие нормативных правил употребления знаков препинания;

8) отсутствие работы по сознательному регулированию спорных вопросов правописания, по выявлению и устранению недочётов графики и письма с целью приближения их к живым звуковым и морфологическим нормам языка.

Все указанные недочёты распространяются в основном на написание и употребление:

а) основ и окончаний слов (не всегда достигаются все возможности применения графических знаков на письме для наиболее точной передачи смысла и произношения слов);

б) заимствованных слов и терминов;

в) диалектизмов в общеупотребительной форме оформления слов;

г) отдельного, слитного и дефисного написания слов;

д) сложных слов, выражающих одно (сложное) понятие.

Дальнейшее усовершенствование нашей письменности должно идти в следующих направлениях:

во-первых, требуется упорядочение свода правил — создание новых правил для ряда случаев, изменение и уточнение правил в регламентированных случаях, упрощение и устранение сложных и противоречивых формулировок правил письма;

во-вторых, идея приближения письменного языка к живой норме языка в наших условиях предполагает создание общенационального литературного разговорного языка, способствующего отживанию и растворению диалектов и диалектной речи в общенациональном бурятском языке; выработка единого литературного словоупотребления и произношения должны опираться на письменный язык;

в-третьих, интересы развития литературного языка требуют необходимости твёрдого узаконивания уже установившихся и отстоявшихся норм письма в результате их практического применения в течение достаточно длительного времени.

Следовательно, должен быть составлен наиболее полный свод орфографических правил. В этом своде орфографических правил должен найти своё отражение и разрешение ряд графических и орфографических вопросов.

I. Для упорядочения и приведения к единству противоречивых и сложных написаний слов считать необходимым внести следующие коррективы в ныне действующие правила письма:

а) После буквы *б* в основе слова следует писать редуцированные гласные буквы. Существующее ныне правило — не писать в основе именного слова редуцированных кратких гласных после звонкой согласной буквы *„б“* — теоретически не оправдано, хотя эти гласные после *„б“* имеют действительно слабую редукцию. Такое правило было установлено по аналогии с правописанием редуцированных гласных после сонорных согласных *л, р, м*.

Между тем известно, что сонорные согласные звуки качественно отличны по своему производству от звонких согласных звуков: после сонорных согласных редукция гласных наиболее сильна. Здесь как бы сами сонорные звуки выступают в произношении как „заместители" гласных по звучности. Этим и объясняется выпадение гласных после сонорных в произношении, что отражается на письме. Такого явления с гласными после звонкого звука *„б"* не наблюдаем. Поэтому вывод очевиден: следует произносить и писать: *убэгэн* вместо *убгэн* „старик", *убэшэн* вместо *убшэн* „болезнь", *баабагай* вместо *баабгай* „медведь".

б) В бурятском алфавите обозначаются одной буквой „н" качественно отличные — заднеязычный и носовой звуки *„н"* и *„нг"*. После заднеязычного звука *„нг"* гласные сильно редуцируются, как и после всех остальных сонорных. По носовой звук *„н"* занимает особое положение в ряду сонорных гласных. После него не встречаем сильной редукции гласных, например, *үнэшэн* „сирота", *үнэгэн* „лисица", *хүнэһэн* „продовольствие". Поэтому в произношении и на письме после носового *„н"* гласные должны быть сохранены.

II. Коренные интересы развития языка требуют остановиться на существующем разрыве между орфографией и орфоэпией. Нынешняя орфоэпическая норма нашего языка испытывает сильное влияние орфографического письма. Тем досаднее, что в некоторых случаях орфографическая норма письма сужена предпочтением, отдаваемым издательской практикой сравнительно мало распространенным диалектным нормам. Построение некоторых орфографических правил на диалектальной исключительности суживает орфографическую базу языка. Такие написания как *үрдихэ* вместо общенационального *үрдэхэ* „успевать", *үлтирхэ* вместо общенационального *үлтэрхэ* „развариваться", *үгы* вместо *үгэй* „нет", *бүрхыхэ* вместо *бүрхэихэ* „покрывать" и другие находятся, несомненно, под прямым влиянием агинского говора, т. е. орфография этих групп слов построена на диалектальных особенностях хоринского наречия (ср. *эрдим* „культура", *морьтой* „с лошадью").

Однако, ввиду того, что для бурятского языка в целом (1) характерно произношение палатального согласного перед твердым согласным в середине слова и в большинстве случаев и твердое произношение согласных звуков в слове (за исключением узкодиалектальных особенностей в языке некоторых групп бурят) — писать: ольторог (а не: олтирог) „остров", хальтарха (а не: халтирха) „скользить" (сравн.: с правописанием слов хурьган „ягнёнок", сэдьхэл „мысль", урьха „силок"), һэрэхэ (а не: һэрихэ) „просыпаться", үлтэрхэ (а не: үлтирхэ) „развариваться", хүргэн (а не: хүрьгэн) „зять".

Для бурятского языка в целом (2) характерно произношение в середине и в конце слова из так называемых долгих

гласных дифтонгоидного *эй*, а не: *„ы“*. Следует ограничить сферу употребления буквы *„ы“* в пределах начертания чётко слышимых звуков у подавляющего большинства говорящих на данном языке. Ограничение употребления этой буквы распространить на написание групп слов типа *үгэй* (вместо *үгы*) „нет“, *дугуй* (вместо *дугы*) „мостик“, *үндэйхэ* (вместо *үндыхэ*) „приподниматься“, *үлзэй* (вместо *үлзы*) „счастье“, *үлэйхэ* (вместо *үлыхэ*) „вытягивать шею“ и другие. Принятие этого правила в свое время было мотивировано тем, что краткие гласные и дифтонги в сильной позиции, т. е. в первом слоге слова, являются фонемами, а в следующих слогах слова сильно редуцируются и выступают как варианты фонем первого слога, или как факультативный звук. Такая теоретическая предпосылка не учитывала того факта, что эти дифтонги не модифицируются при произношении в звук *„ы“*. При корректировании свода правил следует рекомендовать, чтобы обратили внимания на целесообразность резкого ограничения употребления *„ы“*.

Для бурятского письменного языка в целом (3) характерно отсутствие в его алфавите краткой гласной буквы *„ө“*. Следствием чего явилось правило об употреблении из долгих гласных только *өө* во всех случаях после краткого *„ү“*. В исправление и дополнение к этому правилу нужно внести пункт, который бы содержал случаи исключений из этого правила, касающихся написания ряда слов, как *гүзээн* „брюшина“, *гүбээ* „вал“, *үһээ* „затяжной дождь“, *һүхээр* „топором“ и другие. Исключение должно быть распространено на написание как словообразующих, так и словоизменяющих частей слова.

III. В системе склонения имён орфография допускает нарушение так называемого сингармонизма, т. е. в одном слове пишутся „мягкие“ и „твердые“ гласные, как например, *уладые* „народ“ в винительном падеже *олонпие* „много“ в винительном падеже. Между тем при выражении форм обращения глагола сохраняется гармония гласных, как например, *ошоё* „пойдём“, *ерэе* „придем“, *ябая* „пойдем“, хотя при произношении наблюдаем нарушение гармонии гласных. В целях унификации грамматических форм имен и глаголов и в целях приведения орфографии в соответствие с орфоэпической нормой, следует принять за окончание форм обращения глагола букву *„е“* и окончание *„еы“*: *ошое, ерэе, ерэеы, ябае, ябаеы*.

IV. В разговорной бурятской речи почти не употребляются суффиксы множественного числа для обозначения множества предметов. Вместо суффиксов множественного числа предпочитается употребление специальных слов, обозначающих множество предметов или количественные числительные, например, *олон хонин* „много овец“ (букв. „много овца“), *хорин гэр* „двадцать юрт“ (букв. „двадцать юрта“). А часто из диалогической речи и из контекста бывает понятно, хотя слова употреблены в форме единственного числа, что речь

идет о множестве предметов. Некоторые ныне действующие словообразовательные суффиксы исторически были суффиксами множественного числа, например, *эхэ-нэр* „женщина". Это слово раньше означало — *эхэ* „мать"; *-нэр* — суффикс множественного числа. А теперь это слово, как известно, означает „женщина"; суффикс *н*: *амитан* „живые," но в современном представлении бурят эти суффиксы множественного числа понимаются, как и словообразующие суффиксы.

Примером для показа факультативности суффиксов множественного числа может служить употребление в слове двух генетически самостоятельных суффиксов множественного числа, например, *мори+д+ууд* „лошади", *эхэ+нэр+нүүд* „женщины". Здесь, безусловно, имеем факт ослабления значения первых суффиксов, первоначально означавших множественность, а ныне употребляющихся как словообразовательные суффиксы. С некоторых пор суффиксы *-д*, *-нэр* потеряли свою функцию обозначать множественность и потребовались продуктивные суффиксы для поддержания идеи множественности, фактически утраченной в старом суффиксе. Это доказывает о существовании в бурятском языке определенной тенденции избегать употребления слов в форме множественного числа. Однако в последнее время не только практикуется употребление суффиксов множественного числа для обозначения множества предметов, но и согласование сказуемого с подлежащим в числе. Это, как известно, связано с влиянием переводческой практики с русского на бурятский язык. Между тем такое механическое перенесение и передача идеи множественности, исходя из норм русского языка, не во всех случаях может находить свое оправдание. Без ущерба смыслу и не нарушая языковой стихии, можно и должны употребляться специальные слова, обозначающие множество предметов, но не злоупотреблять практикой согласования сказуемого с подлежащим в числе.

V. Заимствование слов из других языков, как известно, является отражением экономических и культурных связей одних народов с другими: заимствование слов сопутствует выражаемым им предметам и вещам, понятиям и идеям, ставшим достоянием хозяйственного и культурного обихода того или иного народа. Следовательно, заимствование слов бурятами из других языков, и в особенности из русского языка, связанное с появлением новых предметов и понятий — явление прогрессивное. Серп и жатка, хомут и шлея, трактор и комбайн, партия и коммунист, социализм и коммунизм и многие другие слова и термины заимствованы вместе с выражаемыми ими предметами и понятиями. Заимствованные слова, пополняя словарный состав данного языка, ведут себя в нем двояко. Ряд слов, обозначающий предметы домашнего обихода, быта, земледельческого хозяйства, был принят бурятами в прошлом,

в период дооктябрьской истории бурятского народа в результате прямого общения с русским народом. Эти слова в современном языке подвергались почти полной фонетической модификации, „обурятизировались“ (*пулаад* „платок“, *шилгяа* „шлея“, *харсиин* „керосин“) и должны писаться согласно фонетическим законам бурятского языка.

Другой вид заимствования — это заимствование литературное, через литературную продукцию. Этот вид заимствования связан с торжеством Великой Октябрьской социалистической революции. Буряты активно участвуют в социалистическом строительстве. Буряты приобрели свою национальную автономию. Этот исторический период общественного развития бурятского общества, как известно, характеризуется максимальной интенсивностью развития литературного языка и принятием слов и терминов из русского языка через литературу, печатное слово в массовом масштабе. На почве этого фонетическое и грамматическое оформление заимствованных слов приобретает не только теоретическое, но и практическое значение для судеб заимствованных русских слов и усвоения русского языка бурятами и в особенности школьниками. Заимствованные через литературу слова и термины в массовом масштабе в своей основе не подвергаются фонетическому переоформлению, за исключением некоторых специфических случаев.

Поэтому (1) формулировка правила — „заимствованные слова в основном сохраняются в русском начертании, следовательно, гармония гласных не соблюдается, ударные обозначаются одной буквой, удвоенные согласные и стечение их сохраняются“ — остаётся в силе. Однако это правило теперь следует распространить на правила 23 „б“, „в“ и 27 „Краткого справочника по орфографии и пунктуации бурят-монгольского языка“.

(2) Оформление грамматических форм заимствованных слов в косвенных падежах привести в соответствие с морфологической системой бурятского языка, а гласные в падежных окончаниях оформлять по ударному гласному основы, т. е все заимствованные слова склоняются на общих основаниях (грамматические формы русских слов не распространяются на косвенные падежи, действуют законы заимствующего языка (колхоз — *колхозһоо*, бани — *баниин*, революци — *революцииһээ*, Корея — *Корейдэ*, идея — *идеиһээ*, политика — *политикаһаа*, Горький — *Горькодо*, Нина — *Нинэдэ*).

(3) Окончание всех заимствованных прилагательных в именительном падеже оформлять через *-а: советска* (вместо *советскэ*), *Свердловска* (вместо *Свердловско*), *экономическа*, *партийна*, *социалистическа*. В косвенных падежах оформлять их окончания по ударному гласному основы.

(4) Заимствованные собственные и нарицательные имена следует писать в единственном числе: *парижанин, Альпа, Пиреней.*

VI. Следует отметить, что уже давно пора поставить вопрос о расширении базы литературного языка. Хоринское наречие самостоятельно не может полностью обслуживать своим лексическим запасом, грамматическими формами всё возрастающие потребности в них. Ибо не всё хоринское есть идеальное и абсолютно приемлемое, хотя этот диалект лежит в основе литературного языка. Он, однако, должен беспрестанно обогащаться за счёт как основополагающего, так и других диалектов языка. Это обогащение должно идти по линии орфоэпии, орфографии, лексики и грамматики. Активно действующие лексические единицы и грамматические формы в диалектах могут найти свои „инертные", непродуктивные пары в языках хоринской группы бурят, превращая их в активные и продуктивные единицы, или же сами могут войти в состав литературного языка. *Тамарха* „плавать" — *hамарха* „сбиться со счета". *Ондоргой* „резкий" и „перетягивание вверх". *Тодорхой* „конкретный", *бодорхой* „ясный", „сносный".

Требуется тщательный и добросовестный отбор языковых фактов. Это необходимое и благородное дело должны возглавить наши писатели, мастера художественного слова и научные работники, их учреждения, хотя заметных шагов и больших рвений с их стороны незаметно. Без сознательного и планомерного вмешательства в это дело работников культурного фронта не может быть речи о нивелировании разговорного и литературного языка, о выработке единого словоупотребления и грамматических форм.

VII. Под влиянием перевода русских текстов на бурятский язык появились сложные слова, состоящие из двух компонентов, как *hайндэр* „праздник", *ажамидарал* „жизнь" и другие. Появление сложных слов в языке само по себе явление прогрессивное, ибо они более точно передают понятие, вложенное в них.

Однако образование сложных слов не всегда и не во всех случаях является желательным. Слова-компоненты, входящие в состав сложного слова, имеют тенденцию сокращаться в своих составных частях и теряют своё ударение, затушевывается лексическое значение одной из составных частей сложного слова (особенно второй компонент) — от *удэр* „день" — *дэр*. А потеря слогов и ударения словами не всегда благоприятствует пониманию смысла слова, например, *малажалай асуудал* „вопрос животноводства", *Эхэ орон* „Родина" — по закону словосложения должны терять гласные первого слога вторых компонентов сложного слова.

Поэтому слова становятся неудобочитаемыми и затемняются передаваемые ими понятия, ведь слово не только пишется, но и произносится, выговаривается. Сложное слово в физиологическом плане должно быть рассматриваемо как акт, произносимый единым потоком голоса, следовательно, такое произношение, когда в составе сложных слов имеются разнокачественные („мягкие" и „твердые") гласные, противоречит т. н. сингармонизму и затрудняет их произношение.

В настоящее время, когда действие гармонии сильно, и составные части сложного компонента сохраняют свое значение как лексические единицы, злоупотребление сложными словами не приводит к желательным результатам. Это злоупотребление, несомненно, одно из препятствий для успешного распространения литературного языка среди масс. Принцип раздельного написания слов, передающих одно сложное понятие, должен быть положен в основу правописания. Не может быть речи о массовом употреблении сложного и дефисного написания слов, ибо в этом нет ни теоретического оправдания и ни практической необходимости. Поэтому есть необходимость ограничивать попытки массового внедрения в практику слитного и дефисного написания слов, как ни на чем не основанного „новшества". В этом деле правописание — единый ориентир. Итак, бурятская графика и орфография нуждаются в частичном пересмотре ряда правил и замены местами двух графических знаков. Все эти коррективы и дополнения следует рассматривать как необходимое условие для улучшения и упрощения существующей орфографии и графической системы. Вместе с тем эти коррективы необходимы не только сами по себе, но и необходимы ввиду большой роли и значительного влияния нашего письменного литературного языка на формирование устной формы литературного языка, на выработку его орфоэпической нормы.

Осуществление мероприятий по упорядочению правил письма будет способствовать к еще большему укреплению единого бурятского национального языка и единой его письменной формы, обеспечит наибольшую устойчивость графической и орфографической систем бурятского языка. В этом преимущество фонетико-морфологического принципа нашей орфографии, дающего возможность регулировать обнаруживаемые время от времени противоречия между устной и письменной формами бурятского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Д. Д. Амоголонов, Некоторые вопросы развития литературного бурят-монгольского языка. Сборник трудов по филологии, Улан-Удэ, 1949.

Д. Д. Амоголонов, Об улучшении правописания бурят-монгольского литературного языка. „Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка", Улан-Удэ, 1955.

А. Н. Гвоздев, Основы русской орфографии, М. , 1950.

Я. К. Грот, Русское правописание, П. , 1885.

С. Е. Крючков, О спорных вопросах современной русской орфографии, М. , 1954.

Краткий справочник по орфографии и пунктуации бурят-монгольского языка, Улан-Удэ, 1940.

Правила русской орфографии и пунктуации, М. , 1956.

М. В. Ушаков, Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе, М., 1911.

Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М. , 1957.

Д. Дугар-Жабон, Бурят-монгол хэлэн. ч 1, разд. „Правописание гласных и согласных", Улан Удэ, 1952.

М. Н. Имехенов, Бурят-монгол хэлэнэй грамматика, ч. I, разд. „Правописание гласных и согласных", Улан-Удэ, 1956.

ЛЕКСИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Лексикология (греч. lexikos—словарный и logos—учение)— это раздел языкознания, изучающий словарный состав языка. Под словарным составом подразумевают всю совокупность слов, входящих в состав данного языка, как его строительный материал. Лексикология изучает слова с точки зрения их происхождения, значении и использования в речи.

Язык, являясь „природной материей" мышления, „...регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека..."[1]. Слово в языке являет собою его наикратчайший идееносительный элемент, служащий для выражения мысли и передачи ее собеседнику, обладающий своим собственным значением, используемый в акте общения в виде сочетания, или специальным образом оформленной комбинации звуков. Оно, будучи звуковой оболочкой понятия о предмете, существует как изолированно, так и в связной речи. Язык и его слова являются общественно-исторической категорией, так как язык возникает из потребностей его создателя и связан с историей, с жизнью народа, который владеет им и употребляет его. Слово представляет собою сложную структуру. Оно не только наименование предмета или понятий, но „*NB* в языке есть только общее" и „Всякое слово (речь) уже обобщает... чувства показывают реальность; мысль и слово — общее"[2]. Слово своим значением не только соотносительно с выражаемым им предметом или явлением окружающей действительности и отражает их, но и—наименование этого предмета или явления тем или иным словом общественно закрепляется произносящим его коллективом[3] .

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1950, стр. 18—19.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 256.

[3] Ср. : В. В. Виноградов. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии: Слово как смысловая единица языка, отражающая тот или иной „кусочек" действительности, вместе с тем выражает его общественное понимание и является элементом данной лексико-семантической системы языка". Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка, 1953, т. XII, вып. 3, стр 186.

Слово в своем возникновении всегда однозначно. Оно, будучи вызванным к жизни, как наименование предмета или вещи по его одному какому-нибудь его признаку, может быть названо по ряду других его признаков, образуя так называемый синонимический „пучок", т. е. предмет может быть охарактеризован с разных точек зрения и может получить ряд наименований. Слово составляет единство звуков, форм и значения, или систему форм и значений. Звуковая оболочка слова составляет его „природную материю", морфологический его состав составляет его грамматическую природу, значение слова представляет собою его соотнесенность с предметами и вещами окружающей действительности, т. е. предметное содержание, отражение. „Слово—это система сосуществующих, обусловливающих друг друга и функционально объединенных форм, из которых каждая связана строго определенными, оправданными структурой языка контекстом употребления"[1].

Бурятские слова с точки зрения структурных особенностей.

С формо- и смыслообразовательной стороны бурятские слова представляют собою следующие разряды:

1. Корневые (непроизводные) слова, именные в именительном падеже единственного числа, глагольные во 2-ом лице повелительной формы — *хүн* „человек", *газар* „земля", *хоёр* „два", *һайн* „хороший", *унша* „читай", *ошо* „иди".

2. Сложение основ слов, выражающих одно сложное понятие — *ажахы* „хозяйство" (*ажал* „работа, труд", *ахы* „бытие"), *һайндэр* „праздник" (*һайн* „хороший", *үдэр* „день").

3. Суффиксальное (производное) образование слов — *моришон* „конюх" (*морин* „лошадь"), *хонишон* „чабан" (*хонин* „овца"), *ажалшан* „трудящийся" (*ажал* „труд"), (*-шон*—суффикс, обозначающий профессию), *хүгжэлтэ* „развитие" (*хүгжэхэ* „развиваться"), *амжалта* „достижение" (*амжаха* „достигать"), *нэмэлтэ* „прибавление" (*нэмэхэ* „прибавить"), (*-лтэ*—суффикс, обозначающий процессное действие), *харлаха* „чернеть" (*хара* „черный", суффикс —*л* означает совершение действия), *морито* „конный" (*морин* „лошадь"), *модото* „лесистый" (*модон* „дерево", „лес").

4. Расщепление одного слова на ряд слов посредством „внутренней флексии"—*урадхал* „течение" в прямом значении слова и *урадхал* „течение" в переносном значении, долоон „семь" и *далан* „семьдесят, *би* „я", *миниі* „мой" в родительном падеже единственного числа, *намда* „мне" в дательном

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, вып. II, 1947. Введение.

падеже единственного числа, *саг* „время", „определенный промежуток времени" и *сэг* „межа".

5. Аналитическое образование форм слов, обозначающих одно отвлеченное понятие — *зөөри хара* „имущество" (*зөөри* „имущество" в более конкретном понимании и слово *хара* не имеет определенного значения в современном понимании в смысле „имущество"), *хүдэлжэ баина* „работает" (*хүдэлжэ* „работая", *байна* „стоит, есть").

6. Синтетическая форма глагольных слов, где вторая основа, превращаясь в суффикс, лексикализируется — *ябашоо* „ушел" (*ябажа* „идя", *ошоо* „ушел"), *эдижэрхёо* „скушал" (*эдижэ* „кушая", *орхео* „оставил").

7. Образование новых форм и новых значений слов посредством словоизменительных суффиксов, аффиксов двойного склонения: *ахында* „у брата, на квартире брата", (*аха* „брат", *-ын* — окончание родительного падежа, *-да* — окончание дательного падежа), новые формы и значения слов образуются посредством двойного склонения следующим образом:

а) Окончание родительного падежа плюс окончание дательного: *ах+ын+да* „у брата, на квартире брата". Слово в такой форме обозначает местонахождение кого-нибудь, чего-нибудь, где-либо или в чем-либо.

б) Окончание родительного падежа плюс суффикс местонахождения *-хи* плюс окончание исходного падежа: *ах+ын+хи+наа* „из квартиры брата, из семьи брата".

в) Окончание дательного падежа плюс окончание исходного падежа; *гэр+тэ+нээ* „из (внутри) дома".

г) Окончание совместного падежа плюс окончание винительного падежа: *тоно+той+е* „то, что в масле".

д) Окончание совместного падежа плюс окончание орудного падежа: *амжалта+тай+гаар* „с успехом".

е) Окончание совместного падежа плюс окончание исходного падежа: *гадар+тай+наа* „из того, что имеет жировой покров".

8. Склонение слов различных частей речи с употреблением возвратного притяжания, и в особенности имени прилагательного, подвергает их субстантивизации и адвербиализации: *найн* „хороший, хорошо" (Им. падеж), *наин+ише+нь* „то, что самое лучшее" (Вин. падеж), *найнаар* „хорошо" (Ор. падеж), *ерэһэн* „пришедший" (Им. падеж) — *ерэһиень* „того, что пришел".

9. Посредством превращения синомического ряда слов в формы одного слова: *хэлэхэ, үгүүлхэ, яриха, хүүрлэхэ, зугаалха, үгэлхэ, хөөрэхэ, дуугарха* „сказать, говорить".

Словарный состав бурятского языка и его ядро — основной словарный фонд.

Все слова в языке, вместе взятые, составляют, как известно, словарный его состав, но сам по себе словарный состав не составляет самого языка. „Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложении и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер[1]. В словарном составе языка имеется ядро, основной словарный фонд, который вместе с грамматическим строем „составляют основу языка, сущность его специфики“[2].

Наряду с грамматическим строем языка основной словарный фонд служит для характеристики и определения языка, как общенародного и общественного явления.

Основной словарный фонд языка характеризуется рядом специфических, только ему присущих черт. Эти черты позволяют ему играть цементирующую роль в лексическом строе языка. Эта роль связана с тем, что основной словарный фонд по своему объёму, хотя менее обширен, но наиболее устойчив, благодаря чему, передаваясь из поколения в поколение данного общества, служит базой и отправным пунктом для обогащения и развития словарного состава, определяя формы и способы этого обогащения.

Новые слова всегда образуются для обозначения новых предметов и понятий, и их образование базируется на имеющемся в данном языке готовом материале — словах и их формах прежде всего основного словарного фонда. Ядром основного словарного фонда служат корневые слова, играющие исключительно большую роль как база образования новых слов. Схематически можно представить место корневых слов в системе словарного состава языка следующим образом:

[1] И. Сталин. Цит. Соч., стр. 19.
[2] И. Сталин. Цит. Соч., стр. 21.

Основным словарным фондом, по выражению академика В. В. Виноградова, „регулируются изменения словарного состава". Слова основного словарного фонда выражают жизненно-необходимые понятия, „устойчивые реалии", в круг которых входят названия светил — *наран* „солнце", *hара* „луна", *одон* „звезда", *тэнгэрин зүйдэл* „млечный путь"; названия предметов — *модон* „дерево", *газар* „земля", *хүн* „человек", *гал* „огонь"; названия природных явлений и стихий — *халхин* „ветер", *бороо* „дождь", *үүлэн* „облако", *уһан* „вода", *сахилгаан* „молния"; слова, обозначающие близкое родство — *эхэ* „мать", *эсэгэ* „отец", *аха* „брат", *эгэшэ* „сестра", *дүү* „брат"; название частей тела — *толгой* „голова", *хүл* „нога", *гар* „рука", *хурган* „палец", *үбдэг* „колено", *мүрэ* „плечо"; название распространенных пород деревьев — *нарһан* „сосна", *хуһан* „береза", *жодоо* „пихта", *хасуури* „ель", *шэнэһэн* „лиственница"; название цветов — *ургы* „подснежник", *нямняа сэсэг* „одуванчик", *падма сэсэг* „лотос", *наран сэсэг* „подсолнух"; название времен года и предметов окружающей природы — *жэл* „год", *hара* „месяц", *үдэр* „день", *һүни* „ночь", *хоёр гараг* „понедельник", *мангир* „лук", *ногоон* „трава", *уула* „гора", *жалга* „овраг", *гүбээ* „холм", *соорхой* „поляна"; название диких и домашних животных — *зээгэн* „росомаха", *үнеэн* „корова", *шоно* „волк", *тэмээн* „верблюд", *ботогон* „верблюжонок", *бар* „барс", *арсалан* „лев", *морин* „лошадь", *хонин* „овца", *гахай* „свинья"; название признаков и свойств предметов — *улаан* „красный", *сагаан* „белый", *боро* „серый", *бүдүүн* „толстый", *нарин* „тонкий", *шэрүүн* „жесткий", *халуун* „горячий", *бүлеэн* „теплый"; название предметов домашнего обихода и продуктов питания — *һэеэ* „войлок", *шэрдэг* „потник", *аяга* „чашка", *халбага* „ложка", *уур* „ступа" (для толчения), *нүдүүр* „пестик", *һава* „жбан", *айраг* „кислое квашеное молоко", *тоһон* „масло", *зөөхэй* „сливки", *тараг* „вареница", *саламаад* „саламат"; названия основных действий и состояний — *яба* „иди", *хара* „смотри", *һуу* „сиди", *хэлэхэ* „говорить", *уһалха* „поить", *нидэхэ* „лететь", *худэлмэрилхэ* „работать, трудиться", *хадагалха* „прятать, сберечь", *сабшаха* „косить, рубить", *хоерлохо* „двоить".

Кроме этих прямых названий предметов и вещей, в разряд слов основного словарного фонда входят наименования числа и порядка предметов — числительное: *нэгэн* „один", *хоёр* „два", *гурбан* „три", *дүрбэдэхи* „четвертый", *хоёрдохи* „второй" и т. д. Наименования указании на говорящего и слушающего и предмет — личные и указательные местоимения — *би* „я", *ши* „ты", *тэрэ* „он, тот", *энэ* „этот"; неизменяемые части речи — наречия, союзы, послелоги — *үбдэгсөө* „до колена", *үсэгэлдэр* „вчера", *тэндэ* „там", *ба* „и", *теэд* „но", *харин* „но"; *урда* „до", *сөө* „в, внутри", *хоино* „за, позади"; вспо-

могательные глаголы—*бай* „стой", *бол* „становиться", *а* „быть" и т. д.[1]

Слова основного словарного фонда носят общенародный, общеупотребительный характер.

Таким образом, в основной словарный фонд входят слова с прямым значением, номинативные слова, обозначающие предметы, явления и понятия, сопутствующие нуждам и потребностям членов данного коллектива. Включение в состав основного словарного фонда непрямых номинативных слов обусловлено их связывающей ролью, благодаря им отчасти изменяемые слова основного словарного фонда переходят в распоряжение грамматики, определяющей правила изменения слов и их соединения в предложении.

Основной словарный фонд не неизменен. В связи с развитием производительных сил и производственных отношений в обществе и с расширением деятельности человека всё больше входят в жизнь коллектива новые предметы, новые понятия — или выпадают, отживая свой век. Новые понятия обычно получают новые наименования в виде новых слов, а старые слова, обозначавшие старые понятия, переходят сначала из активного употребления в пассивное, а затем забываются. Следовательно, в основном словарном фонде не все слова обозначают одинаково устойчивые реалии.

Все слова, которые обслуживают сферу социальных отношений, производства и культуры, могут подвергаться изменениям. Например: *анзаһан* „соха", *хара хүн* (зон) „простолюдин, люди без духовного сана", *аба хайдаг* „коллективная охота, облава", *санваар* „обет", *таалал болохо* „почить" (о смерти), *дуган* „молельня", *домшо* „лекарь" и другие перешли из разряда основного словарного фонда в разряд пассивного запаса словарного состава.

В бурятском языке богато представлено словосочетание для выражения более отвлеченных понятий и общих родовых, видовых понятий, например, *зөөри* „имущество" в более конкретизированном понимании, а *зөөри хара* „имущество" в более отвлеченном понимании, *хони хурьгад* „мелкий скот" — общее понятие, чем *хонин* „овца" и *хурьган* „ягненок" в отдельности.

Некоторые корневые элементы слов, обозначающих качества и свойства предметов, вещей и наречия места в современном бурятском языке потеряли свою продуктивность, и бытование как самостоятельное слово и функционирование их поддерживается словообразовательными морфемами. Несом-

---

[1]) См. М. С. Гурычева и Б. А. Серебренников. Задача изучения основного словарного фонда языка. Вопросы языкознания, № 6, 1953, стр. 3—4.

ненно, слова (цвета) — *сагаан* „белый", *ногоон* „зеленый", *ягаан* „розовый", *сэгээн* „голубой"; *хара* „черный", *шара* „желтый", *боро* „серый", *хурэн* „коричневый"; (масть) — *халтар* „светло-гнедой", *сабидар* „игреней"; (наречия места) — *саана* „дальше", *наана* „по эту сторону", *хаана* „где", *эндэ* „здесь", *тэндэ* „там", *дээрэ* „наверху", доро „внизу"; (свойства, признаки) — *үндэр* „высокий", *набтар* „низкий" — первоначально были представлены в виде корней с самостоятельными значениями: *са, сэ, на, я, ха, ша, ба, ху, саа, наа, хаа, эн, тэн, дээ, до, үн, наб,* а- *гаан, -гоон, -гээн* (по гармонии гласных); *-ра, -ро, -рэн, -тар, -дар, -на, -ра* и т. д. — первоначально представляли собою суффиксы, впоследствии потерявшие суффиксальное качество и превратившиеся в омертвелое лексикализованное средство и неотрывный элемент одного слова вместе с уже непродуктивным корнем. Правда, суффиксы наречия места *-рэ (дээрэ, доро), -на (хаана, саана, наана)* еще могут изменяться в некоторых обстоятельственных падежах и дать другие суффиксы, например, *дээрэ* „наверху" может дать *дээгүүр* „высоко", *доро* „внизу" — *доогуур* „по низу". Наречия места, в освобожденном от суффиксов виде, могут употребляться в сочетании с наречиями же, как например, *дээд тээ* „наверху", *доод тээ* „внизу", *хаана* „где" может дать *хаа хаанагүй* „везде".

В основном словарном фонде находит место видоизменение значений слов по функции, аналогии и сходству, которое дает большое количество ответвлений от любых слов и, следовательно, расширение значений слов, например, по аналогии с *һэмжэ* „жировой покров брюшины" образовано *һэмжэ үүлэн* „перистое (тонкое) облако", слово *барюул* (от *бариха* „держать") — означает по функции „ручку", „ухват", „рукоятку" „руль", „душку", „тряпицу", „прихватки". Многозначность слов, выявляющаяся в контексте, является также одним из важных признаков слов, относящихся к основному словарному фонду, например, *татаха* „тянуть" в сочетании с различными номинативными словами дает каждый раз новое образование, отличное одно от другого *тамхи* (табак) *татаха* „курить" (табак), *лабшаа татаха* „делать лапшу", *талха* (зерно) *татаха* „молоть" (зерно), *аргамжа татаха* „тянуть" (веревку), *юумэ* (вещь) *татаха* „выкрасть" (вещь), *дура* (симпатия) *татаха* „завоевать чью-либо любовь", *(мяхан арбан килограмм) татана* „тянет" (кусок мяса в десять килограммов) и т. д.

Устойчивые фразеологические сочетания, составные части которых уже не являются в современном бурятском языке продуктивными и самостоятельно употребляемыми, целиком входят в состав основного словарного фонда, как его неотъемлемая принадлежность. Таковы *нахаа эдихэ* „повзрослеть" (дословно: „скушать возраст"), *хүл хүндэ* „беремен-

ная“ (дословно: „ногой (нога) тяжела“), *арһа яһан* „тощий“ (дословно: „кожа да кость“).

Основной словарный фонд языка не представляет собой особое царство в системе языка. Он является стержневой частью словарного состава языка и в совокупности с грамматическим строем составляют основу языка. Основной словарный фонд не отделен „китайской стеной“ от словарного состава, в жизни языка они взаимовлияют друг на друга, взаимопроникают друг в друга. Однако словарный состав языка включает в себя весь запас имеющихся исконных и заимствованных в языке слов, причем заимствование составляет ничтожный процент по сравнению с исконными словами и имеет свою специфику, отличную от роли и места основного словарного фонда в языке.

Словарный состав языка представляет собою все его слова, которые включают и слова основного словарного фонда. Это наиболее подвижная, непрерывно отображающая все изменения в сфере деятельности человека, регистрирующая все ее материальные и духовные достижения общества и отмечающая события в общественной жизни „словесная“ часть, строительный материал языка. Об изменчивости словарного состава языка И. В. Сталин писал:

„Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе... Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“[1].

Словарный состав языка включает все бытующие в нем слова. К ним относятся: 1. Слова, возникающие в связи с обозначением новых предметов и вещей, понятий и явлений (неологизмы). 2. Малоупотребительные, устаревшие из-за исчезновения или малоупотребительности обозначаемых ими предметов и понятий слова (архаизмы). 3. Слова диалектальные (не общенародные) и „жаргонные“, имеющие отходящий характер. 4. Слова профессиональной лексики, возникшие и возникающие в связи с специализацией трудовой деятельности человека.

[1] И. Сталин. Цит. соч., стр. 8—9.

5. Многие слова иноязычного происхождения. 6. Слова, употребляющиеся в переносном значении. 7. Большое количество слов с производными основами, вошедшее в язык в последние годы. 8. Слова-синонимы, употребляющиеся в стилистических целях. 9. Устойчивые фразеологические сочетания или идиомы.

Словарный состав языка является зеркалом, отражающим его состояние, развитость и богатство. Как указывает И. В. Сталин, „Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык"[1].

В первую очередь появляются слова в словарном составе и отмирают слова из словарного состава. Причем появляется гораздо больше слов, чем отмирает. Это и понятно. Развитие общества предполагает расширение познания явлений общества и природы, усовершенствование орудий труда и усиление борьбы с силами природы, словом — развитие производительных сил и производственных отношений вызывает к жизни многочисленные предметы и вещи, понятия и явления, нуждающиеся в своем наименовании, в отражении в языке и порождающие соответствующие слова и выражения. Язык, его словарный состав, непосредственно отражая этот сдвиг в развитии общества, развиваются, совершенствуются и обогащаются.

Соответственно с этими требованиями развития общества словарный состав языка через различные каналы, посредством различных способов удовлетворяет социальные заказы развивающегося общества. Огромное количество слов в словарном составе не только сохраняется в течение длительного времени, но словарный состав непрерывно расширяется и пополняется новыми словами.

Словарный состав бурятского языка пополняется значительным количеством слов, обозначающих культурное, политическое и экономическое достижения носителей, как например, *засаг* „власть", *ном* „книга", *ороһон* „рожь", *сонхо* „окно", *лагван* „чернильница", *һургаал* „учение", *социализм*, *коммунист*, *комбаин*, *плуг*, *трактор*.

Заимствование слов. Влияние русского языка на развитие бурятского языка. С развитием общества язык не только развивается и пополняется новыми словами за счет собственных своих внутренних ресурсов, но и за счет заимствования известного количества слов из языков других народов вместе с обозначаемыми ими предметами, вещами, понятиями, идеями, в порядке их международного обмена. Нет в природе языка, который бы не имел в своем словарном составе заимствованных слов и выражений из других языков. Многие заимствованные слова входят вплоть и кровь языка, благодаря повсед-

[1] И. Сталин. Цит. соч., стр. 19.

невности и давности их употребления. Большинство из них даже не осознается как заимствованное. Лексические заимствования всегда сопровождаются с заимствованиями фонетическими и морфологическими, ибо слово перенимается другим языком в своей собственной материальной, звуковой оболочке и сохраняет свой основной грамматический облик. Таким образом, заимствование слов означает не только лексическое пополнение заимствующего языка, но и фонетико-морфологическое его обогащение. Заимствование слов и их конструирование по образцам другого языка составляют один из важных и неизбежных источников обогащения лексического состава языка. В словарном составе бурятского языка мы обнаруживаем общемонгольские слова типа *морин* „лошадь", *наран* „солнце", *хүн* „человек", *нэрэ* „имя", заимствования из халха-монгольского, тибетского, санскритского, китайского, тюркского, русского и через последний и из других языков.

Заимствование из санскритского, тибетского, халха-монгольского шло в прошлом в основном в связи с распространением ламаизма в Бурятии (XVII—XVIII вв.). Эти заимствованные слова и выражения, особенно тибетские, обслуживали понятия и предметы ламаистской религии, например, санскритские—*адис* „благословение", *махзод* „элемент", *вачир* „скипетр", *мандал* „жертвенник", тибетские—*субарга* „памятник", *судар* „книга религиозного содержания", *үлзэн* „счастье", *нирваан* „перерождение", *нирба* „казначей", *джаса* „касса", *юртэмсэ* „вселенная", *дуган* „часовня", *лүндэн* „прорицание", халха-монгольские—*хубилгаан* „перерожденец", *мүргэл* „молитва".

В современном бурятском языке эти заимствованные слова, связанные с ламаизмом, перешли в разряд архаизмов.

Китайское заимствование относится, в основном, к наименованию кулинарных, гастрономических и мануфактурных изделий, домашней утвари, например, *шаажан* „фарфор", *янза* „форма", *дүнсэ* „дунза", *ноён* „господин", *данса* „реестр", *лонхо* „глиняная посуда", *луу* „дракон", *тайбан* „покой", *шохой* „известняк", *ханза* „кухня", *шэршүү* „чесуча", *даалимба* „далимба", *буузэ* „поза", *сай* „чай" и другие. Персидские, греческие и тюркские заимствования (персидские и греческие заимствования шли через тюркские языки). Персидские слова: *арсалан* „лев", *байшан* „дом", *бар* „тигр", *булад* „сталь", *булгаир* „юфть", *бэрсэ* „ферзь", *тогод* „павлин", греческие слова: *шэжэр* „чистый", *тиитиэ* „диадема", *ном* „книга".

Буряты в течение трехсот лет живут вместе с русским народом. Благотворное экономическое, политическое и культурное влияние русского народа на развитие бурятского народа с давних пор наложило отпечаток и на его язык. В бурятских хрониках прошлых веков, фольклорных записях и в

устной речи носителей бурятского языка мы обнаруживаем русские слова, выражающие внесенные в обиход новые понятия и предметы, которые входили в быт бурят — слова, обозначающие предметы земледелия, упряжи, надворных построек, домашнего обихода и понятия административных начал.

Дореволюционное заимствование из языка шло изустно, причем заимствовались простые слова, пример из фольклора: *бурят хүнэй нүүжэ байха сагта, түр ехэ городой город болоогүй байха сагта...*" „в то время, когда бурятский народ кочевал, в то время, когда большие города еще не были городами...".

Слова устного заимствования подвергались сильной модификации, подвергаясь законам заимствующего бурятского языка, как по звуковому оформлению, так и по морфологическому облику. Звуки заимствуемого слова субституировались звуками заимствующего бурятского языка. Согласные звуки и их стечения в заимствованных русских словах подвергаются следующим изменениям:

Как правило, отсутствующие в бурятском языке звуки *в, ф, ц, ч, к* заменялись близкими по месту и способу образования звуками бурятского языка: в—б: *буртаа* „ворота", *богоон* „вагон"; к—х: *ханаа* „канава", *бирдаанха* „берданка", ч—ш: *шаас* „часы", *боошхо* „бочка"; ф—п, h: *пабрик* „фабрика", *hунтэ* „фунт".

Бурятский язык не знает стечения согласных в начале и в конце слова. Отсюда в заимствованных русских словах впереди стеченных согласных в слове или между ними появляется гласный звук, образуя новый слог, или один из согласных выпадает, например: стул — үстүүл, брезент — *бэрзеэнтэ*, серп—*сээрпэ*, курс—*хүүрсэ*, станция—*астаанса*, пшеница—*шэнишсэ*.

Заимствованное русское слово теряет свой ударный гласный звук, который всегда заменяется долгим гласным звуком бурятского языка, произносимым протяжно, но без придыхания: газета—*газеэтэ*, балаган—*балагаан*, лампа—*лаампа*, трактор—*тараактар*.

Все слова, заимствованные с голоса или, как принято называть, старые заимствования, подвергаются так называемой гармонизации,то есть в слове все краткие неударные гласные звуки находятся в своём выявлении в прямой зависимости от долгого ударного гласного, особенно после него. В слове перед долгим гласным звуком краткие гласные звуки довольно свободно произносятся: *голоошо*—„калоши", *бирдаанха* „берданка".

Если в слове звук а—долгий, то после него из кратких гласных в этом слове могут быть только а (ү, и): *дараанса* „дранка", *булаабха* „булавка",

Если в слове долгий звук о, то могут быть из кратких о, и: *ороohон* „рожь", *пооли* „поле".

Если в слове звуки э, у (ү)—долгие, то из кратких гласных звуков в нем встречаются э, у (ү): *бүүлхэ* „булка", *пеэшэн* „печь".

Заимствованные слова при бурятском произношении лишаются своих дифтонгов, особенно в своих непервых слогах, они заменяются дифтонгоидами, например, сарай—сара, май—ма.

Заимствованные из русского языка слова получали определенное морфологическое оформление, свойственное заимствующему бурятскому языку. Слова заимствовались и заимствуются в форме именительного падежа, причём только в своем первоначальном значении, таким образом, значение заимствованного слова уже, употребляется изолированно, например, слово *лаампа* в заимствовании означает только „прибор, наполняемый горючим веществом для искусственного освещения", но не обозначает осветительных и нагревательных приборов, употребляющихся в технике или лабораториях; или: *мраамар* означает только твердый камень известковой породы, но не означает „предмет, сделанный из мрамора" и не употребляется в сравнениях, как „символ холодности, бесстрастия". Слова, оканчивающиеся на гласные звуки или имеющие родовые показатели, видоизменяются, приобретая новые окончания по ударному гласному основы, например, *яабалха* „яблоко", *сабхи* „сапог, сапоги", *реэпэ* „репа", но *хомууд* „хомут", *гранит* „гранит". Русские слова заимствуются со своими словообразовательными аффиксами и суффиксами множественного числа, которые не воспринимаются как показатели множественности предметов, например, *гүрсэ* „огурцы", *боожо* „вожжи".

Слова дореволюционного заимствования весьма многочисленны и в большинстве своём приспособлены к фонетическим и морфологическим нормам бурятского языка, так что порою трудно распознать иноязычное происхождение таких слов, как например, *сэрсээниг* „чересседельник", *углуу* „уголь", *ушхааг* „шкаф", они ничем не отличаются от исконно бурятских слов, как в области словообразования, так и в области словоизменения. В настоящее время в связи с отпадением ряда понятий вышли из употребления такие заимствованные слова, как например, *староста, волостной, дүүмэ*.

Торжество Великой Октябрьской социалистической революции открыло всем народам России, в том числе и бурятскому народу, дорогу политическому, экономическому и культурному развитию. Появление письменности вызвало к жизни наряду с устным заимствованием — заимствование литературное, через литературу.

Этот период заимствования совпадает именно с созданием бурятской письменности и литературного языка, ставшего общенациональным обязательным языком государственных актов, школы, прессы, выступлений и книжным языком. Литературн-

ное заимствование гораздо шире, чем устное. При этом оно гораздо меньше подвергается изменениям в фонетико-морфологическом аспекте. Темп заимствования усилился, и слова не успевают перемалываться в стихии заимствующего их языка.

Бурятский язык теперь заимствует не только готовые простые слова, но и термины и конструирует бурятские слова по русскому образцу. Он нуждался в новых терминах и словах для удовлетворения нужд, вызванных бурным ростом экономики и культуры. Был период, когда делались попытки переводить все термины, как например, совет — *зублөөн* (согласование, обсуждение), революция — *хубисхал* (изменение, эволюция), коммунизм — *эб хамта байдал* (совместный порядок, житье), материализм — *тасархай үзэл* (разорванный взгляд, лоскутное учение). Но эта попытка потерпела фиаско. Шло массовое заимствование слов, ибо такие необходимые слова..., — писал Ф. Энгельс, — не были бы необходимыми, если бы их можно было перевести. Перевод только искажает их смысл, вместо того, чтобы объяснять, он вносит путаницу"[1].

Стала общим достоянием и прочно вошла в лексикон бурятского народа новая терминология: *парти, коммунист, совет, социализм, индустри, колхоз, трактор, резолюци* и многие другие.

Термины (лат. terminus — предел, граница) — это слова, обозначающие определенное понятие, лишенные многозначности и характеризующиеся стабильным употреблением. Отсутствие прямых эквивалентов в бурятском языке для обозначения заимствованных понятий вызывает к жизни калькирование новых терминов на базе готового своего языкового материала, но чаще заимствуются через печатные произведения из общесоюзного фонда терминов, созданного на базе русского языка. Заимствуются преимущественно общественно-политические и научно-технические термины. Большинство новых терминов прочно вошло в словарный состав бурятского языка. Такое пополнение словарного состава обогатило бурятский книжный язык. Заимствованные термины в меньшей степени подвергаются фонетическим изменениям и произносятся они, в основном, в своем первоначальном, русском виде.

Литературное заимствование обеспечивает готовыми терминами потребности для обозначения вновь появляющихся в употреблении народа предметов, понятий.

Наряду с заимствованием готовых терминов, бурятский язык, мобилизуя свои внутренние средства и перестраивая себя, создает термины из своего фонда: во-первых, посредством калькирования, т. е. новые понятия выражаются посредством точного перевода русских слов и словосочетаний, например,

[1] Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, изд. 4, 1931. Предисловие.

модо бэлэдхэл „лесозаготовка“, *мал ажал* „животноводство“, *найндэр* „праздник“, *тумэр харгы* „железная дорога“; во-вторых, образует он термины, придавая новое значение старым книжным словам, например, *мурысөө* только означает „соревнование“ в смысле социалистического соревнования, *үүсхэл* только в смысле инициативы, *умсэ* „собственность“.

В бурятском языке стали широко употребляться особые суффиксы, придающие словам с конкретным содержанием отвлеченное значение, например, от *хүгжэхэ* „развиваться“ — *хүгжэлтэ* „развитие“, от *мэдэрхэ* „чувствовать“ — *мэдэрэл* „чувство“, *уншаха* „читать“ — *уншалга* „чтение“.

В бурятском языке образуются новые слова с абстрактным значением также посредством сложения основ и идиоматизации синтаксических сочетаний, например, *тэмсэхэ тэмсэл* „борьба“, *хүн түрэлтэн* „человечество“ (род человеческий), *дайлан ороло* „вторжение“, *ёһо гурим* „порядок, правило, правопорядок“, *үндэһэ һуури* „основа“, *үхэр мал* „скот“, *Эхэ орон* „Родина“. В сложном слове может быть один компонент из заимствованного, а другой — из бурятского, например, *олонациональна* „многонациональный“, *научно-шэнжэлгын* „научно-исследовательский“. Новые литературные заимствования мало продуктивны и устойчивы против изменений.

В бурятском языке заимствуются в основном имена существительные и относительные прилагательные. Глагол заимствуется в весьма ограниченном количестве. Вероятно, отсутствие категории неопределенной формы и наличие широко разветвленных форм глагола в бурятском языке, по которым должны изменяться эти глаголы, в известной мере тормозят внедрение в него чужих глагольных форм. Родовые показатели относительных имен прилагательных, модифицируясь, заменяются каким-нибудь кратким гласным звуком, например, *коммунистическэ* (коммунистический, -ое, -ая), *социальна* (социальная, -ый, -ое). Отраслевые термины, унифицируя словоупотребление, обеспечивают точную и ясную передачу тех или иных понятий, что благотворно влияет на усовершенствование и развитие стилевых разновидностей литературного бурятского языка. Войдя в лексическое окружение, термины требуют от окружающих его слов четкой значимости и выявления их конкретных основных или эмоционально-экспрессивных нюансов.

Русский язык благотворно влияет и на развитие фонетической системы бурятского языка. Так, например, стали его достоянием звуки из русского языка — *в, ф, к, ц, ч*, следовательно, расширилась артикуляционная база бурятского языка. В связи с новым, свободным употреблением гласных звуков в словах наблюдается разрушение одной из ограничительных норм сингармонии, как следование в том или ином слове за каким-нибудь гласным определенного гласного. Те-

перь каждый грамотный бурят свободно произносит в родном контексте: *парторганизаци, социализм, модо бэлэдхэл* („лесозаготовка"), *найндэр* (праздник), *агуухэ* (великий).

Бурятский язык обогатился и новыми грамматическими средствами, т. е. наряду с заимствованием целых слов идет переосмысление и моделирование по образцу русского языка многих исконно-бурятских слов для обозначения абстрактных, специальных понятий, например, *нангин* „священный", *манаал* „алтарь", *гэгээрэл* „просвещение", *хабсаргалта* „приложение", *уялга* „обязательство", *туһаламжа* „помощь".

Диалектизмы. Бурятский народ в прошлом был разобщен. Его политическая, экономическая и культурная консолидация связана с победой Великой Октябрьской социалистической революции. В дореволюционном бурятском общенародном языке диалектизмы составляли значительный лексический пласт. В понятие „диалектизмы" включаем такое языковое явление, которое распространено на небольшой территории и среди узкого круга людей.

Диалектизмы характеризуются тем, что (1) слово наличествует и употребляется одной группой населения, а у другой группы это слово отсутствует. Например, у баргузинских бурят бытует слово *үрхэр* „кастрированный рабочий бык", а у других групп бурят нет этого слова. У боханских бурят имеется слово *дяадяа* „ребенок", а у других нет. У одной группы есть *хөльхөө* „кочерга", а у другой нет;

(2) почти повсеместно бытует одно и то же слово, но оно имеет различные значения, смысловые отклонения: *үймаха* „буянить", „болтать", *зугаалха* „гулять", „разговаривать"; *хүүр* „слово", „труп"; *бодохо* „вставать", „думать";

(3) разные слова у различных групп населения выражают одно и то же понятие, например, *нажар, зун* „лето"; *хура, бороо* „дождь"; *ноохолой, хүбэн* „пух"; *утархай, үреэлэ, хахад, хагас, халтагай* „половина";

(4) одно и то же слово, означающее одно общее для всех групп населения понятие, употребляется со значительными фонетическими отклонениями, например, *үнеэн, үнөөн, үнээ, неэн* означают „корова"; *үгэй, үгы, үбэй* „нет"; *һүеы, үшэгэй, һүгэй, үһэгэй* „пятка";

(5) одни и те же слова, выражающие одни и те же отношения, морфологически оформляются различно, например, слова *гэр* „юрта" в исходном падеже имеет такие окончания *-һээ, -ээс, -һан: гэрһээ, гэрээс, гэрһан* „из юрты, от юрты"; слово *гал* „огонь" в родительном падеже имеет окончания *ай, и: галай, гали* „огня".

Несмотря на такое изобилие диалектизмов, общенародный бурятский язык превалирует над местными, „территориальными" бурятскими диалектами. Создание и расцвет нового литературного языка, развитие сети школ, клубов, радио, распро-

странение газет, журналов, создание единой экономической базы и идеологии — все это способствует значительному снижению удельного веса диалектной лексики и в унификации бурятского языка в его литературном варианте.

Однако бурятские диалекты оказали значительное влияние на создание общенародной лексики. Многие диалектные слова вошли в обиход народа и выполняют функцию общенародной лексики, например, *нөөсэ* „сбережение", баран „все", *тээли* „средний сын", *дүүхэй* „барышня", *хадамха* „шурин", *шалгааха* „просушивать", *үгэ хүүр* „слово" в отвлеченном понимании, *шарууһан* „мясное кушанье", *сэдьхэл* „мысль".

Установление литературной лексики должно, однако, ограничивать приток диалектизмов в литературный язык. Должны быть заимствованы только те слова из диалектов, которые наиболее удачно выражают понятия и способны пополнять и обогащать общенациональный литературный язык. За последние годы стало заметно, что диалекты все меньше и меньше влияют на литературную лексику и теряют, будучи отмирающей категорией, свою былую самостоятельность и все больше растворяются и подчиняются нормам общепародного бурятского языка.

Диалектные слова употребляются в художественной литературе в целях стилизации языковых особенностей персонажей, героев произведения, для придания местного колорита изображаемым событиям и картинам.

Переносное значение слова. Прямое наименование предмета всегда конкретно. Однако наименование предмета не всегда всеобъемлюще. Предметы, явления могут получать свое наименование по одному из своих признаков. Один из признаков предмета может быть близким к одному из признаков другого предмета. Эта близость признаков предмета позволяет перенесение одного слова на новые предметы, понятия.

Развитие языка предопределяет увеличение смысловой нагрузки тех или иных слов. Перенесение слова на новые понятия в большей части осуществляется в контексте. Связная речь изобилует употреблением слов в переносном значении. Явление перенесения значений слов относится к средствам обогащения словарного состава языка, к его выразительным средствам.

Слово при переносном употреблении осознается говорящими в противопоставлении к его номинативному, бесконтекстному, прямому употреблению слова, например, в словосочетании *гэр* „юрта", *гэр болохо* „обзавестись семьей, жениться", *гэр айл* „семья"; *үндэһэн* „корень", *үндэһэ* „основа", *үндэһэн* „национальность".

Частое, параллельное употребление прямого и переносного значений слова приводит к тому, что говорящие не всегда ощущают его переносное значение, например, *алтан* „золото"

может употребляться в словосочетаниях, где нет прямой номинации: *алтан дайда* „белый свет", *алтан шара наран* „золотисто-желтое солнце", *Алтан гадаһан* „Полярная звезда", *алтан гургалдай* „луговой воробей", *алтан одон* „золотая звезда", *алтан үгэ* „мудрое слово" или: *хурса* „острый" — *хурса мяхан* „жирное мясо", *хурса зориг* „смелое стремление", *хурса гэрэл* „резкий свет", *хурса хүн* „способный человек". В пословице *эритэ зэмсэгэй үзүүр хурса, эдир залуугай зориг хурса* „у режущего оружия (орудия) острие наточенное, стремление у молодости смелое".

Все же номинативное, бесконтекстное употребление слова служит первоэлементом, первым основным словом, выражающим непосредственно наименование предмета, вокруг него группируются отпочковавшиеся новые элементы, и они воспринимаются как переносные смысловые элементы.

Перенесение значения слова на другие предметы и понятия получает „права гражданства" в результате его употребления в течение длительного времени. Перенесение значения слова на другие понятия не есть создание нового значения, а только использование старого слова, характеризующего один из признаков старого понятия, в целях более точного выражения новых понятий и предметов.

Дело в том, что комбинация ограниченного количества звуков языка вполне позволяет контекстное разнообразие, расширение значений однокомплексных звуковых сочетаний в виде слова, ибо „форма слова — это форма, реализующая в данном речевом контексте одно из лексических или грамматических его значений"[1].

Синонимы. (греч. Synonymos — одноименный) — это одно из средств обогащения словаря. Под ними подразумевают слова, различные по звучанию, но имеющие общие, близкие значения. Одно из слов синонимического ряда должно играть основную, стержневую роль. Основное, стержневое слово выражает прямое значение, содержит наиболее общее значение, а остальные слова ряда открывают новые экспрессивно-стилистические стороны понятия, выраженного стержневым словом.

Однако синонимы в своем употреблении неравнозначны, и не может быть речи об их подмене без экспрессивно-стилистических заданий, ибо не бывает полного совпадения значений слов синонимического ряда.

Синонимику питает многозначность слова. Одним и тем же словом можно выразить разные стороны различных предметов, в то же время различные слова могут выразить различные стороны одного и того же слова. На этом основано и этим обусловлено наличие синонимов.

---

[1] В. В. Виноградов, Современный русский язык, 1938, вып. I, стр. 112.

В бурятском языке синонимический ряд составляется, например, словами — *хуушанай*, *үнинэй*, *удаанай*, *холын*, *эртын*, *урайнай (үни)*, *заяанай*, *голабай*, *балар сагай*, означающие „старый", „ветхий", „старинный", „прежний", „бывший", „давний", „давнишний", „продолжительный", „затяжной", „далекий", „дальний", „отдаленный", „ранний", „древний", „древнейший", „в древности", „в старину", „длительный". Они обозначают время, периоды различной степени отдаленности от нашего времени, но значения их близки и общи, поскольку все эти слова обозначают периоды, отошедшие от нас в прошлое. Упомянутые в примере слова не могут быть безразлично употребляемы в речи без соответствующего требования контекста.

Например: *Отог отогоороо харбаха*
Урдын манай заншал даа[1].

„Стрелять (из лука) каждому сесть по отдельности — есть обычай наш древний".

Или: *Тандамнай хуушан дараанай шара юумэ амаргуихэн обоотой хэбтэнэ гээшэ гэжэ хэлсэдэг гээшэ*[2] „Говорят, что у вас лежат сбереженные с давних пор рубли целыми кучами". В этих двух предложениях слова *урдын* и *хуушанай* каждое в отдельности употреблено в своем месте и выполняет своим функционированием текстовое задание. Всякое иное слово упомянутого синонимического ряда не может удовлетворять требованиям текста, не будет привычным употреблением в определенном лексическом окружении.

Синонимы, во-первых, поддерживаются и обогащаются литературными словами, созданными для выражения специфических нюансов того или иного явления, понятия и предмета, например, *гоё* „красивый", *сэбэр* „чистый, красивый", *найхан* „хороший, красивый", *шамбай* „сильный, красивый"; во-вторых, диалектными словами, которые создают параллельные наименования предметов, например, *сонхо, онгоошхо, шагаабар* „окно"; *бороо, хура* „дождь"; *үгэ, хүүр* „слово", *олзо, баршаа* „барыш", *хахад, утархаи, үреэлэ* „половина". Очень часто сочетания диалектальных и литературных слов образуют парные слова, обозначающие более отвлеченные понятия, например, *үгэ хүүр* „слово, речь вообще", *һүхэ мадага* „тонор, режущий инструмент вообще", *шатар дойбод* „шахматы, шашки"; в-третьих, заимствованными словами, которые функционируют наряду с коренными бурятскими словами для обозначения одного и того же предмета или понятия, например, *буртаа* „ворота" и *үүдэн* „дверь", *доохтор* и *эмшэн* „лекарь", *астахаан* и *аяга* „чашка, стакан", *худөө ажахын* „сельскохозяйственный" и *аграрна* (аграрный); в-четвертых,

[1] А. Шадаев, Г. Цыденжапов. Музыкальная пьеса „Баяр", Улан-Удэ, 1940, стр. 6.
[2] Х. Намсараев. „Үүрэн толоо", 1950 г., стр. 7.

евфемизмами, служащими для замены прямых наименований иносказательными средствами, например, *үхэхэ* „умереть“ имеет следующий ряд синонимов: *нэһа бараха* „завершить жизненный путь“, *мордохо* „отправиться“, *нүгшэхэ* „скончаться“, *тагаалал болохо* „почить“, *мүнхэжэхэ* „умереть“ (почтительно), *хосорхо* „подыхать“, *хүлөө татаха* „умереть“ (досл. ноги протянуть), *бусаха* „возвратиться к прадедам“. Наряду с прямым названием *шоно* „волк“ имеются — *талын нохой* „степная собака“, *боро* „серый“, *ута һүүлтэ* „длиннохвостый“, *бурханай нохой* „божья собака“, *хүйтэн муртэ* „холодноследный“, *ендон гэсэл, гарюуһан, хамуута* и другие. Наряду с синонимами, близкими по значению, существуют синонимы стилистические, далекие, выражающие различные отношения, например, *эдихэ* „кушать“, *зооголхо* „отведать“, *шэхэхэ* „уплетать“, залгиха „жрать“, *бариха* „откушать“.

Синонимы входят в словарный состав любого языка, как его национальное достояние, как уточняющее, отшлифовывающее средство выражения мысли и обязаны своим бытием соотносительности с основным, стержневым словом. Синонимы играют большую роль в художественной литературе, где писатель, варьируя ими, применяет тот или иной синоним для большей выразительности языка и утверждения стиля произведений.

Омонимы, одинаковые имена (греч. *homos* — одинаковый и *onoma* — имя), представляют собою слова, одинаково звучащие, но имеющие различные значения. Слова различного происхождения и значения приобретают одинаковое звуковое оформление иногда случайно, из-за ограниченности звуковой возможности языка и расщепляя на ряд новых значений некогда единое слово.

Омонимы отличаются от многозначности слов тем, что каждый из них (омонимов) имеет соответствующий синоним, не соотносимый с синонимом другой его пары, например, *эрье* „берег“ (*заха* „край“), *эрье* „кастрированный баран“ (*хонин* „овца, баран“), *эрье* „обойди“ (*тойро* „обходи, обойди“).

Омонимы образуются различными путями. Они возникают, во-первых, вследствие распада, расщепления слов, потери ими первоначальной, генетической связи между собою, например, *элһэн* „песок“, *элиһэн*[1] „потертый“. Они первоначально, безусловно, имели единое происхождение: *элһэн* „песок“ — результат разрушения камня, его „потертости“. Еще: слово *уурхай* означает *шубуунай уурхай* „птичье гнездо“, *шулуун нүүрһэнэй уурхай* „рудник, каменноугольные копи“; во-вторых, по внешнему, видовому сходству предметов, по

[1] Эти слова звучат одинаково, но в практических целях орфографическое письмо дифференцирует их написания. Они омофоны.

близким по звуковому оформлению основам слов, например, *сагаан* „белый", „молочный продукт", „олень-производитель", „белая мерлушка"; в-третьих, по случайному звуковому сходству слов, например, *буруу* „теленок", „ошибка"; *хада* „гора", „жни", „приколи": *гар* „рука", „выди"; в-четвертых, при переходе слов из одной части речи в другую, например, *хойно* „за, позади", „на севере", „затем", „после": *хойно һууна* „на севере живет", *гэрэй хойно байна* „находится за юртой", *хүнэй хэлэһэн хойно* ойлгооб „после сказанного (человеком) понял".

Сложные слова. Под сложным подразумевают слово, которое состоит из двух компонентов, слитых воедино, произносимое под единым ударением и сокращенное в своих составных частях (синтетический способ сложения) или слово, произносимое и употребляемое раздельно (аналистический способ сложения), выражающее одно сложное, часто отвлеченное понятие. Основной массив словарного состава бурятского языка представлен простыми словами, выражающими конкретные предметы и вещи.

Для выражения общих, отвлеченных понятий прибегают к сложению слов. Все сложения слов делятся по своему морфологическому оформлению на два типа: 1) собственно сложные и 2) парные.

I. **Собственно сложные слова.** а) Сложные именные слова в бурятском языке обязаны своим образованием влиянию на них со стороны русского языка, т. е. калькирование по способу и форме русских сложных слов, а сложные глагольные слова выполняют грамматическую, видовую функцию.

Сложные именные слова состоят из двух слов, каждое в отдельности сохраняет свое лексическое значение, но, сочетаясь, они дают одно новое, сложное понятие, например, *һайндэр* „праздник" (*„һайн* „хороший", *үдэр* „день"), *ажахы* („хозяйство", *ажа* „хозяйство" конкретно, *а* — „бытие"), *мүнөөдэр* „сегодня" (*мүнөө* „сейчас", *үдэр* „день"). В одном сложном целом сочетающиеся компоненты-слова не только претерпевают семантические сдвиги, но и фонетические изменения. Здесь наблюдается нарушение традиционной сингармонии, то есть составные части сложного слова могут иметь в своем составе гласные различных рядов образования, на стыке двух сочетающихся слов гласные (*у, а*) выпадают: *һайндэр* „праздник", *мүнөөдэр* „сегодня", *ажахы* „хозяйство" и неустойчивый согласный звук *н*: *үхихүбүүд* „дети" (*үхин* „девочка", *хүбүүн* „мальчик") и сложное слово подпадает под общее ударение, что объединяет его составные части в единое целое, например, *һайндэр* „праздник", *олонациональна* „многонациональный".

б) Сложные глагольные слова представлены в бурятском языке целым рядом способов синтетических образований зна-

менательных глаголов с деепричастиями, именных слов с глаголами, например, *уужархиха* „выпить" (*уужа* „выпивая", *орхихо* „оставить"). Ср: *ябажархиха* „уехать", *гарашаха* „выходить" (*гаража* „выходя", *ошохо* „уйти"). Ср: *орошохо* „войти", *болонтохо* „становиться, хватить" (*болон* „делая, хватая", *татаха* „тянуть". Ср: *ерэнтэхэ* „приехал", *дуугарха* „говорить" (имя существительное: *дуун* „звук, голос", глагол: *гараха* „издавать"). Эта группа сложных глагольных слов содержит в себе явную лексикализацию, второй компонент, как лексическая единица, исчезает, превращаясь в видообразовательный суффикс.

II. Другой тип сложных слов в бурятском языке представлен парными словами. Парные слова в бурятском языке изобилуют в большом количестве и весьма продуктивны. Назначения их таковы же, как и назначение собственно сложных слов. Разница в них заключается лишь в том, что парные слова образуются аналитическим способом, по принципу сочинительной связи.

Такие парные сочетания слов в основном не связаны с выражением эмоциональных признаков. Сущность этих сочетаний заключается в их идиоматизации.

Синтезирование двух частных, конкретных понятий, выраженных самостоятельными словами или их частями, создает парные слова. Они, употребляясь в связной речи, не допускают перестановки (если эта специфика парных слов будет нарушена — они теряют свою номинативную роль) и между компонентами парных слов не вставляются слова, ибо они, только они своим прямым примыканием друг к другу создают парность, выражающую одно сложное понятие. Они не нуждаются ни в какой другой дополнительной лексико-грамматической помощи.

По своим семантическим заданиям и морфологическим признакам парные слова подразделяются на три большие группы: 1) собственно парные слова, 2) повторы, 3) редупликация.

1) Собственно парные слова комплектуются из двух разновидностей: (1) одна из них представляет собою сочетание двух самостоятельных знаменательных слов, или двух знаменательных слов, но одно из которых (второе слово) превратилось в служебный придаток к первому.

Парные слова, сохраняющие значения обоих своих компонентов, создают:

(а) одно общее, отвлеченное сложное понятие, например, *шубуу шонхор* „птицы" (общее название птиц) (*шубуун* „птица", *шонхор* „кречет"), *нюдэ аман* „физиономия, вид, лицо" (*нюдэн* „глаз", *аман* „рот"), *үхэр мал* „скот" (*үхэр* „корова", *мал* „скот"), *аяга шанага* „посуда" (*аяга* „чашка", *шанага* „черпак"), *үндэр набтар* „высота" (*үндэр* „высокий", *набтар* „низкий"), *ой модон* „лес, тайга" (*ой* „лес", *модон* „дерево"),

айл аймаг „селение“ (*айл* „семья“, *аймаг* „родственная группа семей“);

(б) одно отвлеченное понятие по семантическим признакам сочетаемых слов, по видовому сходству, например, *нохойн хоншоор* „шиповник“ (*нохойн* „собаки“, *хоншоор* „морда“), *наран сэсэг* „подсолнух“ (*наран* „солнце“, *сэсэг* „цветок“, досл. „солнечный цветок“), *дайда дэлхэй* „вселенная, наша планета“ (*дайда* „простор“, *дэлхэй* „наша планета“);

(в) одно собирательное понятие, причем один компонент пары, особенно второй, представляет архаизм, некогда имевший то же значение, что и первый компонент, но ныне самостоятельно, номинативно не употребляющийся, например, *хубсаһа хунар* „одежда вообще“ (*хубсаһа(н)* „одежда“, *хунар* „одежда?“, она отдельно не употребляется), *зөөри хара* „имущество вообще“ (*зөөри* „имущество“, *хара* отдельно в смысле имущества не употребляется; можно, повидимому, осмыслить как „прочее“), *дайн дажар* „война“ (*дайн* „война“, *дажар* в отдельности не употребляется в смысле „война“).

(г) Аморфное, прямое примыкание одного слова к другому, как определение с определяемым словом, например, *адуун шулуун* „большой камень“ (камень величиною с лошади, букв. лошадь-камень), *морин пряник* „фигурные пряники“ (пряники, по виду похожие на фигуру лошади, букв. лошадь-пряник), *үхэр тэргэ* „телега-тяжеловоз“ (букв. бык-телега), *түмэр харгы* „железная дорога“ (букв. железо-дорога).

2) Под повторами подразумевают повторение тех или иных основ слова для выражения значений собирательности или повторяемости и прерывистости действий, усиления качества тех или иных предметов в общей массе или в отдельности. Посредством повторов основ слова или их разных основ передаются различные эмоциональные окраски понятия.

Они конструируются посредством (а) механических повторений основ без каких-либо морфологических прилеп; (б) повторения основ, последняя из них морфологически оформляется по заданию предложения и (в) фонетической филиацией второй основы повторов:

а) Механические повторы без морфологических прилеп (т. е. формы остаются в обеих частях повторов без изменения) охватывают круг таких понятий, как например, *бүлэг бүлэг хүн* „люди, разбитые по группам“, *үндэр үндэр хаданууд* „высокие горы“, *арба арбан дабхар гэрнүүд* „десятиэтажные дома“, *томо томо шулууныд* „крупные камни“, *ябаа ябаа хүн болохо* „после приобретения жизненного опыта становятся человеком“, *хэлээ хэлээ үгэдөө хүрөө* „сдержал свое слово после многократных обещаний“,

б) Повторы основ, одна из которых приобретает морфологическое оформление, передают различные оценочно-эмоциональные признаки предмета и понятия, например, амитай

амигүй гүйжэ ерэбэ „прибежал ни жив, ни мертв“, *ами амяараа өөрынгөө шиидхэбэритэй* „каждый в отдельности имеет свое решение“, *дуһал дуһалаар дуһааха* „спускать по каплям“, *хээд хээд лэ үгэхэ* „выполняет каждый раз или наливает (насыпает) несколько раз“.

2) Повторы, образованные посредством фонетической филиации второй основы, выражают усиленное подчеркивание понятия, выраженного первой парой повторов, а вторая пара повторов является усилителем, синонимическим придатком первой пары повторов, искусственным словом, возникшим по требованию первой основы. И не всегда составные пары повторов могут иметь свое самостоятельное лексическое существование. Вторая пара повторов меняет в своем составе гласные или согласные, или одновременно несколько гласных и согласных звуков. Однако вторая, синонимическая пара конструируется по первой паре повторов как по размеру и характеру слогов, так и по наличию основных согласных и гласных фонем, например, *хармаан жэрмээн* „карман и подобное“, *хоахирха хуухирха* „кричать, кликать“, *хахад хухад* „половона“, *үлүү булюу* „лишний“, *дуу шуун* „шум и гам“, *һар һэр* „шорох“, *хан хон* „звон“.

Фонетическая филиация преимущественно распространяется на номинативные слова. Однако этот способ образования не только ограничивается изменением звуков в основе второй пары, можно констатировать и ее грамматическое оформление, как например, вторая основа обеспечивает вступление повторов в отношения с другими словами посредством изменения по падежам: *хахад хухадаар* „по половине“. Фонетическая филиация распространяется не только на искусственные вторые основы, но и на живые слова, выступающие в паре с первой основой, на разные основы, например, *ан бун* „тепло“, *нам жэм* „спокойствие“, *абир шэбэр* „шопот“, „шелест“.

3) Под редупликацией подразумевают употребление основ слов с их усеченными первыми слогами в препозиции. Этот способ словопроизводства связан с передачей и выражением усилительной экспрессии и превосходного качества. В бурятском языке редупликаты очень продуктивны и употребительны в любом лексическом окружении, например, *саб сагаан* „белый-белый“, *горо гонзогор* „долгий, предолгий“, *гэб гэнтэ* „вдруг“, *хаа хаанагүй* „везде“, где усеченные открытые первые слоги принимают согласные *-б*, *-р*. Этот способ производства слов распространяется в большей мере на производство имен прилагательных и наречий.

Исторические условия развития бурятского языка в прошлом, выразившиеся в хозяйственной, культурной отсталости его носителей, и, следовательно, слабое развитие производительных сил бурятского общества наложило свои отпечаток на выражение значений словами, на их структуру и форму.

Бурятские слова „заполнялись" преимущественно конкретным содержанием, точнее бурятские слова в основной своей массе обозначали конкретные предметы и понятия. Дальнейшее историческое развитие творцов языка — бурят — привело к тому, что они стали оперировать отвлеченными понятиями, соответственно оформленным словесным материалом. Так, в бурятском языке стали отмечаться новые явления, выражающиеся в семантическом сдвиге во многих словах, в суффиксации слов, в образовании сложных, сложносокращенных и парных слов, комплектованных из устаревших и новых продуктивных слов типа *дайн дажар* „война", *үй тумэн* „много", *зөөри хара* „имущество", где *дажар, үй, хара* не несут самостоятельной нагрузки, а лишь играют вспомогательную роль в обозначении другой парой более отвлеченных понятий и явлений.

Фразеология (греч. *phrasis* — выражение + *logos* — понятие, учение) или **фразеологические сочетания** — это готовые фразеологические штампы, характеризующиеся устойчивостью и условностью сочетающихся в речи слов и прямой непереводимостью их на другой язык. Сочетающиеся в едином словесном выражении компоненты теряют каждый в отдельности свою самостоятельную значимость или эта значимость в сочетающемся в едином целом лексическом окружении затушевывается. Эта кажущаяся аномалия языка укореняется массовым, повседневным ее употреблением носителями языка.

Эти готовые фразовые клише осознаются как носители понятий, могущих выражаться отдельными полноценными словами. Отдельные компоненты-слова фразового сочетания только в нем выявляют свое значение. Этой своей особенностью устойчивые сочетания слов отличаются как от свободных сочетаний, так и от отдельных или сложных слов. Однако они подчиняются в известной мере правилам сочетания отдельных свободных слов с точки зрения своей грамматической структуры и формы, хотя отдельные его компоненты лишаются своего прямого смысла и приобретают новый смысл уже в целостном выражении для обозначения привычного и общенародного понятия, как например, *һүүдэрээ хараха* „(излишняя) осторожность" (букв. остерегаться собственной тени, где *һүүдэр* „тень", *хараха* „смотреть, глядеть, остерегаться").

Фразеологические сочетания по своему содержанию и грамматической структуре подразделяются на ряд групп: идиоматическое выражение, фразеологические единства и собственно фразеологические сочетания.

Всем разрядам фразеологических сочетаний свойственно выражение ими переносных, образных, специализированных значений (идиоматичность), семантическая неделимость сочетающихся компонентов на отдельные части или группы, эквивалентность отдельным словам, синтаксическая целостность,

аналитический способ их производства и соответствие с живыми нормами бурятского словоупотребления.

а) Идиоматическое выражение зиждется на понимании смысла выражения в его целостном употреблении, т. е. смысл выражения вытекает из единства сочетающихся элементов во фразе, например, *наһаа эдихэ* „прожить свои годы" (букв. *наһаа* „свой возраст, годы, лета", *эдихэ* „кушать"—„скушать свой возраст"), *һүхэеэ буруу эшэлхэ* „не соглашаться с кем-нибудь в чем-либо, капризничать, заупрямиться" (букв. — в топор насадить рукоятку с обратного конца), *унаһан малгайгаа абангүй* „очень спешно, напряженно" (букв. — не поднимая свалившейся шапки), *доссом наран гараба* „стало радостно, облегченно вздохнул" (букв. — во внутри (моем) солнце взошло).

Все эти примеры показывают, что первоначальные значения каждого из компонентов, как бы расплавляясь, взаимно поглощаются, и в результате этого вся совокупность сочетающихся компонентов выражает одно понятие, качественно отличное от значения, какое можно было ожидать, если бы эти слова сочетались свободно.

б) Фразеологические единства характеризуются более или менее свободным, но спаянным сочетанием слов. В этом устойчивом сочетании каждый из его составных компонентов более самостоятельно вносит свою „лепту" в конструировании общего значения единств. Вхождение в них того или иного слова оправдано относительной его смысловой самостоятельностью, хотя очень велика в них синтезирующая сила, благодаря чему сочетание выражает лишь одно понятие, например, *хүйтэ абаха* „простудиться" (букв. принимать холод), *хэбтэһэн хони бодохогүй*, „тихий" (букв. не поднимающий лежащую овцу), *хүнэй гараар могой барюулха* „чужими руками жар загребать" (букв. чужими руками заставить поймать змею), *ара нэрэ* „прозвище" (букв. оборотное имя), *ута хушуута* „сплетник" (букв. длинномордый).

В фразеологические единства входят пословицы и поговорки, являющиеся грамматически завершенными, целостными сочетаниями, например, *мэдэхэгүй сэсэнһээ мэдэһэн тэнэг дээрэ* „лучше знающий глупец, чем незнающий мудрец", *худэлмэршэ хүнэй хүлһэн гоожохо, хомхой хүнэй шүлһэн гоожохо* „у трудолюбивого пот течет, у прожорливого слюни текут", *худалша хүн ама алдаха*, *хулууша хүн гэршэ бариха* „лжец божится, а вор ссылается на свидетелей", *үнгэрһэн юумэндэ хүн бүхэн бэрхэ, үлтэрһэн мяханда шүдэн бүхэн хурса* „каждый имеет мудрое суждение о прошедшем, каждый зуб остер для разваренного мяса", *эрэ хүн залуудаа, эшэгэнэй мяхан халуундаа* „красота у мужчины в молодости, прелесть козлятины — у огня (т. е. пока горяча)".

в) Собственно фразеологические сочетания дают сравнительно больший простор словам для самостоятельного употребления, нежели фразеологические единства, но более ограниченный, чем при свободном словоупотреблении.

В фразеологических сочетаниях слова в своем употреблении локализуются, т. е. значение их выявляется ярко и всеобъемлюще, например, *наранһаа наагуур, намһаа саагуур* „моя хата с краю" (букв.— поближе к солнцу, подальше от меня), *үбэлэй янгинама хүйтэн* „зимний трескучий мороз" (букв. зимний мороз такой, что звенит) *гэгээн сагаан үдэр* „светлый день, среди белого дня" (букв.—светлый, белый день), *шэнэ һара гараха* „наступит новый месяц" (букв. взойдет новый месяц). Слова, составляющие фразеологические сочетания, могут употребляться и в свободных сочетаниях, но в фразеологических сочетаниях эти слова по отдельности не выражают самостоятельных значений, а входят как обязательный компонент фразы, выражающей одно общее понятие, отличающейся выразительностью и выпуклостью изображения.

Словари. Собирание словарного состава языка в один свод с толкованием его слов средствами данного языка или с переводом его на другой язык, или со специальным его отраслевым назначением составляет суть словаря, словарной работы. Словари бывают различных типов и назначений: этимологические, исторические, толковые, синонимические, диалектологические, профессиональной лексики, иностранных слов, орфографические и фразеологические.

Назначение этих словарей сводится к удовлетворению практических потребностей научных и практических работников. Для удовлетворения бурятской языковой практики в настоящее время функционируют три типа словарей — „Бурят-монгольско-русский словарь", составленный К. М. Черемисовым под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева, „Русско-бурят-монгольский словарь" группы авторов, „Краткий словарь общественно-политических терминов" Ц. Б. Цыдендамбаева, „Орфографический словарь для средней школы" Д. Д. Амоголонова и Д. А. Абашеева.

„Бурят-монгольско-русский словарь", составленный К. М. Черемисовым под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. В этом словаре в основном раскрыто значение слов словарного состава бурятского языка и его ядра—основного словарного фонда, его место в системе языка.

В „Словаре" хорошо и полно представлено лексическое богатство бурятского языка. В нём содержится около 25 тысяч расположенных в алфавитном порядке бурятских слов и их эквивалентов в русском языке. Значительное количество слов в словаре сопровождается примерами, иллюстрирующими их употребление, в которых выявляются разнообразные синонимические и омонимические значения слов. „Словарь" является

двуязычным, следовательно, он исключает толкование значений слов. Создание такого типа словаря было обусловлено общественной потребностью и необходимостью, и он восполнил существенный пробел, который существовал в монголистике в части собирания, систематизации и публикации словарного состава одного из монгольских языков, каковым является бурятский язык.

История монголоведения знает немало выдающихся творений русских ориенталистов, как например, монгольско-русский и многоязычные „Словари" О. Ковалевского, Голстунского и Я. Шмидта, а также более современные монгольско-русский и русско-монгольский словари Р. Бимбаева, К. М. Черемисова и Г. Н. Румянцева, Д. А. Абашеева и К. М. Черемисова, русско-монгольский словарь издания ученого комитета МНР, Краткий словарь общественно-политических терминов Ц. Б. Цыдендамбаева, орфографический словарь бурятского языка для средних школ в 14 тысяч слов Д. Д. Амоголонова и Д. А. Абашеева.

Однако многие из названных словарей стали библиографической редкостью, частично устарели и в некоторых из них мало находили себе места слова активного словарного запаса бурятского национального языка. Эти словари по охвату количества слов и отражения разнообразия их значений не удовлетворяют требованиям современных словарей. Тем не менее нельзя не упомянуть о том, что К. М. Черемисов имел возможность во многих случаях ориентироваться в своей работе на работы своих предшественников (конструирование словаря, подбор слов и их перевод на русский язык и т. д.).

„Словарь" К. М. Черемисова, поскольку в нём раскрыты многообразные значения слов через их иллюстрацию на примерах и перевод на русский язык, представляет собою не только справочное пособие для практических работников, связанных с изучением бурятского языка и переводчиков, но есть свод, отражающий значительное количество активного и пассивного словарного состава языка в современном его состоянии: в него включены бытовая и хозяйственная лексика, общественно-политическая, науко-техническая терминология.

Структура „Словаря" основана на расположении слов в нем в алфавитном порядке, что выгодно отличает его от старых Словарей, структурное построение которых основано на гнездовании слов. В „Словарь" К. М. Черемисова включены в подавляющем большинстве зарегистрированные и реально бытующие в современном бурятском литературном языке слова. Пути собирания материала шли по линии сплошной, не знающей исключении, разноске на карточки слов из разнообразных печатных изданий на бурятском языке и тематических записей разговорного языка путем опроса. Собранный языковой

материал был обработан не только с точки зрения нахождения соответствующих им русского эквивалента, но и фонетико-морфологического облика бурятских слов.

Такой тщательно продуманный лингвистический метод составления „Словаря" должен был придать ему нормирующую и стандартизирующую роль в употреблении по значению и форме слов. Включение в „Словарь" некоторых диалектизмов, несомненно, должно рассматриваться как положительное явление, поскольку одна лишь публикация этих слов „легализует" скрытые лексические пласты диалектов, которые могут быть в первое время включены в пассивный запас словарного состава с последующим по мере надобности включением в обиход литературного языка.

Составитель „Словаря" К. М. Черемисов и редактор Ц. Б. Цыдендамбаев раскрывают в значительной мере значения многих слов посредством их постановки в различных словосочетаниях и контекстах. Следует заметить, что этим целям во многих случаях очень удачно использованы бурятские пословицы и поговорки.

Значительное место в „Словаре" занимают биномы, парные слова, которые в бурятском языке имеют исключительное значение для выражения отвлеченных понятий и понятий собирательности (и неопределенности). В „Словаре", в основном, даны употребительные и массового распространения слова. Подавляющая их часть находит в „Словаре" правильный, эквивалентный, соответствующий своим значениям перевод на русский язык. Посредством примеров-предложений и через их перевод на русский язык выявляются и раскрываются значения многих слов.

Как известно, слова бурятского языка в значительной мере полисемантичны. Эта многозначность слова конкретизируется в словосочетаниях и контекстах. Метод иллюстрации примерами в основном достигает цели выявления и раскрытия многообразных значений слов. Нельзя не констатировать, что „Словарь" в равной мере необходим как для перевода с бурятского на русский, так с русского на бурятский. Таковы достоинства „Словаря". Считая, что „Словарь" находит своё надлежащее применение в практическом языковом строительстве, нельзя не остановиться на некоторых недочётах названного „Словаря".

1) Нередко даётся неправильный, не эквивалентный перевод слов бурятского языка на русский. В „Словарь" не вошло довольно большое количество широко распространенных слов, таких как *һүнидэхэ* „задержаться до ночи", *нэгэмүһэн* „вместе, сразу, одним разом", *угалза* „узоры", *шугамдаха* „линовать" и другие. И немало слов, которые не получили своего семантического выявления в переводе на русский язык, как, например, слово *масаг* переводится только как „пост" в куль-

товом значении этого слова, хотя оно означает также и всякое воздержание от пищи"; *ааряг* в ,,Словаре" означает только ,,редко, редкий", между тем оно означает и ,,ненадежный"; *үдхэхэ* в ,,Словаре" переводится как ,,разводить, разомножать, выращивать", но оно вместе с тем означает и ,,воспитывать" (о ребёнке), ,,заботиться" (о старых людях).

Подобные же погрешности в выявлении значений слов автор ,,Словаря" допускает в отношении таких слов, как *ааг, аали, абир, зүдэр, зүдхүү, долихо, обёлгогүй, ондоргон, тоймог, һаал, шангааха, шандаруу, аманда орохо, аягүй, аарсан, булгайр, аалидуулха, ёношолон, замбаа, зоо тахархи, сортоо, тажаа (тажаарха), тангарха, танюуһагүи, ташалан, хара шүлэн, хударга, хутага шүбгэ, һүгэдэнги, шэнжэлхэ, яршаг, аминай үгэ, ахай (эсэгэ), гангинаха, буряадшалха, ганзага, ласхаиха* и т. п.

Иллюстрирующие бурятские примеры-предложения в некоторых местах ,,Словаря" составлены без соблюдения требуемых норм, как например, *шинии захяа абтаха даа* (стр. 25), *ааляар хэн бэлэйш? гэбэ* (стр. 19), *ааяма зунай халуун* (стр. 21), *энэ һара соо хүдэлмэриингөө адаг хахадыень хэхэ ёнотой юм* (стр. 31), *уһа адхама бороо* (стр. 35), *загаһа алаха* (стр. 42), *усадьбануудай дундахи хилэ* (стр. 568), *хоохон мяхаар эдеэлхэ* (стр. 582) и т. д., а другие совершенно правильно конструированные выражения и предложения получают неправильный перевод на русском языке, как например, выражение *Ангар мурэнэй аман* (стр. 50) переведено ,,устье реки Ангары", между тем *аман* означает ,,исток",в — *үглөө сэлмэг үдэр болохо аабза* (стр. 18) — *аабза* переведено как ,,повидимому", а между тем оно означает ,,вероятно", *хара шүлэн* не столько означает ,,постный суп", а скорее всего — ,,суп без приправы", ,,чистый бульон".

Автор ,,Словаря" не избежал смешения общенациональных и диалектальных слов и их форм:

а) В ,,Словаре" диалектальные слова и их формы (диалектизмы) выдаются за общенациональные. Таковы, например, *бидаха* ,,мазать" (стр. 101), *агшуун* ,,сгущенный" (стр. 31), *азанаха* ,,ждать" (стр. 38), *аймаха* ,,мутить воду" (стр. 40), *адаглаха* ,,наблюдать" (стр. 31), *изалха* ,,мять" (стр. 292), *мартаниха* ,,позабывать" (стр. 310), *орзо* ,,доход" (стр. 373), *сонохо* ,,гореть" (стр. 404), *таабагар* ,,шванливый" (стр. 419) *уртяад* ,,сперва" (стр. 487), *ууганһаа* ,,с давних пор" (стр. 489), *хабхалха* ,,закрывать" (стр. 530), *хүрилхэ* ,,кружиться" (стр. 614), *будуушха* ,,подушка" (стр. 616), *энэлхэ* ,,сокрушаться" (стр. 734), *яндуул,* ,,плохой" (стр. 757), *жүһэм* ,,кусочек" (стр. 250) и другие.

б) И, наоборот, общенациональные и широко распространенные слова, как например, *хусы* ,,дикий горох", *һэжэгүүшэ* ,,суеверный", *һэлгээ* ,,дуновение", *һэльбээ* ,,родство", *эш-*

хээхэ „подразнивать" и другие автор относит к словам диалектальным.

Без соответствующих помет даются параллельно, на равных правах, слова, которые означают одно и то же понятие, но фонетические варианты которых диалектальны, как например, *ялагар* и *ялбагар* „блестящий", *шударга* и *шударгы* „активный", *эжэгүй* и *эзэгүй* „необитаемый" и *дууряан* и *сууряан* „эхо", *будаха* и *бидаха* „красить", *зантахи* и *зээгэн* „росомаха", *зүһэм* и *жүһэм* „кусок" и т. д.

В „Словарь" включены русские слова, которые имеют соответствующие бурятские эквиваленты, как например, доклад (бурятское слово—*элидхэл*), торжественно (бурятское слово—*баярай*), *лойяльна* (бурятское слово—*зүбшөөрэнги*). Автор порою произвольно превращает посредством суффиксов глагольные формы в неупотребительные или в лучшем случае малоупотребительные именные слова, как например, *ганирол* „окрик на кого-либо", *захил* „заказ", *худэлэлтэ* „движение". Иногда в „Словаре" можно встретить неудачные и случайно попавшие слова и выражения, как например, *харуул нюдэтэй, манай колхоз баян агша даа* (стр. 30), *арсалан зориг* (стр. 65), жадалха (стр. 246), *ногооной һалхин* (стр. 643).

Имеются в „Словаре" и орфографические ляпсусы, например, *аабаахаа* вм. *аабааха* (стр. 17), *Боянто* вм. *Буянта* (стр. 30), *ажалшахүн* вм. *ажалша хүн, һүбөө* вм. *һүбээ* (стр. 666), *мугуй* вм. *мугы* (стр. 319), *таланттай* вм. *талаантай* (стр. 425), *хойдтээ* вм. *хойто тээ, үдэр эдеэн* вм. *үдэрэй эдеэн* и т. д.

К „Словарю" приложен „Краткий грамматический справочник по бурят-монгольскому языку", который в основном состоит из образцов склонения и спряжения и таблиц словообразующих морфем. В „Справочнике" словообразующие морфемы правильно систематизированы по значениям. Словообразующие и словоизменяющие морфемы представлены в „Справочнике" в наиболее полном перечне. Однако общие сведения о грамматике ограничиваются лишь констатацией общеизвестных, зарегистрированных языковых явлений, которые вошли во все нормативные грамматики. Автору на основе богатого материала „Словаря" следовало бы дать не только перечень общеизвестных фактов, но и объяснить некоторые явления языка, скажем, такие, как гармония гласных, переход одной части речи в другие части речи, субстантивация, адвербиализация и другие.

ЛИТЕРАТУРА.

Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, изд. 4, 1931 (Предисловие).

В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1947.

И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950.

—

О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957.

Т. А. Бертагаев, Об устойчивых фразеологических выражениях на материалах современного бурят-монгольского языка, Сборник трудов по филологии, вып. II, Улан-Удэ, 1949.

Т. А. Бертагаев, Словарные расхождения говоров, Записки ГИЯЛИ, Улан-Удэ, 1941.

Т. А. Бертагаев, Флексия основ в агглютинативных языках, Сборник трудов по филологии, вып. I, Улан-Удэ, 1948.

Р. А. Будагов, Очерки по языкознанию, М., 1953.

Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., 1953.

В. В. Виноградов, Русский язык, разд. „Введение в грамматическое учение о слове“,

В. В. Виноградов, О формах слова, „Известия АН СССР, ОЛЯ“, т. 3, вып. I, 1941.

В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, „Вопросы языкознания“, № 5, 1953.

В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, „Сб.“ А. А. Шахматов (1864—1920), М.-Л., 1947.

М. С. Гурычева и Б. А. Серебренников, Задача изучения основного словарного фонда языка, „Вопросы языкознания“, № 6, 1953.

Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык, разд. „Лексикология“, М., 1957.

А. И. Смирницкий, Значение слова, „Вопросы языкознания“, № 2, 1955.

Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957.

Ц. Б. Цыдендамбаев, Об общественно-политической терминологии в бурят-монгольском языке, Сборник трудов по филологии, вып. I, Улан-Удэ, 1948.

Д. Д. Амоголонов и Д. А. Абашеев, Бурят-монгол хэлэнэй орфографическа словарь, Улан-Удэ, годы перепзд.: 1940, 1945 и 1953.

Д. А. Абашеев и К. М. Черемисов. Русско-бурят-монгольский словарь, Улан-Удэ, 1941.

К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1953, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева.

М. Н. Имехенов, Д. Ч. Чернинов и Ц. Д. Цыбиков. Русско-бурят-монгольский словарь, М., 1954, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева.

Ц. Б. Цыдендамбаев, Словарь общественно-политических терминов, Улан-Удэ, 1949.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ.

Морфология (греч. *morphe* — форма + *logos* — учение) представляет собой один из разделов грамматики, являющейся собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Благодаря грамматике (морфологии, синтаксису) язык приобретает стройный, осмысленный характер и „... получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку“[1].

Морфология, будучи разделом грамматики, изучает правила образования слов и изменения форм одного и того же слова, следовательно, объектом морфологии являются отдельные слова, их строение, изменение и функционирование, абстрагированные от своего конкретного, предметного содержания и изучается в ней то общее, что лежит в основе изменений слов. Морфология на этой основе строит свои правила, законы.

Язык, как средство общения, не может ограничиться только употреблением слов в предложении в их первоначально данной форме. Если бы слова не обладали способностью изменяться и приращиваться аффиксами, то не могли бы выражать различные отношения между предметами, явлениями, не играли бы цементирующей роли в построении предложения, вообще не могли бы объединяться в предложения.

Регистрация изменяющихся отношений предметов, явлений друг к другу в действительности в акте общения кладется в основу изменений слов, отношений между словами, в основу их структуры, что и составляет предмет морфологии.

Слова в предложении определённым образом организуются по требованию смысла предложения, имеют строго стабильные формы изменения и связаны друг с другом в предложении формальными признаками связи при помощи различных аффиксов, вместе с тем, морфология „...даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности“[2].

---

[1] И. Сталин. „Марксизм и вопросы языкознания“, 1950, стр. 20.
[2] И. Сталин. Цит. соч., стр. 20.

Максимальная абстрактность словоизменительных аффиксов составляет специфику морфологии языка, ибо один и тот же словоизменительный формант обслуживает очень многие стороны отношений между предметами, явлениями, понятиями и их многообразными признаками, например, аффикс исходного падежа *-haa (-гhaa)* употребляется в очень многих случаях: 1) в значении „выхождения, выхода из чего-либо, откуда-либо" — *гэртээ гараа* „из дома вышел"; 2) в значении показа времени, от которого начинается то или иное действие — *ерэхэ жэлhээ hургуулида орохо* „с будущего года пойдет в школу"; 3) в значении сравнения — *сэhээ hайниинь дээрэ* „лучше хорошее, чем большее"; 4) в значении ограничения — *тэрээнhээ гадна* „кроме того"; 5) в значении последования, последовательности — *тэрээнэй хойноhоо дахажа ябана* „за ним следует, придерживается его мнения"; 6) в значении исходной причины совершения действия — *оройтоhонhоо болоҗо ошоогүй* „из-за того, что стало поздно, не пошел".

Морфологические форманты, обслуживая различные случаи в отношениях между словами в словосочетаниях, обладают высокой отвлеченностью, и проявляют огромную устойчивость и живучесть. Морфология сцепляет слова друг с другом в предложении, и эта роль морфологии тесно связывает ее с синтаксисом, неразрывная связь которых выражается во взаимообусловленности, во взаимопроникновении друг в друга. Оба раздела грамматики берут исходным пунктом своего изучения — слово с точки зрения его формообразования и сочетания с другими словами в предложении. Однако морфология имеет свой предмет, отличный от предмета синтаксиса. Морфология имеет дело с изменением форм одного и того же слова и приобретением новых значений посредством аффиксов.

Следовательно, в понятие морфологии входят словоизменение, словообразование (морфемный состав слова), классификация слов по частям речи.

Морфема. Морфология анализирует морфемный состав слова или структуру слова. Как известно, слово состоит из отдельных неравнозначащих частей, образующих одну из его форм. Эти его части образуют морфемы. Морфемами называются значимые неделимые части слова, служащие для выражения его вещественных значений и грамматических понятий. Под последними подразумевают части слова, содержащие его предметное (лексическое) значение (гнездо слова), новое значение или часть производной основы слова, образующейся посредством суффиксов, и словоизменительную форму — окончание.

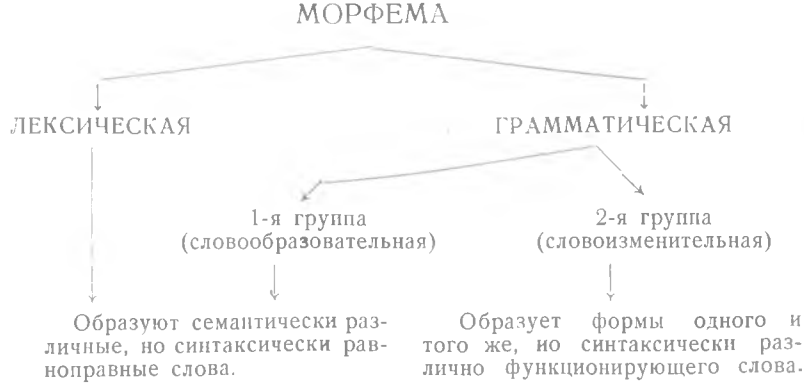
Соответственно этому лексическое и грамматическое значение слова определяется этой двухприродной его характеристикой, и состав слова подразделяется на корневую, словообразовательную и словоизменительную морфемы. Корневая

морфема представляет собою корень слова, выражающий первоначальное его значение, реальное содержание, например, *хара* „смотри", *ном* „книга", *бүдүүн* „толстый", *халуун* „горячий", *бари(ха)* „держать", *шэлэ(хэ)* „выбирать", *дээрэ* „наверху", *табан* „пять", *хоёр* „два", *эндэ* „здесь".

Словообразовательная морфема являет собой приращение в виде суффикса к корню слова или корневой морфеме, образующее новое слово или два различных параллельных слова, например, *хара* „смотри" и *харуул* „караул", *ном* „книга" и *номшо* „книжник", *бүдүүн* „толстый" и *бүдүүрхүү* „чванливый", *халуун* „горячий" и *халуур(ха)* „лихорадить", *бари(ха)* „держать" и *барюул* „ручка", *шэлэ(хэ)* „выбирать" и *шэлэмэл* „отборный", *дээрэ* „наверху" и *дээрэхи* „верхний", *табан* „пять" и *табадахи* „пятый", *хоёр* „два" и *хоёролжон* „двойной", *эндэ* „здесь" и *эндэхи* „здешний".

Эти два ряда морфем в приведенных выше попарно-параллельных словах составляют лексические морфемы, образующие остов корневых и новых, но синтаксически равноправных слов, тогда как словоизменительная морфема не образует нового значения слов и не изменяет основного значения корневых и производных основ слов.

Назначением словоизменительной морфемы в составе слова является отображение различных отношений между предметами, явлениями посредством морфологических его формантов-окончаний или образование различно функционирующих форм одного и того же слова, например, от слова *гал* „огонь" образуются формы *галай* „огня", *галда* „огню", *галые* „огонь", *галһаа* „из (от) огня", *галаар* „огнём", *галтай* „с огнём" или от слова *гэр* „дом" образуются формы *гэрнүүд* „дома" (множественность), *гэртэһээ* „из дома" (двойное склонение), *гэрһээнь* „из его (ее) дома" (склонение с безличным притяжанием). Морфемный состав слова можно представить в виде следующей схемы:

Морфемный состав слова зиждется на его организующем и образующем факторе — фонеме, смыслоразличительном звуке. Эти фонемы служат для различения (1) смысла слова, например, мал „скот" и *дал* „навес", *хада* „гора" и *худа* „сват", *наана* „по эту сторону" и *няана* „приклеивает"; (2) форм одного и того же слова, например, *хүн* „человек", *хүнһөө* „от человека", *хүниие* „человека", *хүндэ* „человеку" и т. д.; (3) сочетаний слов, например, *эсэгэдэ үгэхэ* „отцу дать", *эсэгэ үгэхэ* „отец даст", *эсэгээр үгүүлхэ* „через отца передать"; (4) типов предложений посредством особых интонаций, например, город *ошоо* (повествовательное предложение), город *ошоо!* (восклицательное предложение), город *ошоо?* (вопросительное предложение)[1].

Фонетическими средствами языка словоизменение устанавливает различные связи между словами в предложении, что выдает его как синтаксическое явление, иными словами, обнаруживается тесная связь морфологических средств с синтаксическими, а словообразование, как лексический фактор, через лексику входит в словарь.

Однако нельзя не отмечать факты взаимоперехода друг в друга словоизменительных и словообразовательных явлений в бурятском языке.

Некоторые словоизменительные форманты приобретают силу словообразовательных морфем. Например, в одинарном склонении в Им. падеже слово *амин* означает „дыхание, жизнь, душа", а в Орудном падеже это слово принимает форму *амяараа*, означая уже „отдельный, уединенный", и, как правило, система т. н. двойного склонения даёт новые слова с иным содержанием по сравнению с тем, что дано в Именительном п. Если обычно принято считать простое склонение пределом изменения именных слов, то в бурятском языке может наращиваться к основе слова одновременно две разные падежные формы, т. е. может прибавляться один падежный аффикс к измененной или стоящей в косвенном падеже основе, например, *аха* „брат" (Им. п.) даёт в Р. п. *ахын* „брата". К последней форме слова можно наращивать суффикс *-хи*, являющийся показателем местонахождения какого-либо предмета, лица в чем-либо, где-либо, и аффикс Исходного п. *-һаа*, в итоге мы получаем форму *ахынхиһаа (ах-ын-хи-һаа)*, которая означает не „от брата", а „из квартиры (местожительства) брата или из семьи брата". Следовательно, здесь имеем факт лексикализации словоизменительных морфем. Точно таковы же функции двойных форм у некоторых других склонений, как например, родительно-дательного, дательно-исходного, совместно-винительного, совместно-исходного падежей.

---

[1] Ср. В. В. Виноградов, „Структура каждого слова отражает характер отношении между грамматикой и семантикой в данном языке".

Не только аффиксы косвенных падежей у имён существительных играют словообразовательную функцию, но некоторые именные части речи, как например, имя прилагательное, имя числительное в косвенных падежах, и благодаря аффиксам косвенных падежей субстантивируются, т. е. опредмечиваются, выражая не только качественные и количественные признаки предметов и явлений, но и носителей этих признаков, например, *һайн* ,,хороший", *һайнһаань* ,,из хорошего, из лучших" (Исх. п. с личным притяжанием 3-го лица). Здесь, формой *һайнһаань,* несомненно, выражается не только качество предмета, но и его носитель, что подтверждается невозможностью постановки названия носителя качества после неё и отсутствием необходимости этой постановки. Точно так же субстантивируются и имена числительные в косвенных падежах, например, от *хоёр* ,,два" (Им. п.) образуется Совм. п. *хоёртой* ,,с двумя, двухгодовалый".

В бурятском языке богато представлены омонимы, правда, во многих случаях различно оформленные в орфографическом письме, относящиеся к различным частям речи, например, *удха* ,,значение, сущность" и ,,черпай", *адха* ,,горсть" и ,,пролей", *хада* ,,гора" и ,,жни", *хана* ,,стена" и ,,удовлетворяйся", *алаг* ,,пегий" и ,,пусть убьёт", *шэрэ* ,,краска" и ,,тяни", *хуша* ,,кедр" и ,,укрой", *һаба* ,,жбан" и ,,колоти", *буха* ,,бык" и ,,нырни", *таби* ,,пятьдесят" и ,,ставь", *һуга* ,,подмышка" и ,,быстро", *шэнжэ* ,,вид" и ,,исследуй" и др.

Бурятский язык по своему строю является агглютинирующим. Эта особенность языка заключается в том, что при словоизменении и словообразовании корень и основа слова не претерпевают звуковых изменений, и все аффиксы механически приставляются к ним, т. е. словообразующие, словоизменительные морфемы, аффиксы множественного числа, различные притяжательные, отрицательные, модальные и прочие прилепы механически ставятся в конце корня или основы в строгой последовательности по требованию нормы языка.

Однако из этого принципа построения слов исключение составляет только наличие флексии в личном местоимении и имени числительном. Дело в том, что (1) некоторые формы личного местоимения в косвенных падежах единственного числа строятся на звуковых изменениях основ, а именно: 1-е и 2-е лица личного местоимения имеют по три основы при их склонении: *би* ,,я" (Им. п.), *минии* ,,мой" (Р. п.), *намда* ,,мне (Д. п.), *ши* ,,ты" (Им. п.), *шинии* ,,твой" (Р. п.), *шамда* ,,тебе" (Д. п.). Основы Д. п. *нам, шам* служат базой для приращения аффиксов других косвенных падежей;

(2) названия десятеричных чисел, начиная с двадцати, образуются посредством звуковых изменений чисел первого десятка десятичной системы числительных, флективно: *хоёр* ,,два" и *хорин* ,,двадцать", *гурбан* ,,три" и *гушан* ,,трид-

цать", *дурбэн* „четыре" и *дүшэн* „сорок", *табан* „пять" и *табин* „пятьдесят" и т. д. Особенность этого вида флексии заключается в изменении не только гласных в основах, но и согласных и их чередовании и исчезновении (ср. *хоёр* и *хорин*);

(3) формально недифференцированные, омонимичные наречия и послелоги типа *доро* „внизу, под", *дээрэ* „вверху, на" в предложении, словосочетании претерпевают фонетические изменения. Послелоги в предложении обычно теряют свой конечный звук, например, в устной речи слышится *гэр дор* „под домом", *гэр дээр* „над домом", в то время наречие типа *доро*, *дээрэ* не теряют своего гласного, например, *дээрэ гараха* „подниматься наверх", *доро хэбтэнэ* „лежит внизу";

(4) в бурятских диалектах имеют место чередование различных звуков в одном и том же слове или исчезновение гласного звука в одном диалекте и наличие его в другом. Номинативные слова, оканчивающиеся на согласный звук *д*, в косвенных падежах, особенно перед аффиксами Вин. и Исх. п., оформляются в различных диалектах различными согласными, например, можно услышать из уст представителей восточного диалекта *буряад* „бурят" (Им. п.), *буряашые* „бурят" (*В.* п.), *буряадһаа* „от бурята" (Исх. п.), *буряадаар* „по-бурятски" (Ор. п.), то же слово соответственно произносится селенгинскими бурятами — *буряад, буряадые, буряадаас, буряасаар*, а представители западного диалекта — *буряад*, *буряаһые*, *буряадһаа, буряаһаар* и т. д.

Бурятское слово конструируется следующим образом и в следующей последовательности в своих составных частях:

а) именные части речи: корень+суффикс(+суффикс)+аффикс множественного числа+падежное окончание+притяжательные прилепы+ модальные прилепы:

основа

мори (н)+шо+д+ые+нь+шье „хотя бы их конюхов".

б) глагольные слова: корень+временной аффикс+отрицательные частицы+(вопросительные частицы+сказуемостные частицы): *яб (а)+аа+гүй+(гү+т?)* „Вы не уехали?".

основа

Конечно, могут быть и некоторые другие виды структурного строения слова в зависимости от задания предложения, как например, именные слова, будучи сказуемыми предложения, могут непосредственно принимать сказуемостные или отрицательные частицы, или в качестве определения могут принимать только отрицательные частицы. Всё же вышеуказанный принцип строения именных и глагольных слов преобладает и является каноном.

Состав слова. Аффиксальное образование слов представляет собой важнейший способ обогащения словаря и единственный прием для целей сцепления слов в предложении.

Аффикс (лат. affixus — „прикрепленный") обнимает все части слова, кроме корня. Роль аффиксальных морфем в языке исключительно велика, они являют собою его богатство. Эти морфемы в широком плане придают языку осмысленный характер. Сочетание этих морфем с корневыми словами и наряду с ними выражает в словах смысл и связи слов между собой в системе предложения.

С точки зрения семантико-грамматических свойств слово в своем составе содержит четыре неравнозначащих элемента, каждый из которых в отдельности выполняет роль „строительного материала", из сложения которых образуется слово как лексическая и грамматическая единица.

Такими четырьмя элементами, частями слова являются корень, суффикс, окончание и различные, органически входящие в состав слова притяжательно-отрицательные и модальные частицы.

Анализ состава слова должен строиться на учете действительно бытующих в языке и в сознании говорящих на этом языке смысловых и грамматических компонентов слова.

Бурятское слово по своему составу делится на две большие группы: 1) части слов, которые содержат их лексическое значение; 2) части слов, не содержащие лексического их значения; сюда относятся словоизменительные морфемы и притяжательно-отрицательные частицы. Первая группа обнимает два ряда лексически полноценных слов, различных по оформлению. Морфологические различия между ними обусловлены наличием у одного ряда слов суффиксов (производные основы), а у другого — их отсутствием (непроизводная основа). Отличие их выявляется посредством сопоставления между собою. Оба ряда слов являются каждый в отдельности их идееносительными и материальными частями, они по значению и звуковому оформлению близки между собой, ибо они семантически соотносительны, производные основы семантически зависят от соответствующих непроизводных.

1) Слово в своей первоначальной форме представляет собою морфологически неделимое целое. Это значит, что оно состоит из составивших его первичных элементов — звуков, не претерпевших дальнейших изменений, но, входя в словообразовательный процесс, сохраняет в группе слов свой общий вид и происхождение. Эту общую часть группы родственных слов, первичную лексическую морфему называют к о р н е м. Корень совпадает с Им. п. и по отношению к словоизменительной морфеме получает наименование основы.

В бурятском языке лексическая морфема — корень — характеризуется рядом особенностей и в целом прозрачно различается от суффиксальных образований слов. Корень бывает: (а) первичной формы, т. е. в этом неизмененном виде функционирует как лексическая единица и существует в производных основах. Такое постоянство корня обеспечивает согласное окончание, за исключением звука *н*, например, *гал* „огонь", *үхэр* „корова", *ном* „книга"; б) неполной формы, т. е. корень, входя в словообразовательный и словоизменительный процесс, иногда теряет часть своих компонентов, и в частности исчезают конечные гласные и согласный звук *н*, например, *буха* „бык" и *бух(-а)-ын, морин* „конь" и *мори(-н) -шон* „конюх", *мор-гор* „конем"; в) бурятское глагольное слово может состоять из первоначальных самостоятельных слов, впоследствии последнее из них теряет своё лексическое значение, свой фонетический облик и превращается в словообразовательный суффикс, выразителя вида, например, *ябажа́* „идя"+*ошобо* „пошел"→*ябашаба* „ушёл"; *эдижэ* „закусывая"+*орхибо* „оставил"→*эдижэрхибэ* „скушал".

2) Форма слова, зависимая от корня и соотносительная с ним, представляет собой производную основу слова. Производная основа всегда бывает сложного строения, являющегося результатом словопроизводственного процесса. Новое значение слова, новый его оттенок, по сравнению со значением непроизводной основы, выражается и образуется лексической и словообразовательной, двуединой морфемой (корень и суффикс), хотя словообразовательная морфема, суффикс, в самом себе не заключает значения, а обладает способностью преобразовывать значение, заключённое в непроизводной основе, в другое, новое значение, выражающее профессию людей (*мал* „скот"→*малшан* „скотовод"), процессное действие (*яба* „иди"→*ябадал* „ходьба"), результат действия (*бэшэ* „пиши"→*бэшэг* „письмо"), объект действия (*дара* „береги"→*дараса* „сбережение"), абстрактные понятия (*номно* „проповедуй"→*номнол* „проповедь"), орудие действия (*тарма* „сгреби"→*тармуур* „грабли"), приобретённое качество в результате действия (*зура* „рисуй"→*зурамал* „разрисованный"), отвлеченное качество (*хара* „черный"→*харанхы* „темнота"), масть животных (*улаан* „красный"→*улаагшан* „рыжая" (масть коровы), побуждение к действию (*яба* „иди"→*ябуул* „отправь") и др.

Таким образом, производная основа конструируется из двух значимых частей, иными словами, соединение двух отдельных морфем составляет производную основу слова. Отличие производных основ от непроизводных состоит в их членимости на отдельные части, а непроизводная основа, корень, всегда содержит в себе одну нечленимую морфему. Это отличие выявляется посредством их сопоставления, где производная основа имеет минимум одну лишнюю морфему,

которая даёт слову новое значение и делает его отдельным, новым словом.

Основа есть часть слова, которая остается, если отбросить у него окончание. Основа слова может, кроме корня, содержать несколько суффиксов, как например, в *хүдэлмэришэн* „рабочий" имеем: *хүдэлэ* „работай", *хүдэлмэри* „работа", *хүдэлмэришэн* „рабочий". Каждый последующий суффикс приращивается к последней основе слова, соотносясь с ней. Последняя производная основа находится по своему значению в зависимости от предыдущей основы (*хүдэлмэри-шэн*).

Таким образом, суффикс есть часть слова, приклеиваемая к корню слова, изменяющая его значение и создающая новое производное слово. Суффикс всегда располагается после образующей основы. Производная основа, образованная посредством суффикса, имеет почти всегда прозрачное значение, например, слово *морин* „лошадь" по значению и происхождению почти не мотивировано, однако производное слово *моришон* „конюх" по своему значению и происхождению мотивировано и ясно: оно обозначает человека, ухаживающего за лошадьми.

При приращении суффиксов к корню или основе краткие гласные и неустойчивый звук *н* в конце корня или основы отбрасываются, как например, *хара* „смотри" и *харуул* „караул", *морин* „конь" и *моришон* „конюх".

Образование производных слов, новых слов присуще всем частям речи и суффиксальное образование слов является универсальным инвентарём обогащения словарного состава языка. Словообразовательный суффикс — активный критерий классификации частей речи; специализированные суффиксы обладают наряду с другими критериями способностью относить то или иное слово к той или иной части речи. Гласный его состав находится в зависимости от гласного основы, оформляется он согласно закону сингармонии.

Бурятское словообразование имеет дело с тремя разновидностями суффиксов: продуктивные суффиксы, непродуктивные суффиксы и слова, находящиеся на путях превращения в суффиксы.

Под продуктивными подразумеваются такие суффиксы, которые употребляются и приращиваются к широкому кругу необходимых и употребительных слов, образующих соотносительный по значению и форме ряд слов. Они легко могут выделяться от приращиваемых слов, обладают значениями весьма прозрачными, например, *-шан (-шон, -шэн)* употребляется для обозначения профессии людей в различных областях их деятельности: *хони-шон* „пастух", *мал-шан* „скотовод", *мори-шон* „конюх", *үхэр-шэн* „скотница", „пастух, обслуживающий стадо коров", *һаали-шан* „доярка", *һамар-шан* „кедровик", *загаһа-шан* „рыболов", *ажал-шан* „трудящийся", *нүүдэл-шэн*

,,кочевник", *ангуу-шан* ,,охотник", *аян-шан* ,,путешественник", *хамбы-шан* ,,возчик", *модо-шон* ,,лесоруб" и др.

Под непродуктивными суффиксами подразумеваются такие суффиксы, которые в современном языке редко употребляются для производства новых слов, и значения их затемнены, хотя могут выделяться от слов, к которым приращены. Непродуктивные суффиксы можно обнаружить, напр., в словах, обозначающих местонахождение предметов, вещей, направление действия. Так, в словах *саана* ,,дальше", ,,подальше", *наана* ,,ближе, по эту сторону", *хойно* ,,позади" имеем суффикс *-на (-но, -нэ), в — дээрэ* ,,наверху", *доро* ,,внизу"— суффикс *-рэ, (-ра,-ро), в—баруугаар* ,,западнее", *хойгуур* ,,к северу",—*-гаар, -гуур* — падежные окончания, превратившиеся в словообразовательную морфему и др. и, наконец, слова, потерявшие свой фонетический облик и лексическую самостоятельность, находятся на путях превращения в суффиксы. Эти слова, бывшие глаголы, спариваются с основными знаменательными, глагольными словами и выполняют видовую, результативную и иные грамматические функции, правда, таких глаголов-суффиксов незначительное количество, но они весьма продуктивны. К таким глаголам-суффиксам относятся: *орхихо (-рхи)* ,,оставить", *ошохо (-ша)* ,,идти", *байна (-айн)* ,,стоить, есть" и некоторые другие. Пример: *орхижорхибо (орхижо+орхибо)* ,,оставил", *ябашаба (ябажа+ошобо)* ,,ушёл, пошёл", *ябажайн (ябажа+байна)* ,,идёт" (диалектное). Суффикс, будучи средством обогащения словаря, не является синтаксической категорией, в то же время он определяет число и типы склонений слов и влияет на выявление частей речи. Этой своей спецификой словообразование непосредственно примыкает к словоизменительному инвентарю языка.

Наряду с словообразовательными суффиксами бурятский язык также располагает формообразующими суффиксами, как суффикс оценочной характеристики, свойственной именам и наречиям, *-хан, (-хэн, -хон)*, например, *сэбэр* ,,чистый" и *сэбэрхэн* ,,чистенький", *дүтэ* ,,близко" и *дүтэхэн* ,,близёхонький", суффиксы множественного числа типа *-нууд, -ууд* для различения раздельного множества предметов от их единичности, например, *хаданууд* от *хада* ,,горы — гора", суффиксы сравнительной степени имён прилагательных и наречий типа *-шаг, -мсаг*, например, *хара* и *харашаг* ,,черный, черноватый", *гоё — гоёмсог* ,,красивый, щеголеватый", *ойро — ойрошог* ,,близко, ближе", суффиксы различных категорий и форм глаголов типа залога, наклонения, деепричастий, причастий и т. д.

3) Часть слова, выражающая морфологическую форму слова, составляет его окончание. Оно, как часть слова, служит средством, изменяющим форму слова по определенным грамматическим законам и связывающим два и больше слов в

словосочетания. Окончание, как правило, не участвует в создании нового слова, т. е. не вносит в него дополнительного лексического значения.

Однако словоизменительная морфема, окончание, локализирует, ограничивает сферу употребления слов, т. е. ее роль не ограничивается только выражением связи слов в словосочетаниях, но и в конкретизации их значений в предложении, например, в выражениях: *хада тойрохо* ,,обогнуть гору'' и *хадые тойрохо* ,,обогнуть (определенную) гору''— формы винительного падежа выражают определенность и неопределенность предметов (гора).

По своей роли окончание резко отличается от суффиксов. Если последние являются лексическим фактором языка, то окончания являются словоизменительным инвентарем, связывающим слова друг с другом. Как средство связи слов, окончания сопоставляются друг с другом, которое идет по двум линиям:

1) одна форма или окончание данного слова сопоставляется с другими формами словоизменения этого же слова, например, формы косвенных падежей данного слова: Р. п.—*морин-ой,* Д. п.— *морин-до,* Исх. п.— *морин-һоо;*

2) одна форма или окончание данного слова сопоставляется с другими формами слов, имеющих такое же окончание, например, формы одних и тех же падежей разных слов: Р. п.— *морин-ой, үхэр-эй, сэрэг-эй, ман-ай* или Р. п. *далай-н, могой-н, нохой-н,* Исх. п.— *морин-һоо, үхэр-һөө, сэрэг-һээ, ман-һаа* или Р. п.— *ан-гай, дүрөө-гэй, бюро-гой.*

Словоизменительная морфема, окончание, приклеивается к основе слов, что обеспечивает ему изменяемость и связывающую роль в строе предложения. Вместе с тем окончание может оказаться внутри основ слов, перед различными частицами, например, *город-ой-хи-д* ,,городские (жители)'', где окончание Р. п. *-ой-* вклинивается между основой слова и суффиксом *-хи-*.

Бытование окончаний, особенно в именных словах, находится в тесной зависимости от характера основ: употребление тех или иных окончаний после тех или иных основ, а также и фонетический его облик (мы имеем в виду звуковой его состав) зависят от звукового состава основ и, в частности, от замыкающего их звука, например, окончание Д. п. *-та* приклеивается к основам слов, оканчивающимся на согласные звуки, кроме *з, л, м, ж* или окончание Исх. п. *-һаа, -һоо, -һээ, -һөө* (по гласному составу) оформляется согласно закону сингармонии.

Окончание входит в слово как его органическая часть и фонетически, и графически. Все же оно неуниверсально в смысле охвата всей лексики языка одной своей формой, отсюда ряд параллельных окончаний, например, у ряда падежей:

Р. п. имеет такие окончания: *-ой* (после согласных основ): *гэр — гэрэй* ,,юрты"; *-ын* (после кратких гласных основы): *хада — хадын* ,,горы"; *-гай* (после долгих гласных и заднеязычного *н* основы): *дүү — дүүгэй* ,,брата", *ан — ангай* ,,зверя"; *-н* (после дифтонгов основы): *далай — далайн* ,,моря" и т. д.

4) В состав бурятского слова органически входят частицы различного назначения, а именно: отрицательные, притяжательные, сказуемостные и модальные. Они обычно располагаются в самом конце слова, за исключением отрицательных частиц, например, *һажаа-л* ,,вздремнул же" (*л* — частица логического ударения), *унагад-шье* ,,даже жеребята" (*шье* — частица подчеркнутого утверждения), *һүхэ-еэ* ,,свой топор" (*еэ* — частица безличного притяжания), *абаха-т* ,,вы возьмёте" (*т* — частица второго лица, к которому обращаются), *даб-һан-һаа-нь* ,,из его соли" (*-нь* — частица личного притяжания 3-го лица), *мэдэхэ-гүй* ,,не знает, не знающий" (*-гүй* — частица отрицательная). Отрицательные частицы *-гүй, -дүй* могут вклиниваться между основой и суффиксами, окончаниями, например, *ябаа-гүй-шүүл* ,,неушедшие" (люди), *мори-гүй-һөө* ,,от безлошадного" и др.

Части речи. ,,Отличительная черта грамматики состоит в том, что она даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще без какой-либо конкретности; она даёт правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы"[1]. Грамматические законы классификации слов по частям речи строятся на учёте сумм признаков слов, а именно: лексическое значение, морфологические формы и синтаксические функции. Лексико-грамматические разряды слов составляют суть частей речи. Связная речь выявляет лексико-грамматические свойства слов и служит критерием отнесения того или иного слова к той или иной части речи.

Части речи типизируют значение слов и их грамматические свойства и средства.

Типизация значения слов предполагает выявление отвлечённого, обобщённого семантического значения предметности, качества-признака, определяющего название предмета, действия-процесса и т. д. и обеспечивает разграничение двух групп слов словарного состава по признакам номинативной самостоя-

[1] И. Сталин. Цит. соч., стр. 20

тельности и несамостоятельности — знаменательные и служебные слова.

Под типизацией грамматических свойств и средств понимается установление полной или неполной изменяемости слов, типов изменений слов и морфологических и синтаксических их средств оформления: типы склонения и спряжения, типы словообразования, употребление служебных слов, синтаксическое функционирование слов, короче говоря, установление системы грамматических форм слов и синтаксическое их употребление.

Таким образом, части речи как грамматические категории становятся водоразделом в деле установления значений слов и их форм, т. е. центром словоизменения и словообразования. Вместе с тем закон выявления и систематизации языковых явлений устанавливается, исходя из совокупности значений, форм и роли в предложении всего запаса слов языка. Ибо части речи отличаются друг от друга, кроме семантических критериев различия, и тем, что каждая из них обладает только ей присущими характерными морфологическими и синтаксическими особенностями. Это значит, что для бурятского языка, который не представлен богатыми различительными внешними признаками, функционирование слов в предложении играет значительную роль в классификации частей речи и отнесении того или иного слова к той или иной части речи. Можно на следующем примере дать семантико-грамматическую характеристику некоторых частей речи: *сагаан морин наашаа дутэлбэ* „белый конь приближается (сюда)“:

1) Слово *сагаан* „белый“ — название качества, признака, свойства, присущего природе предмета и определяющее название предмета *морин* „лошадь“ — именуемое как часть речи — имя прилагательное. Оно относится к группе знаменательных частей речи, которые имеют самостоятельное лексическое значение.

Имя прилагательное находится в зависимости от носителя качества — имени существительного в своем семантическом выявлении, уточняя определяемый им предмет со стороны качества и располагаясь в предложении обязательно перед ним. Имя прилагательное *сагаан* и другие в своём прямом употреблении не изменяются, не имеют своих собственных морфологических форм и вступают в связь с определяемым словом в порядке примыкания. В предложении имя прилагательное выступает преимущественно в качестве члена предложения — определения.

2) Слово *морин* „лошадь“ — название реально существующего предмета, определяемого различными признаками, как со стороны качества, так и со стороны действия или состояния. Оно занимает господствующее положение и объединяет вокруг себя все от него зависящие слова.

Название предмета, равно как и явлений, событий, понятий, именуется как часть речи — имя существительное. В системе частей речи имя существительное является самостоятельной, независимой и важнейшей частью речи. Имена существительные выступают названиями как единичных предметов, так и целого класса однородных предметов, равно как и отвлеченных понятий.

Имя существительное как часть речи обладает большим разнообразием морфологических форм, внешних средств выражения грамматических значений. Ему присуще большое количество грамматических категорий, как падеж, число, склонение, притяжательная система и др. Типы и формы словоизменения и словообразования имён существительных служат образцом и критерием типов и норм изменений слов многих частей речи.

Имя существительное, являясь названием предмета и обладая грамматической гибкостью, выступает в предложении в качестве любого его члена, преимущественно — подлежащего и дополнения.

3) Слово *наашаа* „сюда" — название признака действия, поясняет характер действия, его совершение. Слова типа *наашаа* характеризуют, конкретизируют и поясняют совершение действия во времени, способе, в характере и место действия. Эта часть речи называется наречием. Оно по своему лексическому значению и морфологическим признакам соотносительно со многими знаменательными частями речи, питаются ими и комплектуются из них, например, *тэһэ* „вдребезги" и *тэһэрхэ* „взрываться", *үбдэгсөө* „до колена" и *үбдэг* „колено". В отличие от других знаменательных частей речи, наречия характеризуются неполной изменяемостью, комплектуются, между прочим, из слов с омертвелыми падежными формами и усечёнными глагольными основами. В предложении наречия выступают в роли члена предложения—обстоятельства, примыкая к сказуемому, выраженному глаголом, подобно тому, как имя прилагательное выступает в роли определения, примыкая к именным словам, выступающим в качестве любого члена предложения.

4) Слово *дүтэлбэ* „приближается, идёт" — название процесса действия, обозначает его совершение определённым лицом в определённое время, суждение о действующем лице. Слова типа *дүтэлбэ* составляют часть речи, обозначающую совершение действия субъектом в определённое время, называемую глаголом.

Глагол — часть речи, обладающая всеми признаками знаменательной части речи и выражающая действие, состояние и их отношение к субъекту. Он поддерживается своей большой семантической ёмкостью и разнообразием грамматических категорий (время, лицо, залог, наклонение и т. д.) и проти-

вопоставлен всем остальным частям речи. В предложении, в основном, выступает в качестве сказуемого.

Распределение слов словарного состава языка по частям речи основывается на их трёхсторонних свойствах: а) **значении** — номинативная самостоятельность или несамостоятельность (знаменательные и служебные части речи); б) **формах** — изменяемость и неизменяемость слова, парадигмы склонения и спряжения, типы словообразовательных моделей, формы выражения действительности и её выявление посредством различных грамматических категорий и в) **роли в предложении** — функционирование или нефункционирование в предложении в качестве его самостоятельного члена (знаменательный член или служебная роль), преимущественное выступление тех или иных групп слов в качестве тех или иных членов предложения, характерные связи между словами в предложении в зависимости от положения в нём слов. Отнесение того или иного слова к той или иной части речи тем легче, чем больше оно обладает богатыми внешними различительными признаками, как например, словоизменительные аффиксы, суффиксы множественного числа, видовые признаки и т. д.

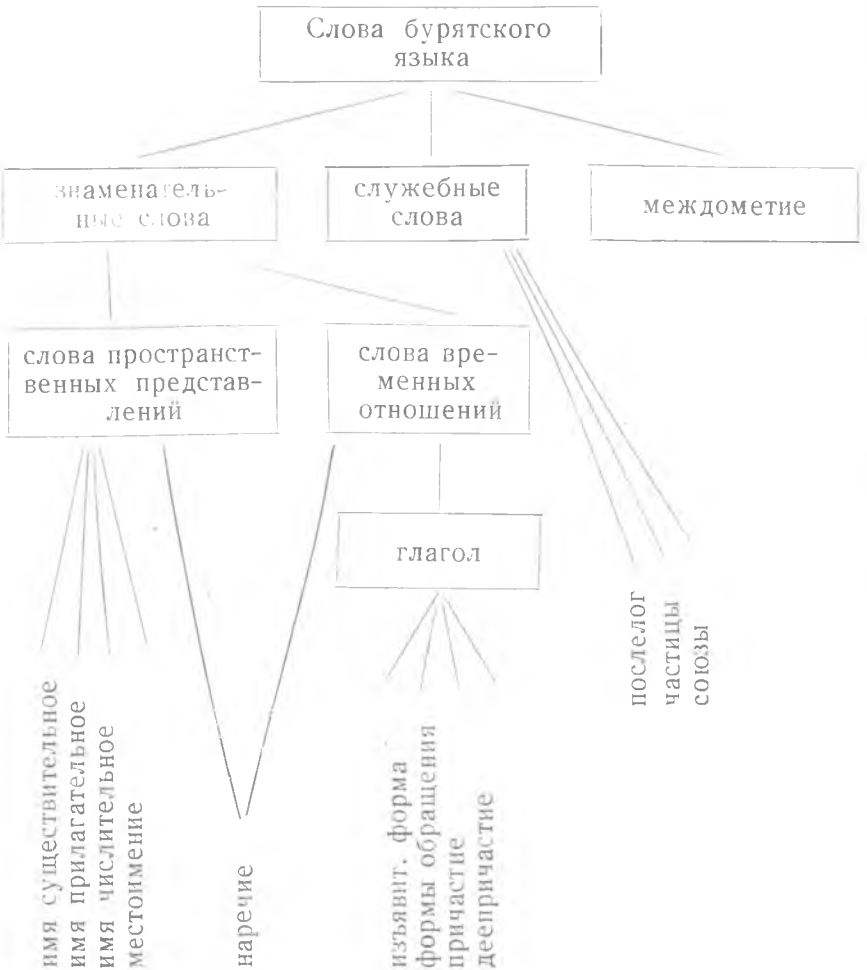
Итак, свойства слов обусловливают их локализацию по отдельным группам, именно — по частям речи, и их самостоятельность или несамостоятельность.

Слова как грамматические единицы в бурятском языке делятся на два разряда: знаменательные и служебные. Знаменательные слова — это те слова, которые обладают лексическим, самостоятельным значением и являются названиями предметов, явлений, понятий, качеств, свойств, действий, количества и т. д., например, *гар* „рука", *шуурган* „пурга", *матери* „материя", *найн* „хороший", *уншаха* „читать", *гурбан* „три". Служебные слова — те, которые не обладают лексическим, самостоятельным значением и служат в качестве определителей отношений, связей между словами в системе предложений. Не выступая в предложении в качестве его членов и не отвечая ни на какие вопросы, служебные слова, однако, вносят, кроме выражения синтаксических отношений между членами предложения, дополнительные оттенки в предложения, где они употребляются в виде выражения разного рода грамматических, экспрессивных, логических и иных отношений.

Знаменательные слова создают знаменательные части речи, а именно: **имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, наречие и глагол.** Служебные слова — служебные части речи, а именно: **послелог, союз, частицы.** Вместе с тем наблюдаются переходы из знаменательных частей речи в служебные: непереходимой грани между ними нет и много случаев омонимии слов различных частей речи, например, *дээрэ* означает послелог (на) и наречие (по-

верх, выше), *соо* означает послелог („в, внутри“) и наречие („сквозь“). Частей речи в бурятском языке десять: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие, послелог, союз, частицы и междометия.

Итак, все слова бурятского языка с точки зрения грамматических категорий могут быть представлены в следующей классификационной схеме групп и частей речи:

Словарный состав, таким образом, комплектуется как из исконных, так и иноязычных слов, как из самостоятельных, знаменательных, так и несамостоятельных, служебных слов, как из слов пространственных представлений, так и из слов временных отношений, как из слов связей, так и из слов с добавочной модальной функцией.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Имя существительное как часть речи.

Имя существительное — знаменательная часть речи, обозначающая предметность. В грамматике под „предметностью" понимается не только существующие материальные предметы типа морин „лошадь", *гэр* „юрта", *уһан* „вода", *газар* „земля", *шэл* „стекло", *халбага* „ложка", но и понятия логической категории, как *сэдьхэл* „мысль", *тэмсэл* „борьба", *һургаал* „ученье", *хүгжэлтэ* „развитие", *һонин* „новость". Так, в понятие имя существительное входят наименования людей и их профессий — *хүн* „человек", *Бата* (собственное имя), *эгэшэ* „сестра", *хажууршан* „косарь"; предметов — *гэр* „юрта", *ном* „книга", *модон* „дерево", *гар* „рука"; животных и зверей — *ан* „зверь", *морин* „лошадь", *үнэгэн* „лисица", *мал* „скот"; веществ — *мүльһэн* „лёд", *мүнгэн* „деньги", *уһан* „вода", *шулуун* „камень"; природных явлений и небесных светил — *һалхин* „ветер", *бороо* „дождь", *сахилгаан* „молния", *һара* „луна, *Солбон* „Венера"; событий — *суглаан* „собрание", *революци* „революция", *дайн* „война"; пространственных представлений — *хараан* „видимое пространство", *тэнгэри* „небо"; процессных действий — *ябадал* „ходьба", *тэмсэл* „борьба", *мэдүүлэл* „извещение"; психического состояния — *муулар* „обида", *энеэдэн* „смех", *уур* „гнев"; общественных организаций и объединений — *артель, трест, союз, комитет* и других.

Грамматические формы числа и падежа являются основными морфологическими признаками имён существительных, и через них имена существительные выражают грамматическое значение предметности. Единственное число имён существительных служит для ограничения единичных предметов от раздельного их множества, выражаемого множественным числом. Имена существительные обладают различными морфологическими средствами, и в частности от синтаксического задания предложения они получают различные падежные оформления.

В разряд имён существительных входят две неровнозначные по синтаксической функции группы слов: 1) собственные имена существительные, не могущие выступать синтаксически в функции относительных прилагательных, следовательно, не могущие в предложении выполнять функцию определения. К этой группе относятся преимущественно слова с абстрактными значениями типа *тэмсэл* „борьба", *гүрэн* „государство", *арад* „народ" и 2) предметные имена, обозначающие более конкретные физические тела, могущие выступать в синтаксической функции определения, по своему значению эквивалентные от-

носительным прилагательным в русском языке, например, *модон* „дерево“ и „деревянный“, *хонин* „баран“ и „бараний“, *шэл* „стекло“ и „стеклянный“, *гар* „рука“ и „ручной“.

Широта семантических, морфологических и синтаксических возможностей имён существительных способствует им выступать в предложении любым его членом.

Имя существительное, будучи важнейшей номинативной частью речи, пополняется больше, чем другие части речи, посредством различных словообразовательных аффиксов. Оно способно выражать наиболее отвлечённые понятия.

Имя существительное в бурятском языке в первичной номинативной форме не имеет для себя специальных различительных форм, отличающих его от других частей речи. Такими формами становятся форманты его косвенных падежей и словообразовательные аффиксы. Вместе с тем именительный падеж слова является начальной формой и служит базой для словоизменительного и словообразовательного процесса. Таким образом, именительный падеж отвечает на вопросы *хэн?* „кто?“, *юун?* „что?“ и являет собою форму бытования слова в его первичном, номинативном значении. Аффиксы как словообразовательные, так и словоизменительные механически приставляются к основе имён существительных, как например, *хамбы* „обоз“→*хамбышан* „возчик“, *бари* „держи“, *барюул* „ручка“, *хара* „черный“→*харагшан* „буренка“; *гэр* „юрта“→*гэрэй* „юрты“, *наран* „солнце“→*наранhаа* „от солнца“.

Морфология в пределах части речи „Имя существительное“ устанавливает: 1) пределы изменяемости слов, т. е. устанавливает количество и значение падежей, (2) наименование падежей и формы их окончаний, (3) количество и качество звуков, замыкающих основы бурятских имён существительных и их способность принимать то или иное окончание, (4) виды и типы склонения, (5) грамматические числа и формы и способы их образования, (6) технику словообразовательного процесса.

Грамматические категории имён существительных.

Под грамматическими категориями подразумевают единство значения и средств выражения этого значения. В грамматическую категорию в широком смысле слова входят части речи и члены предложения, а в узком смысле слова — собственные и нарицательные имена существительные, изъявительная форма глагола, деепричастие и причастие, грамматическое число, падежи, время, лицо и т. д.

1. Имена существительные собственные и нарицательные.

Имена существительные собственные представлены группой слов, служащих названиями отдельных лиц и некоторых единичных предметов и событий, для выделения их из ряда им подобных однородных предметов и явлений. Имена существительные собственные распространяются на 1) личные имена и фамилии людей: *Доржо*, *Дулма*, *Иванов*, 2) топонимические, географические, административно-территориальные наименования, названия произведений, наименования обществ и объединений: *Сибирь*, *Хара далай* „*Чёрное море*“, „*Капитал*“, „*Динамо*“, 3) клички животных: *Каштанка*, *Васька*, *Ванька*. Собственные имена не употребляются в форме множественного числа, они пишутся всегда с большой буквы.

Имена существительные в основном представлены нарицательными именами. Они являются обобщённым названием многих однородных предметов, явлений и отвлечённых понятий *аха* „брат“, *хана* „стена“, гол „река“, *хурьһэн* „почва“, *гэрэл* „свет“, *гар* „рука“. Нарицательные имена существительные за некоторым исключением имеют два числа: единственное и множественное, например, *аха* „брат“ → *аханар* „братья“, *хана* „стена“ → *хананууд* „стены“, *гол* „река“ → *голнууд* „реки“.

Наряду с этими двумя разрядами существительных имеются и собирательные имена существительные, выражающие посредством парных слов совокупность однородных (двух или более) предметов в отвлечённом от конкретности значении и в неделимой целостности, например, а) сочетающиеся в пару два слова, каждое из которых в отдельности имеет своё лексическое значение, но в сочетании они вместе дают одно более отвлечённое родовое понятие, отличное от видового — *эхэ* „мать“, *эсэгэ* „отец“ в сочетании дают понятие „родители“, — сочетание — *нохой* „собака“, *шубуун* „птица“ — дает понятие „хищные звери“. Каждое слово, входящее в данное сочетание, в других условиях имеет самостоятельное бытование; (б) сочетание двух слов, в котором одно из них обычно не имеет самостоятельного значения в современном языке — *зөөри хара* „имущество“, *дайн дажар* или *сэрэг суур* „война“, где *хара*, *дажар*, *суур* выступают как незнаменательные слова, способствующие первым словам пары в приобретении отвлечённых значений.

Имена существительные собирательные играют большую роль в выражении бурятскими словами отвлечённых понятий, ибо в языке имеется незначительный пласт слов, выражающих своим одиночным употреблением отвлечённые понятия.

Имена существительные собирательные охватывают своим выражением преимущественно вещи, предметы и понятия обыденной жизни.

1. Имена существительные личные и неличные.

Имена существительные личные охватывают круг слов, относящихся к названиям лиц, имён людей, их родства и профессий: *эхэ* „мать", *хүбүүн* „сын", *Иван*, *Дарима*, *худа* „сват", *аха* „брат", *малшан* „скотовод", тракторист, *хүдэлмэришэн* „рабочий". Имена существительные личные поддерживаются постановкой вопроса *хэн?* „кто?" Все слова с словообразовательными аффиксами типа *-уушан: ангуушан* „охотник", *-шан*: *һаалишан* „доярка", *-гша: һургагша* „учитель", *-тэн*: *эрдэмтэн* „учёные", *-шуул: залуушуул* „молодежь", *-нар*: *аханар* „братья" и другие относятся к именам существительным личным.

Имена существительные личные всегда принимают аффикс винительного падежа единственного числа в противовес именам существительным неличным, находящимся в неоформленном винительном падеже: *аха→ахые, тракторист→трактористые, Дарима→Даримые;* но: *хада→хада, пункт→пункт, гэр→гэр.*

В разряд имен существительных неличных входят все остальные слова, независимо от одушевленности и неодушевленности и отвечают на вопрос *юун?* „что?"

3. Обозначение значения естественного пола у людей и животных.

Бурятский язык не имеет категории грамматического рода, служащего, например, в русском языке средством выражения предметного значения имён существительных.

Однако бурятскому языку свойственны способы различения естественного пола у людей и у некоторых видов домашних животных. Например, суффиксы *-гы*, *-гшан*, *-жан*, *-ма* служат для обозначения существ женского пола и приращиваются к первичным основам слов, обозначающих существ мужского пола или к измененным основам: *худа* „сват" и *худагы* „сватья", *аба* „отец" и *абагай* „тетя", *хара* „чёрный" и *харагшан* „караковая", *хурин* „коричневый" и *хуригшэн* „бурёнка", *гунан* „трехгодовалый бычок" и *гунжан* „трёхгодовалая тёлка", *хээр* „гнедой масти конь" и *хээгшэн* „гнедой масти кобылица", *Мэдэгма* (женское имя), *Дарима* (женское имя).

4. Число имён существительных.

Формы единственного и множественного числа служат одним из важных морфологических признаков имён существительных. Имя существительное всегда употребляется в одной какой-либо форме числа.

Единственное число есть форма бытования единичных предметов, их единства и противопоставлено своим соотносительным формам — формам множественного числа. Форма единственного числа имен существительных не имеет специальных морфологических показателей, а представлена конечным звуком основы, иначе, нулевым показателем. Формы единственного числа имён существительных обозначают единичные, считаемые предметы из их однородного ряда, противопоставленные их множеству, как например, *хүн* ,,человек", *морин* ,,лошадь", *арсалан* ,,лев", *гар* ,,рука", *hурагша* ,,учащийся"; совокупность предметов, одно неделимое целое, как например, *залуушуул* „молодежь", *ухаатайшуул* ,,умные, ученые"; неисчислимые, неразложимые на части предметы, вещи, как например, *уһан* ,,вода", *сahан* ,,снег", *элhэн* ,,песок", *тамхин* ,,табак", (правда, эти неразложимые вещества могут иметь форму множественного числа, если они являются разнокачественными, как например, *тамхинууд* ,,табаки", когда речь идёт о папиросах, махорке, сигарах, трубочном табаке, махорочном табаке и т. д.); собственные имена существительные, как например, *Сэлэнгэ мүрэн* ,,река Селенга", *Хамар-Дабаан (уула)* ,,система гор Хамар Дабана", *Содном* (имя), *Алексей*; отвлечённые или собирательные понятия типа *тэмсэл* ,,борьба", *ябуулга* ,,ходатайство", *зөөри зөөшэ* ,,имущество", *сэрэг суур* ,,война, волнение".

Формы множественного числа связаны, прежде всего, с парицательным именем существительным, с количеством выражаемых ими предметов. Идея множественности однородных предметов зиждется на количественном определении раздельного их неопределенного множества.

Множественность предметов начинается с двух и продолжается до ее бесконечности. Выявляется и оформляется множественность предметов посредством специальных аффиксов, имён числительных и определительных слов типа *олон* ,,много", *үсөөн* ,,немного", *хэды* ,,сколько", *тэды* ,,столько", *үй түмэн* ,,чрезвычайно много" и т. д. Основа множественного числа соответствует форме именительного падежа множественного числа, образованной посредством агглютинации суффиксов множественного числа к основе слов единственного числа. Суффиксы множественного числа: *-ууд, -үүд, -нууд -нүүд, -гууд, -гүүд -д, -нар, -нор, -нэр*. Эти суффиксы весьма употребительны и реализуются следующим образом:

1) слова, оканчивающиеся на некоторые согласные: *б, в, г, д, з, м, п, с, ф, ц* (в единственном числе), принимают суф-

фикс *-ууд, -үүд*: *ном — номууд* книга — книги", *„арад — арадууд"* „народ — народы", *совхоз — совхозууд* „совхоз — совхозы";

2) слова, оканчивающиеся на гласные, сонорные согласные *л, р* и согласные *ч, ш, щ, ж* в заимствованиых словах, принимают суффикс *-нууд, -нүүд*: *уула — ууланууд* „гора — горы", *тахяа — тахяанууд* „курица—курицы", *гэр — гэрнүүд* „юрта — юрты", *врач — врачнууд* „врач — врачи";

3) слова, оканчивающиеся на заднеязычный согласный звук *н* принимают суффикс *-гууд -гүүд*: *ан — ангууд* „зверь — звери", *дэн — дэнгүүд* „свеча — свечи";

4) слова, оканчивающиеся на неустойчивый согласный звук *н*, согласный звук *р* (*нүхэр*) и на суффикс *-гш*, принимают суффикс *-д*: *хонин — хонид* „овца — овцы", *һаалишан — һаалишад* „доярка — доярки", *һурагша — һурагшад* „учащийся — учащиеся", *нүхэр — нүхэд* „товарищ — товарищи";

5) слова, обозначающие профессию и родство людей, принимают суффикс *-нар, -нэр, нор*: *багша—багшанар* „учитель— „учителя", *дүү — дүүнэр* „брат (младший) — братья (младшие), *худа — худанар* „сват — сваты".

Множественность предметов, особенно обозначенная неличными именами существительными, в бурятском языке в значительной мере определяется количественно-определительными словами, т. е. именами числительными и словами, обозначающими по значению множественность, употребляемыми в качестве количественного определения, причём имя существительное формально остаётся в единственном числе: *табан гэр* „пять юрт", *зуун тэргэ*, „сто телег", *олон хүн* „много людей". В группе вместе употребляемых имён существительных в качестве однородных членов предложения принимает суффикс множественного числа только последнее имя существительное, как например, *колхоздо һайн үүлтэрэй гахай, хонин, үхэрнүүд олоторжо байна* „увеличивается поголовье породистых свиней, овец и крупного рогатого скота".

В бурятском языке согласование членов предложения — определения и сказуемого с подлежащим — факультативное, однако вполне возможно согласование сказуемого в числе с подлежащим, выраженным личными именами существительными, как например, *трактористнууд амарнад* „трактористы отдыхают", *үхэрнүүд бэлшэбэд* „коровы паслись".

Согласование сказуемого с подлежащим в числе развивается в бурятском языке под влиянием перевода с русского языка на бурятский, что даже имеет распространение на оригинальные произведения. Например, роман Ч. Цыдендамбаева „Банзарай хүбүүн Доржо" изобилует таким согласованием — *самсын хамсы охорхонууд* „коротки рукава рубахи", *шагнагшад... жарганад* „слушатели... наслаждаются", *эрхим ханинар болобод* „стали самыми лучшими друзьями".

5. Падежи имён существительных.

Имена существительные в предложении вступают в различные отношения как друг с другом, так и с другими словами и изменяются по определенным формам, именуемым падежами. Падежи являются формой синтаксического функционирования имён существительных, следовательно, имя существительное в связной речи должно стоять в каком-либо падеже.

Падежей в бурятском языке семь: именительный, родительный, дательный, винительный, орудный, совместный, исходный. По значению они составляют три группы: (1) Родительный падеж всегда устанавливает отношения между двумя именными словами, (2) слова в винительном падеже всегда управляются глаголами и отглагольными существительными и (3) группа падежей может быть и приглагольной и приименной (дательный, орудный, совместный и исходный).

Окончания вопросов косвенных падежей в основном служат образцами падежных окончаний, т. е. фонетически совпадают: *хэн-эй?, юун-эй?* (Род. пад.), *хэн-дэ?, юун-дэ?* (Дат. пад.), *хэн-ше?, юу-е?* (Вин. пад.), *хэн-ээр?, юу-гээр?* (Ор. пад.), *хэн-тэй?, юун-тэй?, юу-тэй?* (Совм. пад.), *хэнһээ?, юун-һээ?* (Исх. пад.). Предел изменяемости одного имени существительного в бурятском языке ограничивается шестью формами косвенных падежей, исключая самую форму бытования слова или наименования предмета, т. е. именительный падеж.

Именительный падеж.

Именительный падеж является начальной формой имени существительного, лексическим регистратором предмета и служит исходной базой для словоизменительного и словообразовательного процесса: *мал* „скот", *мал-ай* (Род. п.), *мал-тай* „со скотом", *мал-шан* „скотовод", *мал ажал* „скотоводство", *мал-лаха* „пасти". Будучи названием субъекта, именительный падеж выделяется из круга остальных падежей и противопоставляется им, как падеж самостоятельный.

Все слова, выражающие пространственные представления, выявляют свое бытие в именительном падеже. Имена существительные в именительном падеже не имеют особых формантов и представляют безаффиксальную основу, за исключением, может быть, слов, оканчивающихся на неустойчивый согласный *н*.

Имена существительные выступают в предложении, в основном, в качестве подлежащего и находятся в этой своей роли в именительном падеже, например, *хүн болохо багаһаа* „сделаться доблестным человеком с детства", где *хүн* „человек"

(Им. пад.)— подлежащее. Но имена существительные в именительном падеже могут выступать в предложении и в качестве сказуемого: *энэ — морин* „это — лошадь", в качестве определения: *шулуун гэр* „каменный дом". Слова в именительном падеже употребляются при счёте и измерении предметов: *арбан долоон гэр* „семнадцать юрт". Слова в именительном падеже могут употребляться и с послелогом: *газар дээрэ түрэһэн амитан* „живое существо, родившееся на земле".

Слова, стоящие в именительном падеже, служат базой для образования косвенных падежных форм, двойного склонения, склонения с притяжанием: *аха* „брат" → *ах-ын* (Род. пад.) „брата", *ах-ын-да* „к брату, у брата, к семье брата", *ах-ын-хи-наа* „у семьи брата, из квартиры семьи брата". По конечным звукам основ слов, стоящих в именительном падеже, устанавливаются типы склонений имен существительных и их семантика, что служит образцом для склонения слов других частей речи.

Примеры: ***Цыремпилэй*** *һэмээхэнээр ошожо, бургааһанай забһараар булгайн харахадань, нэгэ һорхигорхон томог хорёогой хажууда модо һургааг түшүүлжэ хэһэн үбһэн хушалтатай* ***обоохой,*** *тэрээнэй* ***үүдэн*** *тушаа хаһаг зайдан тэргын һүүдэртэ самсагүй нэгэ* ***хүн*** *буруу хаража, хажуур сохижо һууна. Тэндэ* ***гал*** *дээрээ хирэтэй хара заглуу* ***тогоон*** *тагаанда үлгөөтэй байна.*

Родительный падеж.

Родительный падеж существительных имеет следующие аффиксы: 1) *-ын* (после слов именительного пад., оканчивающихся на гласные, группу согласных и аффрикаты): *хада — хадын* „гора — горы", *пункт-пунктын*; 2) *-ийн* (после слов, оканчивающихся на гласный *и* и мягкие согласные): *һургуули — һургуулийн* „школа — школы", *артель — артелийн*; 3) *-н* (после слов, оканчивающихся на дифтонги, *-ы, -ий,* ударный гласный *и* в заимствованных словах): *бээлэй — бээлэйн* „рукавица — рукавицы", *зүгы — зүгын* „пчела — пчёлы", *Росси — Россин*; 4) *гай, -гэй, -гой* (после слов, оканчивающихся на долгие и ударные гласные): *дүрөө — дүрөөгэй* „стремя — стремени", *бюро — бюрогой. **Нохойн** зосоо яһан хайлаха. **Ёлын** зосоо шулуун хайлаха.*

Имя существительное в родительном падеже выступает в предложении в функции определения и обозначает владельца предмета: *эзэнэй гэр* „дом хозяина". Понятие принадлежности бывает двояко: буквальное и условное. При буквальном понимании принадлежности одного предмета другому подразумевается активный владелец предмета: *ахын гэр* „юрта брата", а при условном понимании принадлежности имеется формальная связь, т. е. согласование двух слов, не выражающих от-

ношения активного владельца к предмету: *бороогой уһан* „дождевая вода“. Родительный падеж также выражает отношение части к целому: *хадын орой* „вершина гор“, логический субъект действия: *уһанай урдалга* „течение воды“.

Примеры: *Удангүй* ***Цыремпилэй хамарайнь*** *шуһан тогтожо,* ***шарайнь*** *удааханаар гэрэл ороходонь, мүнөө хүн ехэл урмашан:*

— Шамайе үхэхэнь гээшэ гү гэжэ баһал ехээр мэгдэбэлби.

Үглөө үдэрынь ***Цыремпилэй*** *шэг шарайнь һайжаржа, гүйсэд тэнхэһэн, ехэ хүхюу, мүнөө хүнтэеэ хөөрэлдэн, сай уужа, эдеэлжэ һууха зуураа:*

— Бишни хасаг ***хүнэй*** *үнэшэн хүбүүн аад лэ, хасагай албанда мордожо, Чита хото ошохо гэжэ ябатараа, зуураһаа зугадажа, энэ ябана гээшэб.* ***Хасаг сэрэгэй*** *албан хэдаа хүн* ***амитанай*** *тэнсэшэгүй харанхы хара* ***ташуурай*** *орон байха юм гэдэг. Тиигээд тэндэ зобожо ябанхаар, үйлэ хубяараа болуужам гэжэ түрэһэн нютагаа бусаха аргагүй болоод, төөрижэ тэнэжэ ябаһан шимэ амитан гээшэб даа,— гэжэ тэрэ хүн тээшээ сабшалаагүй нюдөөр хараад һууна...*

Дательный падеж.

Дательный падеж имеет аффиксы: *-да, -дэ, -до — хүн — хүндэ* „человек — человеку“, *дүү — дүүдэ* „брат — брату“, *мал — малда* „скот — скоту“, *колхоз — колхоздо, гараж — гаражда.* А в некоторых других случаях он имеет аффикс *-та, -тэ, -то: гэр — гэртэ* „юрта — юрте“, *улад — уладта* „народ — народу“, *хэб — хэбтэ* „форма — форме“.

Дательный падеж в предложении выполняет функцию косвенного дополнения и обозначает направление действия в пользу или во вред кому-чему-нибудь и совершение действия в чём-либо: *мориндо һууха* „сесть на коня“, *гэртэ орохо* „войти в дом“. Он также указывает на время совершения действия: ***субботодо*** *болоо* „было в субботу“.

Примеры: *хатаһан* ***үбһэндэ,*** *гандаһан* ***сабшаланда*** *таршаа үлэмжэ дурагүй... Арюухан* ***Затагархандаа*** *заажа үгэжэ, Сэсэгхэнэйнгээ хубсаһа угаалгаба...* ***Эрдэмдэ*** *заха үгы,* ***олзодо*** *бага үгы.* ***Багшындамнай*** *һэжэглэмээр хүн ерэжэ оробо. Тэрэнэй һургуулида орохыень харааб. Монхой, ши* ***хүндэ*** *хэлэжэ, шууяа бү тата,— гэжэ Шадаан ганирба.*

Винительный падеж.

Винительный падеж имеет аффиксы: 1) -ые (после слов, оканчивающихся на краткие гласные, кроме *и,* на одинарные твёрдые согласные, на группу согласных, на аффрикаты): *хада — хадые* „гора — гору“, *тэхэ — тэхые* „козел — козла“, *арад — арадые* „народ — народа“, *гэр — гэрые* „юрта — юрту“, *боец — боецые, врач — врачые, пункт — пунктые, акт — актые,*

2) *-иие* (после слов, оканчивающихся на мягкие согласные, неустойчивый *н* после краткого *и* и на гласный *и*): *артель — артелиие, фонарь — фонариие, морин — мориие* „лошадь — лошадь“ *хари — хариие* „чужбина—чужбину“, *hургуули — hургуулиие*, „школа — школу“, 3) *-гые* (после слов, оканчивающихся на заднеязычный согласный *н*): *дэн — дэнгые,* „свеча — свечу“, *ан — ангые* „зверь — зверя“, 4) *-е* (после слов, оканчивающихся на дифтонги, долгие гласные и на неустойчивый *н* после долгих гласных осиовы): *хюрөө—хюрөөе* „пила — пилу“, *араа — араае* „коренной зуб“, *далай — далайе* „море — море“, *сарай — сарайе, зүүн — зүүе* „иголка — иголку“, *хүбүүн — хүбүүе* „мальчик — мальчика“.

Винительный падеж — падеж прямого дополнения. Слова в винительном падеже, употребляясь при переходном глаголе, обозначают объект, на который направлено действие.

Как известно, бурятские переходные глаголы полисемантичны. Эта особенность глагола отводит винительному падежу исключительное место в системе падежей и даёт большую нагрузку, вплоть до образования отдельной синтаксической группы прямого дополиения.

Личные имена существительные получают в винительном падеже обязательное оформление. Но имена существительные неличные, оканчивающиеся на неустойчивый согласный *-н*, теряют этот свой конечной согласный. Ср. *Доржиие улам урмашуулбад* „еще больше обрадовали Доржи“, *Үһэ һамнаха* „причесать волосы“.

Примеры: *Тиигээд* ***Жалмые*** *тэбэрихэеэ байтараа,* ***Балданиие*** *харажархиба... Эхэнь хонин хүнжэлөө* ***үһыень*** *уруунь дэлгээжэ, дээрэнь гурба дүрбэн* **боолтонуудые** *зэргэлүүлэн табяад, мушхалаагаараа сохижо, гараараа үйрүүлжэ,* ***ороонһыень*** *унагаана...*

„Эдэшни үдэр һүнигүй эндэ тэндэ зар тунхаг табяад, ***шамайе*** *бариха шараха гэжэ баруугаар, зүүгээр мур* ***улыешни*** *хайжа гүйлгэлдэжэл байна гээшэ, үсэгэлдэр һүни, шинии тэрэ уруу ябаад ошоһоной һүүлээр хэдэн хазаар моритой хүнүүд* ***манайхиниие*** *тойрооод ошоо“,— гэжэ Доржын хүгшэн хэлээжэ ехэ айнги һуугаа...*

Хадын ***шулуу*** *хамхалжа,* ***хана*** *бодхохо, боориин шулуу буталжа, булад тунгааха.*

Олые *хэлэһэн — олиг,* ***үсөөниие*** *хэлэһэн — бэлиг.*

Орудный падеж.

Орудный падеж имеет аффиксы: 1) *-аар, -оор, -ээр, -өөр, -яар, -ёор, -еэр* (после слов, оканчивающихся на краткие гласные, кроме *и*, согласные, кроме заднеязычного *н*): *хада—хадаар* „гора — горой“, *модон — модоор* „дерево — деревом“, *эхэ — эхээр* „мать — матерью“, *морин — морёор* „лошадь — лоша-

дью", *эхин — эхеэр* „начало — началом", *гэр — гэрээр* „дом — домом"; 2) *-гаар* (после слов, оканчивающихся на долгие гласные, дифтонги, заднеязычный *н*): *хорёо — хорёогоор* „изгородь — изгородью", *сай — сайгаар* „чай — чаем", *ан — ангаар* „зверь — зверем".

Орудный падеж в предложении выполняет функцию косвенного дополнения и обстоятельства. Орудный падеж в роли дополнения обозначает орудие действия и материал, из которого что-либо делается: *һүхөөр сабшаха* „топором рубить", *модоор хэхэ* „сделать из дерева". Орудный падеж может обозначать также способ, место и время движения: *шаргаар ябаха* „ездить на санях", *агаараар ниидэхэ* „летать по воздуху", *үдэрөөр ерэхэ* „приехать в тот же день".

Примеры: *Мүнөөхи хүбүүн нүхэнһөөн гүйжэ гараад, ехэ сарба* ***һүхөөрөө*** *сарайнь тархиие таһа сабшана...*

Эхынь абяан холын ***һалхинаар*** *хамтаран ерэнэ янзатай... Тиигээд төөрөөшэнь зүб хэлэнэ гээшэ хэ...*

Эдээр *бэеэ шэмэглэнхаар,* ***эрдэмээр*** *бэеэ шэмэглэһэн дээрэ.*

Совместный падеж.

Совместный падеж имеет аффиксы: *-тай, -той, -тэй* независимо от характера основ существительных в именительном падеже. Совместный падеж выражает совместное совершение действий двумя равноправными лицами и определительное отношение одного предмета к другому, Пример: *Энэ хүдэлмэри Цэрэн* ***Дабаатай*** *дүүргээ* „эту работу выполнили Цырен с Дабой", ***Моритой,*** *ябаган зон сугларба* „собрались конные и пешие".

Исходный падеж.

Исходный падеж имеет аффиксы: 1) *-һаа, -һоо, -һээ, -һөө* (после слов, оканчивающихся на все звуки, кроме заднеязычного *н*): *уһан — уһанһаа* „вода — из воды", *гэр — гэрһээ* „юрта — из юрты", 2) *-гһаа, -гһоо, -гһээ, -гһөө* (после слов, оканчивающихся на заднеязычный *н*): *сабшалан — сабшалангһаа* „покос — из (от) покоса", *дэн — дэнгһээ* „свеча — со свечи".

Исходный падеж, являясь морфологическим оформлением слов, выполняет разнообразную синтаксическую функцию. Он обозначает отдаление одного предмета от другого, часть предмета, предел отдаления, степень различия предметов друг от друга и причину совершения действия: *гэрһээ* (нааша) „в эту сторону от дома", *мүнгэнһөөн* „часть из своих денег", *тэмээн моринһоо хүсэтэй* „верблюд сильнее лошади".

Примеры: *Цыремпил бага* ***наһанһаа*** *хойшо хурса ухамай хүн аад, эдэ бүхы хөөрэлдөөнүүдые шэхэндээ хадажа, зүрхэндөө хадагалжа ябадаг һэн...*

hургаалай hайн ***hургуулиhаа,*** *hурагшын hайн* ***багшаhаа...*** *Фёдор hууриhаа hуха харайн бодожо, Гаврюшые хараад, зогсоно...*

Наранhаа *нааша,* ***намhаа*** *сааша.*

Склоиение имён существительных.

Все формы изменения одного и того же слова по падежам называется склонением. Особенностью склонения имён существительных бурятского языка является то, что они в своём изменении не ограничиваются принятием только падежного и словообразовательного аффиксов или аффикса множественного числа. Падежные окончания простого склонения имеют в основном одно словоизменяющие значение, кроме окончаний некоторых падежей, как орудный, где наблюдается словообразовательная функция его окончания, ср.: *амин* „душа“ (Им. п.), *амяараа* „отдельно“ (Ор. п.).

Кроме того, имя существительное способно к дальнейшему изменению. Эти изменения идут, кроме простого склонения, по линии двойного склонения, склонения с притяжанием, склонения с послелогами. Аффиксы двойного склонения, несомненно, несут словообразовательную функцию, как например, совместно-винительный падеж *hү-тэй-е-нь* „то, что с молоком“, где имеется в виду не столько совместность, сколько содержимое вместе с посудой, и такое изменение выходит за пределы понятия словоизменительного процесса. Основным, отправным пунктом изменения слов по этим видам склонения является именительный падеж.

а) Простое склонение.

Простым называется склонение, которое образуется в результате наращения словоизменительного аффикса к основе имени существительного, стоящего в Именительном падеже. По общим характерным падежным аффиксам, принимаемым после основ, оканчивающихся на тот или иной звук, имена существительные группируются по типам склонения. Таких типов склонения в бурятском языке три: первый, второй и третий. Такое количество типов установлено по разнообразию аффиксов, в основном, трех падежей: Родительного, Винительного и Орудного, ибо эти падежи имеют самые различные аффиксы в зависимости от окончания первичных основ.

Остальные падежи имеют в основном одинаковые одинарные аффиксы независимо от характера основы существительных. Основы имён существительных (в том числе и заимствованных) в бурятском языке оканчиваются на (1) одинарные простые согласные звуки; (2)группу согласных; 3) аффрикаты, (4) мягкие согласные; (5) устойчивый и неустойчивый передне-

Иллюстрация типов склонения слов по Родительному, Винительному и Орудному падежам.

№№ п/п	Падежи	Типы склонения		
		I	II	III
		краткие гласные, йотированные гласные, аффрикаты, 2-3 согласных, одинарная твердая согласная (в том числе устойчивая и не устойчивая *н*).	долгие гласные, ударные гласные, дифтонги и заднеязычная *н*.	краткая и неударная *и*, мягкие согласные, неударные и йотированные гласные
1.	Родительный	-ын, -ай (-ой, -эй)	-гой (-н)	-иин
2.	Винительный	-ые (-иие)	-е (-гые)	-иие
3.	Орудный	-аар (-оор, -ээр, -өөр)	-гаар (-гоор, -гээр, -гөөр)	-ёор (-яар, -еэр)

язычный согласный *н*; (6) краткие гласные (в том числе *и*); (7) долгие и ударные гласные (в том числе *ы, и*); (8) дифтонги, (9) нормальные и неударные йотированные гласные; (10) заднеязычный согласный *н*.

По этим окончаниям основ установлены и типы склонений.

Типы склонения.

Типы склонения выводятся из изменения слов по падежам в единственном числе. Почти все аффиксы множественного числа оканчиваются на одинарные согласные *-д, -р,* что даёт единообразное падежное окончание во множественном числе.

I склонение.

Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на краткие гласные, йотированные гласные, аффрикаты, 2-3 согласных и одинарные твёрдые согласные (в том числе устойчивая и неустойчивая *н*), изменяются по первому склонению.

Замечания. 1) Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на одинарные твёрдые согласные, принимают в Родительном падеже аффикс *-ай (-ой, -эй)*, а на все остальные — *-ын*.

2) Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на согласные *ж, з, л, м*, аффикаты и краткие гласные, принимают в Дательном падеже аффикс *-да (-до, -дэ)*, а на все остальные согласные — *-та (-то, -тэ)*.

Падежи	Аффиксы	Примеры
Именительный		хада, эрье, врач, пункт, мал, саг, зон, модон
Родительный	-ын, -ай (-ой, -эй)	хадын, эрьеын, врачай, пунктын, малай, сагай, зоной, модоной
Дательный	-да (-дэ, -до), -та (-тэ, -то)	хадада, эрьедэ, врачда, пунктда, малда, сагта, зондо, модондо
Винительный	-ые (-иие)	хадые, эрьеые, врачые, пунктые, малые, сагые, зониие, модые
Орудный	-аар (-оор, -ээр, -өөр)	хадаар, эрьеээр, врачаар, пунктаар, малаар, сагаар, зоноор, модоор
Совместный	-тай (-той, -тэй)	хадатай, эрьетэй, врачтай, пунктай, малтай, сагтай, зонтой, модотой
Исходный	-һаа (-һоо, -һээ, -һөө)	хадаһаа, эрьеһээ, врачһаа, пунктһаа, малһаа, сагһаа, зонһоо, модонһоо

3) Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на устойчивую *-н*, независимо от предыдущего гласного и неустойчивую согласную *-н* после гласных *и, у, ү*, принимают в Винительном падеже аффикс *-иие*, а на все остальные звуки — *-ые*.

II склонение.

Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на долгие гласные (и перед *н*), ударные гласные, дифтонги и заднеязычную *-н*, изменяются по второму склонению.

Замечания. 1) Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на дифтонги, принимают в Родительном падеже аффикс *-н*, а на все остальные звуки — *-гай (-гой, -гэй)*.

2) Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на заднеязычную *-н*, принимают (а) в Винительном падеже аффикс *-гые*, а на все остальные звуки — *-е*; (б) в Исходном падеже аффикс *-гһаа (-гһоо, -гһээ, -гһөө)*, а на все остальные звуки *-һаа (-һоо, -һээ, -һөө)*.

Падежи	Аффиксы	Примеры
Именительный	—	дүрөө, кино, далай, ан, галуун
Родительный	-гай (-гой, -гэй), -н, -ай	дүрөөгэй, киногой, далайн, ангай, галуунай
Дательный	-да (-до, -дэ)	дүрөөдэ, кинодо, далайда, анда, галуунда
Винительный	-е, -гые	дүрөөе, киное, далайе, ангые, галууе
Орудный	-гаар (-гээр, -гоор, -гөөр)	дүрөөгөөр, киногоор, далайгаар, ангаар, галуугаар
Совместный	-тай (-той, -тэй)	дүрөөтэй, кинотой, далайтай, антай, галуунтай
Исходный	-һаа (-һоо, -һээ,-һөө), -гһаа (-гһоо, -гһээ, -гһөө)	дүрөөһөө, киноһоо, далайһаа, ангһаа, галуунһаа

III склонение.

Слова, оканчивающиеся в Именительном падеже на кратную и неударную *и*, мягкие согласные, неударные йотированные гласные и на *-ий*, изменяются по третьему склонению.

Падежи	Аффиксы	Примеры
Именительный	—	Хори, бани, артель, Таня, Анатолий
Родительный	-иин	Хориин, баниин, артелиин, Таниин, Анатолиин
Дательный	-да (-до, -дэ)	Хоридо, банида, артельдэ, Танида, Анатолидо
Винительный	-иие	Хориие, баниие, артелиие, Таниие, Анатолиие
Орудный	-яар (-ёор,-еэр)	Хорёор, баняар, артелеэр, Таняар, Анатолёор
Совместный	-тай (-той, -тэй)	Хоритой, банитай, артельтэй, Танитай, Анатолитой
Исходный	-һаа(-һоо, -һээ, -һөө)	Хориһоо, баниһаа, артельһээ, Таниһаа, Анатолиһоо

Двойное склонение.

Двойное склонение отличается от простых тем, что к основе именительного падежа присоединяется сразу два падежных аффикса одновременно друг за другом, или же к формам косвенных падежей наращивается аффикс еще другого падежа. Такое присоединение двух падежных аффиксов к основе одного и того же слова выполняет двойную роль: 1) словообразовательную и 2) словоизменительную, т. е. с одной стороны, двойные аффиксы придают словам значение конкретизации, локализации того, что выражено основой слова, а с другой — последний из присоединённых аффиксов выполняет обычную функцию выражения отношения одного предмета к другим.

Двойное склонение образуется не от всех падежных форм. Двойная падежная форма дальше не даёт третьей падежной формы. Значение аффиксов двойного склонения очень близко к значению послелогов. Следовательно, формы двойного склонения близки по своему значению к русским предложным конструкциям. Последний падежный аффикс из двойного склонения является как бы наращением к уже изменённой основе, так как он присоединяется не к основе Именительного падежа, а к косвенной падежной форме, причем только к форме или Родительного, или Дательного или же Совместного падежей.

Родительный падеж образует двойной падеж следующим образом:

а) Именительный падеж: *аха* „брат“+аффикс Родительного падежа *-ын*+аффикс Дательного падежа: *-да: ах+ын+да* „у брата, на квартире брата“. Здесь значение двойного окончания заключается в локализации общего понятия *аха*. *Ахында* заключает в себе указание на местонахождение брата, где он живёт.

б) Именительный падеж: *аха*+аффикс Родительного падежа *ын*+суффикс *-хи*+аффикс Исходного падежа *-һаа*: *ах+ +ын+хи+һаа* „из квартиры брата“ (суффикс *-хи* является суффиксом принадлежности по месту нахождения).

Дательный падеж образует двойное склонение следующим образом:

Именительный падеж: *гэр*+аффикс Дательного падежа *-та*+аффикс Исходного падежа *-һаа*: *гэр+тэ+һээ* „из внутри дома“ (*гэр* „дом“, *гэртэ* охватывает внутрь и наружу дома, а *гэрһээ* „из дому, от дома“. Когда употребляется *гэртэһээ*, то имеется обязательно одно значение, а именно из внутри дома, изнутри чего-либо вообще). Аффикс Исходного падежа локализует понятие пространственно.

Совместный падеж образует двойное склонение следующим образом:

а) Именительный падеж: *тоһон* „масло“+аффикс Совместного падежа *-тай*+аффикс Винительного падежа *-е*+личное притяжание *-нь*: *тоһон+той+е+нь* „то, что с маслом“.

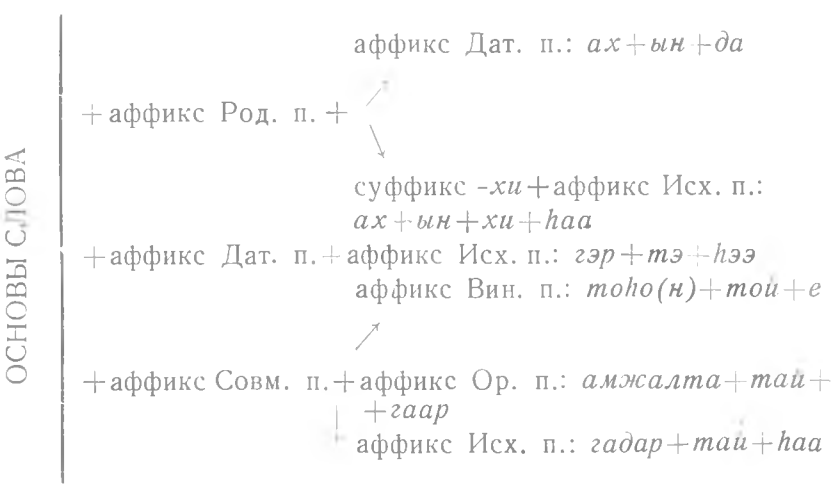
б) Именительный падеж *амжалта* „успех“+аффикс Совместного падежа *-той*+аффикс Орудного падежа *-гаар*: *амжалта+тай+гаар* „с успехами“.

в) Именительный падеж: *гадар* „слой“+аффикс Совместного падежа *-тай*+аффикс Исходного падежа *-һаа*+личное притяжание *-нь*: *гадар+тай+һаа+нь* „из того, что имеет жировой слой“.

Как уже говорилось выше, двойное склонение не только является чистой системой изменения слов, но оно имеет функцию словообразования. Такую словообразовательную функцию выполняют конечные падежные формы двойного склонения, а первая падежная форма включается в систему последующих падежных форм и в целом, обе формы, выполняют функцию словообразования.

Двойное склонение не дает формы множественного числа, а передает одно из множественных значений, заложенных в основе слова.

Схематически систему двойного склонения можно представить в следующем виде:

Притяжание.

Значение притяжания заключается в выражении принадлежности одного предмета другому. Притяжание в бурятском языке играет очень большую роль: оно выражает принадлежность одного предмета другому и служит одним из средств синтаксической связи слов в предложении.

Бурятский язык характеризуется очень слабо выраженной связью слов в предложении, как например, в словосочетаниях: *Улаан наран, кино харааб, морин бэлшэнэ* — члены в сочетаниях стоят в начальных формах. Притяжание выполняет роль связи слов в предложении — роль согласования: *Би* ***гэрэйнгээ*** *хойно гарааб* „я зашел за дом с северной стороны" — имеется согласование в „гэрэйнгээ хойно", но нет согласования в *„Улаан наран"*.

Притяжание бывает двоякого рода:
1) личное притяжание (нюурта хамаадал);
2) безличное притяжание (өөртэ хамаадал).

Разница между этими двумя притяжаниями заключается: а) первый род притяжания показывает принадлежность одного предмета какому-нибудь лицу и выражается личными местоимениями в форме одного из трех лиц единственного или множественного числа в Родительном падеже, например, *би* (Им. пад.) „я" → *минии* (Род. пад.) „мой" — *мни* (усеченная форма от „минии", занимающая постпозитивное положение: *минии морин* — *моримни* „мой конь". Ср: *Бадма абгай гээшэмнай баһал сээргүйшэг хүн гэжэ һанагшаб* „На мой взгляд (наш) Бадма-абгай ничем не брезгающий человек";

б) второй род притяжания показывает безличную принадлежность, иначе: безличное притяжание показывает принадлежность того или иного предмета к действующему лицу, выступающему в предложении в качестве его члена-подлежащего, например, *Дохолон гүү унаһан Гунгар хүбүүн дахяад* ***хүршэнэрэйнгөө*** *газаагуур гүйлгэбэ* „Молодой Гунгар верхом на хромой кобыле еще раз объехал свой улус".

Личное притяжание.

Аффиксами личного притяжания служат личные местоимения: *би* „я", *ши* „ты", *тэрэ* „он" — в единственном числе, *бидэ* „мы", *та* „вы", *тэдэ* „они" — во множественном числе в формах Родительного падежа обоих чисел в полной и усеченной форме. Как всякое определение, полная форма личного притяжания, данная в Родительном падеже, предшествует в предложении определяемому члену предложения, например, *манай һургуули* „наша школа", *ши минии Доржын ойро үбһөөршье бү хүрэ,* „ты не тронь даже травинкой моего Доржи".

В усеченной форме личные местоимения ставятся после определяемого члена предложения в виде прилеп. В этом положении личные местоимения теряют свой облик самостоятель-

ного слова и превращаются в суффиксы. При этом употребление гласных в этих суффиксах не подчиняется законам гармонии, например, *саашаа гарахадаа, һүүлшын* ***хүнтнай*** *тэрэ үүдээ хаагаад ябаарайгты*!

Суффиксы личного притяжания приклеиваются к любой падежной форме, в том числе и к форме Именительного падежа: основа+падежный аффикс+личное притяжание, например: ***моринойшни*** *хазаар „узда твоего коня“.*

Суффиксы личного притяжания.

1-е лицо. ед. числа: *-мни, м;* 1-е лицо мн. числа: *-мнай, -най;*

2-е лицо ед. числа: *шни, -ш;* 2-е лицо мн. числа: *-тнай;*

3-е лицо обоих чисел: *-нь, -гынь -инь, -ынь.*

Таблица суффиксов личного притяжания.

Лицо	Число	Усекаемое личное местоимение	После гласных и 2-3 согласных	После одинарных согласных
Первое	единств.	минии	-мни, -м	-ни
	множеств.	манай	-мнай	-най
Второе	единств.	шинии	шни, -ш	-шни
	множеств.	танай	-тнай	-тнай
Третье	единств.	тэрэнэй	-нь	-гынь -иинь -инь -ынь
	множеств.	тэдэнэй		

Индивидуальная принадлежность предмета, вещи, понятия может быть принадлежностью одного из трех лиц, выраженных личными местоимениями. Местоимения 1-го лица не принимают суффиксов личного притяжания 1-го лица, точно так же местоимения 2-го лица не принимают суффиксов личного притяжания 2-го лица.

Образцы склонения имён существительных с употреблением суффиксов личного притяжания всех трех лиц.

Суффиксы личного притяжания 1-го лица обоих чисел.

Число	Падеж	Единственное	Множественное
Единственное	Им.	даха-мни(м), гэр-ни	даха-мнай, гэр-най
	Род.	дахы-мни(м), гэрэй-мни(м)	дахы-мнай, гэрэй-мнай
	Дат.	дахада-мии(м), гэртэ-мни	дахада-мнай, гэртэ-мнай
	Вин.	дахые-мни(м), гэрые-мни	дахые-мнай, гэрые-мнай
	Ор.	дахаар-ни(м), гэрээр-ни	дахаар-най, гэрээр-най
	Совм.	дахатай-мни(м), гэртэй-мни(м)	дахатай-мнай, гэртэй-мнай
	Исх.	дахаһаа-мни(м), гэрһээ-мни(м)	дахаһаа-мнай, гэрһээ-мнай
Множественное	Им.	даханууд-ни, гэрнүүд-ни	даханууд-най, гэрнүүд-най
	Род.	дахануудай-мни(м), гэрнүүдэй-мни(м)	дахануудай-мнай, гэрнүүдэй-мнай
	Дат.	дахануудта-мни(м), гэрнүүдтэ-мни(м)	дахануудта-мнай, гэрнүүдтэ-мнай
	Вин.	дахануудые-мни(м), гэрнүүдые-мни(м)	дахануудые-мнай, гэрнүүдые-мнай
	Ор.	дахануудаар-ни, гэрнүүдээр-ни	дахануудаар-най, гэрнүүдээр-най
	Совм.	дахануудтай-мни(м), гэрнүүдтэй-мни(м)	дахануудтай-мнай, гэрнүүдтэй-мнай
	Исх.	дахануудһаа-мни(м), гэрнүүдһээ-мни(м)	дахануудһаа-мнай, гэрнүүдһээ-мнай

Суффиксы личного притяжания 2-го лица обоих чисел.

Число	Падеж	Единственное	Множественное
Единственное	Им.	даха-шни(ш), гэр-шни(ш)	даха-тнай, гэр-тнай
	Род.	дахын-шни(ш), гэрэй-шни(ш)	дахын-тнай, гэрэй-тнай
	Дат.	дахада-шни(ш), гэртэ-шни(ш)	дахада-тнай, гэртэ-тнай
	Вин.	дахыешни(ш), гэрые-шни(ш)	дахые-тнай, гэрые-тнай
	Ор.	дахаар-шни(ш), гэрээр-шни(ш)	дахаар-тнай, гэрээр-тнай
	Совм.	дахатай-шни(ш), гэртэй-шни(ш)	дахатай-тнай, гэртэй-тнай
	Исх.	дахаһаа-шни(ш), гэрһээ-шни(ш)	дахаһаа-тнай, гэрһээ-тнай
Множественное	Им.	даханууд-шни, гэрнүүд-шни	даханууд-тнай, гэрнүүд-тнай
	Род.	дахануудай-шни(ш), гэрнүүдэй-шни(ш)	дахануудай-тнай, гэрнүүдэй-тнай
	Дат.	дахануудта-шни(ш), гэрнүүдтэ-шни(ш)	дахануудта-тнай, гэрнүүдтэ-тнай
	Вин.	дахануудые-шни(ш), гэрнүүдые-шни(ш)	дахануудые-тнай, гэрнүүдые-тнай
	Ор.	дахануудаар-шни(ш), гэрнүүдээр-шни(ш)	дахануудаар-тнай, гэрнүүдээр-тнай
	Совм.	дахануудтай-шни(ш), гэрнүүдтэй-шни(ш)	дахануудтай-тнай, гэрнүүдтэй-тнай
	Исх.	даханууднаа-шни(ш), гэрнүүдһээ-шни(ш)	даханууднаа-тнай, гэрнүүдһээ-тнай

Суффиксы личного притяжания 3-го лица обоих чисел.

Число	Падеж			
Единственное	Им.	даха-нь,	гэр-ынь,	морин-иинь
	Род.	дахы-нь,	гэрэй-нь,	мориной-нь
	Дат.	дахада-нь,	гэртэ-нь,	мориндо-нь
	Вин.	дахые-нь,	гэрые-нь,	мориие-нь
	Ор.	дахаар-нь,	гэрээр-нь,	морёор-нь
	Совм.	дахатай-нь,	гэртэй-нь,	моритой-нь
	Исх.	дахаһаа-нь,	гэрһээ-нь,	моринһоо-нь
Множественное	Им.	даханууд-ынь,	гэрнүүд-ынь,	морид-ынь
	Род.	дахануудай-нь,	гэрнүүдэй-нь,	моридой-нь
	Дат.	дахануудта-нь,	гэрнүүдтэ-нь,	моридто-нь
	Вин.	дахануудые-нь,	гэрнүүдые-нь,	моридые-нь
	Ор.	даханууддаар-нь,	гэрнүүдээр-нь,	моридоор-нь
	Совм.	даханууддтай-нь,	гэрнүүдтэй-нь,	моридтой-нь
	Исх.	даханууддһаа-нь,	гэрнүүдһээ-нь,	моридһоо-нь

Возвратное или безличное притяжание.

Понятие „свой", „своё", „своя", выражающее принадлежность какого-нибудь предмета действующему лицу, передается двумя способами.

В одном случае оно передаётся самостоятельно возвратным местоимением *өөр* „свой", которое занимает препозиционное положение в отношении определяемого слова, например, *өөрынгөө үбгэн тээшэ хялагад гэжэрхёод, дуугархаяа болишоо һэн* „С выражением гнева бросив косой взгляд в сторону своего мужа, она замолчала", где *өөрынгөө* выступает как определяющее слово, выражающее понятие „свой". С другой стороны, возвратное местоимение *өөр* „свой" склоняется и принимает аффиксы косвенных падежей и возвратного притяжания в виде долгих гласных *-аа, -оо, -өө, -яа, -еэ, -ёо* во всех словах, в которых выражается принадлежность, например, вместо *өөрын гэрэй хажууда* „около своего дома" можно — ***гэрэйнгээ*** *хажууда. Тогоотой* ***аарсанайнгаа*** *үшөө бусалаагүйһөө эхилжэ, үхибүүд улхан* ***табагуудаа*** *бэлдэнхэй...*

Булхайнь ***булшангаараа*** *гараба, буруу һанаанииньамаараа гараба... Зуһар хүн* ***зулайгаа*** *харуулха, зуудаг нохой* ***ноёгоо*** *харуулха.*

Слова с аффиксами возвратного притяжания склоняются по типу простого склонения, но иногда, правда, наблюдается модификация некоторых падежных аффиксов. Эти аффиксы наращиваются к любой именной основе, выступающей в качестве любого члена предложения за исключением подлежащего.

Все слова с аффиксами возвратного притяжания обозначают предметы, принадлежащие действующему лицу, подлежащему.

Аффиксы возвратного притяжания своё материальное выражение выявляют в зависимости от гласного состава, наращиваемого аффиксами, слова, и согласного и гласного окончания основы слов, подчиняясь так называемому закону гармонии гласных. Встречающиеся на стыке падежных и притяжательных аффиксов согласные *j* и *г(нг)* служат вставочными, разделительными, звуками между гласными в этих аффиксах, согласный звук *г* может являться выразителем заднеязычности по месту образования предшествующего согласного *н*, являющегося замыкающим аффиксом Родительного падежа, например, *хада-хадын-г-аа*, или может не входить в притяжательный аффикс как его составная часть.

Заимствованные слова, оканчивающиеся на мягкие согласные, в Винительном падеже принимают аффикс возвратного притяжания *-яа, -еэ, -ёо,* например, *артель — артелеэ*. Эти же аффиксы наращиваются к словам, оканчивающимся на краткие гласные и на устойчивый согласный *н,* но последний выпадает: *хада—хадаяа* „гора—свою гору", *уһан- уһаяа* „вода—свою воду".

В Исходном падеже аффиксом возвратного притяжания служит *-аан (-оон, -ээн,-өөн),* где для различения его от простого падежного аффикса *-аа (-оо, -ээ, -өө)* употребляется звук *н,* например, *гарһаа — гарһаан* „из руки — из своей руки".

Образование имен существительных.

Возникновение и образование новых слов происходит различными путями. Морфологическое изменение слов нередко даёт лексикализацию, как например, *амин* „жизнь" (Им. пад.) даёт в орудном падеже *амяараа*, означающее „отдельно, самостоятельно", или двойное склонение в виде сочетания аффиксов родительного и дательного падежей: *ах+ын+да* „у брата", на квартире (местожительство) брата. Точно также фонетическая дифференциация, в основе которой лежит употребление двух различных звуков в одном и том же слове, дает два семантически различных слова, как например, *урадхал* „тече-

Падежные формы с аффиксами возвратного притяжания

Падежи	Основы слов, оканчивающихся на	Падежные аффиксы	Звуки, выпадающие из падежных аффиксов	Вставочные звуки	Аффиксы возвратного притяжания	Примеры
Родительный	краткие гласные, мягкие согласные и дифтонги,	-ын, -ийн, -н	—	г	-аа (-оо, -ээ, -өө)	хадынгаа, һүргүүлийнгээ, далайнгаа
	согласные, долгие гласные	-ай (-ой, -эй) -гай (-гой, -гэй)	—	нг	-аа (-оо, -ээ, -өө)	гэрэйнгээ, дүрөөгэйнгөө
Дательный	согласные, кроме *з, л, м, ж*	-та, (-то, -тэ)	краткие гласные	—	-аа (-оо, -ээ, -өө)	гэртээ, арадтаа
	гласные, согласные *з, л, м, ж*	-да (-дэ, -до)	краткие гласные	—	-аа (-оо, -ээ, -өө)	ахадаа, малдаа
Винительный	краткие гласные и неустойчивый *н*,	-ые, -ийе	падежные формы	(j)	-аа (-оо, -ээ, -өө) -яа (ёо, -еэ)	хадаа, хадаяа, уһаа, уһаяа
	дифтонги, долгие гласные, заднеязычный *н*	-е, (-г)ые	падежные формы	г	-аа (-оо, -ээ, -өө)	далайгаа, дүрөөгөө, ангаа
	мягкие согласные	-ийе	падежные аффиксы	(j)	-аа (-оо, -ээ, -өө)	фонаряа
Орудный	все звуки	-аар, -гаар	—	—	-аа (-оо, -ээ, -өө)	хутагаараа, гэрээрээ
Совместный	все звуки	-тай	—	г	-аа (-оо, -ээ, -өө)	нүхэртэйгөө,
		-тай	й	j	-аа (-оо, -ээ, -өө)	нүхэртээ
Исходный	все звуки	-һаа, -гһаа	аа		-һаан (-һоон, -һээн, -һөөн)	нүхэрһөөн

ние“ (в смысле естественного протекания, например, воды) и урасхал „течение“ (в значении — политическое направление), сложение слов для выражения более отвлеченного понятия, как например, hайндэр „праздник“ (из слов *hайн* „хорошии“, *үдэр* „день“), заимствование и калькирование слов, как например, *колхоз, трактор, олониитэ* „общественность“, *модо бэлэдхэл* „лесозаготовка“, *угаалниг* „умывальник“, *гэрэлтэгээн* „рентген“. Сложно-сокращенные слова, как например, *РТС, партбюро, райком* и, наконец, самым продуктивным и охватывающим все разряды имён существительных способом производства слов является суффиксикальный способ словообразования.

Словообразовательные суффиксы не имеют своего собственного значения и бытия и не составляют самостоятельной лексической единицы. Бытие суффиксов связано с корневыми словами, являющимися базой словопроизводства, через посредство которых идёт обогащение словарного состава языка. Несмотря на то, что суффиксы являются лексическими морфемами, участвующими в образовании новых словарных единиц, определяют и выполняют ряд морфологических заданий слова: по значению суффиксов определяется классификация производных слов по частям речи, ибо каждая часть речи имеет свои специфические суффиксы, например, имя существительное *хүдэлмэри* „работа“ образуется от глагола *хүдэлэ* „работай“ посредством суффикса *-мэри;* глагол *манарха* „затумaниться“ образуется от имени существительного *манан* „туман“ посредством суффикса *-рх(а)*; имя прилагательное *хорото* „ядовитый“ образуется от имени существительного *хорон* „яд“ посредством суффикса *-т(о)*.

По конечным звукам суффиксов определяется отнесение того или иного производного слова к тому или иному типу склонения (суффикс *-г*, например, в слове *бэшэг* „письмо“ относит его к первому типу склонения имён существительных, оканчивающихся на согласные; суффикс *-мт(а)*, например, в слове *баримта* „доказательство“ относит его также к первому типу склонения имён существительных, оканчивающихся на гласные и т. д.).

Конечные гласные или согласные производных основ определяют возможность или невозможность присоединения к ним тех или иных видов аффиксов множественного числа существительных (производные основы, оканчивающиеся на гласные, принимают аффикс множественного числа *-нууд: барилганууд* „постройки“, на согласные — *-уд*: *ном-уд* „книги“) и, наконец, по значениям своих суффиксов производные основы существительных распределяются на ряд семантических групп, как-то: группа имён существительных, выражающих производителя действия (*бэшээшэ* „секретарь“),

орудие действия (*хадуур* ,,серп''), естественный род животных и людей (*харагшан* ,,караковая'', *худагы* ,,сватья''), результат действия (*бэшэг* ,,письмо'') и т. д.

Значение новых слов, образованных посредством суффиксов, всегда связано с семантикой корневых слов или производных основ при производстве первой и второй основ слов. Эта связь заключается в том, что значение производных основ слов конкретизирует или абстрагирует значение, данное в корневых словах, в виде выражения, например, профессии людей по определенным видам трудовой деятельности (*мал* ,,скот'' → *малшан* ,,скотовод''), орудия по определенным видам работы (*тарма* ,,скреби'' → *тармуур* ,,грабли''), процесса и результата действия (*яба* ,,ходи, иди'' → *ябадал* ,,ходьба'', *хэморхо* ,,враждовать'' → *хэмороон* ,,вражда'') и абстрактных понятий (*жаргаха* ,,жить счастливо'' → *жаргалан* ,,счастье, блаженство'') или то, что выражается производным существительным имеет отношение к тому, что выражается корневым словом или основой, к которой приклеивается суффикс.

Один и тот же суффикс может употребляться в различных словах и, наоборот, одно и то же слово может принимать различные суффиксы, например, суффикс *-н* употребляется в различных словах, выражающих профессию людей: (*хонишон* ,,овцевод'', *малшан* ,,скотовод'', *һаалишан* ,,доярка'', *таряашан* ,,хлебороб'', *харгышан* ,,дорожник'', *хадхаха* ,,колоть'' может употребляться с суффиксами: *-хуур* (*хадхуур* ,,жало''), *-ляан* (*хадхаляан* ,,воспаление лёгких''), *-са* (*хадхаса* ,,заплатка''), *-мал* (*хадхамал* ,,воткнутый''), *-лдаан* (*хадхалдаан* ,,дрочка''), *-лаан* (*хадхалаан* ,,шиповник''), *-ма* (*хадхама* ,,колючий''), *-бари* (*хадхабари* ,,починка'').

Гласный состав суффиксов, окончание производной основы оформляется по гласному составу корня — действует гармония гласных в оформлении гласного состава суффиксов (*хонишон* ,,овцевод'', *малшан* ,,скотовод'', *худэлмэришэн* ,,рабочий'', *уншалга* ,,чтение'', *оролдолго* ,,прилежание'', *эрмэлзэлгэ* ,,стремление'').

Существительные посредством словообразовательных аффиксов образуются в основном от глаголов, имён существительных и имён прилагательных. Бурятский язык достаточно богат суффиксами, обеспечивающими образование существительных с любым значением. Образование существительных посредством суффиксов является закономерным, системным процессом, т. е. определенная группа суффиксов обслуживает и обобщает семантически однородный разряд существительных. Эти разряды существительных представлены в бурятском языке в значительном числе. Важнейшие из них:

1. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих лиц по профессии:

бэшээшэ (суфф. *-ээшэ)* ,,секретарь" при *бэшэхэ* ,,писать", *хонишон* (суфф. *-шон)* ,,овчар, чабан" при *хонин* ,,овца", *ангуушан* (суфф. *-уушан)* ,,охотник" при *ан* ,,зверь", *hурагша* (суфф. *-гша)* ,,учащийся" при *hураха* ,,учиться"

2. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих процесс действия (процессное действие):

тэмсэл (суфф. *-л)* ,,борьба" при *тэмсэхэ* ,,бороться", *тарилга* (суфф. *-лг(а)* ,,сев" при *тариха* ,,засевать", *хүгжэлтэ* (суфф. *-лт(э)* ,,развитие" при *хүгжэхэ* ,,развиваться", *hанамжа* (суфф. *-мж(а)* ,,мнение" при *hанаха* ,,подумать", *хүдэлмэри* (суфф. *-мэри)* ,,работа" при *хүдэлхэ* ,,работать".

3. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих предмет, результат действия:

бэшэг (суфф. *-г)* ,,письмо" при *бэшэхэ* ,,писать", *олзо* (суфф. *-з(о)* ,,находка" при *олохо* ,,находить", *хадаahан* (суфф. *-аahан)* ,,гвоздь" при *хадаха* ,,вбивать", *бутардаhан* (суфф. *-даhан)* ,,обломки" при *бутарха* ,,расщепляться", *хөөрэлдөөн* (суфф. *-дөөн)* ,,разговор" при *хөөрэхэ* ,,разговаривать", *агнуури* (суфф. *-уури)* ,,охота" при *агнаха* ,,охотиться".

4. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих орудие действия:

хадуур (суфф. *-уур)* ,,серп" при *хадаха* ,,жать", *барюул* (суфф. *-уул)* ,,ручка" при *бариха* ,,держать".

5. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих отвлечённые, собирательные понятия:

нургаал (суфф. *-аал)* ,,учение" при *hураха* ,,учиться", *hанал* (суфф. *-л)* ,,мысль" при *hанаха* ,,думать", *Бадматан* (суфф. *-тан)* ,,Бадмаевские" при *Бадма*, *залуушуул* (суфф. *-шуул)* ,,молодежь" при *залуу* ,,молодой", *партийность* (суфф. *-ость)*, *социализм* (суфф. *-изм)*.

6. Суффиксальный разряд существительных, выражающих эмоциональную оценку и уменьшительно-ласкательный оттенок:

гэрхэн (суфф. *-хэн)* ,,домик" при *гэр* ,,дом", *шубуухай* (суфф. *-хай)* ,,пташка" при *шубуун* ,,птица", *абгадай* (суфф. *-дай)* ,,дяденька" при *абга* ,,дядя", *дүүхэй* (суфф. *-хэй)* ,,сестрёнка" при *дүү* ,,сестра".

7. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих место совершения действия:

үбэлжөөн (суфф. *-жөөн)* ,,зимовье" при *үбэл* ,,зима", *зуhалан* (суфф. *-лан)* ,,летник" при *зуhаха* ,,летовать", *бэлшээри* (суфф. *-ээри)* ,,пастбище" при *бэлшэхэ* ,,пастись".

8. Суффиксальный разряд существительных, обозначающих естественный род (живых существ):

гунжан (суфф. *-жан)* ,,трехлетняя корова" при *гунан* ,,трехгодовалый самец", *харагшан* (суфф *-гшан*) ,,караковая"

при *хара* ,,чёрный", *худагы* (суфф. *-гы)* ,,сватья" при *худа* ,,сват", *абгай* (суфф. *-гай)* ,,тётя" при *аба* ,,отец", *хүүхэн* (суфф. *-хэн)* ,,девочка" при *хүү* ,,дитя".

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Имя прилагательное как часть речи. Часть речи, обозначающая признак, свойство предмета, называется именем прилагательным. Все слова, объединённые в категорию имени прилагательного, выражают признак предметов непосредственно своим лексическим значением или через отношение предметов друг к другу. Семантической основой имен прилагательных являются качество и свойства предмета, которые проявляются как его неотделимая, врожденная характеристика. Имя прилагательное в предложении выступает определяющим и конкретизирующим словом имён существительных и преимущественно в качестве определения.

В бурятском языке имена прилагательные представлены многими словами, выражающими качество предметов и занимают по количеству лексических единиц среди других частей речи место после имени существительного и глагола и отвечают на вопрос *ямар?* ,,какой?"

По характеру выражения качества предметов имена прилагательные объединяют два неоднородных разряда слов.

Слова, относящиеся к первому разряду, могут выражать не только качества и свойства предметов, но и функционировать в роли обстоятельственных слов, определяя качество действия, например, *халуун сайда аман халана* ,,горячий чай обжигает губы" (прилагательное *халуун* определяет существительное *сай), сэдьхэл сээжэдэ хүнгэн болохо* ,,будет легче на душе" (*хүнгэн* определяет *болохо), хүйтэн хуурайгаар уйлан алдажа гулваада һарбайжа ябаха зууpaa...* „в момент, когда протягивал руку голове, чуть не плача..." (прилагательные *хүйтэн* и *хуурайгаар* определяют деепричастие *уйлан* и *алдажа).* Этот разряд слов составляет качественные имена прилагательные, которые соответствуют русским:

а) качественным прилагательным, если в предложении оказываются определениями или сказуемыми;

б) именам существительным, если в предложении оказываются в положении подлежащего или дополнения, и

в) наречиям образа действия, если в предложении оказываются обстоятельством образа действия, относясь к глаголам[1]).

Остальные имена прилагательные, преимущественно производные от именных слов, выступают как выразители

[1]) Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I., М., 1953, стр. 125.

качеств и признаков только предметов, например, *морито сэрэг* „конные войска", *хадата газар* „гористая местность", *энэ мухар хүхэ гэрэй газаа талаһаань харахада хэды үзэлтэгүй муухайшье һаа...* „... когда смотришь на этот приземистый серый домишко, то несмотря на его неприглядный вид...". Однако их объединяет в одну грамматическую категорию — имя прилагательное — их свойство обозначать качества и свойства предметов и действий.

В большинстве своём имена прилагательные не обладают особыми внешними морфологическими признаками, отличающими их от слов других частей речи. Они представлены „нулевым" показателем, преимущественно корнем, следовательно, у имён прилагательных нет специальных синтаксических средств связи с определяемым словом. Связь между ними устанавливается в огромном большинстве случаев препозитивным примыканием самих прилагательных к определяемому слову.

Функционирование имён прилагательных и предметных имён существительных в предложении в качестве определения при отсутствии у них внешних формальных элементов, а только при наличии дифференцирующих лексических значений, не всегда способствует правильной классификации и дифференциации некоторых именных частей речи, как например, на имя прилагательное и имя существительное, как различные части речи. Эти части речи друг в друга не переходят и не замещают, но однако имя прилагательное при словоизменении приобретает значение предметности, несмотря на это, налицо большое количество лексико-грамматических различий между этими частями речи:

1. Имя существительное выражает предметность, а имя прилагательное — качество и свойство предмета и действия. Следовательно, имеем различия в их лексическом значении.

2. Имя существительное употребляется в предложении преимущественно в качестве подлежащего и дополнения, а имя прилагательное — в качестве определения. Такое преимущественное синтаксическое функционирование в качестве тех или иных членов предложения этих именных частей резко отграничивает их друг от друга. Однако предметное имя существительное, выступая в предложении и в качестве определения, не теряет своего лексического, предметного, значения и выполняет лишь определительную синтаксическую функцию, например, в сочетании *түмэр хүрзэ* „железная лопата" — предметное имя *түмэр* „железо" употребляется в своей определительной функции.

3. Имя существительное имеет полное склонение, посредством которого оно вступает в различные отношения с другими словами, сохраняя своё лексическое значение, а имя прилагательное не имеет систем склонения, т. е. не изменяет-

ся по падежам для создания различно функционирующих форм одного и того же слова.

Однако изменение имён прилагательных по падежам возможно при субстантивации и адвербиализации, т. е. имя прилагательное в косвенных падежах, и в частности в дательном, винительном, совместном и исходном падежах, во-первых, не только обозначает качество предмета, но и самый предмет, носитель качества. Таким образом, мы здесь имеем дело с опредмечиванием качества, семантическим сдвигом, например, *табгайень абаха аад, таргыень бу hура* „не спрашивай об упитанности, коль тебе нужно лишь копыто“ (пословица), где имя прилагательное *таргыень* стоит в винительном падеже и употребляется в опредмеченном значении; во-вторых, имя прилагательное, употребленное в орудном падеже, имеет тенденцию выполнять обстоятельственную функцию, соотносительную с наречием, как например, ... *тэбхэр долоон хоног соо* ***хоohоор*** *ябаhан байна* ..... ровно семь суток ходил голодным“.

4. Имя существительное не употребляется с различными усилительными частицами типа *маша* „очень“, *тон* „весьма“, *эгээ* „самый“, *горитой* „серьёзный“ и т. д., тогда как эти частицы свойственны именам прилагательным, обозначающим качество, присущее не только самой природе предмета, но и качество одного предмета в сравнении с качествами других предметов. Например, ***обогор*** *томо,* ***обор*** *хүжүүн Балдан булганай урда зогсожо, салигар үргэн хажуураара хоёр һөмөөр эдюулэн сабшажа оробо* „коренастый, неуклюжий Балдан встал впереди всех и начал косить, захватывая своей широченной косой сразу по две пяди“; *тон шухала хэрэг* „очень важное дело“.

5. Имена существительные, за исключением специальных стилистических заданий, как *мориндо морин* „конь да конь“, не употребляются в дублетных парах, тогда как имена прилагательные качественные очень часто употребляются в разнообразных дублетных парах для выражения различных степеней качества, как например, *hайнай hайн* или *hайнда hайн* хүн „прекраснейший человек“, *саб сагаан* „совсем белый“, *тэрэ тэбхэр* „совершенно квадратный“.

6. Богатые морфологические форманты обеспечивают именам существительным возможность непосредственно устанавливать в предложении отношения с другими словами, тогда как имена прилагательные, особенно качественные, бедны морфологическими формантами, что делает их более синтаксичными, абстрактными, т. е. место, занимаемое имёнами прилагательными в предложении, предопределяет обнаружение их значения и роли.

По своему значению имена прилагательные делятся на качественные и относительные.

Качественные имена прилагательные.

Имена прилагательные, обозначающие признаки, свойственные какому-нибудь предмету, составляют их качественный разряд, и их существование мыслится в сочинении с существительными и глаголами.

Семантика качественных имён прилагательных простирается на обозначение качеств предмета (*һайн* „хороший", *муу* „плохой"), цвета предмета (*сагаан* „белый", *ногоон* „зеленый", *улаан* „красный"), размеров предмета (*бүдүүн* „толстый", *уужам* „просторный", *ута* „длинный"), форм предмета (*тэбхэр* „квадратный", *гонзогор* „продолговатый", *сэхэ* „прямой)", физических свойств предмета (*хүнгэн* „легкий", *шанга* „крепкий", *шэнгэн* „жидкий"), чистоты и вида предмета (*сэбэр* „чистый", *гоё* „красивый", *муухай* „грязный"), а также качественные имена прилагательные обозначают вкусовые качества (*гашуун* „горький", *нялуун* „пресный", *халуун* „горячий"), психические свойства (*дошхон* „резвый", *дорюун* „смелый", *номгон* „спокойный"), характер и умственный склад людей (*сэсэн* „умный", *мэргэн* „мудрый", *һайзгай* „спесивый").

Качество, во-первых, может быть дано непосредственно в самой природе предмета, может оно мыслиться как неотделимая от предмета и врожденная его характеристика, как например, *хара хөө* „чёрная копоть", *хүндэ уһан* „тяжелая вода", *халюун хүлэг морин* „конь-аргамак игреневой масти"; во-вторых, оно мыслится как нечто приобретенное предметом, например, *харуу* „скупой", *һайн* „хороший", *муу* „плохой", *бүдүүн* „толстый" и т. д. в отношении человека или любого другого живого существа или предмета; в-третьих, качество, которое приписывается предмету в переносном смысле, например, *хурса хүн* „смышленный человек" (*хурса* букв. „острый"), *хатуу зүрхэн* „твердый характер", *бүдүүн һанаан* „грубое мнение" (*бүдүүн* букв. толстый).

Качественный разряд имен прилагательных представлен своей основой и не снабжен специальными, отличительными суффиксами, например, *шэрээ бүхэнтэй, шэрүүн зогдортой, энгин хара тэмээмнай энэ мүн байна* „вот и наш верблюд, с широким горбом, с жестокой гривой, чёрный, как смоль".

Качественные имена прилагательные своей основой определяют имя существительное атрибутивно, глагол — обстоятельственно, например, *һайн ном* „хорошая книга", *һайн һурадаг* „хорошо учится".

Качественные имена прилагательные характеризуются наличием степени сравнения и соотносительностью в семантико-грамматическом плане с наречием.

Степени сравнения.

Качественный признак предмета может быть различным. Эти качественные различия могут быть в одном и том же предмете, так сказать, в его потенциале и при сравнении, сопоставлении качеств двух или более предметов.

Качество предмета, данное в своем материальном, первоначальном без сопоставления с другими качествами виде, составляет положительную, нормальную степень. Нормальная степень качества предмета служит базой для образования сравнительной и превосходной степеней качества предмета. Всякое отклонение от ,,нормального", потенциального, качества дает, как известно, другое качество.

Степень сравнения есть показатель различий в качествах предмета. В бурятском языке степени сравнения образуются аналитическим способом.

Сравнительная степень. Сравнительная степень указывает, что названное качество предмета в этом предмете проявляется в большей степени, чем в других сравниваемых предметах. Сравнительная степень может служить для выявления качеств одного и того же предмета безотносительно качествам других предметов и может сопоставлять два разных предмета и выявлять в сравниваемом предмете ослабленное или усиленное качество. Суффиксами сравнительной степени являются: *-шаг (-шог -шэг), -бтар (-бтор, -бтэр), -хан (-хон, -хэн).*

Суффикс *-шаг* полисемантичен. Он может выражать ослабленное или усиленное качество предмета, но указание на то или иное качество предмета выявляется только в контексте, например, от *хара* ,,черный" образуется *харашаг* ,,черноватый", т. е. большая или меньшая степень качества, выраженная именем прилагательным посредством суффикса *-шаг*, целиком зависит от употребления в контексте. Этот суффикс *-шаг* очень продуктивен: может быть употреблен с любым разрядом качественных имен прилагательных.

Суффикс *-бтар* употребляется исключительно с именами прилагательными, обозначающими цвет и форму предмета, например, от *ногоон* ,,зеленый"— *ногообтор* ,,зеленоватый", от *бүдүүн* ,,толстый" — *бүдүүбтэр* ,,толстоватый". Этот суффикс означает недостаточность качества данного предмета по сравнению с качествами других предметов или с ,,нормальным" качеством данного предмета.

Суффикс *-хан* выражает недостаток, уменьшенность качества предмета и употребляется со всеми разрядами качественных имен прилагательных, например, *Доржын нюдэндэ сэнхирхэн сонхотой бишыхан гэр эли харагдана* ,,Доржи ясно видит маленький домик с голубенькими ставнями".

Превосходная степень. Она выражает наивысшую степень качества определяемого предмета. Бурятский язык не имеет

специальных суффиксов для выражения высокой степени качества, поэтому превосходная степень образуется преимущественно аналитично, а именно:

а) посредством употребления усилительных частиц типа *угаа* ,,очень", *тон* ,,весьма", *маша* ,,гораздо", *эгээн* ,,самый" с качественными именами прилагательными, например, *тон һайн* ,,весьма хороший", *угаа ута* ,,очень длинный";

б) посредством двухкратного повторения полного прилагательного, причем первое является определяющим и находится в одном из косвенных падежей, преимущественно в родительном, дательном и исходном падежах, а второе — определяемым и находится преимущественно в именительном падеже, например, *һайнаи һайн* ,,лучшее из лучших" (самый хороший), *муугай муу* ,,худшее из худших (самый худший), *бүхэһөө бүхэ* ,,крепкое из крепких" (самый крепкий);

в) посредством сочетания усеченной формы прилагательного с полной его формой типа *уб улаан* ,,красный-красный", *хуб хухэ* ,,совершенно синий", *оро обогор* ,,сильно распученный", *тэрэ тэбхэр* ,,абсолютно квадратный".

Если усеченная форма качественных имен прилагательных, обозначающих цвет предмета, открыта, то она принимает звук *б,* благодаря чему открытый слог оказывается закрытым перед следующим прилагательным, начинающимся с гласного звука. А если усеченная форма качественных имен прилагательных, обозначающих форму и размер предмета, открыта, то она принимает звук *р* с последующим гласным *а, э, о* в зависимости от гласного усеченного слога, к которому она прикрепляет и делает его двусложным;

г) посредством вспомогательного глагола *гэхэ* ,,говорить" в его различных морфологических вариантах образуется превосходная степень качественных прилагательных, например, *ехэ гэгшын хада* ,,гора огромного размера" (высота), *томо гэгшын томо юумэн* ,,вещь огромной величины";

д) посредством внутренней флексии, превращающей краткий гласный вторых, последних слогов слова в долгие, например, *үндэр* ,,высокий" дает *үндыр* или *үндүүр* ,,очень высокий", *ехэ* ,,большой" дает *ехы* ,,очень большой".

Относительные имена прилагательные.

Относительные прилагательные обозначают признак предмета через его отношение к другому предмету. Относительные имена прилагательные комплектуются словами, обозначающими те или иные предметы, вещи, действия, качества, понятия и др., а суффиксы выражают отношение одного слова, как его признака, к другому слову.

Следовательно, относительные имена прилагательные всегда производные и по значению обычно соотносительны с существительными, прилагательными, глаголами и наречиями.

Относительные имена прилагательные не дают качественной характеристики предмета, как это свойственно семантике качественных имен прилагательных, а указывают лишь на отношение между предметами.

Они образуются от (1) имен существительных посредством суффикса *-т- (а, о, э)*, например, от *эрдэм* „образование"— *эрдэмтэ* „образованный, ученый", от *морин* „конь"— *морито* „конный", (2) от глагола посредством суффикса *-мал (-мэл, -мол)*, например, от *шудха* „отливать"— *шудхамал*, „литой", от *шахаха* „откармливать"—*шахамал* „откормленный на убой", (3) от прилагательного посредством суффикса *-гш (а, о, э)*, например от *хээр* „гнедой" (о масти лошади)— *хээгшэ (гүүн)* „гнедая (кобылица)", от *буурал* „чалый" (о масти животных)— *буурагша (үнеэн)* „чалая (корова)", (4) от наречий посредством суффикса *-хи*, выражающего временные, пространственные признаки отношения, например, от *эндэ* „здесь"— *эндэхи* „здешний", *нёдондо* „прошлый год" — *нёдондохи* „прошлогодний". Относительные имена прилагательные отличаются от значений тех слов, от которых они образуются тем, что они как все прилагательные обозначают признак других предметов.

Образование имен прилагательиых.

Основы имён прилагательных могут быть производные и непроизводные. Под непроизводными основами имен прилагательных подразумеваются такие основы, которые в сознании современного носителя языка не могут быть расчленяемы на корень и суффиксы, как например, *ногоон* „зеленый", *ягаан* „розовый", *сагаан* „белый", где, несомненно, *-гаан* является суффиксом, но теперь неотделим от корня, ибо отдельно нет корней на *я-, са-;* такова же судьба, например, суффиксов в следующих парах: *үлүү* „лишний" и *дутуу* „недостаточный", *бүлеэн* „теплый" (о жидкости) и *дулаан* „теплый" (о погоде)— суффикса *-аан*; в *үндэр* „высокий" и *набтар* „низкий"— суффикса *ар*; в *хүнгэн* „легкий" и *шэнгэн* „жидкий"— суффикса *-гэн*; в *галзуу* „бешеный" и *ногтуу* „пьяный"— суффикса *-уу* и другие.

Для выражения большего количества признаков предмета язык прибегает к производству имён прилагательных посредством словообразовательных аффиксов из различных частей речи, как-то: имён существительных, имен же прилагательных, глаголов, наречий. Качество, выраженное производными основами имён прилагательных, по своему значению соотно-

сительно со значением того слова, от основы которого образовано данное прилагательное.

а) Имена прилагательные образуются от имен существительных посредством суффиксов:

-та (-то, -тэ), обозначающего обладателя качества: *эритэ зэмсэгэй үзүүр хурса* (остро лезвие режущего оружия), *үнөөтэ хүн өөдэлхэгүй, үрэтэ хүн дороитохогүй* „мстительный человек не расцветет, человек, имеющий детей (потомство) не сгинет";

-рхуу, (-рхүү, -рхөө), обозначающего избыток качества, в области человеческих отношений — негативное качество, проявляемое тем или иным лицом: *хүшэ(н)+рхүү* „силообильный", в явлениях природы имеем обилие какого-либо качества: *сана(н)+рхуу* „снегообильный", *бороо+рхуу* „дождливый";

-лиг, обозначающего изобилие качества в каком-нибудь предмете: от *сэсэг* „цветок" — *сэсэглиг* „цветущий", от *баян* „богатство" — *баялиг* „богатый", от *мяхан* „мясо" — *мяхалиг* „мясистый". Во многих случаях прилагательные этого типа превращаются в существительные: *сэсэглиг соо* „в саду";

-ш- (а, о, э), обозначающего качество, присущее тому или иному лицу или живому существу. Имена прилагательные этого типа находятся на пути превращения в существительные: от *хүдэлмэри* „работа" — *хүдэлмэришэ (хүн)* „работящий (человек)" или „трудящийся", от *үльгэр* „сказка, былина" — *үльгэршэ (хүн)* „человек обладающий умением рассказывать былины" или „сказитель".

-шуу, шүү, обозначающего уподобление качества какому-нибудь предмету или его недостаточность: от *модон* „дерево" — *модоншуу* (юумэн) „вещь, похожая на дерево", от *лапшаа* „лапша" — *лапшаашуу* (хоол) „кушанье, похожее на лапшу".

б) Имена прилагательные образуются от имен прилагательных посредством суффиксов:

-мсаг (-мсог, -мсэг), обозначающего (негативное) качество (людей): *гоё* „красивый" — *гоёмсог* (хүн) „щеголеватый, модный (человек)";

-гш- (а, о, э), обозначающего свойство, масть животных: *хара* „черный" — *харагша (үнеэн)* „чернушка", *хүрин* „бурый" — *хүригшэ (үнеэн)* „темнобурая" (корова);

-рхүү (-рхуу), обозначающего негативное качество людей: *бүдүүн* „толстый, солидный" — *бүдүүрхүү* (хүн) „чванливый", *һайн* „хороший, положительный" — *һайрхуу* „хвастливый".

в) Имена прилагательные образуются от глаголов повелительной формы 2-го лица единственного числа посредством суффиксов, придающих слову значение:

1) обозначения качества предмета, приобретенного в результате действия: *-мал (-мол -мэл)*: *зура* „рисуй" — *зурамал* „черченый", *бэшэ* „пиши" — *бэшэмэл* „писаный";

-нхай (-нхой, -нхэй): *тураха* ,,истощаться"— *туранхай* ,,тощий";

-хай: бутара ,,разбивайся"— *бутархай* ,,дробленый", *хахара* ,,разорвись"— *хахархай* ,,рваный";

-маг (-мэг, -мог): *холи* ,,мешай" —*холимог* ,,мешаный", *таа* ,,отгадай"— *таамаг* ,,загадочный";

2) обозначения свойства и способностей носителей качества: *-мгай (мгой, -мгэй), -мхай, (-мхой, -мхэй)*: *зори* ,,стремись"— *зоримгой* ,,смелый", *ай* ,,бойся"— *аймхай* ,,боязливый", *марта* ,,забывай"— *мартамхай* ,,забывчивый", *уу* ,,пей"— *уумгай* ,,пьющий";

-мар (-мэр,-мор): *шада* ,,сумей"— *шадамар* ,,умелый", *дүү* ,,брат"— *дүүмэр* ,,младший";

-уу (-үү, -өө): *ёнорхо*(хо) ,,церемониться"— *ёнорхуу* ,,высокомерный", *бүдүүрхэ(хэ)* ,,кичиться"— *бүдүүрхүү* ,,кичливый";

3) обозначения постоянного качества, присущего предмету:

-нги: хатаха ,,высыхать"— *хатанги* ,,сухопарый", *үжэхэ* ,,протухать"— *үжэнги* ,,тухлый";

-гор (-гар, -гэр): *ёдойхо* ,,торчать"— *ёдогор* ,,торчащий", *гэдыхэ* ,,выпячивать" (грудь)— *гэдэгэр* ,,выпяченный";

-ма (мэ, -мо): *ангаха* ,,жаждать"— *ангама (халуун)* ,,жара, вызывающая жажду", *тэһэрхэ* ,,разорваться"—*тэһэрмэ* (бүдүүн) ,,толстый такой, что может лопнуть".

г) Имена прилагательные образуются от наречий места посредством суффикса *-хи*:

эндэ ,,здесь"— *эндэхи* ,,здешний", *холо* ,,далеко"— *холынхи* ,,из далека".

Субстантивация имен прилагательных.

Бурятские имена прилагательные, выступая в предложении в качестве определения, не претерпевают морфологических изменений, т. е. не склоняются, а их синтаксические функции в предложении выявляются местом их расположения, например, *гоё* (определение) *хүн даарамхай* (сказуемое), жороо (определение) *морин эсэмгэй* (сказуемое) ,,Щеголь не выносит мороза, иноходец подвержен усталости".

Имена прилагательные в бурятском языке очень легко субстантивируются, и при этом они приобретают грамматические признаки имён существительных: склоняются по всем падежам, выступают в предложении преимущественно в качестве члена предложения— дополнения, принимают суффиксы притяжания. Имя прилагательное в косвенном падеже не только определяет качество другого предмета, но само оно обозначает предмет, становится носителем качества: *худалые үнэн*

хүсэхэ, хурданшие һомон хүсэхэ „правда догонит ложь, беглеца настигнет стрела"; *һохорые бү бархируула, һорогые бү мөөрүүлэ* „не доведи до слез слепого, безрогую не изнуряй до мычания" (пословица). *„Хатууе зөөлэн элээхэ, харгые гутал элээхэ"* „твердое (тело) растирается мягким, дорога истаптывается обувью".

Следовательно, бурятские прилагательные в зависимости от грамматических условий употребления могут осознаваться как название предметов: „прилагательность" в этих случаях ограничивается в рамках лишь лексической соотносительности. Например, в первом примере *хурдан* „быстрый" в винительном падеже *(хурданшие)* не может охарактеризовать любой предмет со стороны его проявления качества — быстроты: оно выражает один конкретный предмет в определенном контексте.

Во многих случаях прилагательные при субстантивации дают слова, не соотносительные с первичным значением прилагательных и входят обычно в состав идиоматических сочетаний, например, *Үндэр Хүл* „Высокая Долина, ущелье", (географическое название), *хара хэрүүл* „сплошная ссора", *хүрин зээрдэ* (болошоо), „стал багровым", *хара хүн* „простолюдин", *хүхэ дэглы* „цапля", *сагаан будаа* „рис".

Новые прилагательные.

В современном бурятском языке имеется ряд заимствованных в советское время новых корневых и производных прилагательных, выражающих понятия в основном из области новых общественных отношений. Лексическое значение и морфологический облик у этих прилагательных сохраняются, как в русском первоисточнике, а родовое окончание оформляется краткой гласной по ударному гласному основы прилагательных: партийный (комитет)— партийна (комитет), демократическая (республика)— демократическа (республика), советская (власть)— советскэ (засаг).

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Лексико-грамматическое значение имен числительных.

Имя числительное — часть речи, служащая названием абсолютного числа, количества и порядка при счете предметов. Имя числительное относится к разряду знаменательных частей речи, выражающих пространственные представления и функционирует в основном в группе именных слов. Оно такое же

имя, как другие именные части речи, что и позволяет ему выступать в предложении в качестве любого члена, но преимущественно атрибутивно.

Имя числительное выделяется от других частей речи своеобразными грамматическими признаками.

а) Обозначая количество, оно не имеет формального значения числа. Формы единственного и множественного числа отсутствуют, за исключением тех числовых названий, которые оказались в основе племенных и родовых названий монгольских народов, например, *тумэн* „десять тысяч" — *тумэд* „туметы", *долоон* „семь" — *долоонгууд* „долонгуты", но иногда встречаются и формы, как *хори* „двадцать", что обозначает племя *хори* „хоринцы", *найман* „восемь" — племя найманы.

б) Основные разряды имен числительных обладают атрибутивными свойствами, идентично формам имен прилагательных: *табан шэхэтэй тагнуулнууд тангада байһьень мэдээд...* „пятиухие разведчики, узнали о том, что находится в тайге..."

Имя числительное, выступая в качестве обозначателя количества какого-нибудь предмета, непосредственно относится к определяемому слову, минуя связи других определяемых слов: *хоёр зүнэг хүгшэдтэ хоол зөөһэн тухайдаа... хэлэбэ* „рассказал двум дряхлым старикам... о перевозке продуктов". Имя числительное не сочетается с именами прилагательными.

Однако имена числительные могут выступать в предложении в качестве любого его члена, а именно:

1) подлежащего: *нэгэдэхинь адхана, хоёрдохинь ууна, гурбадахинь ургана* „первый высыпает, второй пьёт, третий растет" (загадка);

2) определения: *хоёр инагай ошохые хойноһоонь харан үдэшэбэ* „он долго смотрел вслед за уходящей парой влюбленных";

3) дополнения: *хоёрой нэгые шэлэхэ болоолши даа!* „придется тебе выбрать одного из двух";

4) сказуемого: *табан таба — хорин таба* „пятью пять — двадцать пять";

5) обстоятельства: *Бата найманда ерээ* „Бата пришел в восемь (часов)".

Таким образом, синтаксическая роль имен числительных различна: в предложении все разряды имён числительных могут выступать в качестве независимых или зависимых его членов:

1) количественные имена числительные (а) независимые: *энэ гэһэн үдэрһөө эдэ* ***гурбан*** *жаргаба...* „с этого дня все трое стали жить счастливо" (*гурбан* — подлежащее); зависимые: ***гурбан*** алтан сэргэдэнь одо мүшэн яларба „засверкали звезды на трёх золотых коновязях" (*гурбан* — определение);

2) порядковые имена числительные (а) независимые: ***хоёрдохинь*** *хойноһоо ерээ* „второй пришел с севера" (*хоёрдохинь* — подлежащее); (б) зависимые (самостоятельно не употребляют-

ся): ***хоёрдохёо*** *ерээ* „второй раз пришёл“ (*хоёрдохёо* — обстоятельство);

3) собирательные имена числительные (а) независимые: *хоюулан дахин уулзажа, хөөрэлдөөгөө үргэлжэлүүлбэ* „оба снова встретившись, продолжали разговор“ (*хоюулан* — подлежащее); (б) зависимые (самостоятельно не употребляются): *тэдэнэр эблэжэ даабарияа гурбадахяа дүүргээ* „те выполнили задание в третий раз“ (*гурбадахяа* — обстоятельство);

4) разделительные имена числительные (а) независимые: *тэдэнэй арбаадынь энд эрэһэн байгаа* „около десяти из них приехали сюда“ (*арбаадынь* — подлежащее); (б) зависимые (самостоятельно не употребляются): ***хорёод*** *хүбүүд сугларба* „собралось молодых человек двадцать“ (*хорёод* — определение).

По своему морфологическому оформлению разряды имен числительных резко различаются друг от друга. Если взять за основу форму числительных количественных, то порядковые, собирательные и разделительные имена числительные получают наращения в виде различных отличающихся друг от друга суффиксов: количественные имена числительные — *хоёр* „два“, *гурбан* „три“, *табан* „пять“; порядковые имена числительные — *хоёрдохи* „второй“, *гурбадахи* „третий“, *табадахи* „пятый“; собирательные имена числительные — *хоюулаа* „вдвоем“, *гурбуулаа* „втроем“, *табуулаа* „пятером“; разделительные имена числительные — *хошоод* „по два“, *гурбаад* „по три“, *табаад* „по пять“.

Вместе с тем словоизменительные форманты косвенных падежей у всех разрядов имен числительных одинаковы, и они склоняются по одному стандарту. Примеры:

Разряды / падежи	Количественные	Порядковые	Собирательные	Разделительные
Им.	хоёр	хоёрдохи	хоюулан	хошоод
Род.	хоёрой	хоёрдохиин	хоюуланай	хошоодой
Дат.	хоёрто	хоёрдохидо	хоюуланда	хошоодто
Вин.	хоёрые	хоёрдохиие	хоюуланиие	хошоодые
Ор.	хоёроор	хоёрдохёор	хоюуланаар	хошоодоор
Совм.	хоёртой	хоёрдохитой	хоюулантай	хошоодтой
Исх.	хоёрһоо	хоёрдохиһоо	хоюуланһаа	хошоодһоо

г) Нормальная система исчисления — система десятичная: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Первые десять чисел имеют свое особое, собственное название. Далее идет система второго

десятка: сперва ставится единица высшего разряда, наименования плюс единица низшего разряда, например, количественное числительное *„22“* состоит из сочетания цифр высшего и низшего разрядов. Бурятские числительные первого класса (десятки) не имеют своих собственных исконных наименований. Наименования десятков образованы посредством флексии от наименований единиц первого класса *(хоёр—хорин, гурба—гушан)*, а первые единицы второго класса имеют свое наименование *(мянган, тумэн* и т. д.). В системе образования бурятских имен числительных наличествуют принципы агглютинации и флексии. Сочетание числительных различных гнезд оформляется механическим следованием чисел низшего разряда за цифрами высшего, и каждая из сочетающихся цифр сохраняет свое самостоятельное и раздельное произнесение и ударение, например, *арбан хоёр (12), хорин табан (25), зуун долоон (107)*[1]. Вместе с тем названия десятичных чисел, начиная с двадцати образуются флективно, посредством звуковых изменений чисел первого десятка десятичной системы числительных: *хоёр* „два“, *хорин* „двадцать“, *дүрбэн* „четыре“, *дүшэн* „сорок“, *табан* „пять“, *табин* „пятьдесят“ и т. д. Изменяются не только гласные в основах, но и согласные, а также они чередуются или вовсе изчезают, например, *хоёр* „два“ и *хорин* „двадцать“ или *гурбан* „три“ и *гушан* „тридцать“.

д) Бурятские имена числительные не абстрактны, они всегда в Им. пад. нуждаются в определяемых словах, например, *гушан гурбан баатарнуудынь барандаа хаа хаанахаань гүйлгэлдэжэ ерэбэд* „все его тридцать три богатыря со всех сторон подъезжали“; *гурбадахи класста оробо* „перешел в третий класс“.

е) Имена числительные в косвенных падежах, иногда и в именительном падеже, субстантивируются и адвербиализуются, и обычно в таких случаях они находятся вне сочетания с именами существительными, причем субстантивация и адвербиализация у имен числительных сопряжены с резкими смысловыми сдвигами, заключающимися в потере числительными функции количественного определения и в приобретении ими нового, предметного содержания с оттенком количественного определителя: *би гансаараа табуулайетнай шүүгээб* „я один вас всех пятерых обыграл“ (*табуулайетнай*—субтантивированное собирательное имя числительное в винительном падеже). *Тэрэ суглаанда манаи гурбан байлсаба.* „На том собрании присутствовала наша тройка“ (*гурбан* — субстантивированное количественное числительное в именительном падеже). Адвербиализация имен числительных наблюдается в тех случаях, когда они употребляются применительно к счету и обозначению приблизительного счета времени, предположительно совершае-

[1] Ср.: русское один-на-дцать (десять)

мого, совершенного и предполагаемого в будущем действия: *нэгэтэ айхабтар ехэ сана бордохотой нүнй болобо* „однажды была ночь, когда разыгралась страшная метель"; *нэг, хоёр, гурба*, „раз, два, три").

ё) Имена числительные всех разрядов обладают всеми морфологическими формами, присущими именным словам, однако с точки зрения синтаксических требований формально оказываются независимыми от управляемых именных слов и употребляются в своей первоначальной, спонтанной форме: *нэгэ морин дайралдашаба* „на пути встретилась одна лошадь"; *хоёрдохи һуури эзэлбэ* „второе место занял"; *арбаад хоног ябажа хүрэбэ* „доехали дней через десять"; *хоюулан зубшөөбэд* „оба согласились".

ж) Имена числительные употребляются с послелогами и различными частицами. В первом случае имена числительные выступают в качестве второстепенных членов предложения, выражающих приблизительность количества: *хори шахуу хоножо, ангуушад гэртээ бусажа ерэбэ* „охотники вернулись домой после почти двадцатидневного отсутствия" *(хори шахуу* — обстоятельство); *олон үсөөншье һаань, бултыень һайтар тоолохо хэрэгтэй* „хоть мало или много, все равно следует внимательно подсчитать".

Разряд имён числительных.

Имена числительные подразделяются на разряды: количественный, счётный, порядковый, собирательный и разделительный (приблизительный). Деление числительных на эти разряды обусловлено их значением, морфологическими формами и синтаксическим функционированием в предложении.

Количественные имена числительные.

Количественные числительные в именительном падеже являются основной и первичной формой числительных и базой для производства от них всех других разрядов числительных.

Количественные имена числительные обозначают два различных ряда чисел — определенное и неопределенное количество (предметов). Определенные количественные числительные служат наименованием количества, состоящего из известного числа единиц *(хоёр* „два", *гурбан* „три", *найман* „восемь"), неопределенные количественные числительные — наименование неопределенного числа единиц *(олон* „много", *нэгэ хэды* „несколько", *үи түмэн* „бесчисленное множество"): *хоёр үглөө гаража агнаба* „дважды по утрам ездил на охоту"; *хори гуша шахуу хүн зон сугларба* „собралось человек 20—30"; *урда ехэ үбэртэнь үи түмэн малынь бэлшэнэ* „на широком южном склоне пасутся его бесчисленные стада".

Количественные имена числительные отвечают на вопрос *хэды?* „сколько?“ в именительном падеже и *хэдынэй?* „сколько?“, *хэдыгээр?* „за сколько?“ и т. д. в косвенных падежах.

Все числительные первого десятка называются простыми количественными числительными, и они имеют свои собственные названия: *нэгэн, хоёр, гурбан, дүрбэн, табан, зургаан, долоон, найман, юһэн, арбан,* а все числительные следующего десятка и сотни — составными: *арбан хоер „12“, зуун долоон „107“, нэгэ мянга юһэн зуун арбан дүрбэ „1914“.*

Исконный бурятский язык не имел систему наименований высоких числовых названий. Старый письменный язык пользовался для этих целей санскритскими и тибетскими словами: *бум* „сто тысяч“, *сая* „миллион“, *дживаа* „десять миллионов“, *дуншуур* „сто миллионов“, а теперь принята международная система наименований высоких чисел: *миллион, миллиард, биллион* и обозначение чисел до миллиона осуществляется посредством сложения соответствующих чисел бурятского языка: *арбан мянган* „десять тысяч“, *зуун мянган* „сто тысяч“.

Счет количественных имен числительных с неустойчивым *н* на конце представляет собою сложную систему и производится следующим образом:

а) В именительном падеже и в качестве количественного определения все числительные с неустойчивым *н* на конце произносятся и пишутся с *н*: *нэгэн* „один“, *хоёр* „два“, *гурбан* „три“, *дүрбэн* „четыре“ и т. д. Например: *юрын гурбан үдэр үнгэрбэ* „будничные три дня прошли“.

б) Все числительные с неустойчивым *н* на конце теряют его, когда счет идет от единицы до десятка включительно и употребляются с послелогами типа *тухай* „около“, *хүртэр* „до“, *шахуу* „почти“ и т. д. Однако высшие разряды в составных именах числительных, кроме последней цифры, сохраняют его при счете:

1) *нэгэ, хоёр, гурба, дүрбэ, таба, зургаа, долоо, найма, юһэ, арба*;

2) *таба хүртэр* „до пяти“, *долоо шахуу* „почти семь“, *арба тухай* „около десяти“.

3) *гурбан зуун арбан таба* „триста пятнадцать“.

Например: *Шампии баабай дала гаратараа энэ элдэб гоё дуунуудые шагнажа ябабашье һаа...* „Хотя Шампии-батька слышал эти различные изумительные песни в течение своей свыше семидесятилетней жизни, но...“

в) В составных числительных цифры второго, третьего и т. д. разрядов сохраняют при любых обстоятельствах свой конечный *н* за исключением *нэгэ* „один“, *мянга* „тысяча“.

Нэгэ мянга юһэн зуун хорин табан он „1925 год“.

Однако в определительной роли в предложении количественные числительные *мянган* „тысяча“ сохраняет, а *нэгэн*

„один“ не сохраняет своей конечной *н.: мянган хүн* „тысяча людей“, *нэгэ хүн* „один человек“.

Парное употребление количественных имен числительных имеет свои особенности: если первое определяет второе, то последнее употребляется без неустойчивого *н: гурбан гурба* „трижды три“. Если парное количественное числительное употребляется в распределительной функции, то первое употребляется без неустоичивого *н*, а второе — с неустоичивым *н.: миний харан гэһэмни дутын тосхонуудта зуу зуун гэрнүүд харагдаба* „когда я посмотрел, то увидел в ближайших селах по сто домов“.

Количественные имена числительные до первого десятка служат количественно-обобщающим словом при подлежащем в предложении: *Галша Дари хоёр нюур нюураа харалсажа...* „Галши и Дари (оба) переглянулись...“, *харин хэрэгтэй газарта хэлэхэ хашхарха хоёрһоо айха хэрэггүй юм* „однако в необходимых случаях нечего бояться поговорить и пошуметь“.

Счетные и дробные имена числительные.

Эти разряды имен числительных имеют каждый в отдельности свои особенности, заключающиеся в том, что оба разряда не обозначают определенного и целого количества предметов и вещей.

Счетные имена числительные обозначают неопределенное количество единичных предметов, поддающихся счету. Счетных имен немного, их составляют слова типа *хахад* „половина“, *үсөөн* „малочисленный“, *үрөөһэн* „одна пара, половина“, *олон* „много“, *ганса* „один-единственный“, *зарим* „некоторый“, *дабхар* „двойной“ и некоторые другие. Они в предложении употребляются в именительном падеже в сочетании с именем существительным или самостоятельно в качестве сказуемого, а в косвенных падежах — самостоятельно в качестве определения или любого другого его члена: *гэр соо ганса дэн* „в доме одна-единственная свеча“, *заримад айхабтар гоёор бэшэдэг, торгон утаһаар гүрэһэн шэнги үзэгүүд* „некоторые очень красиво пишут, (получаются) буквы, как вышитые из шелковых ниток“; *алдуу тон үсөөн* „ошибок очень мало“.

Дробные имена числительные служат для обозначения части целого и конструируются из количественных имен числительных: впереди ставится наименование целых единиц в качестве знаменателя, а после знаменателя ставится количество частей целого, т. е. числитель: *табанай гурбан* „три пятых“. В дробных именах числительных всегда знаменатель, делитель, стоит в родительном падеже, а в словосочетании и в предложении делитель может иметь любую падежную форму по требованию смысла предложения: *долооной табые*

арбанай зургаантай жэшэжэ үзөөд, алинайнь ехэ байһые харуулагты „определите, которая из следующих дробей составляет большее число: семь пятых или шесть десятых".

Имена числительные порядковые.

Порядковые имена числительные образуются посредством приращения суффиксов *-дахи, -дохи, -дэхи* к основе количественных имен числительных и служат для обозначения порядка расположения или следования одного предмета за другим: *арбан хоердохи һургуулиин шабо* „ученик двенадцатой школы".

Неустойчивый *н* перед суффиксами порядковых имен числительных выпадает: *нэгэн* „один" — *нэгэдэхи* „первый".

Порядковые имена числительные показывают место расположения одного предмета в ряду других однородных предметов и отвечают на вопрос *хэдыдэхи?* „который?": *Олон дабхар гэрнүүдэй дунда захаһаа зургаадахи гэртэ ороо һаатнай, хэлэжэ үгэхэ* „если вы зайдете в шестой с краю дом в ряду многоэтажных домов, скажут...".

Если порядковые имена числительные составные, то обычно последнее число принимает суффикс порядкового числительного и склоняется по падежам. *Арбан нэгэдэхи хүниинь урагшаа гараба* „одиннадцатый человек вышел вперед", *гурбадахиһень дуудаба* „третьего вызвали".

Порядковые имена числительные выполняют в предложении в основном атрибутивную функцию. В этой своей функции они не изменяются по падежам. Из этого правила составляют исключение субстантивированные порядковые имена числительные, которые выступают не только как порядковые количественные признаки предмета, но и как воплотители носители порядкового количества. В эту субстантивацию входят (а) измененные по падежам порядковые имена числительные без определяемого, (б) порядковые имена числительные в именительном падеже с частицами притяжания без определяемого и (в) порядковые имена числительные, употребляемые после слов, стоящих в родительном падеже. Причем в последних двух формах употребления порядковые имена числительные принимают все словоизменительные формы (число, падеж и различные частицы):

а) *хоёрдохиһень хүүлэхэ* „заставить сделать второго" (*хоёрдохиһень* → дополнение); *табадахиһень дуудажа асарба* „вызвали пятого" (*табадахиһень* — дополнение);

б) *тиигэжэ хэлээд, гурбадахинь үгээ дүүргэбэ* „такими словами третий закончил свою речь" (*гурбадахинь* — подлежащее); *хоёрдохинь мэдэхэ, гурбадахинь мэдэхэгүи* „второй

знает, а третий — нет" (*хоёрдохинь, гурбадахинь* — подлежащие);

в) *арын айлай гэрнүүдэй хоёрдохинь эндэһээ һайнаар харагдадаг* ,,отсюда хорошо виден второй из домов, стоящих в задах села" (*хоёрдохинь* — подлежащее).

Порядковые числительные могут выступать в предложении в качестве любого его члена.

Собирательные имена числительные.

Имена числительные собирательные обозначают совокупность однородных предметов или их нераздельную целостность. Образуются они посредством приращения к основам количественных имен числительных вторичных суффиксов с переменным гласным составом в зависимости от гласных образующей осиновы *-уулан, -үүлэн, -уулаа, -үүлээ, -луулан, -луулаа*: *зургаалуулан — зургаалуулаа* ,,шестером", *дүрбүүлэн — дүрбүүлээ* ,,четвером", *хоюулан — хоюулаа* ,,вдвоём". Например: *хоюулаа ингэжэ хөөрэлдэжэ һуухадаа*... ,,когда вдвоем так сидели разговаривая,..."

Собирательные имена числительные отвечают на вопросы *хэдылүүлэн?* ,,сколькими?".

В бурятском языке собирательные имена числительные в сильной степени опредмечены: они обычно употребляются в предложении без определяемого слова, но очень часто употребляются вместе с личными местоимениями множественного числа, составляя единую комплексную группу, где личное местоимение употребляется для уточнения количества лиц и показа, какие лица входят в эту группу: *бидэ хоюулаа нанинай ханибди гэһэнээ хэнһээшье нюудаггүйбди* „Мы вдвоем (с тобою) ни от кого не скрываем, что являемся друзьями жизни (детства)".

Числительные свыше десяти не имеют собирательной формы, даже если есть, то редко эта форма употребляется, а *нэгэ* ,,один" имеет собирательную форму *гансаараа* (сам) „один-единственный".

Собирательные имена числительные выступают в предложении вместе с определяемыми ими словами или отдельно; значение собирательных имен числительных, употребляемых без определяемых слов, вытекает из контекста или ситуации высказывания (о ком или о чем идет речь):

Бадмын гурбан үхибүүд ойдо мойно түүхээр гараба. Оройтожо гурбуулаа ойдо хонобо „Трое ребят Бадмы пошли в лес собирать черемуху. Задержались до поздна и втроем остались ночевать в лесу".

Собирательные имена числительные выступают в предложении в качестве любого его члена.

Табуулан ишэ ерэбэ „Пятером приехали сюда“ (*табуулан* — подлежащее).

Хоюуланайнгаа хэрэгые нэгэ тээшэнь бүтээгээд ерыш даа „съезди, за одно сделаешь и наши (двоих) дела“ (*хоюуланайнгаа* — определение).

Тэ тэрэ бүтээгдэһэн юумэнүүд тэдэ дүрбүүлэнэй „Те выполненные вещи — дело рук тех четверых“ (*тэдэ дүрбүүлэнэй* — сказуемое).

Разделительные имена числительные.

Разделительные имена числительные образуются посредством суффиксов *-аад, -ээд, -өөд, -оод, -ёод, -гаад, -гоод*, приращиваемых к количественным именам числительным. После твердых согласных основы употребляются *-аад, -ээд, -өөд, -оод*, а после мягких согласных основы *-яад, -ёод*: *табан* „пять“ — *табаад* „по пяти“, *гурбан* „три“ — *гурбаад* „по три“, но: *зуу зуугаад* „по сто“, *долоо долоогоод*, „по семи“, *табан* „пять“ — *табяад* „по пятидесяти“.

Разделительные имена числительные обозначают раздельность предметов по группам и охватывают предметы в числе ниже десяти и круглые десятки: *табаадаараа хүнүүд хойно хойноһоон һубарилдаһаар далда орошобо* „группы по пять человек, следуя одна за другой, скрылись в дали“. Они употребляются в полной дублетной форме без изменения или с изменениями последней пары дублета: *арбаад арбаадаараа таһаржа, звенонууд бологты* „разбейтесь на звенья по десять человек в каждом“. Вместе с тем разделительные имена числительные выражают приблизительное значение определяемых предметов и вещей: *арбаад хоногһоо ишэ ерэхэнь гэлсээ һэн* „Говорили, что приедет сюда дней через десять“.

Приблизительный разряд числительных может принимать после себя различные послелоги со значением приблизительности: *Арбаад шахуу хоножо ерэбэб* „около десяти дней провел“. *Арбаадта дүтэ болоһон байха* „довел почти до десяти“.

Раздельность предметов может также обозначаться и дублетным употреблением числительных:

Дүрбэ дүрбөөрөө ябанад „Идут по четыре человека“.

Склонение имен числительных.

Имена числительные, в основном, являясь по своей функции количественными определителями имен, в косвенных падежах опредмечиваются. Их склонение аналогично склонению имен существительных. Типы падежных окончаний имен числительных определяются по характеру конечного звука их

основы. Таких типов четыре: (1) гласный *и*; (2) неустойчивый согласный *н* после долгих гласных; (3) одинарные и двойные согласные, неустойчивый *н* после краткого гласного звука; (4) устойчивый *н* после ударного гласного и краткого и. В зависимости от этих конечных звуков основы имен числительных образуют четыре группы окончаний у всех разрядов числительных.

Образцы склонения имен числительных

Конечные звуки основы / Падежи	Гласный *и*	Неустойчивый *н* после долгого гласного	Одинарные и двойные согласные, неустойчивый *н* после краткого гласного звука	Неустойчивый *н* после ударного гласного звука и безударного *и*.
Им.	хоёр-дохи	зургаан	хоёр, миллиард, гурбан	миллион, хорин
Род.	хоёр-дохиин	зургаанай	хоёрын, миллиардын, гурбанай	миллионой, хориной
Дат.	хоёр-дохидо	зургааанда	хоёрто, миллиардда, гурбанда	миллиондо, хориндо
Вин.	хоёр-дохиие	зургаае	хоёрые, миллиардые, гурбые	миллионие, хорие
Ор.	хоёр-дохёор	зургаагаар	хоёроор, миллиардаар, гурбаар	миллионоор, хорёор
Совм.	хоёр-дохитой	зургаатай	хоёртой, миллиардтай, гурбатай	миллионтой, хоритой
Исх.	хоёр-дохиһоо	зургаанһаа	хоёрһоо, миллиардһаа, гурбанһаа	миллионһоо, хориннһоо

Имена числительные всех разрядов способны принимать суффиксы личного и возвратного притяжания. Роль этих аффиксов у имен числительных такова же, как у имен существительных.

Эсэгынь дэгэл хутага хоёрыень, Затагарханай ехэ болотор, хадагалха гэжэ Аюухан һанаһан юм. Эсэгынгээ хубсаһа умдэхэ хубуутэйдээ баясажа хэбтэгшэ һэн „Аюухан думала: пока вырастет Затагархан, будет хранить шубу и нож его отца. Она лежала довольная тем, что у нее есть сын, который будет носить одежду отца“ *(хоёрыень* — в форме винительного падежа с аффиксом третьего лица личного притяжания*)*.

Образцы склонения имен числительных с аффиксами притяжания.

Лицо и число / Падежи	Первое лицо		Второе лицо		Третье лицо	Безличное притяжание
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число		
Им.	нэгэмни	нэгэмнай	хоёрдохишни	хоёрдохитнай	гурбаадынь	дүрбүүлэн
Род.	нэгэнэймни	нэгэнэймнай	хоёрдохиншни	хоёрдохинтнай	гурбаадайнь	дүрбүүлэнэйнгээ
Дат.	нэгэндэмни	нэгэндэмнай	хоёрдохидошни	хоёрдохидотнай	гурбаадтань	дүрбүүлэндээ
Вин.	нэгыемни	нэгыемнай	хоёрдохишешни	хоёрдохишетнай	гурбаадыень	дүрбүүлээ
Ор.	нэгээрни	нэгээрнай	хоёрдохёоршни	хоёрдохёортнай	гурбаадаарынь	дүрбүүлээрээ
Совм.	нэгэнтэймни	нэгэнтэймнай	хоёрдохитойшни	хоёрдохитойтнай	гурбаадтайнь	дүрбүүлэнтэйгээ
Исх.	нэгэнһээмни	нэгэнһээмнай	хоёрдохиһоошни	хоёрдохиһоотнай	гурбаадһаань	дүрбүүлэнһээн

МЕСТОИМЕНИЕ.

Местоимение как часть речи.

Местоимение — это знаменательная именная часть речи, обозначающая указание на лицо или предмет вместо их называния. Этой своей особенностью местоимение противопоставляется другим частям речи и в предложении выполняет замещающую другие части речи роль.

Например: *Эрдэмтэ аргааханаар нэгэ жэгдэхэн үргэлжэлүүлнэ:*

— ***Би*** *тэрэ шэрэдэнь ехээр хорхойтобоб...* „Эрдэмтэ тихо, не повышая голоса, продолжает: „Я зарился на эти его краски", где личное местоимение *би* „я" употреблено вместо *Эрдэмтэ*, замещая имя действующего лица.

Бурятские местоимения по своим значениям делятся на разряды: личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные и выделительные[1].

Эти разряды бурятских местоимений в свою очередь группируются по своей замещающей функции на две группы: (1) группа местоимений субстантивного характера, т. е. местоимения, замещающие имена существительные и выступающие в их роли: личные, вопросительные и обобщительные; (2) группа местоимений определительного характера, т. е. местоимения, замещающие имена прилагательные и выступающие в их роли: указательные, неопределенные и выделительные.

Местоимения субстантивного характера.

1. **Личные местоимения.** Личные местоимения в бурятском языке представлены *би* „я" (первое лицо единственного числа), *бидэ, бидэнэр, маанад* „мы" (первое лицо множественного числа), *ши* „ты" (второе лицо единственного числа), *та, тан, таанар* „вы" (второе лицо множественного числа).

Супплетивные формы местоимений первого и второго лица множественного числа обязаны своим бытием своему разновременному происхождению. Специального третьего лица обоего числа в бурятском языке нет. Третье лицо личного местоимения и указательные местоимения *тэрэ* „тот", „он", *тэдэ* „те, они" не дифференцированы: значение их выявляется в контексте или речи: ***Тэрэшни тэрэ*** *үедэ Сэдүүгэй хүбүүнһээ гараһан байгаа* „Это произошло тогда из-за сына этого Седуя"; ***Би тэ-***

[1] Разряды местоимений даны по классификации Ц. Б. Цыдендамбаева.

рээнийе баиһан тухэл янзаарнь харуулхаб. „Я покажу его (в произведении), какой он есть".

Личные местоимения, как и вообще все местоимения, не имеют своего постоянного значения, ибо они соотносительны со многими другими частями речи и их заступают. Иначе говоря, личные местоимения (каждое в отдельности) могут быть эквивалентами большого количества слов, например, би „я" может означать говорящего, слушающего или того, о ком говорят в зависимости от обстановки речи или контекста. Личные местоимения обозначают имена, употребляемые для указания на говорящего, слушающего и на предметы:

а) *би* „я" — первое лицо единственного числа — обозначает самого говорящего, *бидэ* „мы" — первое лицо множественного числа — обозначает группу лиц, в которую входит и сам говорящий: ***Би гэһэн ганса́араа, бидэ гэһэн хамтаараа*** „Я означает одиночество, мы — коллектив";

б) *ши* „ты" — второе лицо единственного числа — обозначает собеседника говорящего, *та, таанар, таанад* „вы" — второе лицо множественного числа — обозначает группу лиц, в которую входит и собеседник говорящего и к которой обращается говорящий.

Личные местоимения не могут служить базой для производства от них новых слов, ибо у них нет своего самостоятельного лексического значения, они лишь заступают другие части речи. Например, вместо собственного имени Дамба можно ожидать с точки зрения говорящего — *би* „я", с точки зрения собеседника — *ши* „ты": ***Би шамтай мэндэ амарые хэлсэхэ гэжэ ерээ гээшэб!*** „Я пришел ради того, чтобы обменяться с тобой любезностями"; ***Ши, хэрбээ табангуудай һаа, тэрэ хоёрто табяадхил даа,—гэбэ.*** „Ты, если табангутский, дай-ка по оплеухе им обоим",— предложил он".

Личные местоимения имеют своеобразие в системе формообразования. Основы личных местоимений в косвенных падежах единственного числа не совпадают с основой в именительном падеже, т. е. первые два лица личного местоимения имеют по четыре основы, включая основу в именительном падеже при их склонении: *би* „я„ *ши*„ ты" (Им. пад.), *минии* „мой", *шинии* „твой" (Род. пад.), *намда* „мне", *шамда* „тебе" (Дат. пад.) и *намайе* „меня", *шамайе* „тебя" (Вин. пад.).

Основы Дат. падежа *нам-, шам-* служат базой для приращения аффиксов других косвенных падежей. Все три лица личного местоимения множественного числа принимают специальные словообразовательные аффиксы для обозначения коллектива людей, обозначаемого личными местоимениями. Личные местоимения первого и третьего лица множественного числа образуются прямыми словообразовательными аффиксами

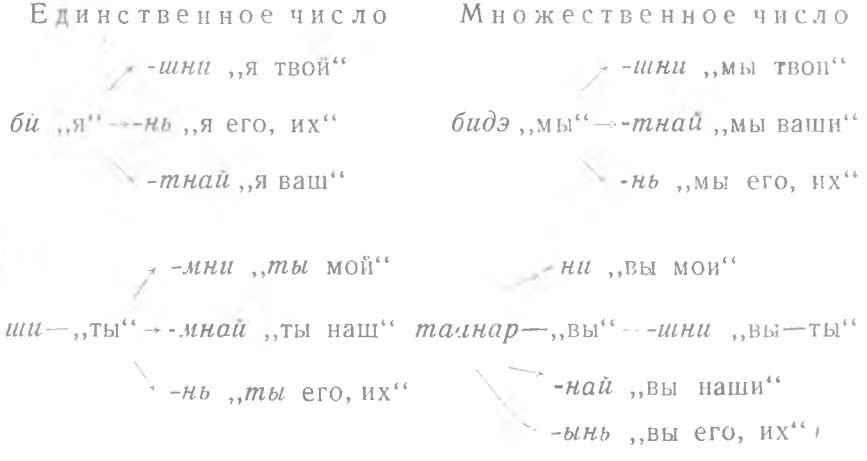
Образцы склонения личных местоимений.

число / лицо / падеж	Единственное			Множественное		
	первое	второе	третье	первое	второе	третье
Им.	би (нам)	ши (шам)	тэрэ (тэрээн)	бидэ (-н, -нэр)	та (таанар)	тэдэ(-нэр, -ээи)
Род.	ми-нии	ши-нии	тэрээн-эй	бидэ-нэй (-нэр-эй)	та-най (таанар-ай)	тэдэ-нэй (-нэр-эй, -ээн-эй)
Дат.	нам-да	шам-да	тэрээн-дэ	бидэн-дэ (-нэр-тэ)	тан-да (таанар-та)	тэдэн-дэ (-нэр-тэ, -ээн-дэ)
Вин.	намай-е	шамай-е	тэрээн-иие	бидэн-иие (-нэр-ые)	тан-иие (таанар-ые)	тэдэн-иие(-нэр--ые, -ээн-иие)
Оруди.	нам-аар	шам-аар	тэрээ-гээр	бидэн-ээр (-нэр-ээр)	тан-аар (таанар-аар)	тэдэн-ээр (-нэр-ээр, -ээн-ээр)
Совм.	нам-тай	шам-тай	тэрээн-тэй	бидэн-тэй (-нэр-тэй)	тан-тай (таанар-тай)	тэдэн-тэй (-нэр-тэй, -ээн-тэй)
Исх.	нам-haa	шам-haa	тэрээн-hээ	бидэн-hээ (-нэр-hээ)	тан-haa (таанар-haa)	тэдэн-hээ (-нэр-hээ, -ээн-hээ)

-дэ, -дэн, -дээн и вторичного образования *-дэнэр (би* „я“ *→ бидэ, бидэн → бидэнэр* „мы“, *тэрэ* „он“, „тот“ *→ тэдэ, тэдэн → тэдээн → тэдэнэр* „они, те“.

Несколько обособленно стоят второе лицо та „вы“ и первое лицо *ман* „мы“ множественного числа, которые имеют включительное, собирательное значение. Посредством специальных суффиксов *-нар, -над* образуется форма для обозначения лиц, от имени которых обращается говорящий: *таанар, таанад* „вы“, *ман, маанар, маанад* „мы“.

Личные местоимения в определенных грамматических условиях теряют свою лексическую самостоятельность, модифицируются и превращаются в аффиксы-энклитику в виде частиц местоименного происхождения *-мни, -мнай, -шни, -тнай, -нь,* обозначающих принадлежность предмета лицу. Эти же местоимения обычно выступают в своем согласном(одинарном) составе в качестве предикативных частиц и употребляются со словами, функционирующими в предложении как сказуемое: *-б, -ш, -т* вместо: *Миний басаган, Арсалантай юугээ найдалсана* ***гээшэбши?*** „Дочь моя, вы с Арсаланом о чем же договариваетесь? возможно: ***Басагамни,*** *Арсалантай юугээ найдалсаба гээшэбши?*. Би ***багшаб*** „Я учитель (дословно: я учитель). *Би* ***ошохоб*** „Я пойду (дословно я пойду-я). Особенности этих местоименных энклитик заключаются в том, что они не вносят новых значений в слова, к которым они приклеиваются. Однако они обозначают не только принадлежность лишь предмета лицу или лицам, но также и „принадлежность“ одного лица нли многих лиц другому лицу или лицам. Взаимоотношение лиц по „принадлежности“ может быть представлено в следующем виде:

тэрэ, тэдэ ,,он, они“ → *-мни* (м) ,,он мой, сни мои“
→ *-шни* (ш) ,,он твой, они твои“
→ *-мнай* ,,он наш, они наши“
→ *-тнай* ,,он ваш, они ваши“
→ *-нь* ,,он его, их, они его, их“

Из приведенной здесь таблицы видно, что личные местоимения первого лица единственного и множественного числа *би* ,,я“, *бидэ* ,,мы“ могут принимать частицы личного притяжания второго и третьего лица единственного и множественного числа, личные местоимения второго лица единственного и множественного числа — первого и третьего лица единственного и множественного числа, а третье лицо обоего числа — первого, второго и третьего лица обоего числа: *хаа ганса нэгэ гэртээ ерэхэдэшни, һамган гээшэшни урдаһаашни гани галзуу болон угтажа байха юм* ,,Если кое-когда возвращаешься домой, то жена (твоя) встречает неистовой бранью“; *гэртэ орыш даа, бишни эндэ алба хэдэг хун боложо байнаб* ,,Зайди, я (твой) здесь начинаю службу“.

Как и все именные слова, личные местоимения всех трех лиц обоего числа способны принимать притяжательные и предикативные частицы вторичного, местоименного происхождения.

Образцы склонения личных местоимений с частицами личного и возвратного притяжания.

Личное притяжание первого лица.

число / лицо / падеж	Единственное		Множественное	
	одному	многим	одному	многим
Им.	ши-мни(м)	ши-мнай	та-мни	та-мнай
Род.	шинии-мни (м)	шинии-мнай	танай-мни(м)	танай-мнай
Дат.	шамда-мни (м)	шамда-мнай	танда-мни(м)	танда-мнай
Вин.	шамайе-мни (м)	шамайе-мнай	таниие-мни (м)	таниие-мнай
Оруд.	шамаар-ни	шамаар-най	танаар-ни	тапаар-най
Совм.	шамтай-мни (м)	шамтай-мнай	тантай-мни (м)	тантай-мнай
Исх.	шамһаа-мни (м)	шамһаа-мнай	танһаа-мни (м)	танһаа-мнай

Личное притяжание второго лица.

число / лицо / падеж	Единственное		Множественное	
	одному	многим	одному	многим
Им.	би-шни(ш)	би-тнай	бидэ-шни(ш)	бидэ-тнай
Род.	минии-шни (ш)	минии-тнай	бидэнэй-шни (ш)	бидэнэй-тнай
Дат.	намда-шни (ш)	намда-тнай	бидэндэ-шни (ш)	бидэндэ-тнай
Вин.	намайе-шни (ш)	намайе-тнай	бидэнии-шни(ш)	бидэнии-тнай
Оруд.	намаар-шни (ш)	намаар-тнай	бидэнээр-шни(ш)	бидэнээр-тнай
Совм.	намтай-шни (ш)	намтай-тнай	бидэнтэй-шни(ш)	бидэнтэй-тнай
Исх.	намһаа-шни (ш)	намһаа-тнай	бидэнһээ-шни(ш)	бидэнһээ-тнай.

Личное притяжание третьего лица.

число / падеж	Единственное		Множественное	
Им.	би-нь	ши-нь	бидэ-нь	та-нь
Род.	минии-нь	шинии-нь	бидэнэй-нь	таиай-нь
Дат.	намда-нь	шамда-нь	бидэндэ-нь	танда-нь
Вин.	намайе-нь	шамайе-нь	бидэнии-нь	тании-нь
Оруд.	намаар-нь	шамаар-нь	бидэнээр-нь	танаар-нь
Совм.	намтай-нь	шамтай-нь	бидэнтэй-нь	тантай-нь
Исх.	намһаа-иь	шамһаа-нь	бидэнһээ-нь	танһаа-нь

Безличное притяжание.

число / лицо / падеж	Единственное		Множественное	
	первое	второе	первое	второе
Им.	би	ши	бидэ	та
Род.	минии-нгээ	минии-нгээ	бидэнэй-нгээ	танай-нгаа
Дат.	намд-аа	шамд-аа	бидэнд-ээ	танд-аа
Вин.	намай-гаа	шамай-гаа	бидэн-ээ	таи-аа
Оруд.	намаар-аа	шамаар-аа	бидэнээр-ээ	танаар-аа
Совм.	намтай-гаа	шамтай-гаа	бидэнтэй-гээ	тантай-гаа
Исх.	намһаа-н	шамһаа-н	бидэнһээ-н	танһаа-н

Вопросительные местоимения. Вопросительные местоимения составляют немногочисленную группу, разнообразную по значению и по формам, а именно: *хэн?* „кто?“ (в единственном числе), *хэд?* „кто?“ (во множественном числе), *юун?* „что?“ (в единственном числе), *юуд?* „что?“ (во множественном числе), *ямар?* „какой“, *ямарнууд?* „какие?“, *али(н)?* „который?“, *хэды?* „сколько“?, *хэдынүүд?* „сколько“?, *хэдыдэхи?* „который?“ (по порядку).

На особенностях вопросительных местоимений можно наглядно показать замещающую роль местоимений, например, *хэн* „кто“, *юун* „что“ заступают имена существительные, поэтому предполагают ответ словами из разряда имен существительных: *Энэ юун болобо гээшэб? Хэниие буудаба гээшэб?* „Что случилось?“ „Кого он застрелил?“ (***Юун болобо?— хүниие алаа. Хэниие алааб?— дайсаниие алаа***).

По своему значению *хэн? юун?* заменяют имена существительные, *ямар? али(н)?*— имена прилагательные, *хэды? хэдыдэхи?*—имена числительные. Примеры: ***Юун гээбта, баабай?***— *Хайша талишанаш!*— *гэбэ.* „Что, папа?— „Куда ты уходишь!“ *Үгы, үгы* ***юун, ямар*** *буу намда байхаб?...* „Нет, нет, какое может быть у меня оружие?... ***Хэн шамай*** *хэлээ гэхэ һэм.* „Кто скажет, что ты сказал“. *Ямар һанаа зүүдэндэ ороогүй, гайхалтай юумэ хэлэнэш.* „Что ты говоришь, это мне даже во сне не снилось“. *Хэды хоногой болзор соо дүүргэхэ гэхэбта?* „За какой срок предлагаете сделать?“.

Вопросительные местоимения склоняются точно так же, как всякое именное слово и употребляются как самостоятель-

но, так и в сочетании со словами из различных частей речи и с частицами:

а) с субстантивированными числительными: ***Хэн нэгэн хэнэ аабза*** „Кто-нибудь сделает“;

б) с указательными местоимениями: ***Энэ хэн бэ?*** „Это — кто?“ ***Энэ ямар ном гээшэб?*** „Это какая книга?“;

в) с различными частицами: ***Хэншье ойронь ошобогуй*** „Никто не подходил к нему“ (*-шье* — уступительная частица); *Ши* ***хэмши?*** „Ты кто такой?“ (*ши* — предикативная частица); ***Хэн*** *бэлэй* „Кто это?“ (*бэлэй* — связка);

г) вместе с различными формами вспомогательного глагола *гэхэ* „говорить“ образуют стандартные словосочетания: ***Юун гэһэн*** *юумэ гээшэб?* „Что это такое?“; *Энэмнай ямар гээшэб?* „А это как?“

Образцы склонения некоторых вопросительных местоимений.

число / падеж	Единственное	Множественное
Им.	хэн, юун	хэд, юуд
Род.	хэн-эй, юун-эй	хэ-дэй, юуд-эй
Дат.	хэн-дэ, юун-дэ	хэд-тэ, юуд-тэ
Вин.	хэн-иие, юу-е	хэд-ые, юуд-ые
Оруд.	хэн-ээр, юу-гээр	хэд-ээр, юуд-ээр
Совм.	хэн-тэй, юу-тэй	хэд-тэй, юуд-тэй
Исх.	хэн-һээ, юун-һээ	хэд-һээ, юуд-һээ

3. Обобщительные местоимения. Обобщительные местоимения составляют многочисленную, но однородную по значению группу местоимений. Они указывают на собирательность (коллектив людей, совокупность предметов и вещей и на отдельные предметы, вобравшие в себе значение представительности от остальных однородных предметов).

Обобщительные местоимения представлены следующими словами: *бүгэдэ, бүрин, баран, булта,* „все“, *бүхы* „весь“, *хамаг* „весь“, *бүхэли* „целый“, *элдэб* „разный“, *хуу* „все, целиком“. Этот разряд местоимений имеет производные основы и употребляется всегда с собирательным значением „все вместе“: *бүгэдэрөө, бултадаа, бултаараи, барандаа.* Эти основы образуются путем приращения к корню местоимений падежных окончаний дательного и орудного падежей (правда,

не совсем ясно осознаваемых нынешними носителями языка) с аффиксами безличного притяжания: *бүгэдөөрөө ← бүгэд(э)-өөр-өө; булгадаа ← булга-д(а)-аа; бурят хүбүүд булгадаа бэрхээр оролсобо* „сыны бурят все доблестно сражались“; *Москва хото городой үхи хүбүүдшье хадаа, эхэнэр, эрэгтэй — **хамтадаа** буу суураа барилдажа, **булгадаа барандаа** оролсобо* „Даже подростки города Москвы, женщины и мужчины — все с оружием в руках выступали (против врагов)“.

Обобщительные местоимения склоняются и принимают различного назначения частицы. Большая их часть не принимает аффиксов множественного числа.

Образцы склонения.

Падеж	Примеры			
Им.	бүрин,	бүгэдэ,	булга,	баран
Род.	бүр-иин,	бүгэд-ын,	булган-ай,	баран-ай
Дат.	бүри-дэ,	бүгэдэ-дэ,	булган-да,	баран-да
Вин.	бүр-иие,	бүгэд-ые,	булг-ые,	баран-иие
Оруд.	бүр-еэр,	бүгэд-өөр,	булг-аар	баран-аар
Совм.	бүри-тэй,	бүгэдэ-тэй,	булган-тай	баран-тай
Исх.	бүри-һөө,	бүгэдэ-һөө,	булган-һаа,	баран-һаа

Местоимения определительного характера.

1. Указательные местоимения. Указательные местоимения употребляются вместо слов, заключающих в себе временное, пространственное и количественное значения, т. е. употребляются они для обозначения степени близости или отдаленности предмета или вещи от лица говорящего, например, указательные местоимения *энэ* „этот“ и *тэрэ* „тот“ отличаются друг от друга тем, что первое выражает наименьшую отдаленность предмета от лица говорящего, а второе, наоборот,— наибольшую отдаленность.

Указательные местоимения включают в себя следующие слова: *энэ* „этот“ (мн. число *эдэ* „эти“), *тэрэ* „тот“ (мн. число *тэдэ* „те“), *иимэ* „такой“ (мн. число *иимэнүүд* „такие“), *тиимэ* „такой“ (мн. число *тиимэнүүд* „такие“), *эды* „столько“ (мн. число *тэды* „столько“), *нүгөө, нүгөөдэ* „другой“, *туд* „данный, этот“, *мүнөө* „ныне“, *үнөөхи* „упомянутый ра-

нее", *өөр* „сам". Правда, не все приведенные здесь слова являются собственно указательными местоимениями, как например, *мунөө* „ныне", *нүгөө* „другой", однако же указательные функции у них обнаруживаются в контексте или в речи.

Обычно указательные местоимения употребляются вместе со своими определяемыми словами или же могут употребляться самостоятельно (в большинстве случаев в косвенных падежах), если заступаемые ими слова упомянулись раньше или вообще известно собеседникам или читателям: *Дуратай номоо энэ үбгэн шэнги абажа, ойро хүрэһэнөө барижа, үхибүүдтэ эриһьень үгэжэ байгаа һаа, али зэргэ һайн байгааб! Баян ноёд хүнүүд шэнги номууд олон. Тэдэнэр тэнзэгэр бүдүүнүүд... Заримадынь шара арһан дэгэлтэй. Тэдэ номуудай үбсүүндэ алтан үзэгүүд, одод, угалзануул яларна. **Тэдэнь** мундирнуудта хадагдаһан шагтанууд, медальнууд, хэрээһэнүүд, орденууд шэнги. **Тэдээнһээ** тээ доогуур... хирэ тоохондо дарагдашаһан номууд бүришье олон* „Как было бы хорошо, если бы, как этот старик, брал книгу, около себя лежащую и отдавал ее детям. Много книг, похожих на богачей и чиновников. Такие же пузатые... некоторые из них одеты в толстую кожаную шубу. На груди у них блестят золотые буквы, звезды, узоры. Они похожи на прикрепленные к мундиру пуговицы, медали, кресты и ордена. Пониже тех лежат еще больше книг, покрытых пылью".

Большинство указательных местоимений принимает аффикс множественного числа, обычный для именных слов: *тиимэ — тиимэнүүд, зарим — заримууд,* но от некоторых указательных местоимений образуются формы множественного числа своеобразно, например, *энэ, тэрэ* теряют часть своего корня (вернее, омертвелые словообразовательные аффиксы — *нэ, -рэ* отпадают при образовании форм множественного числа). *Энэ, тэрэ (э-нэ, тэ-рэ)* принимают формы *эдэ, тэдэ,* а для третьей группы указательных местоимений не свойственна форма множественного числа *туд, мунөө* (единственное число), но нет форм множественного числа.

Этот разряд местоимений, имея функцию указания на предмет, лицо, количество и т. д., употребляется с экспрессивным значением, выражающим наибольшую степень отдаленности предмета от лица говорящего или наивысшую степень удивления. Такая экспрессивность местоимения передается повторением усеченного первого слога с эмфатическим удлинением гласного: ***Тээ тэрэ*** *байна* „А вон там стоит" или удлинением последнего гласного основы: ***Тэры*** *ябана* (вместо *тэрэ*) „а вон там идет"; ***Энэмнай иимы?*** (вместо *иимэ*) „этот (наш) таков?"

Указательные местоимения, как все именные слова, склоняются. Исключение представляют только „счетные" указательные местоимения типа *эды, тэды* „столько" и некоторые

другие, которые не изменяются. Особенностью склонения указательных местоимений *энэ, тэрэ* является удлинение конечных гласных основы (Им. падеж — *энэ, тэрэ*, Род. падеж — *энээнэй, тэрээнэй*, Дат. падеж—*энээндэ, тэрээндэ* и т. д.).

2. **Неопределенные местоимения**. В их состав входят различные по своему значению местоименные слова, указывающие на неопределенное лицо или предмет, признак и количество. Потому неопределенные местоимения стоят как бы обособленно как от местоимений субстантивного характера, так и местоимений определительного характера.

Большей частью неопределенные местоимения состоят из сочетаний слов, а именно: *хэн нэгэн* „кто-либо, кто-то", *юу хээн* „кое-что", *нэгэ юумэ* „какая-то вещь", *ямар нэгэн* „какой-нибудь", *али нэгэн* „который-нибудь", *хэдэ хэдэн* „несколько". У неопределенных местоимений, состоящих из сочетания двух слов, изменяется по падежам и числам только последнее слово, например, *хэн нэгэн* „кто-либо" (Им падеж), *хэн нэгэнэй* „кого-либо" (Род. падеж), *хэн нэгэндэ* „кому-нибудь" (Дат. падеж). В значении неопределенных местоимений выступают отдельные слова, употребляемые для указания на неопределенные и неустановленные предметы: *юумэ* „вещь" (вообще), *нэгэ* „какой-то", *зарим* „некоторый". *Гадна, зарим бүхэ үгэнүүд бэшэгдэжэ шадагдадаггүй* „Кроме того, некоторые трудные слова (этими буквами) невозможно писать"; *Эдихэ юумэн бэшэ, харин хирэ угаадаг юумэн гэжэ Доржо хараһаар мэдээ ха юм.* „Доржи сразу сообразил, что это — не что-либо съедобное, а нечто такое, чем замывают вещи".

3. **Выделительные местоимения**. Они служат для указания на данный предмет или лицо, противопоставленный другому предмету или лицу, но последние в речи или в контексте могут отсутствовать. Они во множественном числе обычно заменяют имена существительные, а в единственном числе употребляются в определительной роли вместе с названием того или иного предмета или лица, противопоставляемого однородному ему предмету или лицу.

Местоимения этого разряда представлены в языке немногими словами: *бэшэ* „другой", *бусад* „другие". По своему значению непосредственно примыкают к ним слова: *ондоо* „иной", *өөрэ* „особенный", *нүгөө* „другой", „противоположный", имеющие более очерченно определительный характер.

***Бэшэ** (бэшэнүүдэйнгээ) зариманүудайнгаа ерэхые хүлеэжэ һуутараа, тиигэжэ зүбшөө һэмди гэжэ хэлээд дүүргэбэ* „(Он) закончил словами: „Пока мы ожидали прихода остальных, так договорились", ***Ондоо** хүнэй хэлээ һаа этигэхэгүй байгаалби* „Если кто-нибудь другой сказал, то я не поверил бы".

Синтаксические функции местоимений. Местоимения могут выступать в предложении в качестве любого его члена, однако:

Образцы склонения указательных местоимений.

Число / Падеж	Единственное				Множественное			
Им.	энэ	тэрэ	иимэ	тиимэ	эдэ	тэдэ	иимэнүүд	тиимэнүүд
Род.	энээнэй	тэрээнэй	иимын	тиимын	эдэнэй	тэдэнэй	иимэнүүдэй	тиимэнүүдэй
Дат.	энээндэ	тэрээндэ	иимэдэ	тиимэдэ	эдэндэ	тэдэндэ	иимэнүүдтэ	тиимэнүүдтэ
Вин.	энээниие	тэрээниие	иимые	тиимые	эдэниие	тэдэниие	иимэнүүдые	тиимэнүүдые
Оруд.	энээгээр	тэрээгээр	иимээр	тиимээр	эдэнээр	тэдэнээр	иимэнүүдээр	тиимэнүүдээр
Совм.	энээнтэй	тэрээнтэй	иимэтэй	тиимэтэй	эдэнтэй	тэдэнтэй	иимэнүүдтэй	тиимэнүүдтэй
Исх.	энээнhээ	тэрээнhээ	иимэhээ	тиимэhээ	эдэнhээ	тэдэнhээ	иимэнүүдhээ	тиимэнүүдhээ

(1) личные местоимения преимущественно употребляются в качестве подлежащего, определения и дополнения. Подлежащее: ***Би,*** *тэдэнэй дуугаралсажа байхада, өөрынгөө тahаг соо байгааб* „Когда они разговаривали, я был в своей комнате"; определение: *Би* ***шинии*** *саахар эдихэгүйб, үхэрэй аргал эдеэ hаа, дээрэ* „Мне твой сахар не нужен, лучше съем аргал"; дополнение: *Еши намда юушье үгэхэгүй* „Еши ничего мне не даст";

(2) вопросительные местоимения выступают в предложении в качестве подлежащего, определения, дополнения и обстоятельства. Подлежащее: ***Хэн*** *хүн энэ hамганай орон нютагые мэдэхэб, тэрээндэ тэбшээр дүүрэн алта бэлэглэхэб...* „Кто узнает родину этой женщины, тому подарю полное корыто золота"; определение: ***Ямар*** *hонин юумэн байха юм* „Оказывается, какие бывают вещи!"; дополнение: *Би тиихэдэ* ***юуень*** *хаража байгаа гээшэбиб* „Я тогда что смотрел"; обстоятельство: *Ши* ***юундэ*** *хүнэй үгэ дууланагүйбши?* „Ты почему не слушаешься?";

(3) указательные местоимения выступают в предложении в качестве определения, обстоятельства, дополнения и подлежащего. Определение: ***Тиимэ*** *байхынгаа дунда тэрэ хүбүүн эхэ эсэгэ хоёртоо ингэжэ хэлэбэ* „Будучи в таком положении, этот мальчик вот что сообщил отцу и матери..."; *Үнэнhөө хөөрэлдэхэ хүнөөрөө* ***хэды соо*** *уулзаагүй байhандаа, шамаяа харahаар үгэдөө дашуурааб...* „Я давно не встречался с человеком, с которым можно было бы от души поговорить, поэтому-то с тобой заговариваюсь"; подлежащее: ***Тэрэш зүб!*** „Это правильно!"; дополнение: ***Тэдэнииеш*** *гартаа оруулжа үзэхэ хэрэгтэй* „Их надо взять в свои руки";

(4) неопределенные местоимения преимущественно выступают в предложении в качестве подлежащего, определения, дополнения. Подлежащее: *Хэрбээ* ***хэн нэгэн*** *айжа хабжганажа байжа, эды тэды юумэ дуугаржархёо hаа, хожом заабол Дамдин түрүүлэгшын урда магнайнгаа хүлhэ шоборжо гарадаг байгаа* „Если кто-нибудь проговаривался кое-о-чем, то неизменно потом перед председателем Дамдином проливал пот; определение: ***Ямар нэгэн*** *хэрэгэйнгээ дутуу байhые hанахадаа, шанга бодолгото болоно* „Впадает в раздумье, когда какое-нибудь дело у него не ладится"; дополнение: *Дулма* ***юу хээень*** *абаашажа үгэхэ зуураа, үнөөхи хэлэдэгээл дабтажа hануулба* „Дулма при этом напомнила о том, что она говорила раньше";

(5) обобщительные местоимения выступают в предложении в качестве подлежащего, определения и дополнения. Подлежащее: ***Булта*** *хэлсэжэ зүбшэбэ, бүгдөөрөө хэжэ бүтээбэ* „Все участники обсуждения пришли к единому мнению и сделали вместе"; определение: *Бурин эрхэтэ бурят зоной ёhондо булта хүдэлхэ ёhон бии* „В обычае полноправного

бурятского народа есть обычай — работать сообща"; дополнение: *Байлдаанай газарта баатарлиг байһандань, **Барандань** урматайгаар баяр хүргэн байба* „Искренне благодарили всех за проявленный героизм на поле брани";

(6) выделительные местоимения выступают в предложении в качестве подлежащего, дополнения и определения. Подлежащее: *Үлэһэн хүдэлмэрээ **бэшэнүүдынь** үдэрэй хахадһаа хойшо хэжэ дүүргэбэ* „Оставшуюся часть работы завершили другие во второй половине дня"; дополнение: *Василий **бэшэнүүдээ** хүсэхэ гэжэ үдэр һүнигүй, үнжэн хэбтэнгүй урагшаа дэбшаа* „Василий шел вперед днем и ночью, без сна и без отдыха для того, чтобы догнать своих"; определение: ***Ондоо** юушье мэдэхэгүйб гэжэ асуудалдань харюусаба* „Больше ничего не знаю", — ответил на его вопрос".

ГЛАГОЛ

Лексико-грамматическая характеристика глагола.

Глагол — часть речи, выражающая действие или состояние предмета. Разнообразием своих значений и форм глагол противопоставлен всем остальным частям речи.

Глагол — знаменательная лексическая единица и обладает присущими только ему грамматическими свойствами и категориями. Поскольку глаголу присуще выражать свойственное субъекту действие или состояние, то он (1) изменяется по трём лицам в зависимости от отношения субъекта к лицу говорящего, (2) выражает действие предмета, относящееся к разным временам (настоящее, прошедшее и будущее время), (3) отмечает протекание действия от его начала до конца, т. е. результативность или нерезультативность действия (вид), (4) выражает совершаемые субъектом реальные действия и действия нереальные, т. е. выражает отношение действия к действительности (наклонение), (5) обладает формой, выражающей различные отношения действия к субъекту и объекту (залог).

Эта совокупность свойств глагола отражает его специфику и является его неотъемлемой принадлежностью. Все эти свойства бурятского глагола морфологически выражаются посредством приращения к основе глагола предикативных показателей в виде специальных аффиксов времени, лица, залога, вида и наклонения.

Однако употребление некоторых предикативных показателей, в частности личных, не ограничивается пределом глагольных слов: они могут употребляться и с именными словами, выступающими в предложении в качестве сказуемых. Вся система изменений глагола посредством аффиксов называется

спряжением. Бурятские глаголы представлены четырьмя морфологически различными формами: изъявительной, обращения, причастной, деепричастной. Их объединяет в одну часть речи — глагол — именно их глагольность, т. е. обозначение действия или состояния предмета.

Однако по формам изменения отдельные группы бурятских глаголов, резко отличаясь друг от друга, распадаются на:

(1) только спрягаемые, т. е. чисто-глагольные формы (изъявительные формы и формы обращения): *яба—ябаба* „ушёл", *ябана* „идёт", *ябаха* „пойдёт;" *ябая* „пойдём", *ябыш* „иди", *ерээрэй* „приходи";

2) спрягаемые и склоняемые, т. е. причастные формы, принимающие аффиксы притяжания: *яба — ябаһан* „ушедший", *ябагша* „имеющий обыкновение посещать", *ябадаг* „бывает", *ябаха* „пойдет", *ябаа* „ушёл", *яба — ябахын* (Р. п.), *ябахада* (Дат. пад.), *ябахые* (Вин. пад.), *ябахатай* (Совм. пад.), *ябахаар* (Ор. пад.), *ябахаһаа* (Исх. пад.); *яба — ябахаб, ябахань* (личное притяжение);

(3) несклоняемые и неспрягаемые, т. е. деепричастные формы, не принимающие аффиксов притяжания: *яба—ябажа* (Соед.), *ябаад* (Разд.), *ябан* (Слит.), *ябаһаар* (Продолжительное) и т. д.

Соответственно своим семантическим и морфологическим признакам эти три группы глагольных форм функционируют в предложении различно, а именно: (1) изъявительные формы и формы обращения выступают в законченном предложении только в качестве его сказуемого: (изъявительная форма) *Уур соо уһа нюдэбэ, уһан соо шабар угааба* „Толок воду в ступе, мыл глину в воде" (посл); *Хүндэ туһа хэхэдэ өөртэ туһа болохо* „Окажешь помощь другому — получишь помощь и себе" (посл.); *Сэлэнгэеэ оёорһоо сэгээн шулуу бэдэрэе* „На дне Селенги поищем камень самоцвет"; (формы обращения), *Урхөөртнай наран орожо, үүдээртнай айлшад орожо байг* „Пусть заглядывает к вам солнце через дымовое отверстие, пусть двери вашей юрты всегда будут раскрыты для гостей дорогих"; *Үндэр хадын сааһаа үүрэй сайса хатарая, үргэн голой хюруугай хайласа хатарая* „Потанцуем до тех пор, пока не рассветает (идущего из-за высокой горы), потанцуем до тех пор, иока не растает в долине иней";

(2) причастная форма выступает в предложении в качестве его любого члена: *Һайн эхэтэй хүүгэд шэмхэжэ үгэхэдэ сададаг, шэбнэжэ хэлэхэдэ дууладаг* (сказуемое) „ Дети хороших матерей наедаются, когда дают щепотку, слушаются, когда говорят шёпотом"; *Амиды ябаһан хүн аягын амһар зууха* (определение) „Лишь бы быть живым здоровым — край чашки будет в зубах"; *Түрүүлэгшэ хэлсэһэн юумэнэй дүүрэһэн хойно суглаагаа хаабa* (подлежащее) „Председатель

закрыл собрание после того, как были обсуждены все вопросы"; *Володя һургуулиһаа ерэһээр, урогуудтаа юун болоһые өөрһөөчь юун гэжэ асууһан ба юун гэжэ харюусаһанаа абадаа хөөрэдэг һэн* (дополнение) „Володя, приходя из школы, рассказывал отцу о том, что было на уроках, что у него спрашивали и как он отвечал", *Айлшадай ерэхэһээ урда юу хээгээ бэлдэжэрхёод байха гэһэн һанал байгша бүгэдые эзэлнэ* (обстоятельство) „Все присутствующие были озабочены, чтобы к приезду гостей закончить всё приготовление"; (3) деепричастная форма выступает в предложении в роли подчинённого компонента, обстоятельства и сказуемого сложного предложения и деепричастного оборота: *Үүрэй толо орохолоор, энэ үнэгые эндэнь харбажа алахаб!— гэжэ һанажа хэбтэнэ* (обстоятельство) „Когда настанет заря, эту лисицу здесь же застрелю",—так размышлял". *Би нэгэ үдэшын газарта ошоод хүлеэхэб!— гэжэ тэрэ бэшэгынь дуудуулжа баиба* (подчинённый компонент сказуемого) „Это письмо гласило, что он будет ждать на растоянии однодневного пути";

Үнгэ һайхан пулаад
Элэжэ һандаржа,
Үрөөһэн сасагынь
Үлэһэн байба ха

(сказуемое сложно-подчинённого предложения) „Нарядный платок износился, остались лишь кусочки кистей"; *Гараһаар ганса басагамнай... мүнөө хүрэтэр мүр һурагшьегүй, юрэдөө олдохоёо болёод байнал даа* (деепричастный оборот) „Единственная (от рождения) наша дочь... до сих пор не дает вестей о себе, и никак её не можем найти".

Типы глагольного словообразования.

Глагол, как знаменательная часть речи, обладает не только отличным от других частей речи лексическим значением, но наличием у него специальных, только ему присущих словообразовательных аффиксов, при помощи которых он комплектуется не только из глагольных же слов, но и из любой другой части речи.

Глагольная основа совпадает с повелительной формой второго лица единственного числа: *яба* „иди", *ерэ* „приходи", *бэшэ* „пиши"; она не разложима на основу и суффикс. Многие глагольные основы являются производными от первоначально глагольных, именных и других частей речи.

Бурятские глагольные основы бывают простые и сложные. Простые основы в свою очередь бывают первообразные и производные. Простые первообразные глагольные основы совпада-

ют с повелительной формой второго лица единственного числа: *яба* „иди", *ошо* „пойди", *бэшэ* „пиши", а простые производные глагольные основы образуются посредством суффиксов от имен существительных, имен прилагательных, имён числительных, наречий, междометий и глаголов: от *манан* „туман" (имя существительное) — *манар(ха)* „туманиться", от *хухэ* „синий" (имя прилагательное) — *хухэр(хэ)* „синеть", от *хоёр* „два" (имя числительное) — *хоёрло(хо)* „двоить", от *доро* „внизу" (наречие) — *доромжол(хо)* „унижать", от *хон* (звукоподражательное слово, междометие) — *хонгирхо* „грохотать", от *яара* „торопись" (глагол) — *яара(ха)* „торопиться".

Сложные глагольные основы образуются посредством синтетического способа словообразования и характерны для всех глагольных форм, т. е. соединение двух первоначально самостоятельных слов в одно целое дает одну лексикализованную сложную глагольную основу. Известно два типа таких соединений: (1) к именной основе прибавляется глагольная основа: соединение — *дуун* „звук" + *гараха* „издавать" дает *дуугарха* „говорить, звучать"; (2) к сопутствующей соединительной деепричастной форме прибавляются в усеченной форме глаголы типа *ошохо (-ша, -шо, -шэ)* „идти", *орхихо(рхи)* „оставлять"; *ябажа+ошохо* дает *ябашаха (ябашоо), эдижэ+орхихо* дает *эдижэрхихэ*.

Наращиваемые к деепричастиям глаголы в усеченной форме, теряя свою ликсическую самостоятельность и свой фонетический облик, превращаются в суффиксы, которые образуют новую глагольную основу, выражающую результативность действия, или глаголы совершенного вида: *эдижэрхихэ* „скушать", *ябашоо* „ушёл", *хэлэжэрхихэ* „сказать", *орошохо* „зайти".

Сложная глагольная форма образуется от одного из деепричастий и окончательных глагольных форм, или от деепричастий и вспомогательных глаголов в одной из спрягаемых форм, и из сочетаний любого количества деепричастных форм и окончательной глагольной формы, вспомогательных глаголов.

Образование сложной глагольной формы обусловлено отсутствием в бурятском языке специальных глагольных аффиксов (в особенности префикса), выражающих видовые и модальные оттенки. Этим именно объясняется сочетание деепричастных форм почти с любой спрягаемой и неспрягаемой (деепричастной же) формой глагола, которое образует одно смысловое понятие, и, следовательно, один синтаксический член.

Сочетаемые глагольные формы выражают завершённость или незавершённость процесса, а также и реальное или нереальное утверждение сообщаемого. Эти сочетания образуются из деепричастных форм и знаменательных и вспомогатель-

ных глаголных форм. Они могут быть аналитическими или синтетическими. Аналитическая глагольная форма передаёт основную идею действия с его характером и способом совершения и конструируется двояким способом.

1. Сложная форма с употреблением сопутствующих деепричастий.

а) Сочетание деепричастной формы со знаменательными глаголами, напр. *гүйжэ ерэбэ* „прибежал“ (досл. „бегом пришёл“). Это сочетание можно разложить на слагаемые *гүйжэ ерэ-бэ*, где-*гүй* — основа глагола играет роль определительного придаточного компонента сложного целого, в *-жэ ерэ* имеем суффикс соединительного деепричастия, который служит для связи со знаменательным глаголом *ерэ* „приходи“, выражающим основную идею действия, а *-бэ* показатель времени совершения действия. Как видим, *ерэхэ* показывает приближение, соответствуя приставке *при-* русского языка Ср. еще: *байза энэ бээрээ тэндэ гүйжэ сшосд ерэхэм* „постой, я сейчас сбегаю туда“ (досл.: „туда побежав приду“).

б) Деепричастие сочетается со вспомогательными глаголами, напр., *hуужа байна* — „сидит“. Этот сложный глагол разложим на *hуу-жа бай-на*. В этой сложной глагольной форме реальное лексическое значение заложено в морфеме *hуу* „сиди“, а посредством *-жа бай-* выражается действие, равномерно распределенное во времени (посредством такого рода сочетаний передаётся глагольный вид), а *-на* — окончание настоящего времени, показывающее совершение действия в момент речи.

Встречаются сочетания деепричастия с некоторыми знаменательными глаголами, которые образуют сложное целое, в котором деепричастная основа выступает лексемой, а глагол приобретает служебную функцию, придавая вместе с окончанием деепричастия этой лексеме видовые или модальные оттенки. В этой сложной форме обнаруживаем смысловое единство сочетающихся элементов, напр., *энэ подписка дээрэ гараа табяад аса* „распишись на этой подписке“. Из этих сочетающихся элементов каждый в отдельности не может передавать смысл всего сочетания, а оба сочетающиеся элементы лишь вместе выражают одно смысловое единство.

в) Аналитические конструкции часто переходят в синтетические формы, когда деепричастие произносится (и пишется) слитно с некоторыми глаголами полного значения и вспомогательными глаголами, напр., *эдижэ орхи* → *эдижэрхи* „съешь“. Иными словами, возникает посредством синтеза новое слово,

где имеем лексикализацию сложной формы, объединяемой при произношении одним ударением. Это сочетание — не механическое, ибо сочетающиеся элементы в своей совокупности здесь дают „нечто новое, органически выросшее на основе целого, состоящего из определенных компонентов". Значение времени в этой сложной форме передается особыми, временными показателями последнего члена сочетания, так как само деепричастие морфологически не выражает временных оттенков.

II. Сложная форма с употреблением обстоятельственных деепричастий.

Эта форма конструируется так же, как и сложная форма с употреблением сопутствующих деепричастий.

Обстоятельственные деепричастия генетически именного происхождения, поэтому у них сохранились некоторые специфические черты имени. К этой особенности относится синтаксическое их функционирование, заключающееся в выражении ими действия, не находящегося во внутренней смысловой связи с последующим действием (последующее действие не является следствием или причиной первого действия). В этой своей функции обстоятельственные деепричастия находят аналогию с русским деепричастием, которое выражает не только вид, но и сопутствующее время.

Содержание всех производных глагольных основ заключается в произведении того, что выражается данными первоначальными основами, от которых они образуются посредством словообразовательных аффиксов.

III. Аффиксация глаголов.

Образование производных глагольных основ от имён при помощи специальных суффиксов:

а) глаголы применения (к освоения):
суффиксы: *-л(а): хазаар-ла(ба)* „обуздал" *(хазаар* „узда")
-д(а): гал-да(ба) „сжег" *(гал* „огонь"),
шэр(э)-дэ(бэ) „покрасил" *(шэрэ* „краска");

б) глаголы становления и качественного состояния: суффиксы: *-т(а) — „мана(н)-та(ба)* „затуманился" *(манан* „туман"),
-ш(а) — зан ша(ба) „свыкся" *(зан* „обычай, привычка"),
-жар(а): һай-жар(ба) „поправился" *(һайн* „хороший"),
-р(а): муу-ра(ба) „похудел" *(муу* „плохой"),
-ж(а): наһа-жа(ба) „повзрослел" *(наһан* „возраст"),
-л(а): хоёр-ло(бо) „удвоил" *(хоёр* „два");

в) глаголы признания совершившегося действия:
суффиксы: *-н(а): ном-но(бо)* „проповедовал“ (*ном* „книга“).
-л(а): уһала(ба) „поил“ (*уһан* „вода“),
-д(а): нэгэдэ(бэ) „объединились“ (*нэгэн* „один“),
-ш(аа): зүб-шөө(бэ) „одобрил“ (*зүб* „правильно“).

Залоги.

От глаголов же образуются новые глагольные основы, выражающие отношения действия к его объекту и устанавливающие новые синтаксические связи между действием и его объектом. Таким образом, новые суффиксы изменяют у глаголов первоначальное значение переходности или непереходности, которые заложены в самой первичной глагольной основе.

Бурятские глаголы богаты различными суффиксами, которые создают новые глагольные основы, в частности формы, выражающие различные отношения действия к субъекту и объекту, и создаётся целая система синтаксических связей между двумя или тремя компонентами предложения. Например: *Инженер-геолог Александр Сергеевич Иванов тантай танилсажа байна* „С вами знакомится инженер-геолог Александр Сергеевич Иванов“, где посредством глагола *танилсажа* устанавливается специфические, свойственные подобным построениям отношения между действием и объектом, с одной стороны, между действующим лицом и его действием — с другой, отличные от прямого оборота речи, в котором отношения между компонентами предложения строятся на прозрачных синтаксических связях *(Бата загаһа хахуулидаба „Бата удил рыбу“)*.

Бурятский глагол имеет пять залогов: действительный, побудительный, страдательный, совместный и взаимный.

Все залоги, за исключением действительного, характеризуются рядом лексико-грамматических особенностей: они служат дополнительным критерием для установления переходности и непереходности глаголов в производных основах по значению и связям с объектом-дополнением, ибо залоговые отношения внутри предложения обычно бывают трехсторонние — между субъектом и его действием и через это — отношение между действием и его объектом. Отношение между последними двумя компонентами предложения выступают как выражение направленности действия на объект или отсутствие объекта, на который направлялось бы действие.

Заложенная в первичной глагольной основе идея переходности и непереходности, каждая, в свою очередь, благодаря суффиксам, преобразовывается в свою противоположность.

Непереходные глаголы движения посредством залоговых суффиксов превращаются в переходные. Например, в предло-

женин: *Эрэ хүнийе* ***ябуулан*** *хэлэхэ, эхэнэр хүнийе* ***эсхүүлэн*** *хэлэхэ ёһо бии юм.* „Есть обычай благоволить мужчине странствовать, а женщине-мастерице — кроить“ — деепричастные формы *ябуулан* и *эсхүүлэн* даны в побудительном залоге, преобразующем непереходный глагол движения *ябаха* „ходить“ в переходный глагол, требующий постановки существительного *хүн* „человек“ в Вин. падеже („хүнийе“).

Переходные глаголы могут приобретать благодаря залоговым суффиксам значение непереходности или, во всяком случае, могут употребляться без намека на направленность действия на объект: *Тэрэ олон зонои нааданда минии барилдаха ехэ бэрхэтэи хэрэг байгаа* „Мне было трудно бороться на таком большом народном гулянии“, где переходный глагол *бари „держи“*, благодаря суффиксу взаимного залога *-лд(а)*, приобретает новый лексический оттенок и значение непереходности, т. е. не указывает на направление действия на объект.

Залоговое оформление бурятских глаголов приобретает словообразовательный характер, и на этом основании взаимоотношение между компонентами в предложении становится иным. Например, в предложении „Хуушан болоһон юу хээгээ хаяха хэрэгтэй“ „Нужно выбросить всё то, что пришло в негодность“ глагол *хаяха* управляет дополнением *юу хээгээ* „вещь“ и требует постановки его в Винительном падеже. В двойном побудительно-страдательной залоговой форме глагола отношение между компонентами резко меняется: здесь объект становится грамматическим подлежащим, который управляет глаголом, требуя от него определенного залогового оформления.

Глаголы в бурятском языке по тому, как обслуживают действие субъекта, подразделяются на активные и пассивные, а эти особенности глагола заложены в самой его природе. Они выражают характер отношения действия к его субъекту.

Глаголы движения, выражающие действия, исходящие от субъекта и направленные к объекту, всегда будут активными.

Переходные глаголы, выражающие произвольные действия, входят в категорию пассивных глаголов: *ахай ноён аймшагтаи ехээр сошожо, аояа гаражархина* „от неожиданности ноён сильно вздрогнул, даже вскрикнул“ (*гаражархина* — переходный и активный глагол); *халюута хубсаһа хабшуулжа, хазаарта мори жолоодожо, хариха замдаа хатарха, бусаха замдаа тэхэрихэ гэжэ һананам*“ „я думаю, что мне уже пора возвращаться в обратный путь, взнуздав коня своего доброго, захватив с собою одежду, от роченную выдровой шкурой“ — *хатарха* и *тэхэрихэ* — глаголы непереходные, но активные. В предложении: *һүхэ далайтар гозуули амарха, һүүлээ шарбатар гуя амарха* „Пока замахиваешься топором, пень получит передышку, пока размахиваешь хвостом, бедро

получит передышку" (погов.) — *амарха* — глагол, выражающий произвольное действие, непереходный и пассивный.

Действительный залог.

Действительный залог глагола представлен нулевым показателем, иначе, он не имеет специальных ему присущих суффиксов. Глагол действительного залога выражает действие, произведенное действующим лицом (грамматическим подлежащим) и направленное на определённый или неопределенный объект, следовательно, подлежащее выступает в предложении активно по отношению к сказуемому.

Все непроизводные переходные глаголы выражают действительный залог и служат исходной базой для производства посредством суффиксов всех прочих залогов как от переходных, так и от непереходных глаголов. Например, *Өөрынгөө энэ үбгэнэй нилээдэг юумэ бүтээхэм гэмээ тургүн эхилжэ байхадань, талхаяа харамнажа, хэлэхэшьегүй үгэ хэлэһэн, хэрэлдэхэшьегүй хүнөөр хэрэлдэжэ, тэнэгээр аашалһан байгаа һэм* „Когда мой муж сделал заказ на сооружение летающей машины, я, думая, что он израсходует весь запас хлеба, наговорила много нелепостей, разругалась с теми, с кем и не полагалось, и допустила много глупостей".

Побудительный залог.

Побудительный залог представляет такую суффиксальную форму глагола, которая имеет значение понуждения к действию других со стороны третьего лица, названия которого в предложении выступает грамматическим подлежащим. Например, *Ши бидэнээ* ***мухарюулха,*** *улиг зөвөө большевик болгохо сэдьхэлтэй ябаһан гэжэ хэлсэнэ* „говорят, что ты замышлял нас свергнуть, а народ обратить в большевиков".

Побудительный залог может образоваться от глаголов как переходных, так и непереходных. Причем непереходные глаголы, присоединяя суффиксы побудительного залога, превращаются в переходные. Например, непереходный глагол *ябаха* „идти", приобретая форму побудительного залога, становится переходным глаголом и управляет прямым дополнением: *Энэ хэрэгээ ябуулха нэгэ хүншие олохо болообди* „придется нам найти человека, который вёл бы это дело".

Побудительный залог, в зависимости от гласного состава и конечного звука основы глагола, оформляется следующими суффиксами

1) *-уул(а), -үүл(э)*: *яба — ябуула, ерэ — ерүүлэ, хая — хаюула, эрье — эрьюүлэ* (после кратких гласных основы);

2) *-лг(а, о, э)*: *буу — буулга, тээ — тээлгэ, гүй — гүйлгэ, хай — хайлга, бүхы — бүхылгэ,* (после долгих гласных и дифтонгов);

3) *-г(а)*: *боло — болго, hала — hалга, гара — гарга, хүрэ — хүргэ* (после основ непереходного глагола, оканчивающего на *р* и *л* с последующими за ними краткими гласными, которые выпадают при приращении суффиксов залога);

4) *-аа* (*-ээ, -өө, -яа, -еэ, -ёо*): *хата — хатаа, шэлгэ — шэлгээ, бүрхэ — бүрхөө, зохи — зохёо, эльгэ — эльгээ;*

5) *-х (а, о, э)*: *олодо — олодхо, үсөөдэ — үсөөдхэ, усада — усадха, үдэ — үдхэ.*

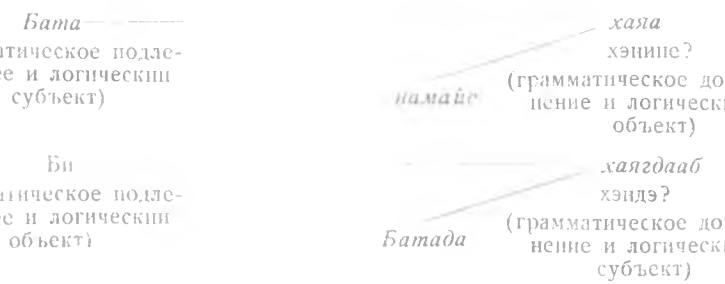
Страдательный залог

Страдательный залог по своему значению имеет много общего с побудительным залогом. Отличие его от побудительного залога заключается в том, что глагол, оформленный суффиксами страдательного залога, выражает действие, которое испытывает само действующее лицо. В предложении же логический субъект становится грамматическим дополнением, а логический объект — грамматическим подлежащим, т. е. здесь мы имеем дело с образованием пассивной конструкции предложения посредством трёхчленного компонента. *Бадмада би хашогдажа, тэрэ болзорhоонь урид дүүргэхэ баатай болоhон байгааб* „Я вынужден был закончить раньше срока по настоянию (принуждению) Бадмы“ (ср.: *намайе Бадма хашажа, болзорhоонь урид дүүргүүлээ).*

Суффиксами его являются: *-гд, -д, -т*: *бари-баригдаха, оло — олдо* (после *л* с последующей краткой гласной в основе), *гара — гарта* (после *р, г, б* с последующей краткой гласной в основе).

Разница между побудительным и страдательным залогами глаголов грамматически обнаруживается в формах управления и согласования: *Бата намайе хаяа, Батада би хаягдааб, Бата намаар хаюулаа.*

Различия в формах согласования и управления в предложениях при наличии глаголов-сказуемых в действительном, побудительном и страдательном залогах можно представить в виде следующей схемы:

Взаимно-совместный залог.

Взаимно-совместный залог оформляется суффиксами *-лд, -лс,* первый из которых выражает действие, совершаемое двумя или несколькими лицами между собою в пользу или во вред себе, или вообще массовое действие. *Энэ манай Сагаадай даамал* ***ошолдохо*** „Этот Сагадай пойдёт (с ними) в качестве смотрителя", и второй из них выражает действие, совершаемое двумя лицами совместно, точнее, одно лицо помогает другому в совершении действия как бы на равных правах: *Хүсэ шадалаа зангидажа ерэхэдээ, хүрин зүрхөө долгидхон хэлсэнэ* „Когда они набрались духа решимости, принялись горячо обсуждать (о чем-то) между собой".

По значению эти два залога очень часто переходят друг в друга, т. е. один залог вместо другого может употребляться с тем же значением, например, совершенно безразлично: ***ошолсожо ерэхэ или ошолдожо ерэхэ*** „съездить вместе".

В бурятском языке может употребляться несколько залоговых суффиксов с одним и тем же глаголом.

1) Побудительно-страдательный комбинированный залог:
яба(ха) — ябуул(ха), ябуулагда(ха)
бари(ха) — барюул(ха), барюулагда(ха)
сохи(хо) — сохюул(ха), сохюулагда(ха)

2) Страдательно-побудительный комбинированный залог:
хара(ха) — харагда(ха), харагдуул(ха)
хаа(ха) — хаягда(ха), хаягдуул(ха)
тари(ха) — таригда(ха), таригдуул(ха)
гара(ха) — гарта(ха), гартуул(ха)

3) Взаимно-побудительный комбинированный залог:
ошохо — ошолдо(хо), ошолдуул(ха)
орохо — оролдо(хо), оролдуул(ха)
мүргэхэ — мүргэлдэ(хэ), мүргэлдүүл(хэ)

4) Страдательно-совместный комбинированный залог:
бариха — баригда(ха), баригдалса(ха)
хаяха — хаягда(ха), хаягдалса(ха)
хэблэхэ — хэблэгдэ(хэ), хэблэгдэлсэ(хэ)

5) Побудительно-совместный комбинированный залог:
хэхэ — хүүл(хэ), хүүлэлсэ(хэ)
ябаха — ябуул(ха), ябуулалса(ха)
харуха — харуул(ха), харуулалса(ха)

6) Совместно-побудительный комбинированный залог:
ябаха — ябалса(ха), ябалсуул(ха)
мордохо — мордолсо(хо), мордолсуул(ха)
зураха — зуралса(ха), зуралсуул(ха)

7) Побудительно-взаимный комбинированный залог:
хараха — харуул(ха), харуулагда(ха)
гэшхэхэ — гэшхүүл(хэ), гэшхүүлэгдэ(хэ)
хушаха — хушуул(ха), хушуулагда(ха)

8) Совместно-страдательный комбинированный залог:
хаяха — хаялса(ха), хаялсагда(ха)
үргэхэ — үргэлсэ(хэ), үргэлсэгдэ(хэ)
бэшэхэ — бэшэлсэ(хэ), бэшэлсэгдэ(хэ)

9) Взаимно-страдательный комбинированный залог:
бариха — барилда(ха), барилдуул(ха)
зохихо — зохилдо(хо), зохилдуул(ха)

Наклонение.

Наклонение свойственно глаголу как части речи, выражающей совершение субъектом действия во времени и устанавливающей связь между субъектом и действием, в которых отражается отношение говорящего к совершаемому действию или как простая констатация совершения действия во времени, или как совершение действия по понуждению или настоянию лица или предмета, обозначенного третьим компонентом предложения.

В чисто глагольных формах бурятского языка различаются два наклонения: 1) изъявительное и 2) повелительно-желательное или, как традиционно принято, изъявительная форма и формы обращения.

Изъявительная форма глагола

Изъявительной форме присущи категории лица, числа и времени.

Лицо и число

Бурятские глаголы для выражения форм лица и числа располагают грамматическими средствами, характеризующими каждую из этих грамматических категорий. Но изъявительная форма бурятского глагола не обладает своим собственным суффиксом лица, нет у него и личных окончаний. Частицы *-б, -ш, -бди, -т* и т. д. — суть предикативные частицы, например, *ябанаб* „иду", ябанаш „идёшь", *багшаб* „я учитель", *бэрхэш* „хорош ты", *табабди* „пять мы" (нас пятеро) и т. д.

Эти частицы, являясь усеченными формами личных местоимений первого и второго лица обоего числа, употребляются с глагольными формами (за исключением деепричастных) и служат для них показателями лица. При спряжении глаголов формы лица выражают отношение говорящего лица и его действия к другим лицам и их действиям, и эти глаголы снабжаются соответствующими лицевыми показателями.

1-е лицо — говорящий, 2-е лицо — собеседник, 3-е лицо — то лицо, о котором говорят, но не участвующее в беседе. Единственное и множественное числа глаголов различаются по значению от числа именных слов тем, что множественное число глагола не обозначает однородного множества „я", а *я* и другое „я": *Бидэ ерээбди гэжэ Бата Дондок хоёр мэдүүлбэ*. Однако в традиционной грамматике принято считать, что в глаголе лица изменяются по числам, принимая формы единственного и множественного чисел.

Лицевые показатели глаголов

Ч И С Л О		
Единственное		Множественное
-б, -м	1-е лицо	*-бди*
-ш	2-е лицо	*-т*
—	3-е лицо	*-д*

Время.

Изъявительное наклонение выражает временные отношения и представлено в формах времени. Время глагола является формой отражения бытия. Формы времени выражаются специальными суффиксами, прикленвающимися к основе глагола второго лица.

Изъявительная форма реализуется в формах настоящего, прошедшего и будущего времени.

Момент речи говорящего служит точкой отсчета времени действия. Так, если время действия совпадает с моментом речи говорящего, то имеем настоящее время; если время действия предшествует моменту речи — прошедшее время; если время действия последует за моментом речи — будущее время.

Настоящее время. Настоящее время изъявительной формы глагола имеет суффикс *-на (-но, -нэ)*, отвечает на вопросы

яана? яажа байна? и обнимает два понятия совершения действия: действие, происходящее в момент речи, и действие, совершающееся безотносительно к моменту речи.

Большинство одинарных глаголов с суффиксом *-на (-но, -нэ)* обозначает обычно происходящее действие безотносительно к моменту речи, а в сочетании со специальными частицами может обозначать и другие времена:

загаһа жараахаие долгиндоо умбуулһан
суута голнууд Сибирийн уужамда
сухалтай тэшхүүгээр мушхаран эбхэрнэ
„Прославленные наши реки,
Украшая свои волны сереющимися рыбами,
устремляют свои потоки по просторам Сибири,"

где время одинарного глагола *эбхэрнэ* показывает обычное совершение действия безотносительно к моменту речи. *Бата үглөөгүүр ерэнэ бэзэ гэжэ хэлээд, түрүүлэгшэ саашаа ябашоо һэн* „Бато придет утром",— проговорил председатель и пошел", где глагол настоящего времени *ерэнэ* вместе с частицей *бэзэ* обозначает, что действие должно совершиться в определенное время после момента речи.

Форма настоящего времени может образоваться путем синтаксического сочетания деепричастных форм со вспомогательным глаголом *бай-* или любым другим вспомогательным глаголом движения или состояния. В такой аналитической глагольной форме суффикс настоящего времени *-на* выражает совершение действия в момент речи: *баһал хухэртэрөө энэжэ эхилнэ* „опять до упаду стал хохотать".

Прошедшее время. Оно образуется посредством суффикса *-ба (-бо, -бэ)* для показа времени действия, предшествующего моменту речи и отвечает на вопросы *яаба? яажа байба?*: *Александр Васильевич һанаагаа зобонгөор лаблан асууба* „Александр Васильевич, встревоженный, переспросил еще раз". Однако в устной речи форма прошедшего времени может выражать действие, протекающее в момент речи: *Тэр тэрэ үнөөхимнай ерэбэ* „Вот этот самый идет".

Будущее время. Оно образуется посредством суффикса *-ха (-хо, -хэ)* и выражает действие, последующее за моментом речи. Отвечает на вопрос *яахаб?: Зай, зайһан, өөрөө ошолдохо гуш, али хэнтнаи ябалгахаб?* „Ну, зайсан, сам поедешь или кто-нибудь из вас другой поедет?"; *Тэрэнщем хулгайлжа абахадаа, олон зоной дундаһаа абахаш* „Если ее похитишь, то это сделаешь на глазах публики".

Суффикс будущего времени аналогичен с суффиксом причастия будущего времени. Изъявительная форма будущего времени с суффиксом *-ха* выступает только в качестве сказуемого законченного предложения. Между тем причастие будущего времени с суффиксом *-ха* выступает в предложении в качестве любого его члена, в том числе и в качестве сказуе-

мого, в большинстве случаев с частицами различного назначения и в сочетании со служебными глаголами: *Минии гарта орохон хоиноо хэзээдэ хэлэхэл байхаш* „Раз попался в мои руки, никуда не денешься, скажешь"; *Өөрөө дуулаһан хоиноо намда хэлэхэл һэн.* „Ведь он сам узнал—должен же был мне сказать".

Итак, изъявительная форма глагола изменяется по трём временам, а показателями её лица и числа служат предикативные частицы, что и представлено в следующих таблицах.

1. Настоящее время.

Число / Лицо	Единственное	Множественное
1-е	би харанаб	бидэ харанабди
	би харанам	бидэ харанамди
2-е	ши харанаш	таанар харанат
3-е	тэрэ харана	тэдэ харанад

2. Прошедшее время.

Число / Лицо	Единственное	Множественное
1-е	би харабаб	бидэ харабабди
2-е	ши харабаш	таанар харабат
3-е	тэрэ хараба	тэдэ харабад

3. Будущее время.

Число / Лицо	Единственное	Множественное
1-е	би харахаб	бидэ харахабди
2-е	ши харахаш	таанар харахат
3-е	тэрэ хараха	тэдэ харахад

Изъявительная форма глагола употребляется вместе с частицей *-гүй*, которая придает ему отрицательное значение: *һаянай холо ойроһоо бараг томоотой хүн харашье ябанагүй*... „В эти дни никто из порядочных людей нас не навещал".

Изъявительная форма глагола также принимает различные модальные частицы для усиления выражения того или иного действия: *Ябахань ябабашье гэлэй һэн гэе, теэд ямар туһа үзүүлһэн байгаа юм ааб?* „Пусть будем считать, что он приезжал, но какую же, однако, помощь оказывал?"

Вид.

Если время глагола выражает соотносительность времени действия, выраженного глаголом, с моментом речи говорящего, то вид оттеняет ход действия от его начала до конца, его результативность, интенсивность и продолжительность. Бурятским глаголам присущи два вида: совершенный и несовершенный. Основа одинарных бурятских глаголов в повелительной форме своим лексическим значением представляет вид совершенный. При присоединении временных суффиксов к основам глагола может образоваться его видовая пара — несовершенный вид.

Совершенный вид глагола в бурятском языке поддерживается, как лексическими значениями самих глагольных основ, так и грамматическими средствами. Для чего (1) имеется немногочисленная группа суффиксов, приклеиваемая к основам глагола: *-сагаа: харасагаха* „посматривать", *-лз: хотилзохо* „изгибаться"; (2) образуются глагольные основы синтетическим способом из двух глагольных слов, первое из которых — сопутствующее деепричастие, а второе—глагольное слово, потерявшее свое лексическое значение и свой фонетический облик: *эдижэрхибэ* (из *эдижэ*+*орхибо*), *ябашоо* (из *ябажа*+*ошоо*), *хэбтэшэбэ* (из *хэбтэжэ*+*ошобо*); (3) образуется совершенный вид и аналитическим способом — посредством употребления двоиных глаголов одинаковых или разных основ в разных глагольных формах: *хэбтээд абаа* „полежал".

Формы обращения.

Формы обращения выражают действия, которые должны совершиться в будущем. Но специальных временных суффиксов у них нет. Формы обращения имеют значения повеления, побуждения, просьбы, напоминания, опасения и т. д. Принимают они лицевые показатели как свои неотъемлемые принадлежности: многие формы обращения без лицевых показателей

не могут существовать, иначе было бы невозможно дифференцировать их по лицам обращения.

Повелительная форма, обращённая ко второму лицу единственного числа, выступает как основа глагола и служит базой для производства новых глагольных основ и различных глагольных форм.

Обращение к первому лицу единственного и множественного числа.

а) Обращение к самому себе или к коллективу, к которому относится говорящий, обозначает разрешение или согласие к совершению действия и имеет суффикс *-hуу, -hүү* (по гласному составу основы) и отвечает на вопрос *яаһуу?* К основам с суффиксами *-hуу, -hүү* приклеиваются лицевые показатели *-б, -бди: хара-хараһуу, хараһууб, хараһуубди.*

б) Обращение к коллективу, к которому относится говорящий, обозначает побуждение совершить совместное действие и имеет суффикс *-я, -е, -е* (по гласному составу основы) и отвечает на вопрос *яая?* Принимает оно лицевой показатель *-бди: ошо — ошое, ошоебди, ерэ — ерэе, ерэебди, хая — хаяя, хаябди.*

в) Обращение к самому себе или к коллективу, к которому относится говорящий, обозначает обнадеживание совершить действие в будущем и имеет суффиксы *-уужа, -үүжэ, -юужэ, -юужа, -гуужа, -гүүжэ* и отвечает на вопрос *яагуужа?* Лицевые показатели *-б, -бди: бэшэ — бэшүүжэб, бэшүүжэбди, ошо — ошуужаб, ошуужабди.*

Обращение ко второму лицу единственного и множественного числа.

а) Обращение ко второму лицу единственного и множественного числа обозначает выполнение безоговорочного приказания; второе лицо единственного числа, не имея специальных суффиксов, совпадает с основой глагола; отвечает оно на вопросы *яа? яагты?* А второе лицо множественного числа оформляется суффиксом *-гты*:

2-е лицо ед. числа	2-е лицо мн. числа
хэ	хэгты
бари	баригты
бэшэ	бэшэгты

б) Обращение ко второму лицу единственного и множественного числа обозначает выполнение усиленной, навязчивой просьбы и отвечает на вопрос *яагыш? яагты?* Оформляется

суффиксами *-ш, -ы* для обоего числа с последующим прибавлением лицевых показателей: *-шш, -ыш, -гыш* (для единственного числа), *-шт, -ыт, -гыт* (для множественного числа): *бари — бариш, бариш, аба — абыш, абыт, уу — уугыш, уугыт.*

в) Обращение ко второму лицу единственного и множественного числа обозначает просьбу совершить действие в будущем и отвечает на вопрос *яагаарай?* Оформляется суффиксами *-аарай, -оорой, -ээрэй, -өөрэй* (после кратких гласных), *-яарай, -ёорой, -еэрэи* (после мягких согласных) и *-гаарай, -гоорой, -гээрэй, -гөөрэй* (после долгих гласных и дифтонгов) с последующим прибавлением лицевых показателей *-ш* (для единств. числа), *-т, -гты* (для множ. числа): *яба — ябаарайш, ябаарайт, ябаарайгты, долёо — долёогооройш, долёогоорой т, долёогоорайгты.*

Обращение к третьему лицу.

Обращение к третьему лицу обоего числа обозначает настоятельное требование к совершению действия в ближайшем будущем и отвечает на вопрос *яаг?* Оформляется суффиксом *-г* для обоего числа и не принимает лицевых показателей: *ябаг, ошог.*

Несколько обособленно по значению от форм обращения стоят формы пожелания и опасения, относящиеся, благодаря лицевым показателям, к первым двум лицам обоего числа, а без лицевого показателя обозначает пожелание к третьему лицу и опасение или предостережение, как бы чего не случилось с третьим лицом.

а) Форма пожелания с суффиксом *-най, -ной, -нэй* означает стремление одного из трех лиц совершить желаемое в будущем действие и отвечает на вопрос *яанай?* Форма пожелания принимает лицевые показатели *-б, -ш* (ед. число), *-бди, -т, -д* (мн. число): *ошоной, ошонойш, ошонойбди, ошонойт.*

б) Форма опасения *-ууэа, -ууээ* выражает опасение, предостережение перед совершением действия одним из трех лиц обоего числа и отвечает на вопрос *яагууэа?* Лицевые показатели те же, что у формы пожелания: *унууэаб, унууэаш; унууэабди, унууэат,* а третье лицо обоего числа: *унууэа.*

а) Форма обращения.

Число / Суффиксы / Лицо	Единственное			Множественное		
	Общие суффиксы	Лицевой показат.	Примеры	Суффиксы	Лицевой показат.	Примеры
1-е	-hуу, -hүү, уужа, -үүжэ	-б	ошоhууб ошуужаб	— —	-бди -бди	ошоhуубди ошуужабди
2-е	-ии, -ы, -гы — -аартй, -оорой, -ээрэй, -өөрэй	-ш — -ш	ошыш ошо ошооройш	-гты —	-т -т	ошыт ошогты ошооройт
3-е	-г -уужаи	—		ошог ошуужаи		

б) Форма пожелания.

Число / Суффиксы / Лицо	Единственное			Множественное	
	Общие суффиксы	Лицевой показатель	Примеры	Лицевой показатель	Примеры
1-е	-hай, -hой, -hэй	-б	ошоhойб	-бди	ошоhойбди
2-е		-ш	ошоhойш	-т	ошоhойт
3-е			ошоhой	—	ошоhой

в) Форма опасения.

Число / Суффиксы / Лицо	Единственное			Множественное	
	Общие суффиксы	Лицевой показатель	Примеры	Лицевой показатель	Примеры
1-е	-уужа, -үүжэ, -гуужа, -гүүжэ.	-б	ябашуужаб	-бди	ябашуужабди
2-е		-ш	ябашуужаш	-т	ябашуужат
3-е		—	ябашуужа	—	ябашуужа

Значение причастий.

Причастие является одной из основных форм глагола. Глагольность его заключается в обозначении действия. Большинство причастных форм выражает временные отношения и изменяются по лицам: Сэмни хүдэлмэриингөө хирээр байхань ха (байхань — будущее время) „Оплачивать будете соразмерно сделанному"; *Мухар боложо, модо мүргэжэ ябадагби (ябадагби*—причастие с предикативной частицей) „Хожу спотыкаясь, будучи калекой". Причастия управляют теми же падежами, что и изъявительная форма: *Тэмээн ехэдээ найдадаг, тэнэг бүхэдөө найдадаг* „Верблюд надеется на свой большой рост, глупец — на свою большую силу" (Ср: *Тэмээн ехэдээ найдана, тэнэг бүхэдөө найдана).*

Причастия могут создавать аналитические глагольные формы в сочетании с деепричастиями и вспомогательными глаголами: *Дала гараһан наһатай танай гансаарайнгаа хүсөөр ишгэжэ байхада, колхознигууднай хамтаржа, баһа нэгые бүтээхэмнай гэжэ суглаан дээрэ табижа болохо байна (ишгэжэ байхада, табижа болохо байна* — аналитические глагольные формы) „Когда вы, будучи глубоким стариком, на собственные средства хотите (этого сделать), то наши колхозники могут поставить вопрос на своем собрании о сборе средств на постройку еще одного (самолёта)".

Причастие в качестве члена предложения употребляется в сочетании с наречием, выступающим в роли обстоятельства: *Малнууднай Майлын үбэр сэхэ ошохоо ходо тэгүүлнэ (сэхэ* — наречие) „Наше стадо то и дело норовит к южному склону Майла".

Вместе с тем причастия по своей природе двойственны: они выражают не просто действия как таковые, а окачествленные действия, т. е. выражают действия предмета, как обладателя процессного признака. Отсюда наличие у них наряду с глагольными и именных признаков. Так, причастие склоняется по падежам *(яба – ябаха, ябахын* (Род. п.), *ябахаһаа* (Исх. п.), *ябахаар* (Ор. п.); изменяется по грамматическим числам *(яба – ябадаг, ябагша, ябадагууд, ябагшад)*; сочетается с частицами *(яба — ябаха, ябадаг, ябадагби) (би* — предикативная частица), *ябахамни, ябадагни* (*-мни, -ни*—частицы личного притяжания); сочетается с послелогами *(эзэнэйнгээ церковьтэ мүргэхөө ошоһон хойно...* „После ухода хозяина на обедню в церковь..."); выступает в предложении в функции определения *(Эсэһэн мориндо хазаар хүндэ, эбдэрһэн тэргэдэ арал хүндэ* „Усталому коню тяжела узда, а сломанной телеге ось тяжела").

Причастия не представляют по своему значению единого массива однородных слов. Внутри причастий имеются резко противопоставленные друг другу группы слов. Все те причастия, которые по своей природе способны преимущественно склоняться, более субстанциональны, а наиболее пассивные в части склонения — глагольны. Отсюда и необходимость деления причастий на временные и невременные. К временным относятся причастия с суффиксами на *-аа* (причастие простого прошедшего времени), на *-нхай, -нхой, -нхэй* (причастие давнопрошедшего времени), на *-һан, -һон, -һэн* (причастие завершенного прошедшего времени), на *-ха* (причастие будущего времени). К невременным (относительно ослабленным временным значением) относятся причастия на *-даг* (неоднократное причастие), *-гш(а), -аашa* (однократное причастие).

Основой всех разрядов причастий является повелительная форма глагола второго лица единственного числа. Путем присоединения к глагольной основе специальных суффиксов образуется та или иная форма причастия с одним значением, но, склоняясь по падежам, причастие образует разные грамматические значения при сохранении прежнего лексического значения: *яба — ябаа* (простое прошедшее причастие), *ябаһан* (завершенное прошедшее причастие), *ябаха* (будущее причастие); но: *ябаха-ябахада* (Дат. пад.), *яоахаһаа* (Исх. п.), *ябахын* (Р. п.), *ябахые* (Вин. п.) и т. д.

а) Временные причастия.

Причастий прошедшего времени три:

1) Причастие простого прошедшего времени с суффиксом *-аа, -оо, -ээ, -өө* (после твёрдых согласных с выпадающим последующим кратким гласным), *-яа, -оё, -еэ* (после мягких согласных), *-гаа, -гоо, -гээ, гөө* (после дифтонгов и других гласных) выражает окачествленные действия предмета. Оно обычно односуффиксально, но принимает морфологически разнообразные формы, присоединяя к себе отрицательные, притяжательные, предикативные, усилительные и разные модальные частицы, которые входят органически в состав того или иного разряда причастий.

Причастия, имеющие отрицание *-гүй (-дүй)*, могут изменяться по падежам. *Мэдээгүи баигаа гээшэ гүб* (с отрицательной частицей) „Неужели я не знал“, *Мэдээгүйдэнь орожо ерээ һаа, ехэ наин байгаа һэн ха* (с отрицательной частицей и аффиксом Дат. пад.) „Было бы очень хорошо, если зайти к нему, когда еще не знает об этом“, *Тиигээ һаа нүхэдөө заагтыл даа, хэр зэргэ олон нүхэдтэи болообта?* (с предикативной частицей) „В таком случае покажите своих товарищей, много ли теперь у вас“; *Орой болоошье һаа,*

тэнгэридэ одо мүшэд үшөө толороодуй байгаа һэн (с усилительной и отрицательной частицей) „Хотя было уже поздно, но на небе еще не было звёзд". Что касается синтаксической роли его, то причастие простого прошедшего времени может выступать в качестве любого члена предложения. Оно в Им. падеже может быть сказуемым и определением: *Хара зүһэтэй хулгана хаяа тээшээ бумбэргөө* (сказуемое) „Черненькая мышь покатилась к стене"; *Хэлэгты, тэрэ бэшэг хэн абаашажа үгөөб?„ (үгөөб* — сказуемое) „Скажите, кто отнёс то письмо"; *Хүхэрэн байгаа тэнгэриин арай доохонуур, хөөбэлзэжэ байгаа үүлэнэй арай дээхэнүүр хишдэн талиба* (определение) „Улетела (птица) чуть пониже синеющего неба, чуть повыше поднимающегося облака".

Причастие простого прошедшего времени с отрицательными и притяжательными частицами, если стоит в именительном падеже, выступает в предложении в качестве его подлежащего: *Ябаагүйнь ябаашадна атаархаа* „Оставшийся завидовал уехавшему".

Причастие простого прошедшего времени в косвенных падежах в предложении выступает в качестве второстепенных членов предложения — дополнения, обстоятельства: *Харанхы болоодуйдэ гэртээ бусажа ерээ һэн ха (болоодуйдэ* — обстоятельство) „Вернулся домой до наступления темноты"; *Мэдээгүйень мэдүүлхэ, ойлгоогүйень ойлгуулха зорилго табигданхаи (мэдээгүйень, ойлгоогүйень* — дополнения) „Поставлена задача — незнающих сделать знающими, непонимающих сделать понимающими".

2) Причастие давнопрошедшего времени с аффиксом *-нхай, -нхой, -нхэй* (по гармонии гласных) выражает действие, прошедшее задолго до момента речи говорящего и, потеряв свое временное значение, оно часто переходит в разряд прилагательных. В предложении оно выступает в качестве его сказуемого и определения: *Шампин баабай анхандаа айл тиргэнэй жиир үгытэй хүн яаһанаа советскэ засагай ашаар айл аймог соогоо алдар солотой болохойоо байтагай, республика соо сууга хүнүүдэй нэгэнинь болонхой (болонхой* — сказуемое) „Дед Шампи, когда-то один из самых обыкновенных бедных людей в своем улусе, благодаря советской власти стал не только знатным человеком для нас, но и на всю республику прославился"; *Үүлэ манаар бүрхөөгдэнхэй үргэн тэнгэриин уужамда жэгүүртэ шубууд шэнги дэлин дэлин ябадаг пилодууд сугларба (бүрхөөгдэнхэй* — определение) „Собрались пилоты, бороздящие окутанные облаками просторы неба, словно птицы с могучими крыльями"; *Туранхай малнуудые суглуулжа, амяарнь тусхай рацион зохеожо эдеэллэхэ гэһэн байнабди (туранхаи* — причастие, перешедшее в разряд прилагательного, так как оно потеряло свое временное значение) „Решили выделить в особый

гурт истощённый скот и установить для них особый рацион кормов".

3) Причастие завершенного прошедшего времени с суффиксом *-һан, -һон, -һэн* (по гармонии гласных) выражает действие, которое началось и завершилось в прошлом. Оно изменяется по падежам, принимает различные частицы и употребляется вместе с послелогами и вспомогательными глаголами.

Своей первичной формой и в формах косвенных падежей оно выступает в качестве любого члена предложения: *яба — ябаһан, ябаһанһаа, ябаһые, ябаһан хойно, ябаһан юм, ябаһан байха.* К нему не присоединяется отрицательная частица. *Имэ юумэ болохо бэзэ гэжэ мэдээгүй байһан хаан гайхаһан тагнаһандаа худэлхэеэ болишобо* (*байһан* — определение) „Хан, который не ожидал, что так может случиться, оцепенел от изумления"; *Хэлэһэнээ мэлзэжэ хэбтэхэгүй аабзаш* (*хэлэһэнээ* — дополнение) „Как бы ты еще не вздумал отказаться от своих слов"; *Ябаһан яһа зууха, хэбтэһэн хээли алдаха* (*ябаһан, хэбтэһэн* — подлежащие) „Кто работает, будет сыт, а кто лежит, будет голоден" (досл. У идущего кость в зубах, а лежащий похудеет".); *Унтаһанаа бодожо, һуу-юулнэш* (*унтаһанаа* — обстоятельство) „Проспавшись, по воробьям стреляешь" и в качестве сказуемого это причастие выступает, когда оно снабжено различными утвердительными частицами и вспомогательными глаголами: *Хоолойнь гагнаадаһаараа хайлаад, уруу дуруу болон ганхашаһан, хабхагынь хажуу тээшээ ялхишаһан байба* (*ялхишаһан байба* — сказуемое) „Самовар по спайке расплавился и поник, а крышка набок накренилась".

4) Причастие будущего времени оформляется суффиксами *-ха, -хо, -хэ* и отвечает на вопрос *яаха?* Это причастие обозначает действие, которое должно совершиться в будущем.

Оно изменяется по падежам, принимает предикативные частицы первого и второго лица, отрицательные и притяжательные частицы, которые делают его синтаксически различно функционирующей и морфологически разнообразной глагольной формой: *яба — ябаха, ябахада, ябахаһаа, ябахын*; *ябаха — ябахаб, ябахабди, ябахаш, ябахат*: *ябаха — ябахагүи, ошохо — ошохогүй, ерэхэ — ерэхэгүй, ябаха — ябахамни, ябахашни, ябахань, ябахамнаи, ябахатнаи, ябахыемни, ябахадамни, ябахадашни, ябахадатнаи.*

В предложении причастие будущего времени выступает в качестве подлежащего, если оно употребляется с частицей личного притяжания: ***Хэхэнь*** *биршоог,* ***эдихэнь*** *горшоог* (*хэхэнь, эдихэнь* — подлежащие) „Делает на вершок, аппетиту на горшок"; *„Хардахадаа иигэжэ* ***хардахашни*** *гү? — гэжэ сухалдан байһан һамганайнгаа хүнжэлые татан гэхэдээ, гоё*

дэгэлыень үгылэн сасуу: „Гоё дэгэлшни хаанаб?— гэжэ наная зобонгёор асууба (хардахашни —сказуемое) „Значит ты вздумала меня оклеветать?“ обратился с гневом к жене. Но когда он сдернул с нее покрывало, обнаружил, что нет у нее нарядного одеяния. и озабоченным видом спросил: „А куда же делся твой халат?“; *Эрдэни элэхэ бүреэ үнгэ* ***орохо,*** *эрэ хүн ябаха бүреэ ухаа* ***орохо*** *(орохо* – сказуемое) „Драгоценный камень приобретает блеск по мере изнашивания, мужчина умнеет по мере накопления жизненного опыта“; *Туһа* ***хүргэхые*** *оролдожол байха (хүргэхые* — дополнение) „Старается все оказывать помощь“; *Түргэн* ***ябахые*** *захирбаб (ябахые* — дополнение) „Приказал быстрее ехать“; *Шадар тойронь тэрээнтэи* ***таталдаха*** *хүнэй үгы болоходо, Үбэр Дүшэн Юһэн хушуунда ошожо, амбанараар сэсэ буляалдахам гээд ябашаба гэхэ* (*таталдаха* — определение) „Когда в окрестности не стало человека, с которым можно было бы потягаться, то говорят, он отправился в сторону Сорока Девяти Хошуна состязаться с тамошними сановниками в мудрости“; *Намайешни* ***хайрлаха*** *хүн байгаагүй юм шуу (хайрлаха* — определение) „Не было ведь человека, который пожалел бы меня“; *Бага балшар байхаоань,* ***баллахаяа*** *яалайбиб (баллахаяа* — сказуемое) „Почему же не раздавил, пока он был младенцем“.

б) Вневременные причастия.

1) Многократное причастие с суффиксом *-даг, -дог, -дэг* выражает действие, повторяющееся постоянно или имеющее постоянный характер. В предложении, выполняя функцию сказуемого, многократное причастие приобретает значение изъявительной глагольной формы настоящего времени и теряет свое значение кратности, повторности действия: *Антонина хадаа һүгэдэн дохижо* ***шададаггүй*** „Антонина не умеет покорно кланяться“.

Многократное причастие, выражая постоянство и повторность действия, обычно выражает действие безотносительно к моменту речи говорящего. Активно склоняется и принимает отрицательную частицу *-гүи*: *яба — ябадаг, ябадагтай, ябадагые, ябадагһаа* и т. д. и *ябадаггүй*. Будучи в косвенных падежах, выступает оно в качестве дополнения: ***Эдидэгһээ*** *нэхэбэри,* ***шагнадагһаа*** *ульгэр (эдидэгһээ, шагнадагһаа* — дополнения) „От обжоры — взыскание, от сказителя — улигер“; *Ахань* ***захирдаг,*** *дүүнь* ***дүүргэдэг*** *(захирдаг, дүүргэдэг* — сказуемые) „Брат (старший)— указывает, а младший — исполняет“. Когда причастие выступает в предложении в качестве сказуемого, оно в основном стоит в именительном падеже: *Тэрэшни хүнэй харааха бадашахада дурагүй, бүри* ***гаарадаг*** *юм. Үнгэрэгшэ жэлдэ Шудуутаантай ехэл* ***тэмсэдэг юм***

hэн... (гаарадаг юм, тэмсэдэг юм hэн — сказуемые) „Она не любит, когда кто-нибудь на нее кричит, наоборот еще раздражается. В прошлом году состязалось с Шудутаем".

Точно также стоит в именительном падеже, когда выступает в качестве определения: ***Ябадаггүй*** *нохой* ***ябадаг*** *нохойе hаатуулаа* (*ябадаггүй, ябадаг* — определения) „Неохотничья собака помешала охотничеи (букв.— неидущая собака помешала идушей собаке). Многократное причастие приобретает значение отглагольного имени, когда выступает в предложении в качестве подлежащего, дополнения и определения, выражая многократность совершения действия без временных оттенков.

2) Однократное причастие и причастие постоянного действия с суффиксами *-гша, -гшо, -гшэ, -аша, -ошо, -эшэ, -өшэ, -ёшо, -еэшэ*, или *-гаша, -гоошо, -гээшэ, -гөөшэ*, в отличие от остальных причастных форм, имеет сильно выраженный субстантивный характер, но глагольность его поддерживается, когда оно выступает в предложении в качестве сказуемого. В этой своей функции выражает одноактное совершение действия, причем эта одноактность действия может быть мгновенной и повторяющейся.

В целом однократное причастие переходит в разряд именных частей речи — в имена существительные, имя деятеля и в прилагательные — качественное имя: *түрүүлэгшэ*—„опережающий" и „председатель", *шэнжэлэгшэ*: —„исследующий" и „исследователь"; примеры их функционирования в предложении: сказуемое: *Шүдхэр шамай* ***абаашагша*** *hаи!* — *гэжэ ябаад хашхарна* „Кричит: черт тебя побрал"; *Намда гал угэдэггүй hэн, шубуун дэнгээ комнатодоо* ***абаашагша hэн.*** „Мне не давали огня, свечу уносили в свою комнату"; подлежащее: *Үүр сүүрээр* ***бодоошо,*** *үөрэг сүбрэг* ***түүгээшэ*** *юун бэ?* „Кто тот, который встает зарей, собирает крупинки?" (загадка: сорока); определение: ***Хүхэрэгшэ*** *тэнгэриин доогуур,* ***хүбэлзэгшэ*** *үүлэнэй дээгүүр хүлэгынь гүиоэ* „Его аргамак понёсся между синеющим небом и колыхающимися облаками".

ДЕЕПРИЧАСТИЕ.

Значение деепричастий.

Деепричастия в бурятском языке представляют собою важнейшую грамматическую категорию и имеют большое значение для выражения мысли – они образуют в сочетаниях с другими формами и служебно-вспомогательными глаголами аналитические формы глагольного вида, выражают различные

оттенки модальности действия, оформляют сказуемые придаточных предложений в составе сложных.

В бурятском языке насчитывается десять деепричастий: соединительное, разделительное, слитное, условное, предельное, последовательное, продолжительное, предварительное, форма предпочтения и попутное.

Глаголов в собственном смысле слова объединяют с деепричастиями виды, ибо „категория вида обозначает, как протекает во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола“[1].

Деепричастные формы, являясь „отглагольным наречием“, более глагольны по сравнению с отглагольными прилагательными и наречиями. Эти формы, во-первых, „имеют последовательно проведенные по всей категории значения глагольных видов; во-вторых, они имеют значение залогов, причем значение страдательного залога в них даже более четко выражено, чем в самом глаголе, в-третьих, они имеют значения времен, хотя, по большей части, и не тождественные со значениями времен в глаголе, но вполне аналогичные с ними“[2].

„Деепричастные формы совершенного вида обозначают прошедшее время, соотносительное с формой времени определённого глагола“[3], действие, выраженное этой формой деепричастия, предшествует главному действию.

Однако деепричастие отличается от глаголов в собственном смысле слова прежде всего своей неизменяемостью и отсутствием морфологических показателей, указывающих на время. Оно выражает только побочное действие, предшествующее или одновременное с главным действием, обозначенным глаголом-сказуемым.

На именное происхождение суффиксов некоторых деепричастных форм в монгольских языках указывали многие исследователи. Они делят деепричастные формы на „истинные“ и „неистинные“ и анализируют происхождение суффиксов второй группы, именно, суффиксов неистинных деепричастных форм.

В подтверждение основных положений об именном происхождении неистинных (или псевдоконвербиальных) форм деепричастий следовало бы добавить следующее: во-первых, то, что эти деепричастные формы, как и имена в бурятском языке, принимают притяжательные суффиксы — суффиксы личного и возвратного притяжания, напр., условное деепричастие: *ябабал*, „если пойти“ — *ябабалшни* „если ты пойдешь“; уступительное деепричастие: *ябаашье hаашни* „хотя ты и пойдешь“, предельное деепричастие: *ябатаршни* „до твоего ухода“. Эта

---

[1] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 122.

[2] А. М. Пешковский, цит. соч., стр. 141.

[3] В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 302.

способность деепричастных форм принимать притяжательные суффиксы — одно из доказательств их именного происхождения, в отличие от других чисто-глагольных форм, которые не принимают притяжательных суффиксов, тогда как имена принимают их, напр., *моримни*, *морөороо*; во-вторых, управляемые неистинными деепричастными формами имена (являющиеся, например, в русском языке подлежащими придаточных предложений) стоят в родительном падеже, напр., *минии ерэтэр, ши эндээ байгаарай* „оставайся здесь до тех пор, пока я не приду"; *поездын ябамсаар, хурэжэ ерээ* „прибыли, как только ушёл поезд".

Несомненно, что истоки этих форм находятся в их именном происхождении. Здесь наблюдаются параллели: *манай ябамсаар...* „лишь только мы уехали", ср. и *эзэнэй ябамсаар...* „как только уехал хозяин", *манаи гэр...* „наш дом..." и эзэнэй мунгэн... „деньги хозяина"; в-третьих, некоторые неистинные деепричастные формы могут употребляться с отрицаниями *угы* и *улэ* так же, как и имена, напр., *ябангүй* „не идя", ср. *моригүй* „не имеющий коня, безлошадный". В чисто глагольных формах отрицание инфиксируется не только между глагольной формой и личными показателями, но и между глагольной формой и всеми предикативными суффиксами, как напр., *харинагүй* „не идет (домой)", *баряагүй һэм* „не поймал". Таким образом, и в употреблении с отрицанием эти формы стоят ближе к имени, чем к чисто глагольным формам.

В ином плане рассматриваются прочие формы деепричастий. Авторы грамматик по монгольским языкам не дают именной характеристики этой группе деепричастий. Это такие деепричастия, которые в состав составного сказуемого не входят и образуют отдельный от сказуемого законченного предложения член.

Таким образом, деепричастия первой группы не получают морфологического анализа и вопрос об их происхождении не ставится. Отличие их от деепричастий второй группы устанавливается синтаксическими средствами.

Действительно, первые три формы (соединительное, слитное и разделительное деепричастия) резко отличаются от остальных своим синтаксическим употреблением.

Деепричастия различны друг от друга в своем синтаксическом употреблении. Они также отличаются и синтаксически от сопоставляемых с ними наречий. Наречие примыкает к глаголу, являясь характеристикой его действия, а деепричастие в отличие от наречия само выражает действие и состояние. В определенных позициях в предложении деепричастие приобретает значение главного глагольного сказуемого.

В действительности деепричастия употребляются в тесном смысловом сочетании с другими глаголами, причем вторым

элементом этого сочетания является слово, принимающее на себя роль выразителя временных оттенков: *гэртээ харижа ошобо* „отправился домой“. Также ср. *эрьеын захада ерээд тогтобо* „подойдя к берегу, остановились“. Признание той или иной формы за деепричастную должно исходить прежде всего из ее глагольности. Деепричастные формы должны выражать по своей сущности сопутствующие и обстоятельственные действия.

Управление деепричастий именем точно такое же, как управление глагольных форм именем, ср., напр., *морео унажа ошоод, уһалаад ерээб* „напоил коня, съездив верхом“ и *морёо уһалааб* „напоил коня“.

Место этих форм в предложении во многом изменяет их функцию. Напр., некоторые формы, поставленные перед именем, совершенно теряют временной оттенок и тем самым превращаются в атрибутивные слова; напр, *баймаар газар* „место, где можно жить“, *ябуута хүн*[1] „человек который в пути“, а также ср: *һаһаар һүн* „парное молоко“.

Вместе с тем деепричастные формы отличаются от окончательных глагольных форм своей неизменяемостью и неспособностью выражать законченность действия[2].

Известно, что деепричастия в бурятском языке не несут функцию определения имени. Правда, имеются сочетания продолжительного деепричастия с именами и глагольными формами, в которых продолжительное деепричастие выступает в определительной функции, и в некоторых случаях оно образует одно единое понятие в сочетании с определяемым словом, например, *һаһаар һүн* „парное молоко“, *һуһаар һуушаба* „засиделся“.

Синтаксические функции деепричастий.

Все деепричастные формы в бурятском языке функционируют в сложной глагольной форме и в отдельном употреблении в составе предложений в качестве второстепенных сказуемых отрезка предложения.

Сопутствующие (или „истинные“) деепричастия.

1) Соединительное деепричастие (суффикс *-жа, -жо, -жэ)* в сочетании со знаменательным словом служит

[1] См. Д. А. Алексеев, Наречие в бурят-монгольском языке, Л., 1941 г.

[2] Хотя в последнее время наблюдается построение предложения, сказуемым которого служат некоторые деепричастные формы, в частности в республиканской газете „Үнэн“ можно найти, например, такого типа построение, как *иимэ байдал үргэлжэлһөөр* „продолжается такое положение“. Здесь имеем опущение вспомогательного глагола *бай* „быть“ с времяуказывающим суффиксом.

определительным компонентом в сложной глагольной форме, а в отдельном отрезке предложения служит для выражения действия, совершающегося одновременно с действием, выраженным окончательной глагольной формой, напр., *Халуун нарапай элшэдэ хүбшын сһан хайлажа, горхон урдаба* „На горах начал таять снег от солнечных лучей, и побежали ручьи".

В этом предложении *хайлажа и урдаба* происходят в непрерывной последовательности, и эту последовательность происходящих действий выражает окончание деепричастия *-жа*. В переводе на русский язык эта форма соответствует русскому деепричастию настоящего времени. Выражение времени соединительным деепричастием в бурятском языке аналогично с деепричастием настоящего времени в русском языке.[1]

В сочетании со вспомогательными глаголами и некоторыми глаголами полного значения соединительное деепричастие образует сложный глагол (аналитическую форму), в котором деепричастная основа выражает идею действия (сема), а окончание деепричастия и основа второго компонента (служебный глагол) выражают видовой и модальный оттенки.

Временным показателем всего комплекса является окончание второго глагола, напр., *голой гэдэхэтэй хамта уһанай шубуун ерэжэ баина* „в момент таяние рек прилетают водяные птицы".

В сочетании со служебными же глаголами соединительное деепричастие выражает действие, равномерно распределенное во времени и совершаемое без перерыва. Такие аналитические конструкции соответствуют глаголам несовершенного вида в русском языке, напр., *манай һайн һуугаа хада, улам бүри үнгэжэжэ, һара бүри һайхан боложо байха бэзэ* „если мы будем жить хорошо — наверняка будет принимать лучший цвет, и будет хорошеть с каждым месяцем".

Когда соединительное деепричастие сочетается со служебными глаголами настоящего и прошедшего времени, оно выражает несовершенный вид, напр., *наадажа һууба* „играл" (досл. „играя сидел"), *хаража баина* „смотрит" (досл. „смотря стоит").

В большинстве случаев эта форма деепричастий употребляется в сочетании со служебными и знаменательными глаголами, которые по своей роли в сочетании сходны со многими приставками русского языка, напр., *гүйжэ ерэбэ* „прибежал", *харайжа гараба* „выбежал", *ошожо ябана* „уходит", *алхалжа гараха* „перешагнуть". Это же деепричастие служит также и для выражения причинной связи между действиями и

[1] Ср., „... всякая глагольная форма, выступающая в функции определяющего члена синтагмы, если она не имеет форм времени... обычно располагается... в этой же временной плоскости, что и определяемый глагол. В речи же вневременность этой формы понимается как одновременность с главным действием". (В. В. Виноградов, цит. соч., стр. 300).

последовательностью действий. Деепричастие в этом употреблении граничит с наречием в русском языке, напр., *бэрхэ байдалда оһол байжа оробобди даа* „В беду попали из-за халатности“ (дослов. „попали в тяжелое положение, бывши без внимания“). Здесь нельзя не усмотреть в *байжа* (бывши) характеристику „действия (*оробобди* „попали“) в его процессе“.

Можно отметить и оттенок цели, выражаемый этим деепричастием, напр., *Унэгэн убгэнииг угтажа ошоод, зам дээрэнь үхэһэн шэнги болоод хэбтэбэ* „Лиса пошла навстречу деду и легла на дороге, притворившись мёртвой“.

Соединительное деепричастие употребляется и в удвоенной форме для выражения настойчивого утверждения, длительной деятельности и повторяющегося действия, напр., *хэлэжэ хэлэжэ ерээб* „Пришел, поговорив основательно“; *Энээгээр ябажа ябажа ошоо* „Отправился после того, как (он) побыл долгое время“; *Унажа унажа тоһоо гудеэд ябаа* „Падал, падал, а потом стряхнув с себя пыль, ушел“.

В том же значении, как удвоенная форма, употребляется соединительное деепричастие в сочетании с частицей *л*, которая придает действию значение длительной деятельности и утвердительности, напр., *ходо дуулажал байна* „все время поет“.

Встречаются сложные синонимные формы соединительного деепричастия, состоящие из разных по форме, но по своей семантике идентичных слов, и в отличие от значения одинарной формы они выражают действие, совершение которого не подлежало и не подлежит сомнению, напр., *Яоажа ошожошье байхада хирэ болоо* „Настала пора, когда можно уходить (уезжать)“; *Манай зарим нэгэн абажа угэжэшье шадаха байхи юм* „Некоторые из нас могут брать и отдавать (то есть „кредитоспособны“). Здесь имеем сочетание деепричастий, которое выражает в основном одно смысловое понятие (кредитоспособность) посредством употребления синонимных пар.

И, наконец, соединительное деепричастие вместе со служебными глаголами образуют сложные глаголы — аналитические конструкции, о которых шла речь выше, эта аналитическая конструкция в свою очередь дала синтетическую конструкцию, в которой глагольные формы выражают одно смысловое понятие, подпадая под единое ударение и орфографически оформляясь слитным написанием, напр., *эдижэ+орхёо* „съевши оставил“ → *эдижэрхёо* „съел“, *ябажа+ошоо* „ходя ушел“ → *ябашоо* „ушел“; *гаргаад+орхино* „вытащив оставляет“ → *гаргажархина* „вытаскивает“ (причем иногда с изменением вокализма).

Глаголы полного значения всех грамматических времён, вошедшие в состав сложной формы в служебной роли, выражают завершенность, исчерпанность действия, тогда как вспо-

могательные глаголы в составе синтетической формы выражают незавершенность действия, напр., *ябажайна (ябажа байна)* „ходит, идёт".

Соединительное деепричастие может употребляться с вопросительными частицами, напр., *ерэжэ гу?* „придя?", *тэрэ гэжэ гу?* „тот?". Деепричастие от *гэхэ* „говорить" может срастаться с вопросительной частицей и дать сочетание *гэжүү?* „так ли?"

2) Разделительное деепричастие образуется посредством суффиксов *-аад, -гаад* (последний суффикс ставится после основ, оканчивающихся на долгие гласные и дифтонги).

Значения этой формы разнообразны. Она употребительна в сложной глагольной форме и в отдельном отрезке предложения с более самостоятельной сказуемостной функцией. Она выражает в одном своем значении действие, предшествующее действию, выраженному окончательной формой. Это же деепричастие выражает и предшествующее действие, и причём последующее действие может не вытекать логически из предыдущего действия, напр., *зуһаландаа нүүхэ боложо...* , *мори хараа хүлэжэ түхеэрээд, ябаха болобо* „наступила пора перекочевки... (и вот) запрягли лошадей, собрались и должны были уже уехать".

В этом предложении *түхеэрээд* и *ябаха болобо* показывают разные времена и независимость друг от друга, поскольку первое действие *(түхеэрээд)* не определяет второго действия *(ябаха); түхеэрээд* выражает логически законченную мысль, хотя грамматически выражено неокончательной глагольной формой, поскольку за этим „отрезком предложения" следует следующая мысль, выраженная окончательной формой.

Помимо этого, предшествование действия, ввиду отсутствия у этой формы формальных временных оттенков, выражается во многих случаях особыми словами (наречиями), напр., *үсэгэлдэр* „вчера", *нөдонон* „в прошлом году" и т. д.

Другое значение этого деепричастия заключается в том, что оно выражает последовательность действий, напр., *ошоод, үзөөд, хараад ерэл даа* „поедем, посмотрим и вернёмся". Разделительные деепричастия в этом предложении выражают действия, происходящие во времени последовательно одно за другим.

В сочетании с другими глаголами разделительное деепричастие служит процессным определением следующего действия, напр., *шэбшээд ябаһан зугаада бэрхэ, шэглээд ябаһан абада бэрхэ* „думающий ловок в беседе, идущий в определенном направлении искусен на охоте". Деепричастие выступает здесь как „... атрибутивная форма глагола, которая... выра-

жает обозначаемый глаголом процесс как обстоятельственный признак другого процесса..."[1]

Это же деепричастие, сочетаясь с другими деепричастными формами, играет нередко роль обстоятельства, напр., *тэрэ хүн дохолжо ябаад харайна* „тот человек, бежит хромая", где *дохолжо* относится к следующему за ним деепричастию, как обстоятельство, но в отличие от значения наречия-обстоятельства „у деепричастий обстоятельственное значение — это синтаксическое формальное значение, а реальное значение у них то же, что у прочих форм того же глагола, то есть определенный процесс".[2]

В предложении — *түргэн ошоод, шалгаад, һайтар мэдээд ерыт даа* „езжайте быстрее, проверьте тщательно, выясните и приезжайте" — разделительное деепричастие помимо выражения последовательности действий выражает еще одну особенность (в определенном лексическом окружении) — это прерывистость совершающихся действий с оттенком быстроты.

Разделительное деепричастие так же, как и соединительное деепричастие, может входить в состав сложных глагольных форм. В них оно функционирует двояко: во-первых, выступает в качестве определительного слова, уточнителя главного действия, выраженного глаголом, причём иногда граничит с ролью обстоятельств, напр., *саашаа хатаргаад ябашана* „отъезжает в сторону рысью", и: *бодолго болон нэгэшье шэмээгүй нилээд һууһанаа гараа* „порядочно посидевши в раздумьи, вышел, не говоря ни слова". В первом предложении *хатар-гаад ябаша-на* — имеем *хатар*, играющий роль уточнителя, обстоятельственного признака, окончание деепричастия *-гаад* является формой связи этого обстоятельственного слова с *ябаша-*, а *-на* — показатель настоящего времени. Следует отметить, что в сложной глагольной форме окончание разделительного деепричастия не только служит связью между компонентами, но вместе с тем выражает прерывистость действия, то есть во времени одно действие следует за другим, прерываясь.

Во-вторых, в сочетании с глаголами полного значения, превратившимися в служебные глаголы, разделительное деепричастие образует сложный глагол, в котором оно несет вещественное значение, а последующий глагол, наоборот, уточняет его, придавая сочетанию видовые и временные оттенки, например, *дэбһээд абаха* „топнуть (ногой)" при *дэбһэхэ* „топать", с одной стороны, и *дэбһэд гээд абаха* „притопнуть", *дэбһэд дэбһэд гээд абаха* „притопывать" — с другой, ср. еще: *энэ тухайгаа һайтар хэлсээд абая* „об этом поговорим хо-

[1] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского языка, М., 1945., стр. 217.

[2] Цит. соч., стр. 218.

рошенько", где основа деепричастия несёт лексическое значение, а все остальные формы обслуживают это основное лексическое значение.

В-третьих, разделительное деепричастие в сочетании со вспомогательными глаголами образует сложную форму, и в ней оно несёт основное лексическое значение; окончание деепричастия и основа вспомогательного глагола выражают видовой оттенок, а окончание вспомогательного глагола служит временным показателем всего сочетания, например, *гэртээ ерээд байна* „пришел и находится дома"—*ер-ээд бай-на*, где *ер(э)*—лексема, *-ээд бай-* выражает вид, а окончание *-на* — показатель времени. И в некоторых случаях имеем срастание слов с разделительным деепричастием, где служебное слово теряет свое первоначальное значение, иногда и свой фонетический облик и подпадает под единое ударение всего сочетания, напр., *эдэгээд һайн болоодхи* „по выздоровлении поправляйся (досл. „выздоровившись, поправляйся (скорее)". Здесь, несомненно, имеем синтез — *болоодхи* состоит из болоод „сделавшись" и *орхи* „оставь".

Разделительное деепричастие от глагола *аха* „быть" может функционировать в значении противительного союза, напр., *абаһан аад* (или: *аад лэ*), *тэрэнээ үгэхэгүи хүн* „взял, но не отдает". Понятно, что такое употребление разделительного деепричастия вполне закономерно, если учесть то обстоятельство, что слагаемые части *(абаһан, үгэхэгүи)* — каждая в отдельности — выражают независимые друг от друга и по значению противоположные действия, и для выражения синтаксических отношений между этими двумя действиями употреблено разделительное деепричастие *аад* от глагола *аха* „быть" в роли противительного союза, который отсутствует в бурятском языке.

Это деепричастие встречается и с вопросительной частицей *гү*, которая в зависимости от контекста и интонации может иметь значение сомнения, отрицания, напр., *ошоод гү*? „отправившись?". Суффиксов притяжания эта частица не принимает.

Разделительное деепричастие входит в состав предложения, обросшего дополнениями и определениями, и это „предложение" стремится к отделению от следующих за ним высказываний, и разделительное деепричастие выражает сказуемость в этом отдельно взятом отрезке предложения, напр., *тэндэ хэбтэжэ, оршон тойрон ажаглан хараад, командиртаа мэдээсэл эльгээбэбди* „там мы лежа вели наблюдения и послали донесение командиру".

Отрезок,— *тэндэ хэбтэжэ оршон тойрон ажаглан хараад...*— взятый отдельно, содержит в себе вполне законченную мысль, но за ним следует следующий отрезок высказыва-

ния, сказуемое которого замыкает обе части, распространив время на все предыдущие отрезки.

3. Слитное деепричастие (суффикс которого *-н)* вместе со следующей за ним глагольной формой выражает одно действие, напр., *бартахи бахардан мэгдэжэ, оажа яоан асууба* „медведь, едва переводя дыхание от испуга, кое-как стоя на ногах, спросил." Во фразе: *бахарсан мэгдэжэ, байжа ядан асууба* слитные деепричастия *бахардан* и *ядан*, несомненно, выражают вместе с другими глагольными формами одно действие, то есть передается одно понятие посредством сочетания отдельных лексических единиц, но тем не менее эти деепричастия в сочетании носят и оттенок обстоятельства (образа действия). Входя в состав сложной глагольной формы, выражающей комбинированное действие, слитное деепричастие выражает действие, за которым быстро следует другое, сменяя первое, но эта смена как бы является преемственным продолжением предыдущего действия, выраженного слитным деепричастием, напр., *шоргоолзоной бутаһаа хулөө алдан унашабаб* „споткнувшись о муравейник, упал".

Здесь *алдан, унашабаб,*— глаголы одинаковой, так сказать, силы, если поставить *алдан* в окончательной форме. Но для выражения быстрой смены действий и связи между этими двумя действиями, одно из них употреблено в форме слитного деепричастия, приняв функцию процессного определения главного действия *(унашаба).*

Наряду с сочетанием глаголов с различной семантикой, дающей одно понятие, существует употребление удвоенной формы слитного деепричастия и сочетание его с другими деепричастными формами (в некоторых случаях встречается сочетание трех-четырех деепричастных форм), напр., *оуу табин татаад ерэбэ* „чуть покрикивая едет" (досл. „идет, растягивая, распуская звук"), *табин табин абаад, гаргашаа гараба* „поставил было, но взял с собою при выходе" („поставил несколько раз, но взял при выходе").

Удвоение слитного деепричастия придает действию значение усиленного акцентирования. Форма слитного деепричастия употребляется со вспомогательными глаголами. Особенно часто она встречается со вспомогательным глаголом *байха*, напр., *абаһаар гээгдэн байтараа түрүүлжэ ерээ* „было отстал сначала, но потом пришел первым (на скачках)".

Сочетаемость слитного деепричастия не ограничивается чисто служебными глаголами: оно сочетается также с некоторыми знаменательными глаголами, которые теряют свое лексическое значение и образуют со слитным деепричастием сложный глагол, находясь в любой спрягаемой форме основного глагола (деепричастия) в сложном сочетании, напр., *үхибүүд һургуулида хараилдан оробо* „ребята забежали в школу".

Значение этого сочетания во многом сходно с сочетанием этого деепричастия со служебными глаголами, напр., *худэлмэрилэн ябана* „работает“; *тэрэнээ һанан ябана* „об этом часто думает“; *бэшэг задолан һууна* „распечатывает письмо“.

В отличие от двух других деепричастий первой группы слитное деепричастие способно принимать отрицание *үгы*, в усеченной форме *-гүи*, напр., *олонгүй яаха һэмта* „куда денетесь, найдете“ или „безусловно, найдете“, *худэлэнгүи баина* „стоит, не шевелясь“.

Одна из отличительных особенностей слитного деепричастия заключается в том, что оно может играть роль наречия. Переход деепричастной формы в наречие сопровождается потерей деепричастием глагольных и видовых оттенков и развитием в нем вневременных оттенков (при соответствующем лексическом окружении), напр., *тэрэнэй хойноһоо гансашье худэлмэришэн ангги дахажа ба тэрээниие тойрон нэгэдэнэ бэшэ, харин колхозно таряашад ба советскэ интеллигенци дахажа ябана ба нэгэдэнэ* „вокруг нее объединяются не только рабочий класс, но и колхозное крестьянство и советская интеллигенция“ (смысловой перевод).

В сочетании *тойрон нэгэдэнэ — тойрон*, несомненно, служит обстоятельством к *нэгэдэнэ*, отвечая на вопрос „как?“ (*тойрон* употребляется и в качестве послелога).

Любопытно отметить, что слитное деепричастие в сочетании с некоторыми глаголами полного значения несет основное лексическое значение и выражает нерезультативное действие, несмотря на полноту лексических и грамматических форм второго слова, напр., *тэргэмнай хүмэрэн алдаба* „телега наша чуть было не перевернулась“.

Обстоятельственные (или „неистинные“) деепричастия.

Переходя к разбору синтаксических функций обстоятельственных деепричастий, следует указать на то, что эти деепричастия в бурятском языке по своему составу и употреблению неоднородны. Одни из них участвуют в образовании сложных глагольных форм, напр., попутное, другие деепричастия выступают и в роли „спутника глагола, но не как его составная часть“, третьи из них выступают, как сказуемые законченного предложения, напр., продолжительное деепричастие и т. д. А в целом эта группа деепричастных форм отличается от сопутствующих деепричастий большей своей предикативностью, что видно хотя бы из того, что они, не образуя сложной глагольной формы, самостоятельно могут выражать действие.

Обстоятельственные деепричастия имеют следующие разновидности.

а) Условное деепричастие (суффикс *-бал, -бол, -бэл*) обозначает действие, при условии наступления которого происходит действие, выраженное окончательной формой глагола, напр., *миниі гэртээ ерэбэл, хэрэгни уни бүтэхэ байгаа* „если бы я приехал домой, то мое дело давно бы исполнилось", *даабаряа дүүргээ болобол, найнта* „если выполнили задание, то вы молодцы".

Соответствиями форме условного деепричастия бурятского языка в русском языке являются условные союзы: если, ежели, напр., *тахяагай дуугарбал, үүр сайха, хүнэй таби хүрэбэл, үнэнииь сайха* (пословица „если петух закричит — значит рассвет, если доживет человек до пятидесяти — волосы седеют").

В бурятском языке условное деепричастие (от некоторых глагольных основ) выступает в роли показателей подлежащего. От глагола (в повелительной форме) *боло* имеем условное деепричастие *бол(о)бол*, от *аха* имеем *хада, хадаа* (с безличным притяжанием), которые выступают в предложении показателями подлежащего. В разговорной речи допускается употребление комбинированных показателей *болбол хадаа* или же, наоборот, *хадаа болбол*.

Условное деепричастие может принимать показатели личного и возвратного притяжания и отрицательную частицу в полном виде и в усеченной форме. Эти частицы *үгы, -гүй* вклиниваются между глаголом и суффиксом условного деепричастия. Значение этой формы с отрицанием соответствует русскому „если не..., то...", напр., *ябаагүй хадаа, хожомдоо ёһотой* „если еще не уехал, то, пожалуй, опоздал": *ябаха наа, түргэлыш* „если пойдешь, то поторопись".

б) Предельное деепричастие (суффикс *-тар*) выражает действие, до окончания которого происходит действие, выраженное окончательной формой глагола или словами, служащими в качестве сказуемого. В некоторых говорах (в частности, в селенгинском) наряду с суффиксом *-тар* употребляется его сибилянтный вариант *-сар*.

Наряду с этим основным значением эта форма обозначает также действие, вопреки которому происходит главное действие, выраженное окончательной глагольной формой, например, *миниі хэлэһээр байтар, тиишэ ши ошобош* „ты пошел туда, несмотря на то, что я говорил (не ходи туда)".

В составе предложения, где имеется предельное деепричастие и окончательная форма глагола, „положительный глагол" в прошедшем времени дает иной результат, чем можно было бы ожидать по сказуемому первого отрезка предложения.

Вторым значением предельного деепричастия является употребление его в роли обстоятельственных слов, когда оно теряет свои глагольные признаки и превращается в характеристику действия, например, *хажуу газар буубал, нүүтэр*

яатар бэрхэ, харуу хүнтэй худа оробол, абалсатар яатар бэрхэ „если остановиться на задворках, то долго ждать до перекочевки, если сродниться со скупым человеком, то тяжело ждать до свадьбы (бракосочетания)". Ср. еще: *үхэтэр сохёод хаяжархёо* „побил до смерти". Здесь *үхэтэр* „до смерти", выполняя обстоятельственную функцию, характеризует действие, выраженное следующим глаголом, в его процессе совершения.

Это деепричастие принимает суффиксы личного и возвратного притяжания, напр., *минии ябатарни, асараараи* „принеси до моего отъезда" (досл. „принеси до того, как я уеду").

в) Последовательное деепричастие (суффикс *-халаар*) выражает действие, после которого немедленно наступает действие, выраженное главным сказуемым, напр., *энээгээр дабахалаараа, айл харахаш* „как (только) перевалишь через это место (напр., бугор), увидишь селение".

Это же деепричастие употребляется для выражения действия, предшествующего главному действию при разных действующих лицах, напр., *минии моринһоо буухалаар, үхибүүд гүйлдэжэ ябатараа байшаба* „ребята прекратили беготню и остановились, когда я слез с коня". В этом предложении имеем два действующих лица, действия которых, несомненно, взаимосвязаны, но немедленное наступление следующего действия, как видим, не всегда имеет место, то есть во времени может быть некоторое замедление (ср.: „тем временем, как...").

Последовательное деепричастие не употребляется с отрицанием, но принимает личное и возвратное притяжания, напр., *гэртээ оүтэлхэлөөрөө, моримни амаа бараад, гүйхээ һанаа һэн* „лишь только приблизился к дому, конь мой, закусив удила, попытался пуститься рысью"; *бороогои уһанаи суглархалаарнь, һубаг малтабабди* „как только дождевая вода появилась, выкопали канаву".

г) Продолжительное деепричастие (суффикс *-һаар, -һоор, -һээр, -һөөр*) обозначает действие, в течение или с момента начала которого происходят следующие за ним действия, или действие, которое закончилось, но наступило сразу же следующее действие, напр.: *би ошоһоор тиимэ юумэ дуулаагүйб* „с тех пор, как уехал, я такой вещи не слышал"; *тиигэжэ хэлэһээр, гаража ябашаба* „с такими словами сразу же вышел".

В этом предложении *гаража ябашаба* „вышел" (досл. выйдя пошел) — *ябашаба* выражает действие, которое началось вслед за предыдущим действием или является продолжением его — *хэлэһээр* „лишь только сказал так".

Предшествующее и последующее действия представляют настолько тесно связанное целое, что их порою трудно разграничить во времени. Временной оттенок и прерывистость или непрерывность действий можно установить только из кон-

текста. Эта форма деепричастия часто употребляется в редуплицированной форме, выражая действие „длительно-продолжающееся", и вместе с тем она выражает действие, переходящее из одного в другое, напр., *гүй гүйнөөр гэртээ хүрэбэ* „бегом дошел до дому"; *яба ябаһаар танайда хүрэжэ ерэбэб* „шел, шел и дошел до вас".

Характерно, что удваиваются те основы глаголов, вторая из которых стоит в форме продолжительного деепричастия, „придавая значение усиления", помимо значения длительно-продолжительного: напр., *хэлэ хэлэһээр дүүргээ* „все время говоря, закончил" (то есть говорил без конца и, наконец, закончил).

Разбираемая деепричастная форма, так сказать, выражает действие, вслед за завершением которого наступает действие, выражаемое главным сказуемым.

Эти значения продолжительного деепричастия большей частью касаются действий, выраженных глаголами движения.

Продолжительное деепричастие сочетается с именами и образует новую лексическую единицу — синтаксическое слово, напр., *һаһаар һүн* „парное молоко", *унтуулһаар унтуулдаг эм* „усыпляющее лекарство".

Это деепричастие с отрицанием не употребляется, но встречается с суффиксами личного и возвратного притяжаний, напр., *хэлэһээрни дүүргээ* „по моему указанию он исполнил".

д) Предварительное деепричастие образуется суффиксами *-мсаар, -мсоор, -мсээр, -мсөөр*. Первое значение этой формы состоит в том, что она выражает действие, которое закончилось, а вместе с ним или вслед за ним наступает второе действие, выраженное главным глаголом, напр., *минии ерэмсээр, ябахаш* „поедешь, как только я приеду".

Эта же форма употребляется и в ином значении: „для выражения такой связи между двумя действиями, по которой одно из них непосредственно является за другим, как его следствие, напр., *минии ерэмсээр, булта бодоо* „когда (в смысле как только) я пришел, все встали".

Иногда в своем употреблении предварительное деепричастие совпадает со значением последовательного деепричастия, на котором мы останавливались выше, напр., *ахын унамсаар, моринииньбулгижархёо* „как только брат сел на коня, конь сбросил его", ср. с последовательным деепричастием — *тиигэжэ хэлэһээр гаража ябашаба*„ лишь только сказал и вышел".

Здесь смысл предложения таков, что окончание первого действия совпадает с началом второго, так что одно действие совершается при наличии или появлении другого действия, так сказать, переходит в другое действие.

Распространенная во всех бурятских говорах форма этого деепричастия имеет в большинстве случаев оттенок интенсивности действия. Однако в некоторых случаях ее значение сов-

падает со значением редуплицированных форм слитного и соединительного деепричастий, напр., ср.: *ябажа ябажа ерэбэ* „шел-шел и, наконец, пришел"; *гэтэн гэтэн һууна* „сидит, не отрывая глаза от..."; с одной стороны, и *буумсаараа унаба* „упал, как только спустился", — с другой, где „падение" и „спуск" происходят почти одновременно и действие совершается интенсивно.

е) Формуна *-нхаар* называли заменной, формой предпочтения, а у некоторых авторов такой формы вообще нет. Из фразы: *миин ябанхаар, һууһан дээрэ* „лучше посидеть, чем зря ходить" видно, что одно действие, так сказать, предпочитается другому и замены действия здесь нет. Следовало бы принять для этой формы наименование „форма предпочтения".

ж) Существует форма попутная на *-нгаа,* обозначающая действие, совершающееся попутно с главным действием, напр., *баруун тээшэ ошонгоо, тэрээнтэй уулзаад ерэхэб* „едучи вправо, попутно встречусь с ним и приеду".

Вспомогательные глаголы

Вспомогательные глаголы в большинстве своем играют служебную роль при их сочетании с другими глагольными формами: выражают модальность и время, поскольку одинарные глагольные формы в бурятском языке показывают неопределённые, расширенные времена, и в основе глаголов отсутствуют показатели для выражения модальности. Вспомогательных глаголов немного: *а* „быть", *бэ* „быть", *бай* „быть", *бол* „становиться, делать".

Они функционируют синтаксически двояко: (1) могут выступать в предложении в качестве самостоятельного его члена: *Эгээ үнэтэй юумэн энэ харгы мүн баигаа бээ*... „Самое дорогое, наверное, эта дорога..."; *Суглаан хаа хаанагүй болоно* „Повсеместно проходят собрания"; (2) выступают в слитном целом и образуют с другими словами синтаксическое сочетание, сложную форму.

Вспомогательные глаголы в этой сложной форме теряют свое лексическое значение и переходят на обслуживание своего спрягаемого компонента для показа временных отношений и лицевых показателей. Эта формообразующая роль включает их в орбиту системы спряжения, снабжая их различными формообразующими приметами.

1. *а* „быть" преимущественно употребляется в былинах, причём в изменённом, наращённом различными звуками виде: *үһан далайн шалбааг байхада һэн ха* „Было тогда, когда море было лужайкой". Вспомогательный глагол *а* утверждает бытие действия и предмета во времени и в пространстве.

2. бэ „быть" реализуется как *бэ, бэлэй* и *бии*, и последние имеют разнообразные временные формы и лицевые показатели: *Зориһон хэрэг хаана бэлэй* „Куда держите путь?"; *Бии юумэн бэлэн, үгы юумэн бэрхэ* „То, что есть легко, а чего нет—трудно"; *Биидэ бии, үгыдэ үгы* „Когда есть, а когда и нет"; *Хүрэхэ газартаа хүрэжэ ябана биизэбди* „Наверное, подъезжаем к тому месту, куда и ехали"; *Биишье һаань, үгэхэ аргагүй байна даа* „Хотя есть, но невозможно выдать".

3. *бай* „быть" образует все глагольные формы посредством полного спряжения по всем временам глагола: а) *Билаа-са хэлэжэрхидэг байгаа* „Говорил начистоту"; б) *Мүнөөндэ юүн хирэ бог байхаб* „У Мунсна не может быть злых намерений" (функционирует самостоятельно в качестве сказуемого); в) *Хэһэн хэлэһыень энээндэ хэлэхэ байна* „Надо сказать ему все, что он говорил и делал (в сложном целом).

4. *бол* „становиться, делать" наименее абстрагирован и во многих случаях выступает как знаменательный глагол. Ему не чужда также служебная роль при знаменательном, коренном, в сложном целом глаголе. Он имеет полное спряжение. Когда принимает форму деепричастия, вспомогательный глагол *бол* выступает как знаменательная глагольная форма: а) *Эдеэн болоо гү?* „Кушанье готово?" (функционирует самостоятельно в качестве сказуемого); б) *Дулаан боложо эхилээ* „Потеплело" (знаменательная роль в сложном целом); в) *һайтар һураад абаарай: мэдэжэ болохо* „Спроси хорошенько: может знает" (*бол* играет служебную роль, обслуживая *мэдэжэ*, которое нуждается во временной характеристике и получает её через *бол*).

НАРЕЧИЕ.

Лексико-грамматическая характеристика наречий.

Наречие — знаменательная, но морфологически омертвевшая часть речи, обозначающая признаки действия, качество предмета. В предложении наречие выступает как обстоятельственное слово, например, *Димид тэрэ* **үдэшэ** *нүхэрөө зэмэлнэ* „Димид упрекала в тот вечер своего товарища"; ***Хойшоо*** *бүляалдалга тэсэшэгүй* „Нетерпимо, когда тянут назад"; *Эхынь абяан* ***холын*** *һалхинаар хамтаран ерэнэ янзатай* „Похоже на то, что голос его матери доносится вместе с далекими ветрами"; *Эхэнь* ***али зэргэ*** *ехые хээб* „Мать как много сделала".

Наречие в бурятском языке представлено немногочисленной группой слов, в большинстве своем соотносительных с знаменательными частями речи, как-то: с существительными *үбдэг* „колено" и *үбдэгсөө* „по колено" (наречие), *хоолой* „горло" и *хоолойсоо* „по горло" (наречие), с глаголом *шадаха*

„уметь“ и *шадахысаа* „как может“ (наречие), *ябаха* „ходить“ и *ябахысаа* „как может ходить“ (наречие) или: *тahара* „отрывайся“ (глагол) и *тahа* „вовсе“ (наречие); с прилагательным (*hаин* „хороший“ и *hайн, hаинаар* „хорошо“ (наречие), *үндэр* „высокий“ и *үндэрөөр* „высоко“ (наречие), числительным (*нэгэн* „один“—*нэгэтэ* „однажды“ (наречие), *нэгэ, хоёр, гурба* „раз, два, три“.

Собственно коренные и производные (застывшие) наречия представлены типами — *hуга* „вдруг, быстро“, *гэнтэ* „вдруг“, *биса* „вдребезги“, *мунөө* и *мунөөоэр* „сейчас“, „сегодня“, *hайн* и *hайнаар* „хорошо“.

Наречия по морфологическому составу неоднородны, а именно:

1) Виды и формы наречий места и времени бывают морфологически разноструктурными: а) Коренные, исконные, формы *хой, саа, наан, тээ (мэндэ), хаа (хаанагуй), мун*: *хойшоо бай* „отойди“, *саашаа бай* „отойди“, *наан саашаа* „замолчи“. б) С приращением омертвевших суффиксов *-на (-но, -нэ), -ша, -шо, -шэ*: *хойно* „позади“, *хойшо* „назад“, *наана* „по эту сторону“, *сааша* „дальше“, *саана* „по ту сторону, дальше“, *хаана* „где“, *тээсэгэн* „недавно“, *мунөө* „сейчас“; в) С застывшими падежными формами (часто в орудном падеже): *саагуур* „подальше“, *наагуур* „поближе“, *мунөөгөөр* „пока“, *хаагуур* „где“, *хойгуур* „позади“.

2) Наречия, имеющие самостоятельные живые корни и употребляемые без аффиксов и с падежными аффиксами, обозначают направление, а также место и время действия: *баруун* и *баруугаар* „запад, по западу“, *холо* и *холуур* „далеко“, *зүүн* и *зүүгээр* „восток и по востоку“, *нөдондо* „в прошлом году“, *уни* и *унидэ* „давно“: *Багша Ленин Сүхэ-Баатарай* ***баруун*** *мүрэдэнь гараа табиба* „Вождь Ленин положил руку на правое плечо Сухэ-Батора“, ***Зүүгээр хойшоо*** *урууданан ехэ жалга зубшажа ябаа нэн* „Шёл вдоль большого оврага к северному направлению“; *Хэдэн хүнүүдэй морёор зорюута ошожо харахада, үнэхөөрөө эмээл шулуун харгын доодо талада гарашанхай, урда бүүргээрээ* ***баруун хойшоо*** *бэшэ, харин* ***зүүн урагшаа*** *харашанан хэбтэбэ* „Когда несколько человек специально поехали посмотреть, то действительно глыба оказалась перенесенной на другую, нижнюю, сторону дороги, причем передней своей лукой она была обращена не на северо-запад, как раньше, а на юго-восток“.

3) Наречия, образованные от глаголов, употребляются без наречных аффиксов или с аффиксами: тэнэ (тэнэрхэ) „вдребезги“, биса (бисарха) „вдребезги“, hуга (hугарха) „быстро“, бута (бутарха) „совершенно“; ябахысаа (ябаха) „как может идти“, хэлэхысээ (хэлэхэ) „как может говорить“: *Биса тэнэ hүрэгшэб гэжэ hанаа үнөөгөө зобоошод тэдэнэй дунда үсөөн*

бэшэ һэн „Среди них было немало таких, которые опасались, что оно мо.ет вдребезги разлетаться“.

Наречия по своему значению относятся к словам, обозначающим действие, но они не обозначают самого действия, а указывают пределы действия во времени, в пространстве, а также способы его совершения, степень его проявления. Если сравнить по значению наречие с деепричастием, то последнее выражает действие как побочное, так и основное, а между тем наречие играет атрибутивную роль и выражает сопутствующие действию обстоятельства, не составляя части глагола, каковым является деепричастие. Наречие выражает те сопутствующие обстоятельства, которые не выражаются глаголом-сказуемым. По значению наречия подразделяются на два большие разряда:

1) Наречия, выражающие сопутствующую характеристику действия, т. е. внешние, обстоятельственные наречия — наречия времени, места и размера: *Усэгэлдэр мүнөө хүнэй юушье дуугарангүй, үбэрөө уудалжа байхадань, ехэл зүрхэ алдажа, фронт дээрэ ябаһан Раднынгаа түхайда: „Барһамни мэндэ гээшэ гү?“— гэжэ зосоогоо түг-түг сохилуулжа һууба* (*усэгэлдэр* — наречие времени) „Когда этот человек молча шарил у себя за пазухой, то она с беспокойством думала о Радне: жив ли он“; ***Тиишэдэ*** *һонин гэхэдэ хабарай тарилгын бэлэдхэлэй түхайда шангаһан асуудал гаража байна* (***тиишэдэ*** — наречие места) „Если сказать о новостях, то там очень остро ставится вопрос о подготовке к весеннему севу“: ***Һугасаа*** *ногоон соогуур умбажа ябаһанаа баригдаад, хүрин хүлэг тохом дэбдюулбэ* (*һугасаа* — наречие размера, предела) „Его рысак разгуливал по лугу, где трава по пояс стояла, но был пойман и оседлан“.

2) Наречия, выражающие внутреннюю, качественно-определительную, характеристику действия — наречия способа совершения действия с вопросами *яажа?* „как?“, *хаишан гэжэ?* „каким образом?“, *ямар?* и *ямараар?* „как?“, наречия интенсивного совершения действия с вопросом *хэр зэргэ?* „каким образом?“ и наречия намеренного действия с вопросами *яажа?* „как?“, *хайшан гэжэ?* „каким образом?“, *юундэ?* „зачем?“: *Хара Шарайта, ехэл гайхаһан янзатай нилээд удаан хаража һуутараа, гэнтэ нюдөө ехэ болгожо:— Ай, бурхан зайлуул, манай зээнсэр болохо хүн гээшэ ха юмта! Һая тухайлжа байнаб* (*гэнтэ* — наречие способа совершения действия) „Чернолицый долго сидел, растерявшись от неожиданности, и вдруг выпучив глаза, промолвил: „Ай, боже мой, вы оказывается наш племянник! Только сейчас начинаю узнавать!“; *Эдэшни шууяатай болохоһоо* ***бүри*** *урид хэтэрээ бэшэ гү?* (***бүри*** — наречие интенсивного совершения действия) „Кажется, они уже не ссорятся, а скандалят?“; *Тэрэ тала уруу манай* ***зорюута*** *ошоһон байгаа* (*зорюута* — наречие

намеренного совершения действия) „В ту сторону некоторые из нас специально (намеренно) ездили".

Образование наречий.

Наречия в бурятском языке продолжают ныне образовываться от соотносительных им частей речи в результате консервации отдельных падежных форм или посредством специальных суффиксов. Источники и способы образования наречий в современном языке многообразны.

Имена существительные, прилагательные и числительные адвербиализуются в основном в тех случаях, когда теряют предметное, качественное и количественное значение и выполняют функцию пояснения глагола-сказуемого и выражают обстоятельство.

В таких случаях именные части речи, сохраняя свои лексические значения, приобретают наряду с этим и функцию обстоятельств места, времени и образа действия. Имена прилагательные, обозначающие цвет или масть животных, не переходят в наречия. Наиболее продуктивными для адвербиализации указанных частей речи являются орудный, дательный, исходный и родительный падежи. Примеры: орудный падеж: *Гэрһээ мордоһоор хоёр үдэр ябаһандаа, эхэ хашарһан янзатайгаар нэгэ удаа утаар татажа эбһээлээд...* (*утаар* „долгий" — имя прилагательное) „Два дня пути его сильно утомили, так что он с усталым видом стал подряд зевать"; *Хадын үндэр* ***харгыгаар*** *хатаруулан табяа мориео* (*харгы* — имя существительное) „По горной (высокой) дороге рысью пустил коня своего"; *Нэгээр, намайе хэһээхэгүйш гэжэ хэдыдэхээшье дабтахаб* (*нэгэн* — имя числительное) „Во-первых, сколько угодно могу повторять, что меня этим не переучишь"; дательный падеж: ***Тэнгэридэ*** *байһан мүшэд олон гү, али* ***толгойдо*** *байһан үһэн олон гү?" (тэнгэридэ* и *толгойдо* — имена существительные) „Чего больше: звезд на небе или волос на голове?"; ***Хоёрто,*** *үни холын дуулбаагүи аад, гэнтэ ерэһьень анхаралдаа абаха байна* (*хоёр* — имя числительное) „Во-вторых, нужно принять во внимание то, что после долгого отсутствия он внезапно появился"; родительный падеж: ***Углөөнэй*** *эдеэн үлэгүй,* ***үдэшын*** *наран хүсэгүй* (*углөө, үдэшэ* — имена существительные) „Утренняя еда не сытна, вечернее солнце не палит".

Все оттенки значений сказуемостности полностью охватываются глаголами лишь только при наличии примыкающих к ним наречий особой конструкции как одинарных, так и неодинарных. В зависимости от дополнительных оттенков, придаваемых глаголу-сказуемому, эти наречия делятся на: 1) наречия-повторы, 2) наречия-редупликаты и 3) парные наречия.

Наречия-повторы. Одинарные наречия не всегда в состоянии передать дополнительные сложные оттенки сказуемости. В таких случаях язык прибегает к повторению основ наречий в измененных или первоначальных формах: ***Дэмы дэмы хөөрэхэ*** „Заговариваться"; ***Холо холо алхалба*** „Шире зашагал".

Наречия-повторы не имеют особых морфологических формантов, и обозначают они обычно повторяющиеся, прерывистые действия со значением усиления. Морфологической особенностью этих наречий является повторение одних и тех же основ, причём последние основы повторов соотносительны с косвенными падежами, в частности с творительным, винительным, совместным и исходным: ***дээрэ дээрэһээнь*** *сохео* „бил подряд, беспрерывно" и, наконец, последняя основа повторов может употребляться одинарно приблизительно с тем же значением, но без подчёркнутого значения прерывистости.

Наречия-редупликаты образуются путем усечения и повторения первого слога основы наречия. Техника производства наречия-редупликата аналогична с образованием некоторых форм превосходной степени качественных имён прилагательных (ср: *гэб гэнтэ* „вдруг" — *саб сагаан* „совершенно белый").

По своему значению наречия-редупликаты выражают интенсивность однократного действия и обозначают преимущественно место и способ совершения действия: ***хаа хаанагүй*** *суудa гараа бэлэй* „прославился повсюду"; ***гэб гэнтэ*** *орожо ерэгшэб"* „как бы не зашел врасплох".

Парные наречия в отличие от указанных выше сложных наречных конструкций комплектуются наречиями из разных основ. Разноосновные парные наречия, приобретая своё семантическое единство в его выражении, придают глаголу-сказуемому один дополнительный оттенок. Каждый отдельный компонент парных наречий может употребляться самостоятельно и иметь своё самостоятельное существование: *Тэргынгээ хойноһоо һахы һалбаг болотороо ябагална* „Следует за телегой до изнеможения". Примеры на парные наречия: ***Гүбэр шэбэр гэлоэхэнь дуулдаад, удангүй абяа шэмээгүй болошобо*** „Слышно было шушуканье, но вскоре всё затихло", ***Зай заб-һаргүй*** *табижархиһан модонууд уһанай эрьеэр үргэлжэ хэдтэнэ* „Плотно сложенные брёвна сплошь лежат вдоль берегов реки".

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Послелоги.

Значение послелогов.

Послелоги не имеют своего лексического значения и самостоятельно не употребляются; они выражают различные

отношения между изменяемыми словами в предложении и употребляются после именных частей речи, выражая их грамматические отношения к другим членам и обычно их связывают с глаголами-сказуемыми, например, *Гомбо Долгорой хойноhоо юушьеб дуугараад, шэглэжэ яаhан тээшээ ябашаба* „Гомбо что-то пробормотал вслед Долгору и пошел своей дорогой".

Послелоги устанавливают специфические отношения между членами предложения и выражают их пространственные, временные, целевые, причинные и некоторые другие отношения и дополняют падежные значения именных частей речи, конкретизируя и внося дополнительные оттенки в отношения между словами, например, *Гэрhээ наашаа гараад, түргөөр ерэжэ ябахань харагдана* „Видно, что выидя из дома, быстро направляется сюда" (слово *гэрhээ* в исходном падеже простого склонения) и *гэр соohоо гараад ошохонь харагдана* „видно, что вышел из дома".

Послелоги изменяют синтаксическую роль слов в тех случаях, когда слова стоят, в основном, в косвенных падежах или без соответствующего морфологического оформления (в именительном падеже), но синтаксическая роль самих послелогов не меняется, поскольку они обслуживают предшествующие слова, по заданию которых они сами функционируют, следовательно, их роль сводится к изменению синтаксического функционирования предыдущего слова, к которому он примыкает. Ср.: *Эрхим hайн ханияа Доржо сог дээрэ шарahан мяхаар, урмөөр хүндэлбэ* „Доржо угостил своего первого друга шашлыком и пенкой" и *„Энэ үнэшэн хүбүүе жулик гэжэ нэрлэхын орондо, хүүгэдэй приюдтэ оруулха, үргэжэ абаха байгаат",—гэжэ тэрэ эхэнэр хэлэбэ* „Женщина возмутилась: „Вы отдали бы этого мальчика-сироту в детский приют на воспитание, чем обзывать его жуликом".

Послелоги употребляются там, где имеют место подчинение и подчиненность. Они обычно служат показателем отношения дополнения и обстоятельства к сказуемому. Этим объясняется, что послелоги имеют полное и неполное склонения, особенность которых заключается в том, что, во-первых, они локализуют значение управляемого ими слова, например, *гэрhээ* „из (от) дома" (простое склонение), а *гэр дээрэhээ* „с крыши дома", во-вторых, сам послелог как бы выражает двустороннюю синтаксическую связь между отдельными членами в предложении. Таким образом, послелог, с одной стороны, уточняет пространственно-временные отношения двух слов в предложении, а с другой стороны — падежный аффикс простого склонения связывает управляемые им слова как бы от своего имени.

Послелог управляет падежом имени существительного, местоимения и других субстантивированных частей речи: *Хада дээрэhээ бууhан урадхал хүсэ ехэтэй байдаг* „поток воды,

низвергающийся с горы, обладает большой силой"; *Багшадаа хоблохын орондо тиигээ гүш?* „Ты так сделал для того, чтобы наябедничать своему учителю?"; *Шинии түлөө би харюусахагүйб!* „Я за тебя не буду отвечать".

По своей функции послелоги соотносительны с падежами. Всякое слово, выступающее в предложении в качестве сказуемого, управляет послелогом и в свою очередь послелог — управляет предыдущим словом, требуя постановки его в том или ином падеже. Такая его двусторонняя связь создает условия для функционирования любого слова в качестве послелога и поэтому практически нельзя сколько-нибудь точно установить количество слов-послелогов. Послелоги, как и падежи, выражают пространственные, временные, целевые и указательно-утвердительные отношения в предложении:

1. Послелоги, выражающие пространственные отношения, в свою очередь, подразделяются на: а) послелоги места, которые указывают на такую связь между двумя словами, где слова, употребленные с этим разрядом послелогов, обычно обозначают место, на поверхность, внутри или около которого совершаются действия и отвечают на вопросы *хаана?* „где?", *хаагуур?* „по какому месту?", *хаанаһаа?* „откуда?". Они представлены словами: *соо* „в", „внутри", *дээрэ* „на", *доро* „под", *ойро* „близко", *хажуудаа* „вблизи", *шадар* „около", *дэргэдэ* „вблизи", *сана* „за", *наана* „по эту сторону", *дунда* „в середине", *урда, умэнэ* „перед" и другими, например: *соо — Юрдөөл шадалаараа оролдожо, һаинаар хээб гэтэр, харин хүл гарынь бусалхадаа хухаршахаа һанаал даа, — гэжэ бүгдэгэшэн, аяга* **соонь** *мүнөө шүлэнһөө нэгэ шанага удхаад, хэжэрхин гэхэдэнь, талхаар хэһэн яар ябта хүнүүд пирагад гэшэбэ* „Как ни стараюсь, все равно при кипении обламываются ножки и ручки", — жаловался он. А когда почерпнул одну поварежку супа, то в его чашку посыпалось множество человеческих фигурок из теста", где имя существительное *аяга* „чашка" употреблено с послелогом *соо* „в, внутри", указывающим местонахождение (расположение) чего-нибудь в чем-либо; *дээрэ Тулга дээрэхи тогооной хон-ён ханхинаха абяан дуулдиба* „Послышалось, как звенит чан, находящийся на каменных подставках на огне", где послелог *дээрэхи* „на" указывает на нахождение чана на треножке; б) послелоги направления выражают направление действия в ту или иную сторону и управляемое ими слово отвечает на вопрос *хаашаа?* „куда?". Таковы: *наана* „ближе", *тээшэ* „в, к", *худар* „в, туда", *урда* „до", *өөдэ* „на", *саада тээ* „за", *уруу* „в, по направлению" и т. п.

Доро — Даг **дороһоо** *баатар, даахи* **дороһоо** *хүлэг* „Из грязнули (вырос) богатырь, из лохматого — аргамак".

Урда — Захяад, хүлеэжэ ядахадаа, өөрөө ерэжэ, хуулиин **урда** *нюур шарангаа улайлгаба гээшэ хаб* „Заказыва-

ла, но не могла дождаться и пришла сама. Поэтому перед судом (законом) краснею".

Хажууда — Эрдэни гулваагай ехэ модон гэрэй арада нэгэ бишыхан модон гэрэй үбэрөөр улаан, сагаан, ногоон бүдүүд дээрэ хара бэхээр барлаһан зэлэ маани һалхинда налбажа, баһа түлеэнэй ***хажууда*** *хоер хүн хуурсаг дархална.*

Дунда — Энэ һайн һайхан туһа нүлөөнь бурят ажалша зоной ***дунда*** *улам улам ехэ, хүндэтэй боложо байгаа һэн гэхэ* „Говорят, что эта бескорыстная помощь и влияние среди бурятского народа все больше и больше получали одобрение".

Нааша — Энэ бурят хүбүүн, манайда байжа үнгэрөөшэ үоэлһөө ***нааша*** *намтай хамта дархалжа баиһан юм* „Этот бурят-подросток живет у нас с прошлого года и плотничает со мною".

Доро, шэнги, мэтэ — Тэндэ гаран гэхэдээ, тушаан боложо, нэгэ хүнхэгэр ехэ һарабша шулуунай хүмэг ***доор*** *тушаалдашаһан байгаа. Харин тэндэнь хүнэй зорюута хэнэн юумэ* ***шэнги*** *тон гайхалтай һарабша сарай* ***мэтэ*** *хэбэртэй байгаа һэн* „Когда он туда взобрался, то очутился под большим каменным навесом, напоминавшим собой укрытие, построенное человеком".

Соо, дээрэ — Далай соо тулын хүзүүн бүдүүн, дайда ***дээрэ*** *зоной хүзүүн бүдүүн* „В море мощна шея тайменя-рыбы, на земле могуча шея народа".

Тээшэ, саана — Зосоонь харанхы болон алдажа, хажуудаа баиһан Гаврилаяа харангэхэдэнь, үнэ хажуу ***тээшээ*** *зайлан ябашаһан байба* „Его передернуло, когда (он), обернувшись к Гавриле, обнаружил, что тот давно ушёл"; *Хүнэй* ***саана*** *хүн бии, хулэгэй* ***саана*** *морин бии* „Бывают люди — один лучше другого, а лошади — одна лучше другой" (посл.)

в) Послелоги сравнения обычно употребляются между двумя именными словами и выражают сравнительные отношения, где первое имя комплекса с послелогом отвечает на вопросы: *юун мэтэ?* „на что похоже?", *ямараар?*, „каким путем?", *яаһан мэтэ?* „как?", *орходоо* „по сравнению", *мэтэ* „как?", *шэнээн* „одинаково", *шэнги* „похоже", *зэргэ* „ряд", например: *энэ болбол хэзээ бүхэндэ гэрэй тэжээлэн амитан* ***шэнги*** *хотон айл, хото городуудаар байрлажа, илангаяа таряанай ажалтай болоһон нютагуудта дэлгэрдэг һайн заяатай шубуун гээшэл! — гэжэ дарууханаар хэлэжэ энеэнэ* „Он (голубь), как домашняя птица, всегда водится в деревнях и городах, особенно их много там, где люди занимаются хлебопашеством. Голубь относится к благородным птицам..., — сказал он улыбаясь", где послелог *шэнги*, употреблённый после слова *амитан*, устанавливает синтаксическое отношение между энэ „это" (*гулабхаа* „голубь") и *амитан* „животное"; *Мүнөө шэрхэгэр хара хүн энэ үбгэнэй хэлэһэн үгые ойлгожо ядаһан*

мэтэ нюдөө дэмы сабшасагаан үг маг гэжэ нюурыень энеэбхилэн хараад, абяагүй болон hуугаа hэн „Черный, с торчащейся бородой человек замигал своими глазами, как будто не может понять, о чем говорит этот старик...“; — *Зай, яахаб, энээнэй урда минии тэды* ***шэнээн*** *ядажа зобожо ябахада, Будда бурхан хаана туhалаа hэм...* „Ну, что ж, когда я испытывал столько лишений, чем помог мне бог Будда...“

г) Послелог замены — *оронdо*: *hула мори, ганзагын* ***оронdо*** *тэргэ шарга жэл бүри олон айл бүхэндэ бии болобо* „С каждым годом становится больше телег и саней, их занимел каждый двор, заменяя тороку и езду без седла“.

д) Послелог приблизительности употребляется потенциально с многозначными словами или со словами, которые по требованию контекста приобретают неопределённое значение и отвечают на вопросы *хэды шахуу*, „сколько?“, *хэды тухай?* „с какой величины?“ На такие вопросы отвечают словосочетания с послелогами *шахам, шахуу, тухай, баг*: *Хори* ***шахуу*** *наhатай, нилээд юумэ үзэhэн хүн янзатай hэн* „На вид можно было определить, что ему около двадцати лет и что он уже прошел огонь и воду“.

2) Послелоги времени, устанавливая в предложении и словосочетании синтаксические связи между двумя словами или группами слов, выражают временные отношения. Слова, сочетающиеся с послелогами времени, относятся к глаголу и от последнего исходят вопросы *хэзээ?* „когда?“, *хэдыоэ* „когда, в какую пору?“. Временные послелоги представлены словами: *хойно* „после“, *саана* „до“, *хойшо* „после“, *урда* „до“, *сасуу* „одновременно“, *зуура* „тотчас“, *зандаа* „в то же время“. *Үнгэрэгшэ жэлhээ* ***хойшо*** *шэнэ hуралсалай түсэбөөр хүдэлдэг болообди* „С прошлого года мы стали работать по-новому учебному плану“; *Иигэжэ эжэлшэн ябаhан хоёр үншэдэй баян Батада алагдаhанай* ***хойно*** *тэдэ хоёрые тэрэ сагта дурдаха, шаналха хэн байха бэлэй* „После того, как жестокий Бато безжалостно погубил этих двух сирот, так нежно друживших между собой, едва ли в то время нашёлся бы человек, который бы тосковал по ним“.

В этих предложениях послелоги *хойшо* и *хойно* устанавливают синтаксическую связь между двумя словами, одно из которых обозначает действие, а другое, сочетаясь с послелогом, по смыслу обозначает обстоятельство совершения действия.

3) Послелоги причины употребляются для установления синтаксической связи между словами, где существительное, сочетаясь с послелогом, выражает причину совершения действия. Послелоги причины представлены словами: *тула, дээрэhээ, хадаа* и *ушарhаа*, которые приводят в синтаксическое соответствие два слова или группу слов, отражающих причинную связь между действием и обстоятельством, побудившим его. Последний отвечает на вопросы *юундэ?* „почему?“, *юун*

дээрэһээ? „отчего?“, например: *Бишыхан Дондог ухаа мэдээгүй болон ара гэдэргээ алдалжа унаад, хайратай хөөрхэн бэень гэмтэһэн* ***дээрэһээ*** *тэнхэрэнгүй... удангүй хэнзэхэн балшар наһаяа эсэслэн дүүргэнэ* „Маленький Дондок, потеряв сознание, упал навзничь, но поскольку нежный его организм был уже подорван, не мог поправиться, и вскоре прервалась его коротенькая жизнь“.

4) Целевые послелоги, сочетаясь с существительными, выражают цель совершения действия субъекта в пользу или во вред себе или кому-либо, чему-либо. Сочетаемый с целевыми послелогами комплекс слов отвечает на вопрос *юундэ?* „зачем? для чего?“

Целевых послелогов два: *тулөө* „для или за“, *тула* „для“, например: *Эб найрамдалай* ***тулөө*** *тэмсэл* „Борьба за мир“; *Һуралсалай жэлые һайнаар үнгэргэхын* ***тула,*** *үдэр бүри үзэһэнөө дабтажа байха ёһотой юм гэжэ багшамнай хэлэгшэ һэн* „Учитель поучал нас: „Чтобы успешно закончить учебный год, нужно ежедневно повторять пройденный материал“.

5) Указательно-утвердительные послелоги в основном выражают связь между подлежащим и сказуемым или связь второстепенных членов с главными членами предложения.

Послелоги этого разряда представлены словами: *хадаа, тушаа, болбол, гэһэн, гээшэ, тухай*, например: *Зүгөөр энээн* ***тухайда*** *агынхидта бү дуулгагты* „Впрочем, об этом не говорите агинцам“; *Модоң* ***болбол*** *ургамалнуудай нэгэн болоно* „Дерево — один из представителей растительного мира“.

По синтаксическому признаку бурятские послелоги требуют постановки ими управляемых слов лишь в некоторых падежах: Родительном — *ойро* “вблизи“, *хажууда* „около“, *дэргэдэ* „около“, *саана* „за“, *наана* „ближе“, *дунда* „в середине“, *үмэнэ* „перед“, *зэргэ* „одновременно“, *тухай* „о, об“, *тула* „для“, *тулөө* „за“, *хойно* „за“; Исходном — *хойно* „за“, *урда* „перед“, *хойшо* „после“, *дээрэһээ* „за, из“, *ушарһаа* „из-за“; Именительном — *соо* „в“, *доро* „внизу“, *худар* „в ту сторону“, *мэтэ* „как“, *шэнээн* „в величину“, *шэнги* „похоже“, *тухаи* „о, об“, *хадаа* „что касается“, *болбол* „есть“, *гэһэн* „означающий“, *гээшэ* „то, что“, *уруу* „вниз, вдоль“, *тушаа* „о, об“; Дательном — *орходоо* „чем“.

Вместе с тем послелоги изменяются сами, принимая падежные аффиксы, и это обусловливает изменение их синтаксической функции. Однако не все послелоги склоняются по всем падежам. Послелоги, которые склоняются по всем падежам: *тухай, шадар,* а все остальные склоняются не по всем падежам, как например, *доро* „под“, *соо* „в“ принимают только аффиксы винительного, орудного или исходного падежей. Им. пад.— *доро*, Исх. пад.— *дорохоо*, Орудн. пад.— *дороор,* (но нет: *дорын, дорые, доротой, дородо*) или Им. п.— *соо*,

Исх. п.— *соohоо*, Ор. п.— *соогуур* (но нет: *соогын, соогые, соотой).*

Многие послелоги по своему фонетическому облику близки к корням самостоятельных слов. Различия между послелогами и знаменательными словами (наречиями) обнаруживаются в контексте, а именно: (1) наречие — знаменательная часть речи, могущая быть членом предложения, следовательно, самостоятельно отвечает на вопросы, а послелог — служебная часть речи, не могущая быть членом предложения, выполняющая роль выразителя синтаксических отношений между двумя и более словами в предложении. Иначе, в предложении послелог выступает как служебный элемент и самостоятельно не отвечает на вопросы;

(2) наречие выступает в предложении как член предложения — обстоятельство, примыкая к глаголу-сказуемому, располагаясь перед ним, тогда как послелоги обслуживают именные части речи и управляют ими, располагаясь непосредственно после управляемых ими слов, следовательно, наречие является лексической категорией, а послелоги — синтаксической;

(3) в фонетическом облике омонимов — наречий и послелогов имеются различия: последний гласный наречия в устной речи произносится артикуляционно чётко, а у послелогов — сильно редуцируется или совершенно отпадает: *дээрэ гараха* и *гэр дээр(э) гараха*;

(4) наречие как знаменательная часть речи обладает широким словообразовательным процессом и благодаря этому оно способно служить базой для образования других производных частей речи, а послелоги же ограничены этими возможностями, хотя некоторые части речи, в частности наречия и деепричастия, потеряв в определенных условиях свою семантику и претерпев фонетические изменения, переходят в разряд послелогов, например, *болобол* (деепричастие) — *болбол* (послелог) (отпадение гласного), *доогуур сабшаха* (низко косить) — *гэр доогуур гараа* „прошёл под домом".

Союзы.

Союзы выполняют функцию связи между предложениями или членами предложения. Они не входят органически в состав предложения в качестве его членов, они и не влияют на формы слов в предложении. Союз — служебная часть речи, которая выражает отношение между предложениями или членами предложения.

По своей функции союзы подразделяются на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы выражают связь между однородными членами предложения или равноправными предложениями. Они подразделяются на союзы для связи слов в предложении и целых предложений, в составе сложного, например, союз *ба* „и" может служить для связи слов в предложении или предложений: *Морин ба үнеэн болбол гэрэй амитад мүн* „Лошадь да корова — домашние животные" или *Тэдэнэй дунда байһанаа мэдүүлжэрхинэ ба ондоо аргын олдохоёо болиһые мэдэрнэ* „Находясь среди них, он дал возможность им обнаружить себя и понял, что у него нет иного выхода" и на союзы, употребляющиеся только для связи предложений, например, *харин* „но": *Морин бэшэ, харин хүн баишоол* „Оказалось, это не конь, а человек".

Сочинительные союзы по значению подразделяются на:

1) Соединительные союзы: *ба(болон): Бидэнэр революционернүүд гээшэбди, танда, тэрээнэй интересые хамгаалагты гэжэ захирһан обществодо, бидэнэр эсэргүү ба тэрэ обществын таанарай эбсэшэгүи харша дайсад гээшэбди...*

2) Противительные союзы: *аад, теэд, зүгөөр, харин: Артёмоо һурагшалба, **теэд** слесариинь тэндэ үгы байба; Таряашын багша саашаа ошожо ябаһан эсэгэ басаган хоёрой хойноһоо гэтэһээр гэтэжэ, байха юумэеэ хуу мартан, тэдэ хоёройнгоо баһа Мангиртаһаа ерэһэн **аад**, урдаһаань ябажа ябаһыешье гайханагүй; Тэрээнэйнь оёорто баһал гүнзэгы уһатай болобошье, хааяжа хүүежэ байха урасхал байгаагүй, тогтонги номгон байхаһаа гадна, мүнөө орожо байһан аадар дээрэһээшье шаанагүй, **харин** эндэ тэндэ дуһаагүй уһан шулуунай забһараар горхиролдохонь дуулдана.*

3) Разделительные союзы: *гү, али: Энэ ороной онго тэнгэриин тайлга`тахилгань хожомдожо, дутагдаһан алдагдаһан зүил байгаа **гү**, **али** хүйтэн хултэнэи, халуун гартанай хаядаһан, орхидоһон болобо гү?*

Подчинительные союзы.

Они связывают предложения, которые неравносильны между собой: придаточные предложения и главные предложения или самостоятельные обороты. Подчинительные союзы: *хэрбээ — һаа; хада, һаа: Хэрбээ минии үрдижэ ирээ **һаа**, сугтаа ябуужабди* „Если я успею приехать, то вместе поедем".

Бурятский язык во многих случаях прибегает к помощи суффиксов и знаменательных слов, которые функционируют как союзы:

1) Все бурятские деепричастия наряду с другими нагрузками выполняют роль союзов: *Наран гаража, шүүдэр хата-*

ба „Солнце взошло и роса исчезла“. Здесь имеем сложно-сочиненное предложение. Суффикс *-жа* соединяет предложения, выполняя функцию союза. Соединительное и слитное деепричастия выполняют функцию соединительных союзов, например, *Хэшээлэй һүүлдэ Доржо үдэеэ хурсадхаад, столдо һуужа, номоо үзэбэ* „После занятий Доржи, очинив перо, сел за стол и стал заниматься“; *Тэрэ үдэр тон богонихон шэнги байбаа, үдэшын сай болотор һүрэг олон десятинынгаа һүүл боожо һалахо гэжэ Бата, Цыремпил, Янжима гурбан унаһан малгайгаа абангүй, хамараараа газар хадхатараа ажаллаһан байгаа* „Тот день казался коротким. Для того, чтобы до ужина закончить косьбу, Бато, Цыремпил и Янжима работали до упаду“, а разделительное и обстоятельственные деепричастия — разделительных союзов.

2) Суффиксы множественного числа выполняют связующую роль — роль союзов. В таких случаях последнее слово однородных членов предложения принимает суффикс множественного числа, а остальные слова могут стоять в единственном числе, хотя выражаемые ими предметы представлены во множестве, тем самым суффиксы множественного числа выступают как союзы: *Хони, үхэр, ямаадаа хара* „Смотри за овцами, коровами, козами“.

3) Количественные имена числительные служат обобщающим словом при однородных членах и их связывают, тем самым они выступают как союзы: *Бадма, Цырен, Бата* ***гурбан*** *һууна* „Бадма, Цырен, Бата втроём сидят“.

Частицы

Слово или предложение может приобретать дополнительные смысловые и модальные оттенки. Эти дополнительные смысловые и модальные оттенки в языке вносятся частицами. Бурятские частицы служат различным целям высказывания и в большинстве своем выражают волевые, отрицательные, утвердительные, вопросительные, экспрессивные, модальные оттенки в слове и в предложении.

Частицы — служебная часть речи, не имеющая самостоятельного лексического значения и не бытующая самостоятельно вне лексического окружения. Частицы в предложении не только непременно связаны с тем или иным отдельным словом, но более того, некоторые из них органически входят в состав обслуживаемого ими слова. Они всегда занимают постпозитивное положение и, в зависимости от конечного звукового состава принимающего его слова, или от звукового состава самих частиц, произносятся слитно или раздельно от слова.

Частицы выражают отношение говорящего к высказываемому, следовательно, бытование и употребление их оправдано

лишь их свойством характеризовать другое слово. Эта характеристика не выходит за пределы слова или целого предложения, к которым относится данная частица. Акцентируя тот или иной смысловой оттенок слова или, внеся в него модальные мотивы, частицы не изменяют значения слова или не способствуют их семантическому сдвигу. Они могут употребляться со словами из любой части речи, и в этом смысле они — универсальная грамматическая категория, которая сохраняет за собой оттенок, общий для каждого слова, независимо от их значения, например, *моригүй* „безлошадный", *ябаагүй* „не ушел", *табагүй* „без пяти" или *морин аал?* „разве лошадь?", *ябаа аал?* „разве ушел?", *табан аал?* „разве пять?"

Бурятские частицы представлены следующими видами:

1) Частица логического ударения *-л, -лэ* (в словах, оканчивающихся на гласный звук, употребляется *-л* слитно, а в словах, оканчивающихся на согласный звук, *-лэ* употребляется раздельно) выделяет слово или предложение, подчеркивая их исключительную важность в сообщении. Она может употребляться с любой частью речи и принимать личные частицы: *Нэгэ хэлэһэн хойноо үгэдөө тэрэш хүрэхэл байха* „Раз он сказал, то обязательно сделает"; *Морин лэ хадаа морин, муулажа байһанай хэрэг үгы* „Лошадь есть лошадь, нечего хулить".

2) Желательная частица *һай* употребляется для передачи всему предложению оттенка пожелания в пользу или во вред кому-нибудь или чему-нибудь и употребляется в конце сказуемого, выраженного любой частью речи, кроме глагола и служебных частей речи. Она может принимать личные частицы и произносится раздельно: *Бороогой урда ошогшо һайш даа* „Как бы его (в пути) не захватил дождь".

3) Уступительная частица *-шье* вносит в слово оттенок безразличия, неопределенности и усиления. Этот оттенок может быть внесен в любое слово — в глагол и именное слово. Например: а) оттенок безразличия: *Унэшэрһэн тэрэ унагандаа Еши һү шүдхадаг байба: үнеэдэш, хони ямаадашье. гүүнэйшье һаань, олдоһыень лэ* „Еши поил осиротевшего жеребенка молоком без разбора: коровье ли, овечье ли, козье ли или кобылицы — лишь бы было молоко";

б) оттенок неопределенности: *Гэнтэ хэншьеб шангаар ооглобо* „Вдруг кто-то громко крикнул";

в) усилительный оттенок: *Юунһээшье үлүү жаргал мини зүрхэн дором ябана* „Ношу под сердцем своим ни с чем несравнимое счастье".

4) Утвердительные частицы *даа, ха, бшуу, юм, һэн, бэлэй, гээшэ, мүн, агша* произносятся отдельно от предыдущего слова и находятся вне их фонетического влияния. Эти частицы выражают утверждение в любом предложении, в том числе и в отрицательном предложении, и могут употреблять-

ся несколько частиц вместе. Обычно они употребляются в конце предложения: *даа — Ай, тэрэшни бараг* ***даа.*** *Ямаан Жамсые яагаад орхихо һэм* ***даа.*** „О, это пустяковое дело, что сделают с Яман-Жамсой"; *ха — Доржые унташоо гэжэ һанаал* ***ха*** „Они, наверное, думали, что Доржи заснул"; *юм — Хэрмэшэ нохойнь Тобшойн нюдэбшэ шэнги* ***юм.*** „Охотничья собака для Тобшоя является как бы его глазом"; *гээшэ — Харин намайе энэ аюулһаа минии һайн буурал абаржа гаргаба* ***гээшэ*** „Однако от этой опасности меня спас мой добрый конь"; *бэлэй — Бата хадаа ходоодоо хүхюу энеэдэтэй наадатай, ходол өөрыгөө һайрхан һуужа сайладаг* ***бэлэй*** „Бато был человек веселого нрава, и за столом всегда хвалил себя";

5) Отрицательные частицы *бү, -дүй, -гүй, бэшэ* обычно употребляются при сказуемых в отрицательных предложениях:

а) Частица *бү* стоит перед сказуемым, выраженным формой обращения и произносится и пишется отдельно: *Эдиһэнээ* ***бү*** *хэлэ, үзэһэнөө хэлэ* „Не говори о том, что ел, а говори о том, что видел";

б) частица *-дүй* стоит после причастия прошедшего времени и пишется вместе с ним. До и после нее могут употребляться другие частицы: *Ерээдүй сагай юумые таажа хэлэхэ бэрхэтэй* „Трудно строить догадки о будущем"; в) частица *-гүй* употребляется после глаголов изъявительного наклонения, причастий и слитного деепричастия: *Үгэбэгүй гэжэ бү муулта, абабагүй гэжэ бү хүхи* „Не обижайся на того, кто тебе не дает, не радуйся тому, кто у тебя не берет"; *Ябахагүй нохой ябаха нохоие һаатуулаа* „Неохотничья собака мешала охотничьей"; *Горхо үзэнгүи гуталаа бү тайла* „Не увидав ручейка, не снимай унтов"; г) частица *бэшэ* может употребляться со всеми частями речи, кроме некоторых глагольных форм: *Ябана* ***бэшэ,*** *гүйнэ, эдинэ* ***бэшэ,*** *гулгина* „Не идет, а бежит, не ест, а срыгивает".

Вопросительные частицы *гү, бэ, б, аал, бэзэ, аабза, аа гү, ааб, алтай, хаяа, бы* употребляются в предложениях вопросительной конструкции. Все частицы располагаются после сказуемых и отдельно, кроме *-б.* После них могут употребляться утвердительные и личные частицы.

Разнообразие этих частиц вносит в вопросительные предложения различные оттенки, например: *гү, бэ* вносят в предложения обычно вопросительные оттенки: *Эндэ таряа таридаг болоо* ***гү?*** „Здесь хлеб теперь сеют?";

бэзэ — желание удостовериться в чем-либо: *Үгы, ши хоёр бообо намһаа абаад, хадагалһанаа мэдэнэ* ***бэзэш?*** „Ведь, конечно, помнишь, что ты брал у меня два кекса и спрятал?";

аал — вопросительная конструкция предложения с оттенком удивления: *Гаража ябашаба* ***аал?*** „Неуж-то ушел?";

алтай — вопрос с оттенком предположения: *Бороо орохо сагынь болоо* ***алтай?*** „Настало, кажется, время быть дождю?:

ааб — вопрос с оттенком ожидания и надежды: *Хүрөө гэхэ сагынь хэзээ болохо* ***ааб?*** „Когда же наступит время, наконец, сказать: хватит, достаточно?“;

аабза — вопрос с оттенком уточнения чего-нибудь: *Мунөө жэл һургуулиэа дүүргэхэ аабза?* „В этом году, кажется, кончает школу?“;

бы — вопрос с оттенком крайнего удивления: *Ерээ* ***бы?*** „Пришёл разве?“.

Вопросительная конструкция предложения, кроме этих частиц, содержит и специальные слова, которые наряду с этими частицами конструируют вопросительное предложение:

Таблица, показывающая слитное и раздельное употребление частиц

№№ п/п	Наименование частиц	Употребление			Примеры
		слитно	раздельно	с каким членом предложения употребляются	
1.	Логического ударения	-л	лэ	с любым	морин лэ
2.	Желательная	—	һай	со сказуемым	ерээ һай
3.	Уступительная	-шье	—	с любым	мориншье хүншье
4.	Утвердительные	—	даа, ха, бшуу, юм, һэн, бэлэй, гээшэ, мүн, агша	со сказуемым	ерээ даа
5.	Отрицательные	-гүй, -дүй	бү, бэшэ	с определением	моригүй
6.	Вопросительные	-б	гү, бэ, аал, бэзэ, аабза, аа гү, ааб, алтай, хаяа, бы	со сказуемым	бү хэлэ
				со сказуемым	ерээ гү?
7.	Личные	все		со сказуемым	ерэлши

ямар „какой?“, *хэзээ* „когда?“, *хаана* „где?“ и т. д.: *Поезд мүнөө хаана хүрөө ааб?* „Где идет сейчас поезд?“

7) Личные частицы *-бы, -б, -м* (1-е лицо ед. числа), *-бди, -мди, -ди* (1-е лицо мн. числа), *-ши, -ш* (2-е лицо ед. числа), *-та, -т* (2-е лицо мн. числа), *-д* (3-е лицо обоего числа) употребляются со словами, выступающими в предложении в качестве сказуемых. Личные частицы 3-го лица обоего числа употребляются только с глаголами изъявительного наклонения, а все остальные частицы с любым словом; только в полной форме *(-би, -ши, -та)* они приращиваются к словам, оканчивающимся на согласные: *Ноён гулваа, та юу айлдажа байна гээшэбта?* „Господин голова, что вы соизволите говорить?“, а все остальные *(-б, -ш, -бди, -ди, ,мди, -т, -д)* — после гласных: *Дуулыт, энээнше үгэхэгүйб гэһэн хэбээрээ үертэжэ байнал* „Слышите, он все еще отказывается отдавать“.

Междометие.

Междометие — такая часть речи, которая выражает чувство и волеизъявление и не выступает в предложении в качестве его члена. Междометие грамматически не связано с предложением, и может выступать как отдельное слово и как целое предложение. По значению междометия подразделяются на группы: 1) группа междометий, выражающих чувство (радость и горе, восторг и сожаление, ужас и иронию и т. д.) говорящего: *Ай, зайлуул, абаашыш!* „Ой, боже мой, уведи“; *Уй, үнөөхимнай ерээл!* „Ой, этот приехал“; *һа-һа, харыш* „Ах, ах, смотри“; 2) группа междометий, выражающих волеизъявление, призыв к действию: *Шш, болиш* „Шш, перестань!“; *Ау, хаанабта?* „Ау, где вы?“; 3) Группа звукоподражательных междометий, выражающая воспроизведение говорящим тех или иных звуков, издаваемых предметами: *тас-няс, хар-хэр, саб-сэб, дүр-дор*: *Тас-няс гэһээр хухаршаба* „Сломалась, издав звук тас-няс“. Междометиями могут быть целые словосочетания: *Намһаа саагуур, наранһаа наагуур* „Подальше от меня, поближе к солнцу“. Целые словосочетания могут употребляться как междометия, когда основные значения слов завуалированы: *Шүдхэр шамай бариһай* „Черт бы тебя забрал“. В бурятском языке нередко междометия превращаются в члены предложения или срастаются с отдельными членами предложения или целыми предложениями: *Газаа юун хан гээб?* „На улице что бренчит?“, или *Газаа хан-ян гэхэ дүрөөгэй абяан гараба* „На улице слышно бренчание стремени“, где междометия входят в состав предложения или становятся членами предложения.

ЛИТЕРАТУРА.

И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950.

Д. А. Алексеев, Синтаксические функции падежей в бурят-монгольском языке, „Сборник трудов по филологии", вып. I, 1948.

Д. А. Алексеев, Именные части речи в монгольских языках, „Вопросы языкознания", № 3, 1955.

Д. Д. Амоголонов, Деепричастие в бурят-монгольском языке, Улан-Удэ, 1948.

Д. Д. Амоголонов, Введение в морфологию бурят-монгольского языка, Ученые записки ВМГПИ, вып. VII, Улан-Удэ, 1955.

А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, разд. „Этимология", Казань, 1849.

В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, разд. „Морфология", М.—Л., 1935.

О. И. Богомолова, Современный французский язык, разд. „Слово. Виды слов и части речи", М., 1948.

Проф. Д. В. Бубрих, Грамматика литературного коми языка, разд. „Морфология в связи с синтаксисом", Л-д, 1949.

Т. А. Бертагаев, О качественных прилагательных, „Записки НИИК", Улан-Удэ, 1951.

Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, Харьков, 1937.

В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947.

Грамматика русского языка, т. 1. разд. „Морфология", изд. АН СССР, М., 1952.

Е. М. Галкина-Федорук и др. Современный русский язык, разд. „Морфология", М., 1957.

Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка. разд. „Основные грамматические понятия", М.—Л., 1948.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, т. II, Морфология, под редакцией Н. К. Дмитриева, М., 1956.

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева-Сокольская, Современный немецкий язык, разд „Морфология", Л., 1941.

А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, разд. „Морфология", М.—Л., 1956.

В. Л. Котвич, Лекция по грамматике монгольского письменного языка, СПБ. 1902.

С. Н. Никифоров, Глагол, его категории и формы..., М., 1952.

Акад. С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953.

А-р Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казань, 1878.

А. Потебня, Из записок по русской грамматике. тт. I, II, III, IV, Харьков.

Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, разд. „Морфология", М.-Л., 1941.

Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. разд. „Грамматический строй", М., 1953.

Ф. Ф. Фортунатов, Избранные труды, т. II, разд. „Сравнительная морфология индоевропейских языков", М., 1957.

Я. Шмидт, Грамматика монгольского языка, СПБ., 1832.

Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957.

Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, разделы относящиеся к морфологии, М., 1952.

К. М. Черемисов, Заметки по бурят-монгольскому языку, 1, II, III, IV, „Записки ГИЯЛИ (НИИКЭ, НИИК)".

СИНТАКСИС

Синтаксис как один из разделов грамматики изучает правила сочетания слов в предложения, также предложения с точки зрения их построения, структуры и типов.

Сочетание слов друг с другом посредством изменения их форм и функционирование их в составе предложения — вот что лежит в основе синтаксиса. Таким образом, синтаксис имеет дело с предложением и его строительным материалом-словом.

Предложение — это единица речи, выражающая законченную мысль, и состоящая из группы слов, организованных на основе грамматических законов данного языка.

Предложение характеризуется предикативностью и интонационно-модальной мотивированностью сообщения. Предикативность зиждется на понимании цельности этого сообщения, соотносительного с реальной действительностью. Благодаря наличию категорий лица и времени и всей совокупности грамматических категорий обеспечивается организация цельного сообщения, а модально-интонационная обеспеченность сообщения предполагает наличие выражения отношения к действительности и группировку слов в предложении соответственно с расчлененностью сообщаемых в нем фактов.

По своим интонационным особенностям, по цели высказывания предложения подразделяются на следующие типы: предложения повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные.

I. ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Повествовательные предложения

Повествовательные предложения содержат простую констатацию какого-либо факта, явления, события. В конце повествовательного предложения тон понижается. Однако интонация в повествовательных предложениях может быть различной в зависимости от задания предложения — выделение того или иного члена предложения для того, чтобы обратить вни-

мание собеседника на тот или иной факт, выраженный акцентированным членом предложения. Пауза между повествовательными предложениями служит для отделения их друг от друга. Повествовательные предложения в целом произносятся на среднем регистре и средним темпом речи.

Повествовательные предложения могут быть как простыми, так и сложными.

Примеры: *Наран бүришье дээрэхэн гаражa, үглөөнэй үнеэшэдэй үрооd, сайгаа шанажа, баһа һүеэ хөөрүүлэн байхадань, бэлшээридэ гаражa ябаһан үхэрнүүд хаа яа һөөргөө харан мөөрэлдэнэд* (сложное повествовательное предложение) „Солнце довольно высоко поднялось, когда доярки кончили доить и начали варить чай и кипятить молоко, и коровы, идущие на пастбище, своим мычанием оглашали воздух."

Нашан Бататай Цыремпилэй анха түрүүн уулзаһанһаа хойшо нилээд олон хоног үнгэрбэ (простое повествовательное предложение) „Прошло много дней, как впервые Цыремпил встретился с Нашан Бато";

Харыш, уһан дээрэ оршожо байхыень, ямар сэбэр, сэбсэгэр һанаа амар бэ... (инверсированное повествовательное предложение) „Смотри, как она покоится на воде, чистая, строгая, равнодушная..."

Побудительные предложения.

Побудительные предложения выражают обращение одного лица к другому, побуждая его к действию, и их содержание обнимает различные отношения от категорического приказания до просьбы. Грамматически побудительные предложения оформляются сказуемыми, выраженными глаголами из форм обращения в широком смысле слова:

Ши, Мэргэн, улаан зоболго сохижо, хүнэй урда орохоб гэжэ, бү һана! „Ты, Мэргэн, не думай, что оправдаешься перед людьми тем, что изобьешь этого негодяя";

Зай, минишнгээ колхозой хониной фермэдэ туһалалсаха болоболта даа, хүршэнэрни „Итак, соседи, вам придется помочь овцеферме моего колхоза".

Сказуемые побудительных предложений могут принимать различные частицы, усиливающие оттенки волеизъявления и в частности предикативные частицы.

Зай, хүгагы, хүдэлмэри хүшын саг ойртожо байна, хүргэниемни түргэн шамдуу хүргэжэ үгэхэ болохош „Итак, сватья, приближается страдная пора, и тебе придется быстренько отправить моего зятя".

Побудительные предложения содержат призыв к совместному совершению действия:

Байза, би түлеэ абаад ерэхэм. Байгаарай: хөөрэлдэхэбди, нэгэ һониниие хэлэжэ үгэхэб... „Постой, я принесу дров. Подожди: поговорим, расскажу одну новость...“

В зависимости от оттенка побуждения побудительные предложения имеют различные интонации.

Интонация приходится на сказуемые, следовательно, на конец предложения.

В предложении со значением настоятельного требования, категорического приказания интонированное сказуемое произносится с наибольшей силой:

Б о л о д. *Хирэ богоо гүбеэгүйдөө, хээрэ гэшхэхэгүйш!* „Б о л о д. Пока не смоешь свой позор, не пойдешь на поле!“.

В предложении со значением увещевания, просьбы сказуемое произносится плавно, с наименьшим подъемом голоса:

Мэргэн дээрэмнай тохоод байнал. Яаха, ямар арга..., нүхэд, хэлсыт... „Всю вину сваливают на нашего Мэргэна. Что же делать, каков выход..., товарищи, решите...“

Вопросительные предложения.

Вопросительные предложения содержат в себе вопрос, на который говорящий желает получить ответ. Они передаются посредством особой интонации и характеризуются наличием в их составе специальных слов. Особая для вопросительных предложений интонация реализуется характерным ударением при произношении того или иного слова, которое содержит вопрос: *Эндэ юун болоҗо байнаб?* „Что здесь происходит?“

В большинстве случаев вопросительные предложения конструируются с участием вопросительных частиц *бэ, б, гү, аал, хаяа* и т. д., вопросительных наречий типа *хаана* „где?“, *яаха* „как?“, *хэзээ* „когда?“ и вопросительных местоимений *хэн?* „кто?“ *юун?* „что?“ и т. д.: *Баһа нэгэ дахин туршаад үзэхэ гээ гүш?* „Еще раз хочешь испытать?“; *Дайгүй сагта баатар боложо байна бэшэ гүш?* „Не мнишь ли богатырем, когда нет войны?“; *Хэн ерээб?* „Кто пришел?“; *Хэзээ бутэхэ хэрэг гэжэ һананаш?* „Как думаешь — когда это будет сделано?“;

О н г о й. *Баруун шэбэр соо.* М э р г э н. *Шэбэр соо?* „О н г о й. Направо, в чаще. М э р г э н. В чаще?!“

Э р ж э н и. *Яаһан удаан болобо? Энэ горхоной бурьян бусалан урдахань гоёл байна даа. Энээнһээнь ехэшэг байгаа хадаа яаха һааб?* „Э р ж э н и. Как долго нет? Как красиво бурное течение этой речки. Что было бы, если она была целой рекой, а не речкой?“

Яагаад һэгүй?— гэжэ Н. гайхаа һэн „Как бесследно?— удивился Н.; *Хэр амаа халаабта?— гэнэ.* „Спрашивал —

сильно ли опьянели?"; *Хүнэй саана хүн, хүлэгэй саана унаган байдаг юумэ гэлсэгшэ бэшэ аал?* „Разве не говорят, что бывает один (человек) умнее другого, а конь лучше другого?";

Э р ж э н и. *Баригдаа? Яагаа һайн юм. Хаанаһаа?* „Э р ж э н и. Пойман? Как хорошо. Где?";

Ш а р н у у. *Яагааб? Юун бэ? Би тиигээгүйб...* „Ш а р н у. Что такое? Что? Не я сделал...";

Б ү г э д э. *Юун бэ? Хэн хашхарааб? Хайшан гээб?* „Б ү г э д э. Что такое? Кто кричал? Что сделал?";

Зориһон хэрэг хаана бэлэй?— гэжэ асуун дабтан байбал даа „Спрашивали: „Куда держите путь?".

Восклицательные предложения.

Предложения, которые произносятся с повышенным тоном, составляют вид восклицательных предложений. Восклицательные предложения подразделяются на предложения, выражающие эмоциональное отношение говорящего к фактам действительности: а) удивление или презрение, неуверенность, недоумение или досаду и т. д.:

— *Харагты. Али зэргэ үнэншэмэ һайхан зураг гээшэб!* „Посмотрите. Какая красивая и насколько убедительная картина!"; З а н д а н. *Эндэшни тэһэ дэбһэхэмни!* „З а н д а н. Здесь же, на месте тебя растопчу!;

М э р г э н. *Сагтаа, сагтаа! Шимни яабаш?!* „М э р г э н. Подожди, не торопись! Что с тобою?!",

б) Предложения, выражающие собственно эмоциональные переживания говорящего: страх и ужас, гнев и любовь, нежность и ласку и т. д.:

— *Һүй, ерэшоол!* „Ой, уже явился!"; *Хари танай бэеэ ойлгоо гээ һаатнай, зохимоор һэн ха!...* „Надо бы Вам поосторожнее!..."

Илалта түгэлдэр хүбүүдээ угтажа, толгойгоорнь тэнгэридэ туласар үргэе!.. „Встретим доблестных сыновей и воздадим им должное!.."; *Зай, тиигээ һаа Улаан Армидаа нэгэ самолёт бүтээжэ, бэлэг үгэе гэжэ үргөөд, шиидхэжэрхие! Зүб гэһэн хүнүүд гараа үргэгты!— гээд Даша Базаровай дуугархадань, булгадаа гараа үргэбэ* „Все подняли руки, когда Даши Базаров сказал: „Итак, есть предложение построить один самолет для Красной Армии. Кто за такое предложение, поднимите руки!"

Б о л о д. *Тэхын эбэрэй тэнгэридэ тулаадүйдэ, тэмээнэй һүүлэй газарта хүрөөдүйдэ, хэлэхээ хэлэгты!* „Б о л о д. Скажите, пока не поздно!";

II. Простое и сложное предложения.

Различия между простым и сложным предложениями основываются на их структуре и составе. В простом предложении, если оно односоставное — один главный член, если оно двусоставное — два главных члена (подлежащее и сказуемое), если оно трехсоставное — три главных члена с включением в его состав сказуемого деепричастного или причастного оборотов: *Бороожобо* (односоставное простое предложение); *Бороо оробо* (двусоставное простое предложение); *Тиигээд хаанашье ябахадам, нөөхил барлагшалга, нөөхил заналга угтажа байна ха юм* (двусоставное простое предложение с причастным оборотом).

Структура сложного предложения сложнее. В сложном предложении главных членов больше, чем в простом. В „нормальном" сложном предложении имеются четыре главных члена: два подлежащих и два сказуемых, но неоднородных.

Однако может быть и два-три главных члена, если один из компонентов сложного предложения состоит из односоставного предложения или оба компонента односоставные, но такие конструкции встречаются редко. Обычно сложные предложения в подавляющем большинстве состоят из четырех и более главных членов, имея в виду соподчинение или обороты.

Удабашьегүй наран дээрэхэн гаража, Янжима, Бата, Цыремпил гурбан үглөөнэй сайда ороһон байгаа (сложносочиненное предложение);

Хэн мэдэбэ даа сааша, болохол юумэнь болонол аабза (сложноподчиненное предложение);

Зай, залуу хүбүүн, наашаа ерээд, энэ хоёрые һалгаа, — гээд дуугархадань, Цырэмпил ошожо, тэдэ хоёрой барилсаад байһан хоёр гар дээрэ өөрынгөө гарые хүндэлэн табижа һалгахадаа, эдэ хоёрой гар һалан һалаһай гээд һанаа һэн (сложное целое с оборотами).

III. Порядок слов в предложении.

Бурятский язык не во всех случаях представлен богатыми морфологическими формантами. Эта особенность языка обусловила исключительную грамматическую роль порядка слов в предложении, ибо порядок слов по своему назначению является одним из важнейших средств комплектования предложения.

Слова в бурятском предложении располагаются в строго стабильном порядке, следуя в нем один за другим по требованию смысла. Некоторые отклонения, которые наблюдаются в строе предложения, представляют как исключение и вызываются наличием полного морфологического оформления тех

или иных членов предложения или специальным заданием предложения для выделения той или иной части высказывания.

Место расположения делает слова определяющими и определяемыми или подчиняющее слово ставится после подчиненного, например, всякое имя прилагательное, находящееся перед именем существительным, является определяющим, а существительное — определяемым.

Зависимая грамматическая форма или нулевая форма слова в группе других членов предложения обусловливает его место в предложении: *Доржын һанал далита хараасгайһаа хурдаар гүйнэ* „Мысль Доржи бежит быстрее легкокрылой ласточки".

Обычная структура бурятского предложения по месту расположения его членов такова: определение, подлежащее, дополнение, обстоятельство и сказуемое. Можно утверждать, что стабильный порядок слов в предложении обусловлен и поддерживается почти постоянным и последним местом сказуемого в предложении, впереди и по отношению которого располагаются все остальные его члены, чередуясь и перемеживаясь по местам расположения в зависимости от выполняемой в нем смысловой и грамматической нагрузки:

1) подлежащее впереди сказуемого, а сказуемое всегда замыкает предложение: *Хүхюү наадан Ухинхэнэй газаа бүхэли үдэшэндөө замхабагүй* „Веселые игры во дворе Ухинхена весь вечер не утихали";

2) определение всегда впереди подлежащего и дополнения, а обстоятельство впереди сказуемого:

а) *Эдэ хайрагүй хара нохойнууд намарай сагаан хюруугаар батагана шэнгээр үхэжэ үгы болохо сагынь хэзээ гээшэб?* (*эдэ, хайрагүй, хара* — определения к слову *нохойнууд*) „Настанет ли время, когда эти безжалостные злодеи будут подыхать, как мухи в период осенних заморозков"; б) *Цыремпил тэндэһээ һайн бууралайнгаа шадал мэдүүлэн табижа, үүрэй сагаан толон соогуур шургажа, Хэжэнгэ голой урда бэеын үргэн зузаан ой хүбшын сэсэглиг һайхан намаае шуумар түргэн харсага шэнгээр шуу эсхэн орошоно һэн* (*Хэжэнгэ голой урда бэеын, үргэн зузаан ой хүбшын, сэсэглиг һайхан* — определение к слову *намаае*) „Оттуда Цыремпил пустил во всю мочь своего быстроногого коня и с утренней зарей въехал в чащу непроходимого леса, раскинувшегося по левому берегу реки Кижинги";

в) *Энэ Пётр Иванович болбол баян Срулевичэйдэ тэбхэр долоон жэл соо хүдэлһэн байгаа* (*тэбхэр долоон жэл соо* — обстоятельство к слову *хүдэлһэн байгаа*) „Петр Иванович работал у богача Срулевича ровно семь лет";

3) обстоятельства времени и места по заданию предложения могут находиться впереди остальных членов предложе-

ния, а обстоятельство образа действия обычно стоит непосредственно впереди сказуемого: *Үглөөгүүр, нара бүтүү байхада, баян Срулевичэй уужам ехэ хашаа соо нэгэ столбдо үлгэжэрхиһэн шэрэм хонхо айхабтар дошхоор наяржа эхилбэ* (*үглөөгүүр, нара бүтүү байхада* — обстоятельство времени, *баян Срулевичэй уужам ехэ хашаа соо* — обстоятельство места, а *айхабтар дошхоор, наяржа* — обстоятельство образа действия). Таким образом, порядок слов в бурятском предложении может быть представлен в виде следующей схемы: (обстоятельства времени и места) +определение (их может быть несколько однородных и неоднородных) +подлежащее (их может быть несколько однородных) +определение (их может быть несколько однородных и неоднородных) +дополнение (их может быть несколько однородных) +обстоятельство (времени, места и образа действия) + сказуемое (их может быть несколько однородных).

Однако в поэзии, в частности, в экспрессивной речи, может быть несколько иной порядок расположения, как например:

Юунэй тухай дуу дуулаһанаа,
юрэдөө өөрөө мэдэнэшье бэшэ.
Ашань наадана сэсэг түүжэ,
абань мүлинэ һүхын эшэ.

Таким образом, как показывают факты языка, строгий порядок слов в бурятском предложении играет важную грамматическую роль. Место расположения слов в предложении обеспечивает им обнаружение их синтаксического функционирования, не требуя обязательных формальных морфологических признаков, даже при нулевых, пассивных формах, например, *Бадма абгайн үбһэшэн үбэһэндөө* ***һаяхан*** *ород, шубуунай* ***тоншохо мяхагүй*** *гэхээр хатайрдажа* ***үхэһэн*** *хашарагай мяхаар шүлэ гаргажа, баһа эрдэ арда* ***яһа, тархи,*** *тагалсаг гэхэ мэтыень мүлжэн, шүлэеэ уужа үдэлэн һуугаад һэн* (все выделенные слова в системе предложения употреблены в форме неоформленного падежа или в начальной причастной форме, а связаны они с соседними словами по смыслу и местом их расположения).

Здесь обнаруживается та особенность синтаксического строя бурятского языка, которая заключается в том, что (а) при однородных членах, последний член этой группы получает морфологическое оформление — аффиксы числа, падежа, лица, принимая на себя как бы от всей группы связывающую функцию с другими словами в предложении; (б) средствами связи слов в бурятском предложении выступают не только морфологические форманты, как число, падеж, лицо и т. д., но также притяжательные, предикативные частицы.

Би багшаб („Я учитель(-я)“) (*б* — предикативная частица, приплюсуемая к любому слову, выступающему в предложении в качестве его сказуемого и которое, в свою очередь, согласуется с подлежащим в лице): *Эгээл һанаашаарни болобо* „Получилось как раз так, как я думал“ (*-ни* — притяжательная частица, цементирующая между собой два слова, которые не только уточняются благодаря ей по смыслу, но и становятся более тесно связанными синтаксически).

В составе бурятского предложения можно очень часто встретить морфологически неоформленные члены или слова из многих частей речи в начальной форме, но выполняющие в предложении различные синтаксические функции: а) *Шулуун хэбтэнэ* „Камень лежит“; б) *Шулуун гэр* „Каменный дом“; в) *Энэ хэбтээшэ — шулуун* „То, что лежит — камень“; г) *Шулуу баряад ябана* „Идет с камнем в руках“ (В. п. с выпадением конечного *н*). Во всех этих четырех предложениях, за исключением последнего предложения, имя существительное *шулуун* „камень“ дано в именительном падеже и выполняет различные синтаксические функции: в первом предложении — *шулуун* — подлежащее, во втором — определение, в третьем — сказуемое, в четвертом — дополнение.

Следовательно, для выявления синтаксической природы того или иного слова важную роль играет место расположения слова внутри предложения. Синтаксические функции слова не могут служить господствующим критерием при классификации слов по частям речи, так например, слова, выступающие в предложении в качестве определения, не всегда являются именами прилагательными и не переходят в них.

Переход слов из одной части речи в другую в бурятском языке связан с субстантивированием, адъективацией и адвербиализацией. Субстантивированные и адвербиализированные слова обычно меняют свое место в предложении, например, когда имя прилагательное *һайн* „хороший“ и прошедшее причастие *ерэһэн* употребляются в именительном падеже, то они выступают в предложении преимущественно в качестве его определения: *һайхан хоншоорынь эльбэсэгээн байба гэжэ ерэһэн хүн хэлэбэ*. Имя прилагательное или прошедшие причастия, получая падежное оформление, функционируют преимущественно в группе сказуемых и служат дополнением или обстоятельством: *һаяхан нэгэ нүхэрһөө бэшэг абаһыемни мэдэнэш* „Ты знаешь, что я недавно получил письмо от одного товарища“ (*абаһыемни* — субстантивированное причастие — дополнение); *Муус һуранхаар, һайнше һура* „Учись лучше хорошему, чем плохому“ (*муус* и *һайнше* — субстантивированные прилагательные являются дополнениями).

Способы выражения синтаксических отношений в предложениях и типы связи слов.

Слова в предложении, вступая между собой в известные грамматические отношения, выражают осмысленное высказывание. Слова и словосочетания в предложении каждые в отдельности связываются между собою как по смыслу, так и грамматически. Смысловая связь между отдельными членами в предложении обусловлена заданием предложения, выражающего одну законченную мысль. Грамматическая же связь слов в словосочетаниях и в предложениях обусловлена грамматическими правилами, придающими языку стройный, осмысленный характер.

Способами выражения синтаксической связи слов могут быть: морфологические формы слов, служебные слова, притяжание, порядок слов в предложении и интонация.

Примеры:

а) Морфологические формы слов: *Мүнгэ абаа* (Вин. пад.) „Взял деньги"; *Мүнгөөр абаа* (Ор. пад.) „На деньги купил"; *Мүнгэнһөө абаа* (Исх. пад.) „Взял из денег"; *Мүнгэеэ абаа* (Вин. пад. с безличным притяжанием) „Взял свои деньги"; *Бидэнэр холоһоо ерээбди* (И х. пад.) „Мы издалека прибыли"; *Амһаха зэмыень амһуулха байха* (Вин. пад. с личным притяжанием 3-го лица);

б) Служебные слова: *Гэр соо оробо* (послелог *соо); Гэр дээгүүр гараба* (послелог *дээгүүр)*; *Гэршье, харшашье харагданагүй* (частица безразличия *-шье)*; *Морин ба үнеэн болбол гэрэй амитад* (союз *ба)*; *Гэр соонь ородо һүужа байтарнай, хүрэжэ ерээ һэн (соонь*—послелог) „Как только мы зашли и сели в его юрте, он пришел"; *Би багшаб* (сказуемостная частица *-б)*;

в) Притяжание: *Эсэгэтэеэ байхадаа ямар һайн бэ даа гэжэ Доржо бодоно* (частица безличного притяжания *-еэ),*

г) порядок слов: *Шэнэ гэрэй орой* „Крыша нового дома"; *Гэрэй шэнэ орой* „Новая крыша дома"; *Аматтай үзэм* „Вкусный изюм"; *Үзэм аматтай* „Изюм вкусный";

д) Интонация: *Бата Данзан хоёр хонобо* (в зависимости от интонации и паузы — Бата и Данзан (вдвоем) ночевали или Бато и Данзан двое суток провели".

Эти примеры свидетельствуют о том, что в предложении осуществляется высокая организация слов по определенным грамматическим законам, и благодаря многообразию и богатству этих связей и отношений, слова выполняют функции различных членов предложения.

Различают два вида связи между словами или членами предложения, не идентичные по значению. В одном случае имеем связь между равноправными членами предложения, которые выполняют в предложении равноценные задания, и эта

связь устанавливается в основном между однородными членами предложения посредством сочинительных союзов или некоторых частиц. Этот вид связи называют сочинительным. А другой вид связи выражает подчинительные отношения между словами или членами предложения посредством грамматических форм, порядка слов. Таким образом, сочинительная связь выражает между двумя словами равноправные отношения, а подчинительная связь выражает зависимость одного члена предложения от другого.

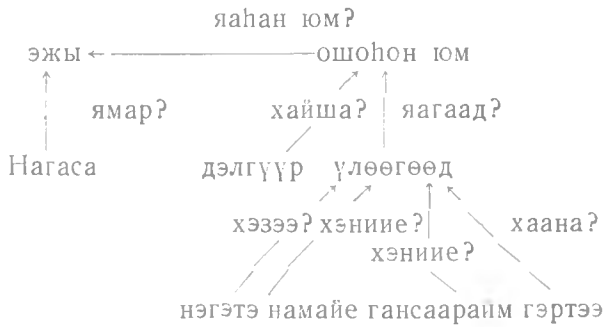
Слова в предложении, вступая между собой в синтаксическую связь, образуют новую синтаксическую единицу — словосочетания, которые в основном ограничиваются пределами отдельных членов предложения, например, сказуемое и подлежащее, определение и подлежащее, дополнение и сказуемое, определение и дополнение, обстоятельство и сказуемое.

Грамматическая зависимость членов предложения друг от друга предполагает последовательную цепь связей между всеми членами предложения, выраженными как одиночными словами, так и группой слов.

Например, слова в предложении: *Доржо эдэниие үдэр бүри харадаг* „Доржи их видит ежедневно“ — связаны друг с другом следующим образом:

Или другой пример: *Нагаса эжы, нэгэтэ намайе гансаарайм гэртээ үлөөгөөд, дэлгүүр ошоһон юм.*

Сочинительный вид связи.

Сочинительная связь употребляется в основном между однородными членами предложения, выполняющими одинаковую синтаксическую функцию и отвечающими на одинако-

вый вопрос, и, следовательно, они в основном имеют одинаковую морфологическую форму: *Хүйтэн, тиигээд сайан ба бордоһон болбол үбэлэй тэмдэгүүдэй шухала нэгэнишь мүн* „Холод, а затем снег и буран — важнейшие спутники зимы"; *Хүл ба гар гээшэ хүнэй ябадаг ба хүдэлдэг зэмсэгүүд мүн* „Руки и ноги — средства (орудия) передвижения и деятельности человека". Следует при этом указать на то, что при наличии сочинительной связи между равносильными словами или между членами предложения только последнее слово или член сочинительной группы оформляется грамматически: *Үхэр, хонь, ямаануудые үөхэбэ* „Развели коров, овец и коз" (букв. развели корову, овцу и коз). Аффиксы множественного числа и винительного падежа принимает слово *ямаан*, а остальные слова стоят в неоформленном винительном падеже единственного числа, но однако формы последнего слова из группы *(ямаан)* распространяются на них в сознании и в употреблении этих форм у носителей языка.

Подчинительный вид связи.

Подчинительный вид связи предполагает неравенство связующихся слов в их сочетании. Это значит, что между словами в их связи устанавливаются отношения господства и подчинения, то есть подчинение одного слова другому по смыслу и грамматически.

Подчинение и подчиненность слов в словосочетаниях включают в себя следующие грамматические моменты: 1) грамматическое оформление подчиненного слова зависит от подчиняющего слова, например, в предложении — *Үзэглэлэй хуудаһан дээгүүр хурганай хара сараа* „На страницах букваря следы пальцев" — слова: *үзэглэлэй, хурганай* стоят в Род. падеже по смысловому и грамматическому требованию подчиняющих слов: *хуудаһан, сараа*;

2) подчинительная связь между сочетающимися словами и членами предложения выявляется постановкой вопроса от одного, подчиняющего, слова к другому, подчиненному, слову: слово, от которого исходит вопрос, всегда подчиняющее и самостоятельное слово по отношению к тому слову, которое отвечает на вопрос. А слово, отвечающее на вопрос, всегда является подчиненным словом по смыслу и грамматически: по смыслу оно является подчиненным потому, что конкретизирует значение подчиняющего слова (так образуется в системе предложения цепь связей слов друг с другом по смыслу), а грамматическая форма подчиненного слова обусловлена смыслом и формой подчиняющего слова, и всегда она подвергается изменениям по требованию подчиняющего слова.

Например, в предложении: *Доржо хүдэлэнгүй, эсэгынгээ дэгэлээр сэжэ толгойгоо хам орёоно* „Доржи, затаив ды-

хание, отцовой шубой плотно укутывает голову и грудь"— первый вопрос — *юу хэнэб?* (что делает?) исходит от слова *Доржи* (подлежащее) и на вопрос отвечает слово *ореоно* (сказуемое, зависящее от подлежащего по смыслу и грамматически), в свою очередь от слова *ореоно* — вопрос — *хаашаи гэжэ?* (каким образом?) и на него отвечает слово *хам* (обстоятельство, зависящее от сказуемого), точно также от *ореоно* исходит несколько вопросов *юугээр* „чем?"—*дэгэлээр*; *юугээ?* („что?") — *толгойгоо, сээжэ*.

Такова цепь вопросов, устанавливающая грамматическую и смысловую зависимость одного слова от другого слова, представляющую целую серию последовательной зависимости членов предложения друг от друга. Таким образом, когда речь идет о связях между двумя словами, то имеем только одностороннюю связь или зависимость, а когда речь идет о последовательной цепи связи между членами предложения, то связь или зависимость не однородная, а двусторонняя.

Примеры: а) на одностороннюю зависимость: Һайн морин „Хорошая лошадь"; *Хурса хун* „способный человек"; *Бата ерээ* „Батю пришел";

б) на двустороннюю связь или зависимость: *Иимэ олон зониие Доржо хараагуй юм* (сказуемое — *хараагуй юм* — зависимое слово от подлежащего *Доржи* и согласуется с ним, а по отношению к *зониие* сказуемое *хараагуи юм* — самостоятельное слово, от него зависит и управляется им — *зониие*). Последний пример иллюстрирует двустороннюю связь членов предложения друг с другом. Таким образом, при помощи вопроса можно установить смысловую и грамматическую зависимость одного слова от другого.

Грамматическая форма вопроса обычно передается подчиняемому слову, превращаясь в его форму, например, *Энэ Хухэнсэйн* (*хэнэй?* „кого?") *Шаралдайн* (*хэнэй?* „чья?") *хүгшэн* (*хэн?*) *аарсанай* (*юунэй?* „чего?") *гашууниие* (*юуе?* „что?") *уужа* (*аяжа?* „как?"), *арһанай* (*юунэй?* „чего?") *хатууе* (*ямарые?* „какой?") *элдэжэ* (*яажа?* „как?"), *энэ хүрэһэн* (*яаһан?* „как?") *үзэһэн дуулаһанаа* (*юугээ?* „что?") *тогтоожо шадаггүй* (*яагаггүй?* „как?") *заабалзуур задагай* (*ямар?* „какой?") *аматаи* (*ямар? юутэй?* „какой?") *хүниие* (*хэниие?* „кого?") *үзэхэ харахаба* (*яахаба* „как?"), *үрэ зүрхөө* (*юугээ?* „что?") *үбдэжэ* (*яажа?* „как?") *hүүсаг* (*яаһаг?* „как?") *хэды тиимэ* (*ямар?* „какой?") *болобошье* (*яабашье?* „как?"), *баһа зарим үедэ* (*хэдыоэ?* „когда?") *олон зантай* (*юутэй?* „что?") *уймаан* (*ямар?* „какой?") *болжо, ѣолгоймни* (*юумни?* „что?") *үбдэбэ, эрьебэ, хии хөөрэбэ* (*яаба?* „что случилось?"), *ороӥ сёёрһоомни* (*хаанаһаамни?* „откуда?") *хуйтэ халуу* (*юу?* „что?") *сааба* (*яаба?* „что случилось?") *эндэ тэндэмни* (*хаанамни?* „где?") *ябхаба, шорхирба* (*яаба?* „что случилось?") *гэсэгээн* (*яан?* „как?") *хөөр* (*хэды?* „сколь-

ко?") *нюдэнэйнгөө* (*юунэйнгээ?* „что?") *хоорондо* (*хаана?* „где?") *уршылган* (*хайшан гэжэ?* „каким образом?") *нулаар* (*ямарар?*) *хараад* (*яагаад?* „как?"), *толгойгоо* (*юугээ?* „что?") *хазайлгаад* (*яагаад?* „как?"), *тоно* (*юу?* „что?") *адхаһан* (*яаһан?* „какой?") *нэеыгээр* (*юугээр?* „чем?") *жэн* (*юу?* „что?") *табижа* (*яажа?* „как?"), *дэмы дэмы зоходсогоон* (*яан?* „как?„) *нуудаг байба* (*яадаг баиба?* „что делала?"):

Разнообразие синтаксической зависимости между членами предложения и отдельными словами типизируется следующим образом: предикативная зависимость сказуемого от подлежащего (именные и глагольные слова), атрибутивная зависимость определения от определяемого (определение от подлежащего и дополнения), объектная зависимость дополнения от сказуемого и обстоятельственная зависимость обстоятельства от сказуемого.

Соответственно специфике синтаксических отношений между словами, как частей речи или членами предложения, устанавливающихся преимущественно морфологическими формами слова, подчинительный вид связи подразделяется на согласование, управление и примыкание. Между тем все остальные виды связи реализуются наряду с морфологической формой слова и в ее пределах.

Согласование.

Согласование — это такой вид синтаксической связи, который характеризуется уподоблением форм между определяемым, определяющим словами. Согласование как вид подчинительной связи обслуживает предикативную зависимость сказуемого от подлежащего, когда последнее характеризуется и конкретизируется со стороны действия и атрибутивную зависимость определения от подлежащего — с одной стороны, от дополнения — с другой, когда они характеризуются и конкретизируются со стороны качества.

Различиями и спецификой этих двух различных синтаксических зависимостей определения от определяемого слова является то, что (1) определение всегда стоит впереди определяемого: *Войсковой* (определение) *нургуулиин* (в свою очередь тоже определение) *гурбадахи* (тоже определение) *класса зурагай* (определение) *хэшээл болобогуй* „Урок рисования в третьем классе войсковой школы не состоялся", а сказуемое стоит всегда в конце предложения и после подлежащего: *Бага ээрүүхэн энэ Балданда Доржо ехээр баярлаба.* „Доржи был очень рад за этого немного заикающегося Балдана"; (2) в роли определения преимущественно выступают именные части речи (имя прилагательное, имя числительное, имя существительное, местоимение и причастие): *Сагаан моридые*

унаһан арбаад хүбүүдэй өөдөлтөтой ноётон һэеые шэрэжэ, хүхэ ногоон соогуур гүйлдэхые Жалма хараба „Жалма видела, как десяток мальчиков верхом на белых конях волокли по зеленой траве свернутый в трубу мокрый воилок“, и в качестве сказуемого преимущественно выступает глагол: *Доржи, ши бү яара* „Доржи, ты не торопись“; (3) сказуемое обычно согласуется с подлежащим в лице и числе, причем в качестве грамматических форм согласования сказуемое употребляет сказуемостные частицы при любом слове и суффиксы притяжания при именных словах: *Би ябахам* „Я пойду“, *Ангуушан углөө хадаһаа буужа срэхэнь* „Завтра охотник спустится с гор“, а определение — падежные формы, но слова в качестве определения употребляются в своей первичной форме, образуя нулевое согласование, когда определение занимает место впереди определяемого слова: *Би үгытэй* (Совм. пад.) *хүнэй* (Род. пад.) *басаган һэмэй* „Я дочь бедняка“ или *Газаһаа гулваагай һамган Балжад шэб шэнэ хүхэ шэршүү дэгэлтэй, улаан торгон орхимжо зүүһэн гүйжэ орошоор...* „С улицы вошла жена головы — Балжад, одетая в совершенно новый халат, сшитый из синей чесучи, а через плечо у нее было накинуто красное шелковое полотно“.

Именные слова, которые выступают в предложении в качестве его члена — определения, будучи согласованными с определяемыми словами, принимают аффиксы пространственного родительного приименного и атрибутивного совместного падежей. В качестве определения выступает личное местоимение первого и второго лица и отчасти имя существительное, часто в родительном падеже: *Минии* (Род. пад.) *һанаһан хэрэг бүтэхэнь ха* „По-видимому, задуманное мною дело исполнится“; *Тэрэ һуниин шэб балай харанхыда Эрдэни гулваагай модон гэрнүүдэй үрхөөр холоһоо толотожо ошоной улаа бутаралдан байхань харагдана* „В кромешной темноте той ночи далеко виднелось, как вылетали мириады искр из труб деревянных домов Эрдэни-головы“.

Изменения грамматических форм определяемых слов в бурятском языке не приводят за собой к изменению грамматических форм определяющих слов, так как определяющее слово имеет ограниченные пределы изменения: оно может стоять лишь в родительном или совместном падежах. Эти падежные формы определяющих слов сохраняются, если даже изменяются формы определяемых слов. Согласование сказуемого с подлежащим факультативное, хотя в последнее время под влиянием переводов с русского на бурятский язык наблюдаются попытки согласовать сказуемое с подлежащим в числе: *Доржо Даржай хоёр суглаа шагнахаяа гарабад* „Доржи и Даржай пошли на собрание“.

Управление

Управление — это тип связи, выражающий такое грамматическое отношение между сочетающимися словами, когда подчиненное слово по требованию подчиняющего ставится в форме какого-либо падежа. Управление как тип подчинительной связи имеет место обычно там, где есть трехчленное предложение, напр., подлежащее, сказуемое и дополнение. Сказуемое в данном случае, само по себе являясь зависимым и согласуемым с подлежащим членом предложения, в свою очередь имеет зависимый член предложения — дополнение, которое подчиняется сказуемому по линии управления. Дополнение конкретизирует выражаемое сказуемым действие.

Следует заметить, что в зависимости от того, глагол или именное слово (с послелогом или без послелога) требует после себя слова в определенной форме падежа, различаются управления глагольное и именное (или: именное послеложное).

Например, в предложении — *Цыремпил Козлов Иванай орлогшо байһан туладаа командирай харюусалгые бэе дээрээ абаһанаа мэдэрбэ.* „Для Цыремпила, поскольку он был заместителем Ивана Козлова, стало ясно, (буквально: осознал), что ответственность командира отряда теперь он принимает целиком на себя“ — сказуемое *мэдэрбэ* конкретизируется дополнением *абаһанаа* „принятие (свое)“, которое делает сказуемое *мэдэрбэ* более локальным и конкретизированным, чем одинарное употребление в предложении сказуемого *мэдэрбэ* „осознал“, а дополнение *абаһанаа* в свою очередь конкретизируется двумя дополнениями *бэе дээрээ* „на себя“ и *харюусалгые* „обязанности, ответственность“, которые управляются дополнением *абаһанаа* грамматической формой (*харюусалгые* Вин. пад.) и *бэе дээрээ* (Им. п. существ. с послелогом).

Подчиняющее слово-сказуемое требует, чтобы подчиненное слово-дополнение стояло в одной из падежных форм, в частности в форме винительного, орудного, дательного, исходного или совместного падежей с послелогами или без них.

Примеры: *Албыень хүнгэлхые гуйлга саарһа барижа ороддонод* (Вин. пад.). *Ядуу үгытэйдөө, үбшэ зэмдэгтээ гомдол мэдүүлнэд* (Дат. пад.) „Входят с прошением, чтобы облегчили требуемые с них подати. Пишут жалобы от бедных и больных“; *Харин Бадма Харагшан хоёр* „хараябди“ *гээжэ шэбэнэнэд, гарһаань барижа табинагүй* (Исх. пад.) „Но Бадма и Харагшан схватили его за руки и шепчут ему: „Посмотрим“: *Харуулаар хайгдаһан юумэл зүйгүй байдаг* (Ор. пад.) „То, что гладко обстругано рубанком, не имеет задоринок“; *Айхабтар үргэн тэргэ дээрэ улаан шабар үршоогууд* (послелог *дээрэ*) „На необыкновенно широкой телеге (сложены) красные глиняные горшки“; *Тиигээд ухаатай нягта хүн гээшэ ондоо танигдаагүй хүнтэй уулзан сасуу ушар*

ябадалаа удхалан бултыень тоолодоггүй юм (Совм. пад.) „Между прочим, умные и выдержанные люди, впервые встретившись с незнакомым человеком, не раскрывают перед ним все свои цели и намерения".

Сказуемые, выраженные переходными глаголами, выражая непосредственное и сильное управление, требуют прямого дополнения, выраженного винительным падежом без послелогов. Управляющий глагол обозначает переход или направленность действия на объект, в пользу или во вред ему: *Миний түрэ хуримые үймүүлхэ һүйдхэхэ гэжэ ерээ гүш?* (*хуримые* — в Вин. пад., *үймүүлхэ*, *һүйдхэхэ* — переходные глаголы) „Неужели вы пришли, чтобы расстроить мою свадьбу?".

Глаголы-сказуемые, управляющие падежами через послелоги и другие косвенные падежи (кроме винительного), образуют опосредствованное и слабое управление. В этом случае глагол-сказуемое не непосредственно, а через послелог управляет формой дополнения: *Мария Николаевна болон Сэсэгхэн тухай Доржо нүхэдтөө хөөрэжэ үгэбэ* „Доржи рассказал своим товарищам о Марии Николаевне и Сэсэгхэн", где сказуемое *хөөрэжэ үгэбэ* управляет словом-дополнением через послелог *тухай*, который нейтрализирует значение переходности глагола-сказуемого на его объект.

В других случаях действие может не переходить или не направляться на объект. Это происходит от того, что все те дополнения, которые выражены косвенными падежами, кроме винительного, обозначают предметы и людей, вещи и понятия, которые служат объектом действия, названного переходным глаголом-сказуемым, условием его совершения: *һүхөөр сабшаха* (Ор. пад.) „Топором рубить" — орудие совершения действия; *Хүнтэи танилсаха* (Совм. пад.) „С человеком познакомиться" — совместность совершения действия; *Мориндо һууха* (Дат. пад.) „Садиться на коня" — совершение действия в пользу или во вред кому-чему-нибудь; *Гарһаань бариха* (Исх. пад.) „Поймать за руку" — распространение действия на часть чего-нибудь и т. д.

Примыкание.

Примыкание характерно для выражения грамматического подчинения неизменяемых слов, обозначающих способ, место и время совершения действия, господствующему слову.

По способу примыкания сочетаются обычно наречия с другими словами, а также слова из других частей речи, выступающие в предложении в качестве определения или обстоятельств совершения действия, а именно: во-первых, примыкают все разряды наречий, функционирующие в предложении, как

Схематически можно представить типы и виды связей:

слов как частей речи в предложении (односторонняя связь)

членов предложения (разносторонняя зависимость)

Сочинительный вид — 1) свойственен для связи между равносильными словами, отвечающими на одинаковый вопрос, имеющими одинаковые грамматические формы и являющимися словами одной и той же части речи; 2) и осуществляется союзами, интонацией.

Подчинительный вид — 1) свойственен для связи между неравнозначными словами, т. е. между подчиняющими и подчиненными словами: а) вопрос исходит от одного слова и на него отвечает другое слово; б) грамматическая форма одного слова обусловлена требованием другого слова; 2) осуществляется: а) грамматическими формами слов (падежные аффиксы и временные и другие глагольные форманты); б) грамматическими категориями (служебные слова); 3) и подразделяется на:

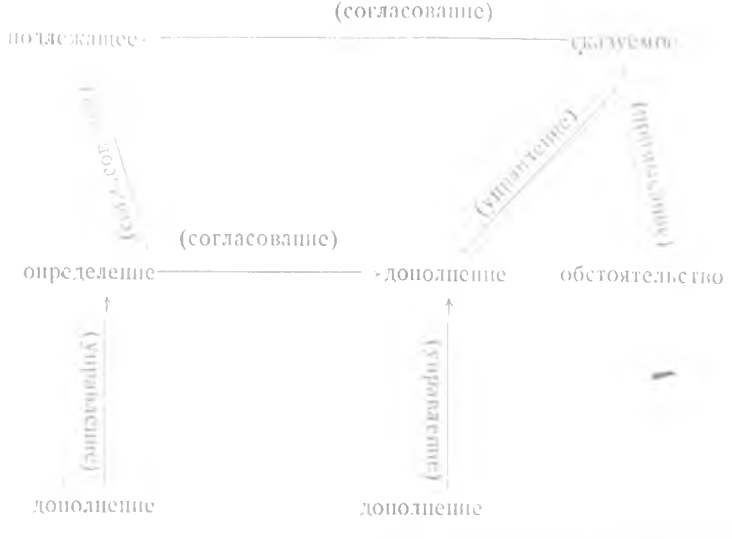
Сочинительный вид — 1) свойственен для связи между равноправными членами предложения, отвечающими на одинаковый вопрос, имеющими одинаковые грамматические формы, являющимися однородными членами предложения, выраженными словами из одной и той же части речи; 2) и осуществляется союзами и интонацией.

Подчинительный вид — 1) свойственен для связи между неравнозначными членами предложения, когда один член предложения конкретизирует содержание другого члена, отсюда а) один член предложения отвечает на вопрос другого члена, который в свою очередь может отвечать на вопрос третьего члена предложения и б) они имеют различные морфологические оформления; 2) осуществляется грамматическими формами слов и союзами; 3) подразделяется на выражения отношений:

выражающие отношения

атрибутивное (согласование) | предикативное (управление) | обстоятельственное (примыкание)

атрибутивного (согласование определения с подлежащим и дополнением и согласование сказуемого с подлежащим) | предикативного (управление сказуемого дополнением). | обстоятельственного (примыкание обстоятельства к сказуемому)

обстоятельства (*гэнтэ, халба, хам, хожом, мүнөө, тугаар, эндэ, тэндэ, доро*$_4$ *дээрэ*);

во-вторых, другие слова в своей первичной форме: качественные имена прилагательные (*һайн, муу, сагаан, ногоон*), предметные имена существительные, обозначающие преимущественно место и время совершения действия или долженствование (*город, тосхон, хада, шугы, үдэшэ, үдэр*).

Примеры: а) *Эндэ байжа болохоёо болёол*; *Эшэгэн тэхэ энэ газарыемнай эзэлээл* „Здесь жить стало невмоготу: этой землей завладел козленок"; *Тугаар ерээшэдшни хэд һэм?* „Кто были такие, которые пришли недавно?"; б) *Тэрэш, үнэхөөрөөшье, һайн хэбэ* „Действительно, он хорошо сделал"; в) *Зай, нүхэр, бишни үнгэрэгшэ үдэшэ ехэ муухай юумэ хэбэ гээшэб* „Ну, товарищ, в прошлый вечер я совершил страшный поступок"; *Москва ошоо һэн ха* „Уехал в Москву";

в-третьих, примыкают и такие слова, которые оформлены ограниченно локальными аффиксами и преимущественно специфическими аффиксами орудного, дательно местного и исходного падежей, которые окаменели в выражении значении места, времени и способа совершения действия. Эти специфические аффиксы способствуют переходу слов, относящихся к другим частям речи, в наречия. Примеры:... *Мүнөө гэнтэ яагаад хүн дээрһээ хоёр хүбүүдээ эндэһээ абаашахаяа ерээд байнаб*... „Чем объяснить, что он вдруг решил именно сейчас взять обоих своих сыновей?"; *Ойгоор тэнэжэ ябаһан арьяатанай арһые сумаа соом гэжэ бү һана"* „Не считай, что уже имеешь в твоей сумке шкуры хищников, пока еще бродящих в тайге"; *Хэрэгтэй сагта газаа нохойнуудшье эбтэй шангаар боролдохоёо болидог* „В нужный момент даже собаки перестают громко тявкать на улице".

Таким образом, примыкают к сказуемому наречные, а также и другие слова, функционирующие в предложении в качестве обстоятельств как в первичной, так и в застывших формах косвенных падежей. Особенно часто эти слова имеют аффиксы дательного, орудного и исходного падежей. См. таблицу.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Главные члены предложения.

Подлежащее.

Слова в предложении организуются определенным образом, и каждое из самостоятельных слов в нем выполняет определенные смысловые задания и грамматические функции.

Однако не все слова в предложении выступают на равных правах. Это неравенство обусловлено выполняемой словом в предложении функцией, лексической его ёмкостью и

грамматической формой. Так, слова, которые выражают то, о чем говорится и что говорится о предмете в предложении, выступают в предложении как его главные члены — подлежащее и сказуемое, а все остальные слова выступают как второстепенные члены предложения, поясняющие подлежащее или сказуемое в выражении ими субъекта и его действия.

Подлежащее — главный член двусоставного предложения, обозначающий лицо или предмет, о котором что-либо говорится. Любое слово, обозначающее предмет в широком смысле слова, в предложении может быть грамматическим подлежащим.

Характеристика подлежашего. 1) Подлежащее в полной форме проявляет себя в двусоставном предложении: *Хэшэгтэ өөрөө гаража ерэбэ* „Хэшэгтэ сам вышел".

2) Подлежащее — независимый, самостоятельный, господствующий и стержневой член предложения, к которому относятся сказуемое и определение, следовательно, вокруг него группируются все остальные члены предложения. Подлежащее, как правило, выражается именным словом и отвечает на вопросы именительного падежа: *хэн?* „кто?", *юун?* „что?": *Заримдаа Доржодо өөрынь һайн хүсэд эрмэлзэл гашуун гомдол асардаг* „Иногда приносило горькое раскаяние Доржи его хорошее стремление". Вокруг подлежащего *эрмэлзэл* в предложении группируются определения и сказуемое, через последнее дополнение с определением;

3) В предложении в качестве подлежащего выступают преимущественно имена существительные и все остальные слова, заменяющие его по значению и грамматической форме (Им. пад. с прибавлением различных частиц): субстантивированные причастия, числительные, а также местоимения, заменяющие имя существительное:

а) имя существительное — подлежащее: *Түлижэ байһан галтнай түүдэг боложо шатаг лэ, талада тариһан кукурузатнай тэжээл боложо шадаг лэ* „Пусть загорится костром зажженный вами огонь, пусть будет кормами посеянная вами на целине кукуруза";

б) субстантивированное причастие — подлежащее: *Толгойтнай туй сагаан болог өө! Тууһантнай мянган сагаан болог өө!* (*тууһантнай* — субстантивированное причастие) „Пусть будет Ваша голова совершенно белой! Пусть то, что (овца) вы ведете, будет тысячеголовой отарой белой масти";

в) субстантивированное числительное — подлежащее: *Хоюулаа хэһэн бутээсэтэй, холшорлоод ябаһан зугаатай* (*хоюулаа* — субстантивированное числительное) „Когда вдвоем делаешь — производительнее, когда живешь в дружбе — веселее";

г) местоимения — подлежащие: *Би гэһэн гансаараа, бидэ гэһэн бүгэдөөрөө* (*би, бидэ* — личные местоимения)" „Когда есть „я" — одиночество, когда есть „мы" — сообщество, все вместе";

Энэнь энэл аабза, һэшхэл гээшэнь ямар бэ? (*энэнь* — указательное местоимение) „Он-то, конечно, он, но какова же у него совесть?“; *Хэнишье, юуншье боложо болохо юм аалам* (*хэншье, юуншье* — неопределенные местоимения) „Может стать (он) кем угодно и чем угодно“;

4) Подлежащее может иметь после себя различные показатели, которые служат разделительным барьером между ними и другими членами и интонационно отделяют его от остальных компонентов предложения. К таким показателям подлежащего относятся: *болбол, гэжэ, гээшэ* и различные притяжательные частицы: а) *Энэ хэрэг болбол олон зониие яһала хулгилуулһэн байха юм* „Это дело волновало многих людей“; б) *Тэрэ хадаа газарай тама болохо хаатаргаһаа зугадан тэрьеде* „Он сбежал с каторги, явившейся адом на земле“; в) *Хун гээшэ бүхэл эд байна даа...* „Человек — это все же существо выносливое“ (о твердости характера и физической выносливости).

Эти показатели могут довольно свободно употребляться один вместо другого, а в целом они обусловливают необходимую паузу для отделения подлежащего от остальных членов предложения, в частности для установления интонационной связи между подлежащим и сказуемым, если оба члена выражены словами в одной и той же форме (*түмэр болбол металл*);

5) Одной из особенностей бурятского языка является то, что подлежащее не во всех предложениях может быть дано в полной форме: так называемые предикативные частицы, приращенные к сказуемым, иногда могут заступать подлежащее, и так могут быть представлены в одной грамматической форме сказуемое и подлежащее (*би*) *багшаб,* (я учитель-я); (*Би*) *ехэшье холоһоо ерэһэн хун бэшэб даа* „Я пришелец не из очень далекой стороны“; *Тиимэ дээрэһээнь*: *Бата зайһанайда мантаяа ошожо, намарайнь худэлмэри хэлсэхэ болоо гээшэлши даа* „Поэтому тебе придется идти со мною и работать у Бато-зайсана в период осенней страды“;

6) Подлежащее в предложении преимущественно занимает первое место и всегда впереди сказуемого: *Бата ерэбэ* „Бато пришел“; *Морин бэлшээжэ ябана* „Конь пасется“;

7) Грамматическое подлежащее в предложении активной конструкции совпадает с логическим субъектом: *Цыремпил нэгэшье дуугарнагүй* „Цыремпил ничего не говорит“, а в предложении пассивной конструкции, где в качестве сказуемого выступают глаголы страдательного залога, грамматическое подлежащее не совпадает с логическим субъектом: *Бата Бадмада хаягдаба* „Бадма поборол Бато“ (букв. Бато побежден (в борьбе) Бадмой“).

Сказуемое.

Сказуемое — второй главный член предложения, зависимый только от подлежащего. Сказуемое — такой член, который обозначает действие, состояние или признак подлежащего. Однако в определенных случаях сказуемое может и самостоятельно без подлежащего оформлять предложение.

В качестве сказуемого может выступать в принципе любое знаменательное слово, но наиболее свойственна функция сказуемого глагольным формам. В бурятском языке сказуемое характеризуется особыми морфологическими признаками, а также особым местом, занимаемым в ряду других членов предложения.

Сказуемое обычно интонационно обособляется со всеми словами, группирующимися вокруг него (дополнения и обстоятельства) и отделяется от подлежащего более длительной паузой: *Колхознигууд // таряан ажал дээрээ байна.*

Глагольные формы, выступающие в предложении в качестве сказуемого, обладают лицевыми и временными показателями для выражения временных отношений совершения действия субъектом, поскольку они выявляют характерные черты подлежащего: *Аюшын Гунжэдэй хуримда гэжэ эноэ тэндэһээ хун зон ошожол байна (-на* — суффикс настоящего времени).

Все другие знаменательные части речи, за исключением личных местоимений, в роли сказуемых в предложении употребляются в основном в форме именительного падежа: *Пушкинай энэ зохеол али зэргэ һонин бэ?* „Чем замечательно это произведение Пушкина?". *Энэ үлөөшэнь хээр морин* „Оставшийся здесь — Гнедко". *Энэ ном минии* „Эта книга моя" (Род. пад.). Сказуемое почти всегда замыкает предложение. Исключение составляет употребление сказуемых в поэтической и диалогической речи, когда они могут находиться перед другими членами предложения — подлежащим или обстоятельством:

Долгөор сэсэрээ Байгал далай,
Дулаан сагые хүлеэгээ далай.

Формы выражения сказуемых в языке различны. Эти формы составляют типы сказуемых. Сказуемое бывает простое и составное.

I. Простое сказуемое обычно конструируется из одних именных или глагольных слов.

Простое глагольное сказуемое состоит из изъявительных, повелительных глагольных форм, форм обращения, причастий и сопутствующих деепричастий:

а) изъявительная форма: *Үнөөхи хоер хүбүүд ерэбэ* „Те двое мальчиков пришли";

б) повелительная форма: *Зориһон хэрэгшни бүтэг!* „Пусть исполниться то, к чему стремишься“;

в) причастие: *Тиихэдэ Доржо гоё һайхан сааһһатай конфетэ эдиһэн юм* „Тогда Доржи ел конфету, обернутую в красивую бумажку“;

г) деепричастие: *Харин Найртын Галша шэнги баг сэгээ мэдэнгүй, үлүү гаратараа баяжаһан Үбгэнэй Бадматай худа болобоб гэжэ бардам омогоор аашалжа байтараа, газар үмхэжэ унаад, ганса басагаяа амидыгаар алдажархёод, амаа ангайжа гээгдэһыень харанабди.*

Простое именное сказуемое состоит из одного именного слова: *Харин зоной дуун болгожо дуулаа һаань, бүри һайн* „Было бы хорошо, если сделать ее песней народной (имя прилагательное).

Именные слова могут выступать в качестве сказуемых, как в форме именительного падежа, так и в форме косвенных падежей. Имя существительное, имя прилагательное и имя числительное, выступая как именное сказуемое, характеризуют подлежащее как предмет, его качество, свойство, количественный его признак и т. п. *Морин — гэрэй амитан* „Лошадь — домашнее животное“ или количественно определяет подлежащее: *Бадма арбатаи* „Бадме десять лет“; *Тарган моридой олохоншье һаань, табилуулмаар моридынь нэгэ-хоер* (имя числительное) „Хоть и много хороших лошадей, но годных для бега — одна-две“; *Даахита сагаан азарга далан дабхар тохомтой* (имя существительное) „Белый жеребец с линькой имеет потник в семьдесят рядов“ (заг.); *Эд ехэтэ дошхон, эрдэм ехэтэ номгон* „богач — сварлив, ученый — степенен (*дошхон, номгон* — имена прилагательные).

II. Составные сказуемые обычно состоят из двух слов и делятся на составные именные сказуемые и составные глагольные сказуемые.

Составные глагольные сказуемые выражаются сочетанием глагольных форм (изъявительных, причастных и сопутствующих деепричастий) с вспомогательными глаголами типа *байха, болохо* и наречиями типа *ehотой, янзатай*, где глагольные формы выражают основную идею действия, а вспомогательные глаголы и наречия играют служебную роль.

Вспомогательные глаголы обозначают время совершения действия, выраженного глагольными формами, а наречие — способ совершения действия или долженствование:

Нюдэнииь улаан шара болошоһон байба „Глаза его сделались желто-красными“ (причастие *болошоһон* и вспомогательный глагол *оашба*);

Буландахи стол дээрэ наһтархан лагван, элэшэһэн гуурһан, зузаан дэбтэр, хэды номууд эмхигүйгөөр хэбтэжэ б шоад „На столе, стоящем в углу, беспорядочно лежали низенькая чернильница, тупое перо, толстая тетрадь и не-

сколько книг (деепричастие *хэбтэжэ* и вспомогательный глагол *байбад*).

Үнэхөөрөөшье, та хоёр юушэн гээшэбта, гэрлэхэ гээ наа гэрлээд орхиит саашань!.. „Что же вы мешкаете, если хотите жениться — женитесь!"... (глагол повелительной формы *орхиит* и наречие *саашань*);

Тэрэ тухай байха ёһотой „Так должно быть" (*ёһотой* — наречие, *байха* — вспомогательный глагол); *Таниие медсанбат ябуулха ёһотой байгаа* „Вас надо было отправить в медсанбат" (*ябуулха* — изъявительная форма, *ёһотой* — наречие и *байгаа* — вспомогательный глагол).

Составные именные сказуемые образуются сочетанием именных частей речи со служебными словами: вспомогательные глаголы и наречия обозначают существование предмета во времени и в долженствовании. Служебные слова служат для выражения времени, долженствования и связи главных членов предложения между собою.

Составные именные сказуемые обозначают предмет, к которому относится другой предмет с указанием времени: а) местоимения и служебные слова: *Үгы, энэмнай юун боложо байнаб?* „Постой, что же это такое происходит?"; б) имя прилагательное и служебные слова: *Бататанаи эндэ саг соогоо ерэһэниинь һайн байна* „Хорошо, что семья Бато вовремя успела прибыть; в) имя числительное и служебное слово: *Танай хүбүүн арбан табатай болобо* „Вашему сыну исполнилось пятнадцать лет" (*арбан табатай* — имя числительное).

Второстепенные члены предложения.

Дополнение.

Главные члены предложения, выражая основную мысль высказывания, во многих случаях могут быть конкретизированы дополнениями, определениями, обстоятельствами.

Дополнение — второстепенный, зависимый от сказуемого член предложения, отвечающий на вопрос, обычно исходящий от сказуемого: *Хэлэһэн бүгэдэдөө сэсэн онһон үгэ, хошоо үгэнүүдые элбэгээр ба шадабаритайгаар хэрэглэнэ* „Каждый раз, когда он говорит, мастерски употребляет пословицы и поговорки". Следовательно, дополнение входит в состав коммуникационной группы, в группу сказуемого. Вместе с тем дополнение в свою очередь может иметь зависимый член предложения — определение: *Өөрынгөө даисанһаа бэшые харахи дуулахагүй, иимэ тулалдаанда дүлии һохор болошоһон бүргэдүүдэи дээшээ үгсэхэ үедэ буу һүрэшэбэ* „Раздался выстрел в тот момент, когда не замечавшие ничего, кроме своего врага, ослепленные и оглушенные же-

стокой битвой, беркуты поднимались вверх". В предложении дополнения выражаются теми же частями речи, которые выступают в предложении и в качестве подлежащего, а именно: имя существительное, имя прилагательное, причастие, имя числительное, местоимение, наречие.

Примеры: имя существительное — дополнение: *Доржые эсэгэнь, газар хахалхадаа, таряа хадахадаа, абаашадаггүй;*

имя прилагательное — дополнение: *Эрхые һуранхаар, бэрхые һура* „Лучше испытать трудности, чем нежиться";

причастие — дополнение: *Айл зонһоо һалаһые альһан дараха, эжэлһэн һалаһые шоно дараха* „Оторвавшегося от народа постигнет неудача, отставшего от стада задавит волк";

имя числительное — дополнение: *Хоюулайень дуудажа асараад, дүүргэхэ даабариень тодоор хэлэжэ үгэбэ* „Вызвав обоих, подробно рассказал, как сделать это задание";

местоимение — дополнение: *Шамайе һаин үхибүүд гасаалнагүи, эгээл муу хүбүүн Саша Климов гасаална ха юм* „Тебя хорошие ребята не обижают, а ведь дразнит только самый вредный из мальчиков — Саша Климов";

наречие — дополнение: *Хойшохиёо мэдэхэгүй ябадал һаин ябадалай үрэ бэшэ* „Жизнь, которая не принимает в расчет будущее, не есть признак осознанной жизни".

Дополнение, как член предложения, находится перед сказуемым, но может отделяться от него другими членами предложения, например: *Юу эндэ хээбта?* „Что здесь вы делаете?" (дополнение в вопросительном предложении); *Энээнииe бидэ хоёр, баһа ман шэнги манай нүхэд үнэнөөр гэршэлхэ ёһотой,— гэжэ хэлээд, Фёдор һууриһаа һуга харайн бодожо, Гаврюшые хараад зогсоно* „Не только мы с тобой, но также наши единомышленники должны воздать этому справедливость" (дополнение в восклицательном предложении); *Хада тойрообди* „Обогнули гору" (дополнение в неполном предложении).

При полисемантичности бурятского глагола, выступающего в предложении обычно в качестве сказуемого, дополнение является почти обязательным компонентом предложения, так как порою без дополнения невозможно вполне точно передать законченной мысли. Так, например, полисемантичный глагол *татаха,* „тянуть" может получить конкретное значение только в сочетаниях: *тамхи татаха* „курить", *талха татаха* „молоть или лапшу делать", *дура татаха* „влюбиться", *зүн татаха* „предчувствовать", *хүлөө татаха* „прекратить общение" и т. д. В зависимости от того, каким падежом управляет глагол, дополнение может быть прямым или косвенным.

Прямое дополнение. Грамматическим показателем действия субъекта, переходящего на объект, служит прямое дополнение. Следовательно, дополнение называется прямым, если оно стоит при сказуемом, выраженным переходным глаголом.

Прямое дополнение непосредственно управляется глаголом-сказуемым и располагается обычно перед ним, отвечая на вопросы *хэниие? юуе? юу?: Мүнөө Срулевичэй далан зургаан моридые абажа шэрэлгэдэ ябадаг гушан гурбан хүн соо долоон татар, хорин гурбан ород,гурбан украин, нэгэ бурят, тэрэнь хадаа Цыремпил байгаа.* „К 76 лошадям Срулевича приставлено 33 человека, из коих семь татар, двадцать три русских, три украинца, один бурят, который и был Цыремпил"; *Колхознигуудаа баһал мэхэлхэ ёһогүйбди... хахад һара болотор һу, тоһомнай сугларха, үшөө гахайнуудаа худалдахабди, аймагтай зүбшэн хэлсээб гэжэ Зоригто Эрдынеевич хэлээ һэн* „Мы не вправе каждый раз обманывать колхозников... В течение полумесяца будет собрано молоко и масло, еще продадим свиней, (об этом) я договорился в районе,— сказал Зоригто Эрдынеевич".

Дополнение может относиться не только к сказуемому, но оно может употребляться при других членах предложения, выраженных отглагольными существительными.

Косвенное дополнение. Косвенное дополнение употребляется для обозначения орудия или средства действия, объектов, подвергающихся действию, предмета, к которому направлено действие, объектов удаления, лишения, достижения, желания, лица, в пользу или во вред которому совершается действие, например: *Һүхөөр сабшаха* „Топором рубить"; *Мориндоо үбһэ үгэхэ* „Дать коню сено"; *Урилдаанда түрүүлээ* „Опередил в скачках"; *Нүхэрһөөн абаха* „У товарища своего возьмет".

Косвенное дополнение отвечает на вопросы, исходящие от сказуемого: *юунһээ?* „от чего?", *хаанаһаа?* „откуда?", *хэндэ? юундэ?* „кому? чему?", *юутэй?* чем?, с чем?, *юугээр?* „чем?" и т. д. и может быть послеложным: *Эсэһэн эхэнэрнүүдтэ үдэшэлэн Мархансай өөрөө нэгэ нэгэ ойһоной ноохо үгэбэ* „Вечером Мархансай раздал уставшим от работы женщинам по клочку шерсти на пару чулок", *Мүнөөшье хубсаһатай бэшэлши даа* „И теперь нет у тебя одежды"; *Сайһаа уужа гарыт* „Отведайте чаю"; *Гэр соо оробо* „Вошел в дом".

Послеложное дополнение отличается от обстоятельства тем, что (1) отвечает на прямые падежные вопросы *юунһээ?* „от кого?", *хэндэ? юундэ?* „кому? чему?", *хэнһээ? юунһээ?* „с кого? с чего?" и т. д.

(2) Послеложное дополнение употребляется обычно при глаголах движения и обозначает предмет с пространственным значением, пределами которого ограничивается действие субъекта. Они отвечают на вопросы, комплектованные сочетанием вопросительных местоимений *хэн? юун?* „кто? что?" с послелогами, обычно оформленными аффиксами некоторых косвенных падежей, часто с притяжанием: *юун тээшэ? юун соohоо? юун уруу?*

юун соонь? хэн тухайдань? хэн тухайда? хэнэй дунда? юунэй саана? хэнэй ойро? и т. д.: *Баашка үбгэнтэй дархалжа олон мунгэнэймнай үлөөдэһэн гэхэдэ, арба гаран түхэриг хармаан соомни бии ха юм,— гээд һанана* „Он вспомнил, что у него в кармане осталось около десяти рублей от тех денег, что заработали вместе со стариком Башка"; *Гэр тээшэ ошожо яваһанаа һая мэдэбэ ха* „Только и понял, что он идет по направлению к дому".

Косвенное дополнение выражается именами в форме косвенных падежей, за исключением форм родительного и винительного падежей, и с послелогами или без них.

Определение.

Второстепенный член предложения, конкретизирующий предмет со стороны его качества, количества, принадлежности, составляет определение и отвечает на вопросы: *ямар? юутэй? хэдыдэхи? хэды? хэнэй? юунэй? хаанахи?*

Определение отличается от других членов предложения следующими смысловыми и грамматическими признаками:

(1) обозначает признак предмета по принадлежности или по свойству;

(2) отвечает на вопросы определительного характера;

(3) находится в предложении всегда впереди определяемого слова;

(4) оно всегда относится к именному слову, каким бы членом предложения ни являлось.

Примеры: *Доржо үбгэнэй* (хэнэй?) *гэрэйнь* (юунэй?) *туд урда гурбан* (хэды?) *шэнэ* (ямар?) *сэргэ зоогоотой, мүн гэрэйнь зүүн хойно хоёр шэнэ сэргэ зоогоотой байна* „Прямо впереди юрты старика Доржи было посажено три новые коновязи, и также на северо-востоке юрты — две новые коновязи".

Определение как член предложения по своему значению неоднородно и конкретизирует определяемое слово с разных сторон, а именно:

а) свойство или качество предмета: *Шэрээ бүхэнтэй, шэрүүн зогдортой, энгин хара тэмээмнай энэ мүн байна* „Это и есть наш черный верблюд с грубой гривой и с горбами величиной со стол"; б) признак предмета с количественной стороны: *Арбан дүрбэн хони ямаа туужа ябаа һэн ха* „Гнал четырнадцать голов овец и коз"; в) признак предмета по характеру его деятельности: *Ябаһан хүн яһа зууха, хэбтэһэн хүн хээли алдаха* (по смыслу соответствует русской пословице: „Труд кормит, а лень портит"); г) признак предмета по принадлежности его другому предмету или лицу или через отношение предмета к материалу, из которого он состоит: *Тэрэнэй толгойнь Доржын мориной сами багта бул-*

талзана „Его (коня) голова показывается у паха коня Доржи"! *Шулуун гэрэй хажууда суглараад байгаашад бага зэргэ үсөөржэ эхилбэ* „Публика, собравшаяся у каменного здания, стала редеть". *Миний морин хурдан аад, мэжэрэн дохолходоо яана гээшэб?* „Мой конь ретивый, отчего же он прихрамывает?"; *Хадын орой манатаад, хагсуу болохые зүгнөө гү?* „Окутана туманом вершина горы, не предвещает ли оно ненастье?".

Определение морфологически оформляется (1) нулевым показателем, т. е. определение может находиться в именительном падеже единственного числа. Такое нулевое оформление характерно почти для всех видов определения, за исключением притяжательных: *Һайн хүн* „Хороший человек"; *Модон гэр* „Деревянный дом"; *Шулуун зүрхэн* „Каменное сердце"; *Хасаг эмээл* „Кавалерийское седло" (предметно-относительное определение может охватить в свою очередь целую серию оттенков определительных нюансов, как назывные, уподобительные, предметные, орудные и т. д.);

(2) родительным и совместным падежами, когда оно определяет предмет как его часть или принадлежность другого предмета: *Доржын зоригтой омог харюуда наһатай* (совмест.) *Һургагшань минэд гэбэ* „Улыбнулся (его) пожилой учитель смелому гордому ответу Доржи. (Ср.: *Хоёртой хүбүүтэйб гэжэ хөөрөө һэн* „Говорил, что у него двухлетний сын"); *Доржын сухал хүрэжэ эхилнэ* „Доржи начал сердиться" (Доржын — Род. п. выступает в предложении, как притяжательное определение, выражающее обладание им чем-либо, в данном случае — *сухал*). Ср.: *Хоёрой нэгэн болуужа гээд, тэрээндэ хуу хэлэжэрхёо ха* „Он рассказал ему все, сообразив, что другого выхода у него нет".

Причастия, выступая в предложении в качестве процессного определения, могут быть простыми или составными: простые причастные определения состоят из одного причастия *Харанан хүн хэлэг* „Пусть говорит тот, который видел", а составные причастные определения состоят из сочетания двух и более слов: деепричастия с причастием, или причастия с причастием: *Хойноһоо нүүжэ ерэһэн зонууд ажалай элдэб янзын дүршэлнүүдтэй байдаг юм гэжэ хэлээд, үгэеэ дүүргэбэ* „В заключение своей речи, он сказал, что переселенцы, прибывшие с севера, имеют хорошие хозяйственные навыки".

Определение может относиться к любому именному слову, выступающему в качестве любого члена предложения, в том числе и к словам, выступающим в качестве определения:

(1) определение к подлежащему: *Шэлын орой харагдана* „Видна вершина горы";

(2) определение к определению: *Тэрэ түүдэгэй галынь һалхинда наигалзан гүрбэнэ* „От ветра пламя этого костра колыхалось"; *Мяхалиг улаан нюуртай, шэрүүн дүлгэтэй*

энэ хүбүүн Доржоһоо нюургаар үндэршэг, наһааршье ахамаг хэбэртэй „Этот мальчик с мясистым красным лицом, с жесткими волосами был выше Доржи и старше".

(3) определение к дополнению: *Өндоо отогой хүүгэдые доро үзэн доромжоло гэдэг юм гу?* „Разве заставляют, чтобы ты обижал ребят из других селений?; *Дундахи нухөөрнь тээрмээ байлгангүй, ороһоёо хэжэ шададаг* „Не останавливая мельницу, успевал ссыпать зерно";

(4) определение к именному сказуемому: *Тэрэ байгаашаш миниі һайн хээр* „Тот, что здесь — мой добрый Гнедко".

Приложение.

Предмет, обозначенный именем существительным, может иметь при себе другое название, которое определяет или уточняет его содержание.

Это своеобразное определение, представляющее собою дублетное название предмета, названного основным словом, называется приложением. Обычно приложение выражается именем существительным или субстантивированным словом из иных частей речи. Грамматическая особенность приложения заключается в его неуподоблении определяемому слову в падеже. Приложение может быть оформлено одинарным словом или целым словосочетанием и употребляется для обозначения (1) собственного названия предмета: *„Унэн" газетэ, „Эрдэм" кино*; (2) лиц по принадлежности к той или иной национальности, по профессии и т. д. и предметов по собственному, ему присвоенному, имени: ***Москва*** *город*, ***тракторист*** *басаган*; (3) форм и признаков предметов: ***үхэр*** *шулуун*, ***ташуур*** *буу*.

Обстоятельства.

Второстепенный член предложения, уточняющий признак действия, названного сказуемым и указывающий на образ или способ совершения действия, его место, время, причину, цель и т. п., называется обстоятельством.

Обстоятельство может относиться не только к глаголу-сказуемому, но и к глагольным словам вообще и ко всему предложению. Оно отвечает на вопросы *хэзээ?* „когда?", *хаана?* „где?", *хайшан гээд?* „каким образом?", *ямар?* „какой?" и т. д., и комплектуется, поскольку оно характеризует процесс действия, преимущественно наречиями, деепричастиями, послеложными именами существительными и другими именными словами в падежах с „пространственным" значением: *Хахад үдэрһөө урагша шэхэ хордоомо хүитэн* „До полудня холод такой, что уши обжигает" (*хахад үдэрһөө урагша* —

наречное словосочетание); *Энэ хүнэй хажууда һуужа болохогүй байба гээшэ* „Сидеть около этого человека было нельзя“ (*энэ хүнэй хажууда* — послеложное существительное); *Оно дээрэнь шэбшэжэ, уни гаратар уншаба, шэхэн дээрэнь шэбшэжэ, дүлэ гаратар уншаба* „На зарубке заклинал, что дым пошел, на ушке заклинал, что пошло пламя“ (*гаратар* — деепричастие); *Уулын үндэрэй харгыда оодорон соёроо буурал хан* „По высокой горной дороге рысью шел аргамак“ (*харгыда* — имя существительное в дательном падеже).

Обстоятельство обозначает качественную характеристику действия, способ совершения действия, временно-пространственную характеристику совершения действия и характеристику совершения действия по цели, причине и условию.

Обстоятельство способа или образа действия. Обстоятельство способа или образа действия показывает, как и каким образом совершается действие и выражается наречиями, деепричастиями и именными словами в косвенных падежах: *Тэрээнтэй үзэхөөрөө үзэхэб, харахаараа харахаб гэжэ шоншорон байтарна, гэнтэ хүхэ сагаан боложо, харанхалан унашаба* „С ним все равно встречусь и расправлюсь“ — с такими мыслями он вдруг побледнел и упал в обморок“ (*шоншорон, харанхалан* — деепричастие, *гэнтэ* — наречие); *Гүйдэлөөр ерэжэ мэдүүлээд, һөөргөө бусаһан байна* „Пришел бегом, и известив ушел обратно“ (*гүйдэлөөр* — имя существительное в орудном падеже).

Этот разряд обстоятельств может обозначать и качественную характеристику и способ совершения действия. В этой роли обычно выступают адвербиализованные имена прилагательные, некоторые разряды наречий: *Һайн һууна* „Хорошо живет“; *Түргэн хэдэг* „Делает быстро“; *Бэшэн һууна* „Сидит, пописывая“; *Энеэбхилэн хэлэбэ* „Сказал, улыбаясь“.

Обстоятельство места. Обстоятельство места обозначает место совершения действия, направление действия, исходный пункт и предел действия и выражается преимущественно наречием места, именами существительными в дательном, исходном и орудном падежах без послелогов и с послелогами и деепричастием предела.

а) Место совершения действия: *Тэндэ сугларагшад бултадаа өөһэд өөһэдынгөө мүрлэн орохо газарнуудые эбтэигээр һубарин эзэлбэд* „Все собравшиеся там заняли свои места по рядам так, чтобы не мешать друг другу (*тэндэ* — наречие места); *Тэгшэ зайһанай үбэр соо байһан үнэтэ тухэриг...* „Драгоценный рубль, находящийся за пазухой Тэгшэ-зайсана“ (*үбэр соо* — имя существительное с послелогом);

б) Направление действия: *Урдаһаань тэргэтэй сагаан морин хатарна* „Навстречу ему рысью несется запряженная в телегу белая лошадь“ (*урдаһаань* — навстречу, спереди);

в) Исходный пункт и предел действия: *Манзуурхаһаа Эрхүү абаашажа ябатарнь, Фрунзе тэргэдэшоо* „В пути из Манзурки в Иркутск Фрунзе сбежал"; *Эрхүү хүрэтэр ябаха замынь үшөө холо байгаа* „До Иркутска было еще далеко".

Обстоятельство времени. Обстоятельство времени обозначает время действия, его начало, окончание и повторяемость совершения действия и выражается наречием времени, некоторыми именами существительными, деепричастиями: *Энэ үедэ Мунхэ баабай зоной дунда бии боложо: Байг, Еши зүб тиигээ...* „В это время среди толпы появился Мунко-баабай и сказал: „Оставьте, Еши поступил правильно..."";

Энэ Пётр Иванович болбол баян Срулевичэйдэ тэбхэр долоон жэл соо худэлһэн байгаа „Пётр Иванович батрачил у богача Срулевича ровно семь лет";

Энэ сагһаа эхилээд бээ бэлэдхэхэм гэжэ үгээ үгөө һэн „Дал слово, что будет, начиная с этого времени, готовить себя";

Хожом хэхэб гэжэ хэжэ байһан юумээ бү орхи „Не оставляй начатого дела";

Дулма, бэшэгээ энэ дороо дуусһаад орхи „Дулма, давай сейчас же допиши свое письмо":

Мэшээг уруугаа хожом хэжэл мэдээрэй „Знай только потом набивать свой мешок".

Обстоятельство причины. Обстоятельство причины обозначает основание или повод для совершения действия и отвечает на вопросы *юундэ?* „почему?", *яахадаа?* „каким образом?", *ямар ушарһаа?* „по какой причине?" и т. д. Оно выражается наречиями, причастиями в косвенных падежах, именами существительными с послелогами, местоимениями и т. д.: *Юундэшьеб нэгэ удаа байһанайнгаа хойно дүүргээб гэжэ хэлээ һэн* „Почему-то после некоторого молчания он сказал, что закончил"; *Иван Сергеевичтэ үхибүүдэй айхабтар дуратай тула, тэрэ һонирхоһон асуудалдань ходо харюу үгэдэг* „Дети очень уважали Ивана Сергеевича, и он давал исчерпывающие ответы на интересующие их вопросы"; *Хэжэ ядаад, хаяба* „Бросил, не справившись"; *Тиимэ шалтагаан дээрэһээ эльгээхэгүй гэжэ хэлсээ һэмди* „Мы решили не отправлять по этой причине";

Үбшэлһэндөө янгархана ёһотой даа „Наверное, капризничает из-за болезни".

Обстоятельство цели. Обстоятельство цели обозначает цель совершения действия и отвечает на вопросы *юундэ?* „почему?, зачем?", *юунэй тулада* „для чего?", *яахаяа?* „для чего?" и т. д. Обстоятельства цели комплектуются преимущественно причастиями в косвенных падежах с послелогами: *Өөһэдынгөө эдихэ абахын тулада, худал хуурмагаар хэлэһэн юм* „Ради своих корыстных целей он лгал и обманывал

людей"; *Пароходоор город ошохоёо үсэгэлдэр гэртэйээн гараа һэн* „Он выехал с тем, чтоб попасть в город на пароходе".

Обстоятельство условия. Оно обозначает условия совершения действия и отвечает на вопросы *яагаа һаа?* „каким образом?", *хэнтэй һаа?* „если с кем?", *яагаашье һаа?* „каким образом?".

Обстоятельство условия комплектуется причастиями, изъявительными формами глагола, именными словами с послелогами и различными частицами: *Шүдэн мохоошье һаа, ногоондоо зүб* „Зубы, хотя и тупые, траву разгрызают (остр); *Саг соогоо ерэбэшье һаа, уулзажа шадаагүйдөө гомдолтойб* „Хотя и прибыл вовремя, но обидно, что не сумел повстречаться"; *Морин гэшэш мал лэ хадаа харюусахагүйнь мэдээтэй ааб даа* „Ведь лошадь — животное, существо безответное".

Однородные члены предложения.

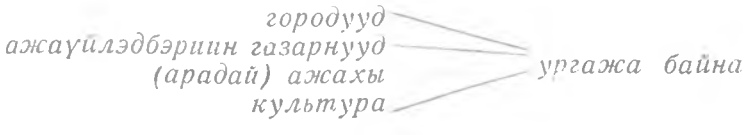
В предложении могут находиться как несколько одинаковых главных, так и второстепенных членов, выполняющих одинаковые синтаксические функции, отвечающих на один и тот же вопрос и имеющих одинаковое грамматическое отношение к одному общему члену. Такие члены предложения называются однородными.

Однородные члены предложения могут быть самостоятельными (однородные подлежащие и однородные сказуемые) или подчиненными (однородные второстепенные члены — однородные дополнения, однородные определения и однородные обстоятельства). Несколько подлежащих может иметь одно сказуемое и, наоборот, несколько сказуемых может относиться к одному подлежащему, точно также несколько определений может относиться к одному определяемому и т. д.

Подчиненные однородные члены предложения могут сами иметь от себя зависимые слова: *Эдэнэр халуун намарһаа наашаа хүндэ хара эльгэтэй нойтон шэнэһэн хуйтэн газар хоёртой харанхыһаа харанхы хурэтэр носолдоходоо...* „Когда они с ранней осени от темна до темна возились с сырой листвянницей и копали мерзлую землю, то..."

Однородные члены предложения характеризуются рядом специфических черт: 1) господствует между ними сочинительная связь, указывающая на перечислительный порядок последовательности одного члена за другим и на их равнозначность. *Советскэ республика бүхэндэ городууд, ажаүйлэдбэришн газарнууд, арадай ажахы ба культура үдэр бүри һалбаран ургажа баина.* „В каждой советской республике изо дня в день растут и расцветают города, промышленность, сельское хозяйство и культура".

Схемой можно представить эти однородные подлежащие по отношению к сказуемому:

Или однородные дополнения: *Иигэһээр байтар, Антоновкын оршондо хатуу тулалдаануудай болохонь элитэ байжа, Ворошиловай нэрэмжэтэ колхозые бүхы зонтоёо, һургуулитаяа, библиотекэтээ, адуу малтаяа, хүрэнгын таряатаяа, машина зэмсэгтээ зүүлжээ зөөхыень советскэ командовани уялгалаа һэн* „Тем временем стало известно, что в районе Антоновки предстоят ожесточенные схватки, и поэтому советское командование приказало колхозу имени Ворошилова эвакуироваться на восток вместе со всеми членами, школой, библиотекой, скотом, семенным зерном и машинами“; *Урда зүгэй һүниин дуулимые, жаргалтай һайхан мэдэрэл олгодог тэрэ тунгалаг урин сагые, аали номгон байдалые, гургалдайн жэргээе, одо мүшэдэй эмнилдээе, һарын зөөлэхэн туяае би хараһан үзэһэн хүм* „Я знал и много слышал о достопримечательностях южных стран, об их мягком и теплом климате, благотворно влияющем на самочувствие человека, о трелях соловьев, о звездах и луне на черном небе ночи“;

(2) однородные члены предложения обычно выражаются одинаковой морфологической формой: одинаковыми падежными и временными формами: *Целлюлозо хабтаһанай саанаһаа нэбтэ харагдаһан олон точкотой, тэдээн дээгүүр ото гараһан хара улаан зурлаатай картатай, арһан хүреэ соохоо булталһан компастой сүүмхэеэ зүүгээд...* „Повесив сумку с компасом, который выглядывал из-за кожаного обводка, и с картой, снабженной множеством точек, выступающих сквозь целлюлозный щиток, и красной чертой, проведенной наискось через всю карту...“ Здесь однородные дополнения выражены существительными в совместном падеже.

Однородные члены могут выражаться морфологически различными категориями: разными формами и словами из различных частей речи: *Үндэр ехэ ойн эзэн, танай бэлэгтэ би ехэ баяртайб* „Высокий и могучий лесной владыка, я очень рад вашему подарку“. Здесь однородные определения *үндэр ехэ* и *ойн* — имеют различные морфологические оформления (*үндэр* и *ехэ* — именительный падеж, а *ойн* — родительный падеж). Они комплектованы из различных частей речи (*үндэр* и *ехэ* — имена прилагательные, а *ойн* — имя существительное);

(3) однородные члены предложения могут сочетаться между собой посредством союзов и без союзов для выражения равноправности, противительности и т. д.: а) Союзы *ба, болон* употребляются для сочинения двух равноправных членов предложения: *Гэрэй мал, ан арьяатан ба хүн амитан—һүн тэжээлтэд болоно* „Домашние животные, звери и люди — млекопитающие существа"; *Саһа шуурган, һалхи бороо болон наранай элшэ байгаалиин зүйлнүүдые һандаргадаг* „Снег и буран, ветер и дождь, и солнечные лучи разрушают предметы в природе"; б) противительные союзы *теэд, аад, харин* выражают противительное отношение одного однородного члена к другому: *Эндэхи газар уһа мэдэхэгүй аад, хэдэн хоногто төөрижэ, туража үхэхынгөө туйлада хүрөөд ябатараа, харин зол хуби боложо, танай отог дээрэ ямар талаангаар орожо ерэбэ гээшэбиб*... „Не зная здешних мест, я несколько дней блудил и дошел до полного изнеможения, но счастливая звезда привела меня к вам, на вашу стоянку"; в) разделительные союзы *гү, али, нэгэ һаа—үгы һаа* употребляются для выражения того, что из двух явлений или фактов, обозначенных однородными членами, возможно только одно: *Мүнөө энэ хүндэ хүшэр хүдэлмэридэ халуун намарһаа хошо хүдэлһэнэйнгөө түлөө хүлһэ абаха хоёр гү, али нөөхи һохор хони абажа эдиһэнээрээ дүүргэхэ юм гү?* „Получат ли они полный расчет за ту изнурительную работу или кончится тем что нам забили одну слепую овцу на продукты еще осенью";

4) однородные члены предложения могут иметь при себе обобщающие слова, как например, числительные: *Удабашьегүй Нашан Бата Жарантай үбгэн хоёр ажалда дарагдажа эсэшэһэн аад, муухан дэбидхэрнүүд дээрээ хэбтэн сасуу хурхиралдашана.* „Нашан Бата и старик Жарантай (вдвоем), усталые, изнуренные, захрапели, как только успели лечь на свои ветхие постели".

Количественные имена числительные *два, три* и *четыре* обобщают однородные члены предложения. По заданию предложения они подвергаются морфологическому изменению, а однородные члены предложения потенциально считаются по своему оформлению морфологически измененными и находящимися в том падеже, в каком стоит обобщающее количественное числительное: *Цыремпил Бата хоёрые дуудажа асараад, хэхэ юумэнүүдыень хэлэжэ үгэбэ* „Вызвал Цыремпила и Бато (обоих) и рассказал, что они должны делать".

Однородные и неоднородные определения. Однородные определения имеют место там, где предмет по своим признакам определяется с одной стороны, однородные определения, тождественные по значению, распространяются каждое в отдельности на часть предмета, как его односторонняя характеристика: *Нөөхил Жарантай үбгэнэй үгэһэн хуушан хахар-*

хай хахад хүдэһэн дэгэлэй хормой һабинана, моринойнгоо уһалжа садахые хүлеэжэ байха зуураа, хоёр хүлөөрөө газар дэбһэсэгээн байха зуураа, ишэ тишээ эрьелдэн байжа, голһоо шэшэрэн үргөө ташагануулна (хуушан „старый“, *хахархай* „рваный“).

Неоднородные определения употребляются в речи в виде все возрастающей по широте характеристики предмета с разных точек зрения, когда последнее определяется одним из определений непосредственно, а другие определения могут характеризовать определяемое вместе с определением: *Үглөөнэй ханхинама хүйтэн жабар шэнэһэн тужа модоной хаягаар һубагтан уняартана* „Утренний пронизывающий морозный ветер заволок дымкой протянувшуюся в дали чащу“. Это можно представить в виде следующей схемы:

Строй простого предложения.

Простое предложение выражает одну простую мысль, и отличается оно от сложного предложения своей структурой. В любом простом предложении может быть только один, два или несколько неоднородных главных членов предложения, а именно: одно подлежащее, одно или два сказуемых, если имеем дело с оборотами.

Предложение, в котором налицо оба главных члена — подлежащее и сказуемое,— называется двусоставным: *Наран гараба* „Солнце взошло“ (*наран* — подлежащее, *гараба* — сказуемое“).

Предложение, в котором имеется только один главный член — одно подлежащее или одно сказуемое,— называется односоставным (назывным, безличным). Следовательно, двусоставное предложение имеет два центра или два главных члена, а односоставное — один центр или один главный член, этой своей спецификой оно отличается от неполного предложения, в котором может быть опущен один или несколько членов предложения.

а) **Безличное предложение**. Оно конструируется одним главным членом предложения — сказуемым — при отсутствии необходимости наличия в предложении подлежащего. Обычно безличное предложение передает как бы само по себе совершающееся действие, независимо от действующего лица. Последнее не подразумевается ни в предыдущем и ни в последующем предложении. Не только формально, грамматически, отсутствует подлежащее в предложении, но оно отсутствует и в мысли. Следовательно, безличное предложение односостав-

ное, в котором отсутствует подлежащее. Оно употребляется для изображения явлений природы, различных физических и психических состояний, переживаний субъекта: *Бороожобо. Дулаарба. Үүр сайба.*

б) **Неопределенно-личное предложение.** Это такое односоставное и бесподлежащное предложение, которое обозначает действие, совершаемое неопределенными лицами. Сказуемые в таких предложениях выражаются формами многократного причастия: *Урихада гэтэдэг, уулгахада шагнадаг* „Когда приглашают, приглядывается, когда поят, заглядывается"; *Нургуулида уншадаг, бэшэдэг, зурадаг* „В школе читают, пишут, рисуют"; *Углөөгүүр шүүдэртэй байдаг. Эртэ манатай байдаг.*

в) **Назывное предложение.** Это такое односоставное бессказуемостное предложение, которое называет предмет или явление в его бытии, существовании. Главный член выражается обычно именем существительным в именительном падеже. Назывные предложения употребляются для изображения последовательно сменяющихся картин, событий, явлений действительности. В назывном предложении утверждается наличие или бытование предмета или явления в момент речи, то есть в настоящее время: *Сталинград. Халуун. Тоһон. Буугай дуун.* Ура!... „Сталинград. Зной. Пыль. Стрельба. Ура!.."

Слова, грамматически не связанные с предложением.

а) **Обращение.** К словам, которые не входят органически в состав предложения и грамматически не связываются с другими членами предложения, относится обращение. Обращение выражается словами, с которыми обращается говорящий к собеседнику для того, чтобы он, собеседник, обратил внимание на его высказывание. Сфера его употребления — диалогическая речь. Оно употребляется в беседе и в художественной литературе, и может быть одиночным и распространенным: *Кузя, нээрээшье, энэмнай хонхын абяан лэ!* „Кузя, в самом деле, это звон колокола!"; *Хайратай илдамхан амарагни, хахасан намһаа мордохошни...* „Дорогой мой, милый друг, уезжаешь (ты) от меня..."

Оно обозначает второе, дублетное имя того, к кому обращаются (имя стоит в именительном падеже), а другое слово, обычно личное местоимение, выступает в предложении как подлежащее: *Ши, Бадма, хэжэ байһан юумэеэ дүүргэхээ оролдоройш* „Ты, Бадма, постарайся выполнить все то, что ты начал".

При взволнованной речи обращение может иметь дублетную, двойную форму: *Бадма, Бадма, ойлгод гэжэ ябаарай*

„Бадма, о Бадма, будь осторожен“ или принимать различные усилительные частицы: *О нүхөөр, нүхэр, тиигэжэ болохогүй* „О, друг, нельзя так поступать“ и, наконец, можно обращаться и к неодушевленному предмету: *Унгэ арюун үргэн далай, үдэр һүнигүй долгиёо салгидуулнаш* „Широкое море с чистой синевой (цветом), днем и ночью несешь свои волны“.

б) **Вводные слова**. Слова, которые выражают отношение говорящего к своему сообщению и грамматически не связаны с членами предложения, составляют вводные слова. Они относятся как к целому предложению, так и к его частям.

Отношение говорящего к своему сообщению бывает различным и имеет значения: а) утверждения (*нээрээшье* „правда“, *мүншье* „факт“, *тиимэ* „такой есть“): *Нээрээшье, шинии хэлээшэ зүбтэй байгша аа гү?* „Действительно, как бы не оказалось правдой то, что ты сказал“; б) предположения (*магад* „может быть“ ,*юрэдөө* „вообще“, *тухайлхада* „по предположению“ и т. д.): *Байза, юрэдөө, юугээ хэлэжэ ябаһан Базай гээшэб, тэрэмни?..* „Подожди-ка, что Базай говорит, а?“;

в) связи с предыдущей мыслью (*тиимэ, жэшээнь, гэбэшье* и т. д.): *Тиимэ хадаа, тэрэ хэрэгшни һаяар бүтэхээ болёо гээшэ ха* „Если так, то это дело скоро не завершится“;

г) порядка изложения (*нэгэдэхээр, хоёрдохёор*): *Нэгэдэхээр, яһала һайнаар хэгдээ гэжэ тэмдэглэхэ ёһотой* „Во-первых, должен сказать, что оно очень хорошо сделано“.

Вводные слова выделяются в предложении от членов предложения паузой. Вводными могут быть целые предложения: *Ульяновск (В. И. Ленинэй түрэһэн город) Волгын эрье дээрэ оршоно* „Ульяновск (город, где родился В. И. Ленин) расположен на берегу Волги“.

На письме вводные слова и предложения выделяются запятыми, скобками и тире. Они могут находиться и в начале, и в середине и в конце предложения: *Зай, тиимэл болоһой даа* „Итак, пусть будет так“; *Урда жэлэйнгээ амжалтануудһаа, магад, мүнөө жэлэйхимнай бага бэшэ байжа болохо* „Можно полагать, что достижения нынешнего года будут не меньшими, чем в прошлом году“.

Причастный оборот.

Причастия в группе других слов образуют отдельный отрезок предложения — оборот, который является развернутым обстоятельством, относящимся к основному сказуемому, для выражения времени, причины, условия и способа совершения главного действия, выраженного в предложении окончательной глагольной формой. Причастия могут выступать или с частицами притяжания или в сочетании с послелогами, если приобретают функцию существительного.

Причастный оборот подразделяется на два вида в зависимости от наличия или отсутствия действующего субъекта, выраженного именными словами в родительном падеже: он может быть самостоятельным и несамостоятельным.

Самостоятельный причастный оборот, как развернутое обстоятельство, конструируется (в отличие от несамостоятельного) включением в него многих членов предложения, в том числе и сказуемого и логического подлежащего, выраженного именем в родительном падеже: *Энэнь манай колхозой залуушуулда үльгэр жэшээ боложо үгэбэ,— гээд, Сэсэгэй альгаа ташахадань, баһал ехэ хухеэн болоһон байгаа* „Когда Сэсэг в заключение своей речи подчеркнула, что это стало лучшим примером для молодежи нашего колхоза, и сама же зааплодировала, то это вызвало большое оживление". Этот пример иллюстрирует наличие в самостоятельном причастном обороте подлежащего (вернее, логического субъекта) в родительном падеже (*Сэсэгэй альгаа ташахадань*).

По своему значению самостоятельный причастный оборот, поскольку обслуживает сказуемое основного предложения, близок ко всякому обстоятельству и обозначает способ и время, условие и причину совершения действия, выраженного главным сказуемым:

Гурбан ламанарай тэрэ газарые дуулыень хараад, бусажа ябахадань, мунөө хэлэгшэ айлшаниинь харгы зам дээрэ байба „Когда трое лам возвращались домой после осмотра всей окрестности, по дороге встретили знакомого им гостя";

Миниг захяагүйдэ, тэдэнэр бусажа ерэхэ ёһогүй һэн ха „Они не должны бы возвращаться до тех пор, пока я их не приглашу";

Тогоошоной ябахатай сасуу, томо бэетэй нэгэ хара нохой ерээд, тогоон соохи уусыень зуугаад ябашаба „Как только ушел повар, пришла большая черная собака и унесла крестец, лежавший в котле";

Манай ерэхые таанад мэдэһэн байгаат „Вы знали о нашем прибытии".

Схема подчинения оборота основному сказуемому:

Несамостоятельный причастный оборот представляет собою развернутое обстоятельство, состоящее из ряда членов, за исключением подлежащего. В качестве сказуемого оборота выступает причастие в дательном падеже (с безличным притяжанием). Он обозначает время и причину совершения побочного действия, раскрывающего главное действие, выраженное основным сказуемым: *Тэрэ бэлэгээ эзэндэнь хүргэжэ ошоходоо, бүхэтэ эрьеын мяха дууһан эдихэ нэгэ түшэмэлые бэелээрээ абаад ошохо хэрэгтэй* „Вместе с подарком господину нужно брать с собою одного сановника, который может скушать целиком горбатого барана“; *Тэндэ ороод байхадаа, юун гэжэ хэлэхэ хөөрэхэ болонобибди?* „Что будем говорить, когда зайдем туда?“.

Деепричастный оборот. Структура и типы деепричастного оборота. Обстоятельственные деепричастия выступают в предложении в качестве развернутого обстоятельства[1], например, *Уржадэр эндэ ерэоэл, би танайда ошохо һэм.* (условное деепричастие) „Если бы пришел позавчера, я пошел бы к вам“.

Такая конструкция предложения, где, напр., *ерэбэл* употреблено как сказуемое отрезка предложения без подлежаще-

[1] Ср.: известный исследователь русской грамматики Буслаев, вслед за ним многие авторы русской грамматики считали, что причастие и деепричастие представляют собою так называемые сокращенные придаточные предложения, которые в известных случаях заменяют так называемые полные, придаточные предложения.

го, находит аналогию в русском деепричастном обороте, который относится к сказуемому, как напр., Я жил недалеко, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Возьмем еще ряд примеров: *Доржо ерэтэрээ тэндэ амарһан юм или: Ерэтэрээ Доржо тэндэ амарһан юм* „Доржи отдыхал там до того, как он сюда попал".

Машина, городһоо гаратараа, һайн гэгдэһэн байна: или *Городһоо гаратараа, машина һайн гэгдэһэн байна* „Машина была признана хорошей до того, как выехала из города";

Бригада, поли дээрэ гараһаар, хүдэлжэ эхилээ или: *Поли дээрэ гараһаар, бригада хүдэлжэ эхилээ* „Бригада, как только выехала в поле, начала работать";

Дондог, тэндэхи һонинниие һаяшаг дуулахалаараа, ехэ ондоо болоһон гэхэ или: *Тэндэхи һонинниие һаяшаг дуулахалаараа, Дондог ехэ ондоо болоһон гэхэ* „Говорят, что недавно, как только узнал о новостях той стороны, Дондок очень преобразился";

Манайхид, дутуу бэлдээд, эндэһээ ябамсаараа, удангүй бусаба или: *Дутуу бэлдээд, эндэһээ ябамсаараа, манайхид удангүй бусаба* „Наши вскоре вернулись, лишь только вышли отсюда из-за того, что плохо были подготовлены";

Би, гэртээ оронгоо, Москвагаар дайрахаб или: *Гэртээ оронгоо, би Москвагаар дайрахаб* „На пути заеду в Москву"; *Би, гэртээ амаранхаар, мүнөөдэрые хүдэлжэ үнгэргэхэм* „Вместо того, чтобы отдыхать дома, я проведу этот день на работе".

Приведенные примеры даны в двух вариантах: в одном — деепричастная группа находится между главными членами предложения, а в другом — впереди обоих главных членов. При постановке деепричастной группы перед подлежащим деепричастное сказуемое принимает суффикс безличного притяжания. Значение предложений от места расположения (до и после подлежащего) не изменяется: в том и другом положении оно относится к сказуемому главного предложения при одном подлежащем, ибо деепричастная группа своим бытием предполагает характеристику сказуемого в широком смысле слова и составляет развернутый член.

Деепричастная группа, являясь развернутым членом предложения, относится к сказуемому, образуя деепричастный оборот, суть которого заключается в обрастании деепричастий относящимися к нему членами в тенденции обособиться от главного предложения и выполняет самостоятельную синтаксическую функцию.

В этой форме деепричастного оборота знаменательно то, что в ней нет самостоятельного логического субъекта, отдельного от субъекта в главном предложении, как напр., *Нөдонон городһоо эндэ ерэтэрээ, би тэрэ ном уншажа дүүргээгүй орхёо һэм* „В прошлом году до отъезда из города я не за-

кончил чтение той книги", где *би* „я" относится и к *ерэтэрээ* и к *орхёо һэм*.

Эта форма соответствует русскому деепричастному обороту типа, напр., Придя домой, он запер за собой дверь.

Деепричастный оборот по своему значению делится на временной, условный, целевой, уступительный и причинный развернутые члены. К временным развернутым членам относятся обороты, сказуемые которых выражены предельным, последовательным, продолжительным и предварительным деепричастиями; к условному развернутому члену — оборот с условным деепричастием; к уступительному развернутому члену — оборот, сказуемое которого выражено уступительным деепричастием; к целевому развернутому члену — оборот, сказуемое которого выражено попутным деепричастием; к „предпочтительному" (с суффиксом на *-нхаар*) развернутому члену — оборот, сказуемое которого выражено формой предпочтения.

Другой (второй) формой деепричастного оборота является развернутый член предложения, имеющий в своем составе, кроме сказуемого, дополнения, обстоятельственные слова, также и подлежащее, в отличие от первой формы, где нет „самостоятельного" подлежащего, напр.: *Моринойшни ерэбэл, хоюулан уһалуужамди* „Если твой конь придет, то вдвоем пойдем поить";

Миниі тэндэһээ бусажа ерэтэр, һургуулиинхид тараагүй байгаа һэн „До моего отъезда оттуда, школьники еще не были отпущены";

Доржын ябаһаар, гурбан жэл болоо „Прошло три года, как уехал Доржи";

Поездын ябамсаар, таанад станци соohоо гаража ерэбэт „Как только ушел поезд, вы вышли со станции".

В приведенных примерах мы имеем такую конструкцию предложений, которая отличается от обычного деепричастного оборота наличием логического субъекта, грамматически оформленного родительным падежом.

Наличие логического субъекта ставит деепричастный оборот в разряд придаточных предложений, которые характеризуются „относительно логической самостоятельностью,— во-первых, а во-вторых, отдельно выраженным сказуемым и подлежащим. Напр., во фразе: *Пароходой городһоо гаража, эндэ ерэтэр, би машинаар үни ерэһэн байгааб.* „Пока шел сюда пароход из города, я уже давно был здесь, приехав на машине"— фрагмент *параходой... ерэтэр...* выражает относительно самостоятельную от *ерэһэн байгааб* мысль.

Такая форма деепричастного оборота, хотя и имеет свой логический субъект, выраженный родительным падежом, не удовлетворяет требованиям, которыми определяется придаточное предложение, для которого характерно:

1) наличие подлежащего в именительном падеже, ибо синтаксические отношения вообще познаются на основании данных в языке отношений, а не исторических соображений. Знаменательное подлежащее — это то, без которого сказуемое теряет свое значение... (А. А. Шахматов);

2) употребление относительных местоимений и союзов, как способ выражения придаточности;

3) выражение сказуемого придаточного предложения глаголами „полного содержания";

4) самостоятельность сказуемых главного и придаточного предложений, поддерживающаяся наличием „равносильных глаголов".

Деепричастная группа в бурятском языке не отвечает этим требованиям, ибо:

1) подлежащее, выраженное именем в родительном падеже, является „служебным", „не вносящим ничего в значение сказуемого";

2) деепричастие, выступая в качестве „второстепенного сказуемого", не выражает времени, отличного от времени сказуемого главного предложения;

3) деепричастная группа в бурятском языке примыкает к сказуемому главного предложения теснее, что ограничивает возможность выражения мысли, тогда как придаточное предложение представляет собою самостоятельное предложение, исторически превратившееся в один из членов другого предложения.

Таким образом, деепричастный оборот с логическим субъектом в родительном падеже и со сказуемым в форме деепричастия „есть нечто промежуточное между членом простого предложения и развитым придаточным предложением с личным глаголом в сказуемом" (А. А. Потебня).

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Сложносочинённое предложение.

Предложение, которое выражает две или несколько простых мыслей посредством объединения в своем составе двух или нескольких грамматически самостоятельных, более или менее равноправных простых предложений, составляет сложносочинённое предложение:

Хобар боложо, сайан хайлаба „Настала весна, и снег растаял"; *Аяар холоһоо тэрэ зүгтэ харахада, улаан ганга, үндэр эгсэ эрьенүүд хамартажа, тэрээниие зубшан ургаһан шугы бургаһан баглайран ногоорон, хүнэй нюдэндэ хүсэгдэхэеэ болин, хада хушуунай саагуур хоргодожо, үгы болон арилшана* „Когда смотришь издали в ту сторону, то вы-

сокие обрывистые берега, с густо зеленеющей рощей, тянутся в даль и скрываются за мысом".

Сложносочинённое предложение характеризуется рядом особенностей, отличающих его как от простого предложения, так и сложноподчинённого предложения:

а) Оно отличается от простого предложения большей ёмкостью, состав членов предложения больше и имеет два центра (подлежащее и сказуемое+подлежащее и сказуемое), а от сложноподчинённого предложения тем, что в нем в целом выражаются параллельные и взаимно обусловленные мысли, но не связанные с подчинением одной части целого другой: *Доржо ерэбэ, Ханда гараба* „Доржи пришёл, Ханда вышла"; Но: *Үшөө 1815 ондо, Пушкинай 16 наһатай, лицейдэ һуража ябахада, публична экзамен дээрээ үншаһан шүлэгыень дуулаад, Державин хадаа энэ намайе халаха хүн гэжэ хэлэһэн юм* „Еще в 1815 году, когда шестнадцатилетний Пушкин на экзамене в лицее прочитал свое стихотворение, то Державин высоко оценил его таланты словами: „Вот кто заменит Державина" (сложноподчинённое предложение).

б) Сложносочинённое предложение отличается от сложноподчинённого тем, что оно может быть разложимо на два (или более) самостоятельных предложения, каждое из которых способно существовать как грамматически законченное целое:

Зунай наран үдэһөө нилээдгүй үнгэржэ, нэгэшье һэбшээгүй, ехэл бүгшэм болоно. „Летнее солнце уже склонялось к горизонту, но жара не спадала, и было очень душно". (Из этого предложения без изменения смысла можно сделать два предложения: Зунай наран үдэһөө нилээдгүй үнгэрбэ. Нэгэшье һэбшээгүи, ехэл бүгшэм болоно).

в) Сложносочинённое предложение отличается от сложноподчиненного предложения еще и тем, что его компоненты, в силу большей синтаксической самостоятельности, в известной степени выражают между собой отношения обратимости:

Анханһаа иимэ хатуу, һанаашаяа табижа, хүнэй үгэдэ ородоггүй амитан бэлэйш даа, хаанашье тэрэ зангаараа ябаха гэһэн табисууртай хүн гээшэ хаш даа. „Сызмальства ты был твёрд характером, всегда оставался при своих мнениях, тебя было невозможно уговорить, по-видимому, так у тебя написано на роду". Составные части этого сложносочинённого предложения можно переставить местами и при этом не нарушится смысл высказывания: *Хаанашье тэрэ зангаараа ябаха гэһэн табисууртай хүн гээшэ хаш даа, анханһаа иимэ хатуу, һанаашаяа табижа, хүнэй үгэдэ ородоггүй амитан бэлэйш даа.*

Простые предложения, входящие в состав сложносочиненного, объединяются посредством сочинительных союзов, деепричастных форм, окончательной (нулевой) глагольной

формы или интонации, последние три формы связи употребляются в бессоюзных сложносочинённых предложениях.

Сложносочинённые предложения с союзами выражают противительные или разделительные отношения, а именно:

а) Противительные союзы *харин, зүгөөр, теэд* выступают в сложносочинённых предложениях, когда в последних объединяются два предложения с противительными значениями: *Тиихэл ёнотой байгаа, харин бишни үнэндөө хоёр хүнэй хэхэ үүргые нэгэ доро бүтээжэ байна гээшэб* „Так и должно быть, ведь я в самом деле работаю за двоих“;

Ажалгүйшүүл дураа гутанги гэжэ Козлов дуулаһан байгаа, тиин үбсүүндээ орденто эдэ дүрбэн таряашад бүдүүн зон байха, кузнец сухалаа хүрэхэгүй, сухалаашье хүрэһэн хүндэ һай үзүүлхэгүй гэжэ найдаһан байгаа.

б) Разделительные союзы *гү, али, нэгэ һаа — үгы һаа* употребляются в сложносочинённых предложениях, когда в одной его части содержится утверждение, противоположное тому, что утверждается в другой части сложного целого, или сложносочиненное предложение выражает чередование событий, явлений и фактов:

Энэ үедэ Дондок эжынгээ үйлаһан тухайда һанаад сэдьхэлээ ехэл зобожо, эжымни үйлаа гээшэ гү, али хүн хараагаа гээшэ гү, үгы һаа эреэхэн тугалыемнай шоно эдижэрхёо гээшэ гү гэхэ мэтэ юумые һанажа хэбтэхэ зуураа, гэнтэ абынгаа сэрэгтэ мордохоёо байһыень, тиихэдэ эжынгээ үйлаһыень һанана.

Бессоюзные сложносочинённые предложения связывают свои части в единое целое посредством интонации или деепричастных и окончательных глагольных форм.

Окончательные глагольные формы обуславливают сочинительную связь, если в обеих частях сложносочинённого предложения глаголы-сказуемые выражены одной и той же временной формой, но по содержанию обозначают противоположные по характеру действия. При этом простые предложения, входящие в компонент сложного целого, выражают отношения последовательной смены одного действия другим, или одновременность их совершения, или же взаимоисключающие события (о деепричастных формах в роли союзов см. раздел „Сочинение и подчинение с употреблением деепричастий“).

1. *Үбэлэй хүйтэнтэй хамта дулаан гэртэ үбгэн Дондог газаһаа орожо ерэбэ, тэрэ дары Сэсэгынь гэрһээ гаража ябашаба* „С парами с зимнего холода дед Дондок входит в натопленную избу, в этот же момент из избы выходит Сэсэг“. (Последовательность смены действий).

2. *Бороониинь ороод болиношьегүй,*
Борохон шэнеэлни хүндэ боложо байна,
Болзортомни захюулаад болиношьегүй,
Бодолхон дөсоомни хүндэхэн байна.

„Не перестает лить дождь.
Серая шинель моя тяжелеет.
Суженый мой не перестает звать,
Сердцу моему тяжело" (одновременное действие).

3. *Ябахань биршог, эдихэнь горшоог* „Сделает на вершок, а ест целый горшок" (взаимоисключающие явления).

Сложноподчинённое предложение.

Сложноподчинёнными называются такие предложения, в которых предложения, входящие в их состав, не являются равноправными, т. е. одна из составных частей синтаксически подчиняет себе другую посредством союзов и союзных слов.

Часть сложноподчинённого предложения, которая подчиняет себе другую, называется главным предложением, а другая часть, которая находится в подчинении главному предложению, называется придаточным предложением.

Придаточное предложение характеризуется рядом лексико-грамматических особенностей: 1) придаточное предложение зависит от главного предложения в своем грамматическом оформлении: *Байгалай оршон нютагууд Россин гол газарнуудhаа хэды холо заха хизаар байбашье hаа, ажалшадай худэлвэнэй сууряан тэрэ холын нютагуудта эли тодоор дуулдадаг болоhон бэйна* (сказуемое придаточного предложения *хэды холо хизаар байбашье hаа* принимает уступительные частицы *шье* и *hаа*);

2) придаточное предложение своим бытием и употреблением обязано главному предложению, так как оно не является законченным, а только контретизирует, дополняет, раскрывает, поясняет один из членов главного предложения: в—*Дари бидэ хоёр шимэ ара үбэртэ алдартай суутай баян бүдүүн хүнтэй худа ураг болохобди гэжэ hанаан заяан хоёртоо оруулаашьегүй ябаhан хоёр гээшэбди*—придаточное предложение: *шимэ ара үбэртэ алдартай суутай баян бүдүүн хүнтэй худа ураг болохобди гэжэ* — конкретизирует и дополняет сказуемое главного предложения: *ябаhан хоёр гээшэоди;*

3) придаточные предложения выполняют различные синтаксические функции по отношению к главному предложению, сообразно которым различаются придаточные дополнительные, определительные, подлежащие, сказуемые и обстоятельственные.

Придаточные предложения могут присоединяться к главному как при помощи союзов и союзных слов, так и без союзов.

Сложные предложения с придаточными дополнительными.

Дополнительные придаточные предложения, как и простое дополнение, отвечают на вопросы *юу? юун гэжэ? хэнийе?* и т. д. и присоединяются к главному предложению посредством союза *гэжэ* и союзными словами типа *юу—тэрэнийе*, которые располагаются в разных частях сложного целого. Дополнительные придаточные предложения, относясь к сказуемому главного предложения, находятся впереди него: *„Арбаад бухал гарахал ха“ — гэжэ Эрдэмтэ олзуурхан гүбэрнэ.* (Дополнительное придаточное предложение — *„Арбаад бухал гарахал ха“ — гэжэ* относится к сказуемому: *олзуурхан гүбэрнэ*); *Ямараар хүдэлнэш, тиимээр олзо олохош (ямараар — тиимээр* — союзные слова, связывающие дополнительные придаточные со сказуемым главного предложения). *Энэ үедэнь Цыремпил һанажа ябаа һэн: „Зайлуулмар даа, энэ Нашан Бата айха һайрхаха хоёрһоо бэшэ юушье мэдэхэгүй барһан байнаш даа, иимэл хадаа энэ хүрэтэрвв Бата зайһанай барлаг боложо, хайран хара мяхаяа зобоодог хүн гээшэш...* (вторая часть сложного целого отвечает на вопрос сказуемого первой части — *юу һанажа ябаа һэм?*).

Сложные предложения с придаточными определительными.

Придаточные определительные относятся к имени существительному или местоимению, выступающему в главном предложении в качестве его любого члена, и указывают на признак или свойство предмета. Определительные придаточные предложения отвечают на вопрос *ямар?* и связываются с главным предложением союзами *гэһэн, гэдэг, гэхэ мэтэ* и т. д.: *„Хоб хэлэхэ гүш? гэһэн үгэнүүд тэрэнэй уралһаа гоожоһон юумэдэл дээрэ дээрэһээн адхарна* (Б.-Ж.); *Нюур уруумни юумээр шэдэжэрхюужэ гэһэн һэжэг тэрээндэ түрэжэ, амар хэбтэхын оргагүй болобо* (Б.-Ж.); *Гордей үбгэнэй хэлэһэн „аймхай“ гэһэн үгэ тэрэнэй толгой дотор орожо, тэрьедэхэ гэһэн бодол юунһээшье дорой шэнгеэр үзэгдэбэ.*

Даалимбаа хахалжа ядааша болоно: харагты, иимэ бухэ бүд гэнэ гээшэ (придаточное предложение — *иимэ бухэ бүд гэнэ гээшэ* — относится к дополнению главного предложения — *даалимбаа*, определяя его качество).

Сложные предложения с придаточными подлежащими.

Придаточные предложения подлежащие раскрывают подлежащее главного предложения, выраженное указательным

местоимением *тэрэ*, которое отвечает на вопросы именительного падежа *хэн? юун?: Хэн хүдэлмэри хэнэгүйб, тэрэ юумэ эдихэгүй; Хэн ябахаяа яаранаб, тэрэ ябажа байг.*

Придаточные предложения сказуемые.

Придаточные предложения сказуемые раскрывают сказуемое главного предложения: *Энэ хүбүүн хубсаһа хунараашье гоёмсоглохо аргагүи: **бүхы хубсаһаниинь гэхэдэ тулюурхан, простой самса ба халаасһатай үмдэн;** Илюша гэжэ гурбадахи хүбүүниинь нилээн баригүи: **морхогор хамартай, гонзод гэһэн нюуртай, харалган харасатай, ямар нэгэ мохоо үбшэнэй һанаанда баригданги: жэмыһэн уралынь нэгэшье хүдэлнэгүй, буулгаһан нидхэнь һаланагүй, галһаа гаргаһан юм шэнги, ходол нюдөө онпилгоно.***

Сложные предложения с обстоятельственными придаточными.

Обстоятельственные придаточные предложения поясняют сказуемые главного предложения, указывая на время и место совершения действия, цель и причину совершения действия и отвечают на вопросы *хаана? хэзээ? хаашаи гэжэ? ямар ушарһаа?* и т. д.

а) Придаточные предложения способа и времени совершения действия связываются с главными предложениями посредством союзных слов *гээд, гэһэн, шэнги* и т. д.:

*Должодой баабай, танайда үлүү болоһон үрөөһэн дүрөөгэй байгаа һаань, намда үгэжэ туһалыт, би, **үрөөһэн дүрөөгөө дүлэ жиижэрхёод, дүрөө оложо ядааб,** гээд асууна;*

*Танай энэ үгэ хэды ушартай болсбошье, **харюу хэлэжэ шадагдаха үдэрнүүд хүлеэгдэжэ байна** гээд, столойнгоо һугалга сосһоо үнөөхи хүшалгаяа гаргаад, харуулна.*

б) Придаточные предложения места указывают на место совершения действия, названного сказуемым главного предложения, и отвечают на вопросы *хаана? хаанаһаа? хаашаа?* и т. д.

Они связываются с главным предложением союзными словами *хаана — тэндэ, хаанаһаа — тэндэ, хаашаа — тэндэ* и т. д.:

***Хаанаһаа, хаагуур ябаад ерээбши,** тэндээ ошоод хүдэлмэрилжэ эхилхэмнай хирэ болоогүй аал даа; **Хаашаа ошоо гэнэш,** тэндээл хүрэһэн баиха.*

в) Придаточные предложения причины своим содержанием указывают на причину или повод совершаемого действия, о

котором говорится в главном предложении, и отвечают на вопросы *юундэ?* „почему?“, *яахадаа?* „как?“:

*Тэдэнэр мүнгэгүй, арһагүй байһандаа гэмэрэлдэнэ: **Шара Вася нооһо абанагүй*** (юундэ гэмэрэлдэнэб?);

*Харин Мархансайн зангаа хубилһанаинь ямар удхатай ушартайе Тобшой элитэ мэдэбэ: **Мархансай үнэшэрһэн хоёрой үдхэн үндэр ногоотой сабшаланда обтоһон байгаа.***

г) Придаточные предложения цели служат в сложноподчинённом предложении для указания цели совершения действия и отвечают на вопросы *яаха гэжэ? яахаяа? юундэ?*

Они связываются с главным предложением посредством союза *гэжэ: Айлда орожо, альгаа шаража дулаасангаа, **харин шамайгаа бага зэргэ таталуулаагүйдэ урагшаа ябажа, газар хороохоо болибо гээшэ хаш,—** гэжэ аман соогоо дүтүү ядуу гүбэд шэбэд гэн бээрэнхэй амаар дуугарна;*

***Бидэ хүрэхээ ябанабди** гэжэ һүүлшын станци дээрэһээ мэдээ ябуулаабди.*

д) Придаточные предложения уступительные содержат утверждение, которое в главном предложении отвергается или является противоположным тому, что сообщается в придаточном предложении. Они отвечают на вопросы: *яабашье? яабашье һаа? яажа?* и связываются с главным предложением посредством *гэбэшье, гэбэшье һаа, -шье һаа: **Россигаа бусаашье һаа,** энэ басага яахаһаа абиашожа болохогүйб;*

***Цыремпилэй һайн буурал нилээдгүй таһархай сүлхэ, хурдан байбашье һаа,** жагсахагүй мэнэ мэнэ хүсэгдэхэ тээшээ болоно.*

Сложноподчинённые предложения с несколькими придаточными предложениями.

Сложноподчинённое предложение может иметь несколько придаточных.

В системе сложного целого одно придаточное предложение может иметь в свою очередь зависимое от себя другое придаточное предложение. По отношению к своему зависимому предложению оно будет главным, т. е. всякое предложение, за исключением первого и последнего, в сложном целом может быть придаточным по отношению к предшествующему и главным по отношению к последующему.

Такое сцепление предложений между собою в сложном целом называют последовательным подчинением или включением.

Танай „Гасан“ нохойн гүлгэн бишыхан байхада, (→) нэгэ удаа гасаалжа айлгажархиһамни, (→) тэрээнһээ хои-

но мүнөө хүрэтэр мартадаггүй хододоол „һар-һор“ гэдэг болошоо юм,— гэжэрхёод, (→) Бадма һамган хоёрой нюурыень нэгэ нэгээр хулгана шэнги хулууша нюдөөр хаража һууха зуураа, (→) „иигэд гэһээр хөөрэлдөөнэй забһарта арба табанай тухай мүнгэ эрэ һаамни, (→) мүнөө үдэр болоһон байдал дээрэһээ шалтагаалжа хэбэрэгхэнээр үгэжэрхихэ болоод байна бэшэ ха гү“, (→)— гээд һанана.

В сложноподчинённых предложениях несколько придаточных могут относиться к одному из членов главного предложения.

Такой способ подчинения называется соподчинением придаточных.

Соподчиненные придаточные предложения могут быть однородными дополнительными, однородными определительными, однородными обстоятельственными и т. д., например, однородное дополнительное придаточное предложение: *Борис Глебыч барагтай ангууша хүн гээшэл, **теэд эреэн гүрөөһэ хэр агнабат, Нура гараа яагааб гэжэ** һурабашьегүй.*

Прямая и косвенная речь.

Рассказчик или автор повествования может вводить в ткань своего рассказа или повествования высказывания другого лица или самого себя. Такое высказывание называется чужой речью. Она передается двумя способами: прямой речью или косвенной речью.

Прямая речь. Она вводится в рассказ или повествование в такой же форме, в какой она высказана и снабжается вводящими словами автора. Такая речь называется прямой. Прямая речь от вводящих слов выделяется посредством кавычек и различных других знаков. Прямая речь всегда заключается в кавычки.

а) Если прямая речь находится впереди вводящих слов, то она отделяется от них кавычками, тире и двоеточиями: ***„Хүсэ шадалай ба ухаан бодолой эди шэдиие харыт“*** — *гэжэ яармагай олон мянган хүнүүдые урина.*

б) Если прямая речь окажется в середине вводящих слов, то её нужно отделить от вводящих слов посредством тире, запятой и слова *гэжэ: Мүнөөхинь дары газаань үүдэ туласа ерэжэ зогсобо гү гэхэтэй сасуу нэгэ хүнэй айхабтар шангаар: **„Сэдүүгэй Цыремпил гэртээ байна гүш, үтэр га ра наашаа!**— гэжэ хашхарха абяан сад-няд гэшэбэ.*

в) Если вводящие слова окажутся в середине прямой речи, то последняя, прямая речь, отделяется от вводящих слов посредством тире, запятой и слова *гэжэ: **„Харин, хөөрхы миниі аха шүдэеэ хабиран, эндэһээ үгы боло!“**— гээд,*

нюуртань нёлбожо, һүүлээрнь,— „эрхэ сүлөө мандаг, алууршад үгы болог!“ — гэжэ нэгэ удаа хашхараа һэн.

Косвенная речь. Чужая речь может быть передана рассказчиком или автором без соблюдения субъективной экспрессии и описательно: *Нүхэртэй болохомни гэжэ хүбүүнэйнгээ хэлэхэдэ, Ямаахан хүгшэн тэрэм Должодые таһа дүүрэжэ асархаяа байгаа юм гэжэ яажа мэдэлэй*; *Энэмни хадаг морин, үнеэн, хашараг, буруу дүрбэндөө бардам хүрэхэ үбһэтэй болоһон байнам, одоол шигээд Бата зайһанай гарта мүнөө намартаа хайшан гэжэ оронгүй бүтэн үнгэрхэм ааб гэхэ мэтэ олон юумэ бардам бардамаар бодоно.*

Сочинение и подчинение предложений с употреблением деепричастий в бурятском языке.

Общие замечания.

Вопрос об особенностях построения бурятского предложения с точки зрения связи слов в предложении посредством их морфологического оформления, не говоря о порядке слов, интонации и т. д., представляет собою большой интерес. Предложения в бурятском языке, равно как и в других монгольских языках, не обходятся без участия деепричастных форм и в литературном языке, и в разговорной речи.

Деепричастия, играя такую важную роль в предложении, по своей форме и по своему содержанию очень сложны — широка их семантика, заключающаяся во множестве самых форм и в разнообразии их употреблений.

Широта семантики деепричастий и разнообразие их употреблений проявляются при классификации предложений. Напр., *Наран гаража, бороо оробо* „Взошло солнце, и пошёл дождь“; *Наранай гаранаар, бороо оробо* „Как только взошло солнце, пошёл дождь“: *Наран гаража, бороо оробо, ногоон ургаба* „Стояли солнечные дни, шли дожди, трава зазеленела“ („В результате того, что стояли солнечные дни, шли дожди, зазеленела трава“); *Лёнька үгэ хэлэхэ дурагүй байжа, үтэлһэн баабайдаа харюу хэлэнгүй, хуурай шабар обаад, тоохон болотор бажуужа, бодолгото болон һууба* „Лёнька не хотел разговаривать, сидел в раздумьи, рассыпая сухую глину так, что поднималась пыль, и не отвечал деду“ (контрперевод); *Эжыминй яаба гээшэбши,— гэжэ пэбэрин абажа, шуһа шороһень аршан абана* „Со словами: „что с тобой мама?“ обнял её и вытер с неё кровь и грязь“; *Цэрэн модо мургэжэ унаба* „Цэрэн упал, ударившись о дерево“; *Ангуушад болбол ангай мүрөөр мүшхэн гэтэжэ ябадаг* „Охотники охотятся на зверей, преследуя их по следам“.

В приведенных примерах мы имеем предложения, в которых деепричастия выступают в качестве сказуемых сложных предложений (*наран гаража, бороон оробо*) и в роли обстоятельств образа действия (*модо мургэжэ унаба*). Как видим, одни и те же деепричастия в составе предложении могут быть различными членами предложения.

Отсюда следует, что деепричастные формы в качестве самостоятельного члена предложения или его компонента играют существенную роль в определении типов предложений, ибо деепричастия в том или ином словарном окружении и в сочетании с ними существенно меняют связь слов в предложении, напр., *Турэшэн дуулдана. Доржошье абаһаар уунандаа амаа халажа, дуулалсахаар болобо. Зосоонь, адуугаа азаргадаа найдажа ерэһэндээ бүлхитэйшэгшье һаа, нүхэдөөрөө хүхиһөөр оройхон болотор түрэшэлбэ...*

Архи ехээр уугаагүй, ама шангахан халангы адуундаа ошохо гэжэ бодобо. Түрын хүндэдэ һуулсаһандаа Дугартанайнгаа ба бэшэшье түрэшэдэй гар барижа, баяртай үеэд гаража, морин тээшээ алхалба.

Доржын шамдуун түргэн мориндоо ошоходонь, үүрэй солбон дээрэ гараһан байба. Төөнэтэй зэрдэ байһан газараа урда хүлөөрөө сабшажа харуулһан, Доржын ерэхые харахадаа, гомдолтойгоор инсагаана. Байрадаа тогтожо ядана. „Ябыш түргэн, мордо шамдуун, аюул болоол“,— гэжэ собхошон байба.

Доржо мэгдэжэ, үүлтэр һайта моримни юу абяархаба гээшэб гэжэ һанаһаар шамдуун мориндоо мордобо. Төөнэтэй зэрдэ хатираагүй түргэн хатараараа хатарба. Доржын нюурые һэрюухэн һалхин шэрбэн үлеэнэ.

Үүр сайжа байхада, Доржо адуундаа дүтэ ерэбэ. Адуунииньь нэгэ газар монсогойржо обоорооД, үсөөхон болошоһон шэнги харлажа, борложо харагдана. Бүри дүтэлхэдэнь. „Абарыш, аюул болоол, яашаа гээшэбши“,— гэжэ зэмэлһэндэл үүрһэнэ, инсагаалдана.

„Участники свадьбы поют песни. Также и Доржи от первых же рюмок повеселел и уже был готов принять участие в пении. Хотя внутренне беспокоился (досл. внутри сидел червяк беспокойства) из-за того, что он оставил табун на попечении жеребца, однако, веселясь с друзьями, он загулялся до-поздна... Решил (он) вернуться к (своему) табуну, не напившись водки, навеселе. За честь участия на свадьбе попрощался с семьей Дугара и другими участниками свадьбы, сказав „до свидания“, вышел на улицу и зашагал туда, где стоял конь. Когда он быстро подошел к (своему) коню, Венера уже стояла высоко. Төөнэтэи зэрдэ не стоял на (одном) месте. Беспокойство его как бы выражало: „торопись, езжай быстрее, случилось несчастье“.

Доржи встревожился, как только подумал: „что-то нехорошее почуял мой породистый конь", сел на коня и поехал. Гөөнэтэй зээрдэ шёл такой рысью, какой не ходил раньше (никогда). В лицо Доржи дул прохладный ветер.

На рассвете Доржи в плотную подъехал к табуну. Он увидел, что табун (его), сгрудившись, виднелся черным силуэтом и похоже было на то, что количественно уменьшился. „Спаси, несчастье случилось, где ты пропадал"—как бы с укором приветливо ржали кони".

От форм сказуемых зависит типологизация предложений. Посмотрим сказуемые в следующих предложениях: *энэ гэр минии* „этот дом — мой"; *би ерээд байнам* „я пришел" (пришедши есть); *Бато морёор ерэбэ* „Бато приехал на коне"; *Улан-Удэдэ буугаад, наашаа ябагаар ерээд, тэндэ хоножо, үдэрөө үнгэргөөб* „сошел с поезда в Улан-Удэ, оттуда шел пешком, переночевал там и так провел день".

Эти сказуемые, выраженные различными частями речи: местоимением (минии), окончательной формой глагола (ерэбэ), деепричастными формами (буугаад, ерээд), образуют именные и глагольные предложения.

Глагольный тип предложения в свою очередь имеет своими сказуемыми чисто-глагольную форму, причастную (со служебным глаголом и без него) и деепричастную (со служебным глаголом и без него).

Не касаясь чисто-глагольной и причастной форм, рассмотрим деепричастные формы.

Деепричастия делятся по своей синтаксической функции на сопутствующие и обстоятельственные формы.

Рассмотрим синтаксические функции этих двух групп деепричастных форм.

1. Сопутствующие деепричастия (соединительное, разделительное и слитное): а) в составе сказуемого законченного предложения; б) в роли сказуемого со связкой; в) в составе составного члена предложения; г) в роли сказуемого сочиненного предложения и д) способы сочинения.

2. Обстоятельственные деепричастия (условное, предельное, последовательное, продолжительное, предварительное, уступительное, попутное, форма предпочтения): а) их роль в замыкаемом ими отрезке предложения (логическое сказуемое); б) в составе сказуемого законченного предложения; в) способы выражения действующего лица при этих деепричастиях.

1. Сопутствующие деепричастия.

а) Сопутствующие деепричастия в составе сказуемого законченного предложения.

Сопутствующие деепричастия входят в состав сказуемого законченного предложения в качестве одного из составных

элементов.[1] В этой своей функции они выступают в роли „определения", конкретизируя главное действие, выраженное последующей за ними глагольной формой[2], напр., *Болоо ха, байза дэгэлыетнай гаргаагүй байналтайб,— гэжэ бодон ошоод, баруун хоорбо сохоо хуушабтар хухэ сэмбэ тэрлиг гаргажа асараад, дэрэ дээгүүрээ нэмэрүүлэн табижархёод, гэдэргээ ерэжэ һууна* „Со словами: „я, ведь, ещё не вытащила вашу шубу (ваше одеяние)" она встала и вытащила из ящика поношенный халат из сукна синего цвета, разостлала его на изголовьи постели и вернулась на свое прежнее место (откуда она встала)".

В этом примере группы *бодон ошоод, гаргажа асараад, нэмэрүүлэн табижархёод, ерэжэ һууна* состоят из сочетаний деепричастий с деепричастиями же, деепричастий с окончательной формой глагола, в которых первую часть составляют деепричастия, роль которых сводится к показанию способа и характера действия, выраженного последующим глаголом. В сочетании *бодон ошоод* „встав пошёл" — *бодон* поясняет *ошоод— хайшан гэжэ ошоод?* (досл. как пошёл?).

Ср. далее например, в выражении *ябагалжа һууба* „присел на корточки", точно так же *ябагалжа* поясняет *һууба: ябалгажа* конкретизирует действие *һууба*, в отличие от таких, например, сочетаний, как *унтажа һууба* „сидя спал", *мүргэжэ һууба* „сидел молясь", *бархиржа һууба* „сидел плача". В такой функции употребляется разделительное деепричастие в следующих предложениях: *Бидэ бүлта ошоод байха ёһотой байнабди* „Мы все должны быть там", *Улаан боецүүдэй хараад хэбтэһэн газар дээрэ ерэжэ тогтошоно.* „Останавливается, придя к тому месту, где красные бойцы лежали, наблюдая"; *үбэр хармаандамнай мүнгэн яагаад бии болошооб?* „Во внутреннем (нашем) кармане как (или: каким образом) появились деньги?"

Как видим из приведенных примеров, деепричастие выражает сопутствующее главному действие и характеризует его. Эта его функция обусловлена смысловыми связями деепричастий с последующей глагольной формой.

---

[1] Здесь имеем сказуемое по форме составное, но основное понятие предикативности несёт окончательная глагольная форма или причастие со связкой, а деепричастие, как один из элемеитов этой группы, выступает в этом сочетании выразителем сопутствующих главному действию обстоятельств. Поэтому это сочетание можно назвать условно „составным глагольным сказуемым".

[2] Ср.: „Чем более глагол одевается предлогами, тем понятне о действии становится шире по содержанию (то есть по своим обстоятельственным признакам) и уже по объёму, потому что общая качественность и его значение окружаются частною обстоятельственностью действия. Если качественность сообщает всем глаголам в русском языке краски жизни, то обстоятельственность сообщает каждому глаголу отдельно свойственные ему одному разнообразные оттенки". (Н. П. Некрасов, о значении форм русского глагола).

Выражая второстепенное действие, определяющее главное действие, деепричастие выступает в предложении обстоятельством образа действия. В отличие от наречий деепричастие в бурятском языке, в примерах, подобных вышеприведенным, тесно связано по своему значению с последующим действием и выражает одну из сторон основных значений сказуемого.

Сопутствующие же деепричастия в бурятском языке не являются исторически какой-либо формой косвенных падежей. Потому-то они и не могут служить в предложении дополнениями.

б) **Сопутствующие деепричастия в роли сказуемого со связкой.**

Деепричастия участвуют в образовании сложного глагола посредством сочетания со вспомогательными глаголами. В таких сочетаниях деепричастия выступают знаменательным элементом, несущим основное, вещественное значение, а вспомогательные глаголы — служебную функцию, принимая на себя грамматическое оформление для передачи характера и времени действия. „Основа любого глагола соединяется с формами одного из немногих (вспомогательных) глаголов, употребляющихся в качестве „вторых элементов" сложных глаголов". (А. П. Баранников). Так, напр., в сочетаниях: *нидэн ерэбэ* „прилетел"; *уншажа орхибо* „прочитал"; *жороолон харагдана* „иноходью идёт" — „вторые члены" несут служебную функцию и потеряли в данном сочетании с деепричастиями свое лексическое значение. Тоже в сочетании *уншожа орхибо* глагол *орхибо* потерял свое основное значение „оставил" (семантически редуцировался) и только показывает конец „чтения", соответствуя значению русской приставки „про", обозначающей „окончательность действия, его полную законченность".

В сочетаниях: *ябажа байна* „ходит"; *орон байна* „входит", хэбтэжэ байна „лежит" — вспомогательный глагол *байна* „стоит" своей основой *бай* выражает несовершенный вид („ходит"), а окончание *-на* в *байна* показывает только настоящее время и соответственно в сочетании *ябажа байгаа* „ходил" окончание *-гаа* показывает прошедшее время. Вспомогательные глаголы и глаголы, функционирующие в качестве служебных слов, в целом ряде случаев, выступая в сочетании с деепричастием выразителями временных и других оттенков основного действия, слились с деепричастием в произношении и пишутся орфографически слитно.

В качестве служебных слов-глаголов выступают две неравнозначащие категории глагольных слов. Первую группу составляют глаголы „полного" значения, которые в сочетании с одной из форм сопутствующих деепричастий теряют свое лексическое значение. Эту группу глаголов, теряющих свое лексическое значение, составляют большей частью глаголы дви-

жения. В предложении *Бадма хараһаар тиишэ харайжа мэдэбэ,* „увидев (это), Бадма побежал туда“ — *харайжа* „бегая“ выражает основное понятие „побежал“, *мэдэбэ*, сочетаясь с с деепричастием *„харайжа“,* теряет свое значение „знать“ и служит в этом сочетании лишь для выражения вида и времени действия и модальности, выраженных деепричастием *харайжа.*

С такой же функцией употребляется разделительное деепричастие: *һүүлшынхээ туршаад үзэе!* „Попытаемся в последний раз!“; *Намтай заргалдаад үзэг, намай бурууддхахань хало.* „Пусть попробует со мной тягаться, трудно (досл. далеко) сделать меня неправым“.

Вторую группу служебных глаголов составляют вспомогательные глаголы, роль которых сводится исключительно к образованию сложных форм. Вспомогательные глаголы в роли служебных слов теряют свои „знаменательный характер“ потому, что они как бы отдали, выражаясь словами А. М. Пешковского, „свое вещественное значение другому слову“. Возьмем, напр., предложение: *Тиихэдэнь тэрэ һамган хубсаһаа таблаад, һууридань ород, бэеэ угаан байгаа ха.* „Тогда та женщина, зашив одежду (и), заняв место (его, её), мылась“ — здесь *угаан байгаа ха* является составным сказуемым, состоящим из слитного деепричастия, вспомогательного глагола прошедшего времени *байгаа* и частицы подверждения *ха,* а

-н бай выражают вид, а окончание *-гаа* обозначает в этом сочетании только время действия (прошедшее время в повествовании говорящего, как событие, происходящее в настоящее время).

В предложении: *Будүүрхүү янзаар хибэдэһээ хибэлдэн байна* „Лениво пережевывают жвачку“ — *хибэлдэн байна* составляет составное сказуемое, где *хибэлдэн* несёт основное лексическое значение, а окончание *-на* вспомогательного глагола *бай* выражает время действия, выраженного словом *хибэлдэн.* Ср. еще: *Морёо уһалжа байна* „Поит коня“; *Морёо уһалжа байгаа* „Поил коня“; *Морёо уһалжа байха* „Будет поить коня“ — все эти три предложения по смыслу одинаковы, но время действия разное, и эта разница во времени выражается формой спрягаемого глагола *бай,* который ставится в требуемой по смыслу временной форме[1].

в) **Сопутствующие деепричастия в составе составного члена предложения.**

Сопутствующие деепричастия участвуют в образовании слитных сказуемых, неся самостоятельную функцию сказуе-

[1] Ср. „время вспомогательного глагола... рассматривается как одно целое со временем главного действия, как один момент.“ См. Л. П. Размусен. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком, французском языках, ЖМНП, 1891; июль, стр. 43.

мостности в группе однородных членов-сказуемых. В предложении *Би морёо уһалаад, эдеэллээд, хүллэжэ ерэбэб* „Я напоил коня, накормил, запряг и приехал“ при одном подлежащем *би* „я“ имеются четыре сказуемых, из которых два выражены разделительными деепричастиями *(уһалаад, эдеэллээд)*, одно — соединительным деепричастием *(хүллэжэ)* и последнее — окончательной формой глагола *(ерэбэб)*.

Все эти формы выражают отличные друг от друга действия и находятся в этом предложении на разных правах членов-сказуемых предложения. Формы разделительного деепричастия *уһалаад, эдеэллээд* выражают собою последовательность действий во времени, и сочетанием соединительного деепричастия *хүллэжэ* со знаменательным глаголом *ерэбэб* грамматически оформляется завершенность действия.

Соединительное деепричастие *хүллэжэ* выражает в этом предложении самостоятельное, в отличие от определительной функции этого же деепричастия при главном сказуемом, действие. Сопутствующие деепричастия в качестве одного из членов слитного сказуемого характерезуются тем, что, во первых, действия, выраженные этими формами не сопутствуют главному действию. Они не вытекают из других действий и здесь отсутствует „внутренняя связь“ между действиями, выраженными деепричастием и другими сказуемыми; во-вторых, слитные сказуемые образуют слитное предложение. Под последним понимается такое предложение, которое содержит в себе ряд однородных членов, группирующихся вокруг одного из главных членов предложения.

Деепричастия выступают в качестве слитного сказуемого только там, где в основном предложении сказуемое выражено глаголом полного содержания. Возьмем, например, фразу: *Глотов болбол взводоо толгойлон ябажа, ёһотой большевик байһан туладаа айнгүй ябаһан ба дайсануудые гранатануудаар шэдэлэн ябаһан байгаа* „Что касается Глотова, то он возглавлял взвод, не боялся, поскольку он был настоящим большевиком, и бросал гранаты на врага“. (в контрперводе).

В этом предложении *толгойлон ябажа* „идя во главе, возглавляя“, *айнгүй ябаһан* „не боялся“ и *шэдэлэн ябаһан байгаа* „бросал“ по смыслу совершенно друг от друга не зависят и относятся к подлежащему *Глотов*. Однако без *шэдэлэн ябаһан байгаа* отрывок *Глотов болбол взводоо толгойлон ябажа* не было бы предложением законченным, ибо *ябажа* выражает относительно самостоятельную мысль, так или иначе напрашивается заключающая мысль в грамматически оформленном полном сказуемом;[1] в-третьих, в отличие от оп-

[1] Ср.: „В третьем типе второе сказуемое стало второстепенным, а его второстепенность вела к зависимости от главного сказуемого“ (А. А. Шахматов, цит. соч., раздел „составное сказуемое“).

ределительной функции при главном сказуемом сопутствующее деепричастие в роли членов слитных сказуемых имеют при себе зависящие от него слова и в этой группе стоит на последнем месте, а в предложении слитном занимает место перед сказуемым, выраженным окончательной формой глагола, напр., *Дабирхайтай түлеэ асаржа, амбаар тойруулжа сомоод, галдажа орхибо* „Привезя смолистые дрова, разложил их вокруг амбара и поджег"; в-четвертых, слитные сказуемые составляют такое сочетание, в котором обе части сохраняют без изменения значения обоих (и более) слов, входящих в сочетания,[1] напр., *Тиихэдэм тэрэ убгэниинь нэгэ сагаан мори, нэгэ шара нохой дахуулаад, шэнэ дэгэлээ үмдөөд, олзо бэдэрхэ гэжэ мордобо* (фолькл. сборн.) „Тогда тот старик взял с собою одну белую лошадь и одну желтую собаку, одел свой новый халат и отправился, чтобы найти какую-нибудь добычу."

Сопутствующие деепричастия как члены слитного сказуемого по характеру выражения действий делятся на:

1) Разделительное деепричастие, которое функционирует самостоятельно в слитном предложении. Оно выражает действие, которое предполагает последовательное наступление следующего действия, и эти действия происходят не одновременно, а в разное время, напр., *Ши мэнэ гэһээр ошоод, гэртэнь орожо, юу хэлсэжэ байһыень һайтар шагнаад, намда ерээд хэлэ* „Ты сейчас же сходи, зайди к ним и послушай хорошенько, о чём они говорят, приди (сюда) и расскажи."

Это же деепричастие, являясь составным членом предложения на русский язык может быть переведено той же формой, что и главный глагол, замыкающий предложение, с союзом „и", напр., *Ошохош харагдаад, ерэхэш бү харагдаг!* „Пусть будет виден твой уход, но пусть не будет виден твой приход." (в смысле „уходи и чтоб глаза мои тебя не видели").

Иногда при наличии сопутствующих слов, выражающих отдаленность друг от друга во времени двух действий, разделительное деепричастие выступает выразителем неодновремен-

[1] Ср.: „В выражении „идучи притворяется" содержание деепричастия не возникает вместе с деятельностью глагола и только сопровождает её (он на ходу притворяется), причем глагол требует пояснения (притворяется каким?). Таким образом, здесь деепричастие, хотя прямо не имеет связи с подлежащим, а относится к нему лишь через посредство глагола, но тем не менее по отношению к этому глаголу более самостоятельное, чем причастие в „притворится идя". Другая сторона того же явления состоит в том, что и глагол здесь не вспомогательный, а самостоятельный... Невозможностью сказать „притворяться выпивши" при „был выпивши" русский новый язык проводит черту между „есть, был будет" с одной стороны, средними — с другой. Последние (деепричастия) являются удалёнными от прежней несамостоятельности и вспомогательности, чем первые. Тем самым... деепричастие ни в каком случае не может быть несамостоятельным по отношению к сказуемому, то есть всегда выражает признак, возникший помимо деятельности, обозначенной сказуемым". (А. А. Потебня)

ности этих действий, напр., *Гурбан жэл болоод, хадамынь ерэбэ ха* „Прошло три года, и вернулся его тесть". Ср.: *Гурбан жэл болобо. Хадамынь ерэбэ ха,* где та же мысль выражена самостоятельными предложениями.

2) Соединительное деепричастие в качестве члена слитного сказуемого выражает действие, которое входит в состав однородных сказуемых при одном подлежащем как равноправный член. При этом само действие является независимым от других действий, и в то же время состоит в единой связи с последующими действиями, являясь как бы фоном, на котором развертываются другие, последующие действия, напр., *Гэзэгээ задалан наадажа, гэрээ эзэлэн дэбхэржэ, хүлөөрөө тархи хэжэ, тархяараа хүл хэжэ, хүльбэржэ, мухарижа, хүхижэ байба ха* „Играла расплетанием кос, прыгала по всему дому, ходила вверх ногами, перевертывалась, переворачивалась и испытывала во всем этом удовольствие".

В этом предложении семь сказуемых, выражающих семь самостоятельных действий, которые соединены между собой паузами, и шесть из них по содержанию не так выразительны, как *хүхижэ байба ха* „радовалась".

Соединительное деепричастие входит в состав слитных сказуемых, как „однородные сказуемые", имея одинаковую временную характеристику со сказуемым в окончательной глагольной форме.

Самостоятельность действия, выраженного соединительным деепричастием; помимо смысловой стороны поддерживается ещё и интонацией. В разговорной речи всякое сопутствующее деепричастие, окруженное зависимыми от него членами, отделяется от последующей за ними группы.[1] В этой связи нужно отметить, что равноправие членов-сказуемых находит своё подтверждение в слитном предложении и в то же время выдвигает первостепенность последнего сказуемого, заключающего предложение. Например, в предложении: *Би үхэрөө уһалаад, солоомоор эдеэллээб* „Я, напоив корову, кормил её соломой" — *уһалаад* „напоив — как бы самостоятельно ни было — зависит от *эдеэллээб,* ибо *уһалаад* зависит от *элеэллээб* „необходимостью занятия им того зависимого места в предложении" и „произношением его с такой интонацией, которая, сравнительно с другими интонационными явлениями предложения, представляется несамостоятельною" (А. А. Шахматов).

3) Слитное деепричастие в качестве одного из членов слитного сказуемого выражает самостоятельное действие, причём действие, теснее связанное с главным, нежели действия,

[1] Ср., „Слитные предложения отличаются от обычных предложений не только присутствием союзов, но и ритмом и интонацией. Слитные предложения имеют столько главных ударений, сколько в них однородных членов". (А. М. Пешковский)

выраженные остальными сопутствующими деепричастиями. Возьмем пример: *Уһанай горхирхо абяан нэгэ уе шанга болон, нэгэ уе огто аниргуй боложо, баһа дахин шангадажа соностоно* „Шум реки то (досл. в одно мгновение) усилибается, то затихает, и снова река шумит".

В этом предложении *нэгэ уе шанга болон* выражает отдельную мысль, причём предполагается, что за ней должна произойти немедленно смена действии. Разграничение употреблении слитного и соединительного деепричастий проводится в смысле интенсивности и завершенности действия, а именно:... *абяан нэгэ уе шанга болон... соностоно* и ... *абяан нэгэ уе шанга боложо... соностоно.*

В первом случае плеск воды в реке в одно мгновение (нарастающе) слышится как усиливающийся, а во втором — плеск воды в реке слышится как усилившийся. То же, например, во фразе: *Хүдөө ажахын продуктнуудые бэлэдхэлгын ба худалдан абалгын политика тухай* „О политике заготовок и закупки сельскохозяйственных продуктов".

Помимо обозначения относительно самостоятельных действии и несения определительной функции, слитное деепричастие употребляется с отглагольным именем в качестве обстоятельства, напр., *Машина ба элдэб товарнуудые худалдан абалга шухала бэшэ болоһон баина* „Покупка машин и разных товаров не стала необходимостью."

Слитное деепричастие выражает такое действие, которое происходит независимо от других действии, как действия, выраженные разделительным и соединительным деепричастиями, напр., *Хүдэлмэришэд ба таряашад хадаа 1917 онои февральда самодержавиие, тиигээд октябрьта капиталистнууд ба помещигуудэй засагые унагаагаад, газарай энгэй умсэдэлгые һалган, помещигуудэй гарһаа газарыень буляан абажа, таряашадые помещигуудэй мулжэлгэһөө хэзээдэнь сулөөлһэн баина* „Свергнув в феврале 1917 года самодержавие, а затем в октябре — власть капиталистов и помещиков, рабочие и крестьяне покончили с частной собственностью, вырвали землю из рук помещиков, освободили навсегда крестьянство от помещичьей эксплуатации" и еще: *Дорогоо абажа шуухиран һанаа алдажа, бодолгодо хатана* „Глубоко вздыхая с хрипом, впал в раздумье".

В этих предложениях *һалган* и *шуухиран* выражают самостоятельный процесс действия, потому и значение слитного деепричастия заключается не просто в том, чтобы служить „для ограничения смысла другого действия", как утверждал Алексей Бобровников.

г) **Сопутствующие деепричастия в качестве сказуемого сочиненного предложения.** Возьмем ряд примеров: *Доржо ерэбэ, Ханда гараба* „Доржи пришел, (а) Ханда вышла"; *Наран гаража, дулаан болобо* „Солнце взошло, стало тепло"; *Адуун*

инсагаалдан, үхэр мөөрэлдэн байба „Лошади ржали, коровы мычали"; *һалхин һалхилжа, бороо ехэ орожо байһан байгаа* „Дул ветер, шёл сильный дождь"; *Улаанармеец полягай гуйлтые дуулаба, теэд хилэ дээрэхи албанай полевой уставай ёһоор, гадаадын ямаршье хүнтэй хөөрэлдэхэнь хорюултай байба* „Красноармеец выслушал просьбу поляка, но на границе, согласно служебному полевому уставу, запрещено разговаривать с каким бы то ни было иностранцем"; *нургуулиин шабинар мүнөө ябаа, бригадирнууд үглөө ябаха* „Школьники сегодня отправились, (а) бригадиры поедут завтра"; *Ехэнь нургуулида ябаад, багань гэртээ үлэбэ* „Старший пошёл в школу, (а) младший остался дома"; *Колхознигууд худэлмэрилэн жарган, колхоз урган баяжажа байна* „Колхозники наслаждаются работая, колхоз обогащается, развиваясь"; *Хура бороо оробо, үбһэ таряан һайжарба* „Были дожди, и зелень и хлеб поправились".

Фразы, подобные вышеприведённым, в бурятском языке составляют сочинённые предложения. Сочинение предложений достигается посредством особых форм глагола-сказуемого, их порядком расположения и посредством союзов.

В бурятском сочинённом предложении большей частью связь между сочинёнными частями устанавливается своеобразно, однако „отношение между двумя элементами, составляющими её (сочинённую фразу), построено по принципу симметрии, по принципу равенства" (А. А. Холодович).

Приведённые выше предложения: *Доржо ерэбэ, Ханда гараба; һалхин һалхилжа, бороо ехэ орожо байһан байгаа; нургуулиин шабинар мүнөө ябаа, бригадирнууд үглөө ябаха...* являются сочинёнными. Эти предложения состоят из двух или более простых предложений, слившихся в одно сложное предложение. В этом сочинённом предложении „отношения обратимые, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому так же, как это второе представление к первому (А. М. Пешковский).

Сочинённое предложение может быть союзным и бессоюзным. Заметим при этом, что бурятский язык беден союзами — имеются союзы, употребление которых связано с влиянием на него монгольского (напр., ба „и") и русского языков. Нормальное сочинение в бурятском языке бессоюзное.

Употребление союзов ограничено, за исключением переводов с русского языка, и они необходимы для сохранения смысла оригинала, порою в ущерб стилистической стороне, как напр., *Тараяшадые мулжэжэ ба тэдэнние һандаргажа байһан байна* „Эксплоатировали крестьян и их разоряли" (о крестьянах в дореволюционной России).

Стилистически было бы лучше это предложение передать в такой редакции: *Таряшадые мулжэжэ, һандаргажа бай-*

нан, т. е. без союза *ба* „и“ и с опущением дополнения *тэдэнийе* „их“.

Предложения, сочинённые по принципу симметрии и имеющие своими сказуемыми окончательную глагольную форму, настолько не развиты, что не имеют ещё твёрдых норм употребления союзов. Сочинение, поэтому, выражается другими способами.

Основой сочинения в бурятском предложении являются сопутствующие деепричастия[1]. Они входят в предложение, выражая самостоятельные действия, и эти действия связаны между собой по смыслу.[2]

Вот примеры на сочинение, показывающие, что соединение двух предложений „осуществляется в сказуемом первого из сочинённых предложений“. *Наран гаража, дулаан болобо* „Солнце взошло, стало тепло“; *Ехэнь һургуулида ябаад, багань гэртээ үлэбэ* „Старший посещает школу, а младший остался дома“; *Колхознигууд хүдэлмэрилэн жарган, колхоз урган баяжажа байна* (см. перевод выше).

Сочинение двух самостоятельных предложений в единое целое посредством деепричастных форм, являющихся сказуемыми первого предложения и выражающих сочинённый характер связи, характеризуется следующими чертами.

Во-первых, эти два или более предложения имеют каждое своё подлежащее и своё сказуемое в отличие от слитных предложений. Последние образуют при... нескольких сказуемых, объединённых одним подлежащим, несколько предложений..., но при сочинении такие сложные целые часто образуют чрезвычайно цельные группы, стоящие как бы на границе между слитным предложением и сложным целым. Напр., *Зунай халуун наран дээрэ хөөрэжэ, ургэн дэлхэйн сэсэг набша, ногоо үбһэн эдеэшэжэ, амитан зоной хүдэлмэреэ эхилхэ саг оштожо байба.* „Жгучее летнее солнце поднялось высоко, цветы и листья, травы зацвели; приблизилось время начала рабочей поры“.

Во-вторых, эти же предложения без ущерба для смысла и не изменяя данных значений, можно разбить на ряд самостоятельных предложений, превратив деепричастные формы в окончательные формы (выше мы видели, что сопутствующие деепричастия в составе сказуемого законченного предложения

---

[1] Ср.: „В монгольском языке отчасти вовсе не достает союзов, служащих к соединению предложений, а отчасти же оные могут быть опускаемы, но вместо оных употребляются соответствующие причастия и деепричастия“ (Я. Шмидт).

[2] Ср.: „В случае невозможности этого последнего союза (изъяснительного) связь может не выражаться ничем, кроме самого причастия“ (А. А. Потебня). Именно такой тип сочинения посредством деепричастия является господствующим в бурятском языке.

и составного члена предложения не могли быть модифицированы в другие формы без изменения смысла выражения).

Приведённый выше пример можно, не изменяя смысла предложения, представить в таком виде: *Зунай халуун наран дээрэ хөөрэбэ. Дэлхэйн сэсэг набша, ногоо үбһэ эдеэшэбэ. Амитан зоной худэлмэреэ эхилхэ саг ойртожо байба.* Таким образом, здесь получаются три самостоятельных предложения, в которых мысль, выраженная в сочинённом предложении посредством деепричастных форм, сохранилась.

Во фразах: *Суглаан боложо дүүрээд, хүн зон тараба* „Собрание кончилось, народ разошёлся"; *Дулма энэбхилэн, Дулгар уурлан байна* „Дулма улыбается, а Дулгар растраивается" — также слитное и разделительное деепричастия являются сказуемыми одного из сочинённых предложений для выражения законченного действия.

В-третьих, предложения, сказуемыми которых служат сопутствующие деепричастия, выражают действия, „сопровождающие последующие, параллельные главному" (А. А. Шахматов) и ставятся впереди предложения, сказуемым которого служит окончательная глагольная форма[1], ибо деепричастие является „придаточным сказуемым только при сказуемом, выраженном глаголом полного содержания" (А. А. Шахматов). Возьмем пример: *Колхознигууд Москва ошоод, зариманшинь бусаба* „Колхозники проехали в Москву, некоторые из них (уже) вернулись".

Если это предложение выразить: *Колхознигууд Москва ошоод, зариманшинь бусажа...*, то законченной формы, конечно, не будет, и само собой будет напрашиваться, чтобы получилась законченная фраза, „превращение" *бусажа в бусаба* или *бусажа байна*, либо же предполагается наличие третьего „отрезка", в котором сказуемым будет окончательная глагольная форма[2].

Итак, сопутствующие деепричастия, являясь сказуемыми в сочинённом предложении, в своей временной характеристике действия разбиваются на три группы, о которых говорилось выше (в разделе „Сопутствующие деепричастия в составе составного члена предложения").

В сложносочинённом предложении бурятского языка соединение двух равноправных предложений осуществляется че-

---

[1] По закону построения предложения в бурятском предложении главное сказуемое стоит в конце предложения. Этот принцип переносится и на построение сложных предложений, где предложение со сказуемым, образованным окончательной формой глагола, стоит в конце сочинённого предложения.

[2] Ср.: „Личный глагол есть в древнем языке непременное условие лишь полносильного, первостепенного сказуемого, и в сказуемых второстепенных, зависимых... причастие (и деепричастие) само по себе есть именно средство обозначения их зависимости". (А. А. Потебня).

рез сказуемое первого сочиненного предложения, которое своей формой выражает сочиненный характер

д) **Способы сочинения предложений посредством деепричастия.**

Сопутствующие деепричастия, служащие сказуемыми сочиненного предложения, своей функцией определяют следующие способы соединения предложений:

1) **Слитно-сочиненный вид предложения**, образование которого посредством сопутствующих деепричастий, характеризуется наличием однородных предложений при равноправно соединенных условиях. Если во фразе (в пословице) *нохойгоор үһөөтэ хормойгуй боложо, ноёһоор үһөөтэ нюргагуй болобо* „кто был во вражде с собакой, остался без подола: кто был во вражде с нойоном, остался без спины (т. е. высечен), переставим предложения так: *ноёһоор үһөөтэ нюргагуй боложо, нохойгоор үһөөтэ хормойгуй болобо,* то отношения между предложениями не изменяются. Эта перестановка предложений подтверждает, что сопутствующие деепричастия в качестве сказуемого сочиненного предложения несут своей морфологической формой сочинительную функцию союзов. Точно так же, напр., во фразе: *Эшэгэн үһөө үрзылгэн, бартахи бахардан, үнэгэ хараашан болоод байба* (из сказки) „У козлёнка встала шерсть дыбом, медведь был в смятении, лиса была наблюдательницей"— имеем аналогичное с предыдущим явление, где употреблено соединительное деепричастие. Действие в этом типе сочинения происходит одновременно или последовательно. Это выражается через сказуемое первого предложения, в качестве которого выступают в большинстве случаев соединительное и слитное деепричастия. При этом окончательная глагольная форма, служащая сказуемым последнего предложения, принимает на себя временной показатель всего сочинения, оформляясь в соответствующей форме времени.[1]

2) **Соподчинённо-сочинённый вид предложения.** Он характеризуется сочинением предложений, одна часть которых служит причиной, обуславливающей наступление следующего действия, либо же это последнее действие является следствием первого.[2]

---

[1] Ср.: „Деепричастие настоящего времени служит для выражения действия, одновременного действию, выраженному глаголом в окончательной форме..., а также деепричастие прошедшее выражает деятельность как предшествующую деятельности, которая выражена окончательной формой глагола". (А. Боровков).

[2] „Настоящее деепричастие (соединительное, слитное) употребляется, когда им показывается зависимость действия от другого... действия..." „Деепричастие прошедшего времени употребляется там, где в двух предложениях действие, выраженное сказуемым второго предложения, совершается, совершилось или совершится по окончании действия первого предложения". (А. Попов)

В сочинениях такого типа равенство сочетающихся предложений становится менее выразительным,[1] сохраняя относительную самостоятельность, выражающуюся в наличии двух подлежащих и двух сказуемых, одно из которых выступает здесь с двойным заданием служить сказуемым первого предложения и в то же время это же сказуемое выражает отношения между двумя действиями, являясь причиной следующего действия,[2] напр., *Суглаан боложо дуурээд, хүн зон тараба* „Собрание кончилось, народ разошелся". *Та түргэн ошоод, шалгаад, һайтар мэдээд ерыт даа* „Вы быстрее отправляйтесь, проверьте, вернитесь, ознакомившись детально"; *Би һургуулиа дуургэжэ, дүүмни һуража эхилбэ* „Я кончил школу, а брат начал учиться"; *Цэрэн һуужа амаран, Дондог хэбтэжэ амарба* „Цэрэн сидел и отдыхал, а Дондог лежа отдыхал".

Разделительное деепричастие, как одно из сказуемых сподчинённо-сочинённого предложения, несёт и другую нагрузку, аналогичную функции русских противительных союзов *„а", „но"*, о которых А. М. Пешковский писал: „противительность союза подчёркивает противоположность между самими соединяемыми представлениями, указывая на то, что данные представления в данном случае и при данных условиях объединяемые, сами по себе разнородны". Ср. в примерах: *Бадма морёо уһалаад, Доржи эдеэллээ* „Бадма напоил лошадей, а Доржи накормил", где *уһалаад* „напоил" – действие не только самостоятельное, но и отличное от действия *эдеэллээ* „накормил" по своему характеру и по выражению времени: действие *уһалаад* происходит до действия *эдеэллээ*.

3) Смешанно-сочиненный вид предложения. Этот тип сочинений характеризуется тем, что несколько предложений, соединенных для указания „соотношения двух или более действий и качественной характеристики одного действия другим", образует цепь зависимостей одного предложения от другого, сохраняя самостоятельность каждой части в отдельности.[3] Напр., *Хура бороо орожо, газар һайса дэбтэбэ, үбһэ таряан һайжарба* „Пошли дожди, почва стала влажной, растительность зацвела"; *Баһа эндэ тэндэ баяшуулай омог хүбүүд обоорол-*

[1] Ср.: „Сочинение внутри предложения — лишь эпизод на фоне подчинения. Только при соединении отдельных предложений в сложные целые сочинение становится на равную ногу с подчинением". (А. М. Пешковский).

[2] Ср.: „Именно то слово, в котором имеется показатель отношения... сознается как видоизменённое известным образом ради выражения этого самого отношения, приспособившееся известным образом для вступления в связь с другим словом, тогда как то слово, в котором нет показателя отношения естественно представляется самодовлеющим, не пожертвовавшим ничем для вступления в связь с другим словом." (А. М. Пешковский).

[3] Ср.: „Деепричастие на *-са* употребляется, когда одно действие является вещественным или предусмотренным следствием другого. При этом предшествующее и последующее представляются... тесно связанными". (Н. И. Ашмарин).

дон, эндэ һуугшад ехэл хороо худэлһэн болобошье, яахашье аргагүй, зүрхөө луг-луг сохилуулан һууна, үхибүүд энэ байдалые ажаглан харашална „Тут и там также группировались гордые сыновья богачей; те, которые хотя были настроены против них, следили за ним с замиранием сердца из-за того, что они не могли воспрепятствовать (им); дети за всем этим наблюдали"; *Манай колхоздо агроном туһалжа, таряанай һайн ургаад, бидэнэр трудодняадаа ороӧно хубаабабди* „Благодаря тому, что агроном оказал помощь нашему колхозу, мы распределили зерно на трудодни".

Сочетание этого рода предложений называем смешанно-сочинённым, в котором соединение предложений создаёт „параллельность... синтаксических связей." Подлежащие (в первом примере) *дождь, почва, урожай* поддерживаются сказуемыми— *орожо, дэбтэбэ, һайжарба,* сохраняя при этом „параллельность" (самостоятельность) каждого предложения в отдельности. Помимо простого соединения равноправных предложений они (смешанно-сочинённые предложения) содержат обусловленность одной части другою, как например, *дэбтэбэ, һайжарба,* несомненно, по терминологии А. М. Пешковского „нулевые категории" соединений, а *орожо* служит в этом соединении, помимо выражения сказуемостности — для выражения причины наступления следующих действий.

II. Обстоятельственные деепричастия.

а) **Роль обстоятельственных деепричастий в замыкаемом ими отрезке предложения (логическое сказуемое).**

Сопутствующие деепричастия выступают, как видели выше, в предложении в качестве сказуемого сочинённого предложения и члена составного сказуемого предложения. Обстоятельственные же деепричастия не несут такой функции, а образуют отдельный от сказуемого законченного предложения член. Так во фразах: *Би шамайе, хожомдоо гэжэ һанамсаараа, харааб* „Как раз, когда я подумал, что ты опоздал, я увидел тебя"; *Маргааша наранай гарабал ябахабди* „Если завтра будет солнечный день, то мы поедем" — *һанамсаараа* „как только подумал", *гарабал* „если появится" служат сказуемыми отрезка предложения, который стоит в отношении остальной части предложения самостоятельно.

Второстепенность действий, выраженных обстоятельственными деепричастиями в качестве сказуемого первого предложения, заключается в том, что эти действия находятся в зависимости от главного действия, служа для него условием — предшествованием или последованием, напр., *Шинии ерэбэл, би дуулгуужам* „Я сообщу (об этом), если ты приедешь".

Здесь *ерэбэл* служит условием совершения главного действия *дуулгуужам* „сообщу" и не сливается с главным дей-

ствием, имея „параллельную“ с формой главного сказуемого самостоятельную форму *-бал, -бэл,* совпадающую по значению с русским союзом „если“. Предварительное деепричастие *-мсаар,* в приведённом выше примере, образует отрезок предложения, который указывает на предшествование выражаемого им действия и его значение совпадает со значением деепричастия совершенного вида в русском языке.

Тэрэ Базарай Сэнгын дүү басаган танайда барлаг һуугша бэлэй гү, тэрэтнай байһаар гү? „Как будто у вас батрачила сестра этого Базарова Сэнгэ, она еще у вас?“. Здесь имеем иной порядок расположения частей предложения. Обстоятельственное продолжительное деепричастие с относящимися к нему словами занимает место после главного предложения. В этом случае нельзя не усмотреть факт большей самостоятельности этой группы деепричастий.

б) **Обстоятельственные деепричастия в составе сказуемого законченного предложения.**

Обстоятельственные деепричастия входят в состав составного сказуемого, образуя одно понятие со словами, входящими в сказуемостную группу, как напр.: *Би ябаһаар байнаб* „Я нахожусь в процессе движения (всё ещё хожу)“, где продолжительное деепричастие, сочетаясь со вспомогательным глаголом *бай-*, выражает продолжающееся действие. Продолжительное деепричастие входит в такую конструкцию предложения: *Ябаһаар ябаад гараба* „Не останавливаясь, прошёл“. В этом сочетании *ябаһаар* „продолжая идти“ — составляет с *ябаад* одно целое, и в приведённом выше примере сочетание служит выражением одного из слитных сказуемых посредством „составления“ двух деепричастий. Это же деепричастие дает такое сочетание с окончательной формой глагола, как, напр.: *Миний морин ошоһоор ошобо, бариха аргагүй байна* „Мой конь убегает безостановочно, нет способов его поймать“. Здесь в *ошоһоор ошобо* — продолжительное деепричастие служит определительным элементом этого сочетания, выражая процессное определение действия, а окончательная глагольная форма несёт основное значение действия, и своим окончанием выражает время[1]. В примере: *Миний ябангаа ябаһые та мэдэнэ гээшэ аабзгт* „Вы, наверное знаете, что я еду насовсем (досл. „вы, наверное, знаете о моём окончательном уходе“).

Попутное деепричастие *ябангаа,* сочетаясь с причастием прошедшего времени, стоящим в винительном падеже, образует одно „второстепенное“ сказуемое, выражающее действие, которое должно совершиться попутно со следующим главным

[1] Ср.: „морфологически эта группа слов (составные слова) изменяются только в своей второй части, семантически же носителем реального значения являются окаменевшие в своей форме деепричастия: видовой глагол сообщает им только дополнительный оттенок количественного свойства“. (Н. К. Дмитриев)

действием. Попутное деепричастие, сочетаясь с соединительным и условным деепричастиями, образует такое составное сказуемое, в котором оно несёт реальное значение действия.

Подчинение одного предложения другому в бурятском языке бессоюзное, достигается оно посредством выражения сказуемого подчинённого предложения причастием или обстоятельственным деепричастием. Действия, выраженные причастием или обстоятельственным деепричастием, содержат в самих себе их зависимость от других действий[1]. Если эти два самостоятельных предложения — *Наран орохоёо байна. Бидэ гэртээ хүрэжэ үзэе* „Солнце на закате. Попытаемся мы добраться до дома" — соединим в одном предложении, в котором одно действие будет выражено обстоятельственным деепричастием, то предложение будет иметь такое построение: *Наранай оротор, бидэ гэртээ хүрэжэ үзэе* „Попытаемся прибыть домой до заката солнца".

Для соединения этих двух предложений без изменения смысла мы употребили предельное деепричастие[2]. Отсюда видно, что в бурятском языке зависимость одного предложения от другого и связь между этими предложениями выражаются обстоятельственными деепричастиями и причастием.

И это подчинение выражается в основном по линии падежных окончаний. Известно, что обстоятельственные деепричастия суть окончания омертвелых падежных форм. Поэтому понятно, что с употреблением этой формы отношение между приведёнными двумя предложениями становится „необратимым", то есть эти два предложения вступают в такое отношение, когда появляется „неравенство соотносящихся величин, преобладание одной из них над другой и подчинение одной из них другой". (А. М. Пешковский).

В данном примере *наранай оротор, гэртээ хүрэжэ үзэе* действие главного предложения должно завершиться до действия, которое выражено предельным деепричастием, служащим для „конкретизации мысли" главного действия[3]. То же,

---

[1] Ср.: „зависимость... предложений и их связь может быть выражена без помощи союзов или союзных слов, так как такая зависимость в сложноподчинённом предложении заключена в формах деепричастия, причастия и условного наклонения". (А. Боровков).

[2] Ср.: „логическая относительная связь между двумя предложениями может выступать в различном виде. В частности, возможны такие случаи соединения двух предложений, без помощи каких-либо служебных слов". (В. Н. Ярцева, Ученые записки ЛГУ, 1938, стр. 107).

[3] Ср.: „Во всякой синтагматической фразе имеются два элемента, называемые предложениями, из которых одно является господствующим предложением, а второе — зависимым (подчинённым) предложением; два типа отношений между главным и зависимым предложениями: первый тип отношений является повторением в развернутой форме отношений двух слов между собой; второй — выражается качественно своеобразным способом, не имеющим места в отношениях между двумя словами". (А. А. Холодович).

напр., *Шинии айшалжа ошобол, бидэ ойгоор зайха һэмди.* „Если ты приехал погостить, то побродили бы по лесу". Первое предложение — отрезок (включая *ошобол*) указывает на те необходимые условия для совершения того действия, которое указано в другом предложении.

Этот тип предложений соответствует русскому условному придаточному предложению с той лишь разницей, что в русском „условные предложения" соединяются с главными союзами „если", „когда" и др., причём условному „если" в главном может соответствовать „то". В бурятском же языке для выражения условия, при котором развертывается главное действие, наряду с союзами *(һаа, хада, хэрбээ)* употребляются условные деепричастия в значении русского деепричастия прошедшего времени, которое выражает действие, предшествующее действию главного предложения. Зависимое предложение по своей сущности предназначено для характеристики членов главного предложения[1], напр., *Элдэб муухайгаар хараахаар, тэрэ хун гаража ошобо* „Продолжая ругаться разными словами, тот человек вышел".

Здесь *хараахаар*, являясь членом, выражающим самостоятельную мысль, относится к *гаража ошобо*, как зависимое, уточняющее последнее. А. А.Шахматов указывал, что „при двухсказуемых предложениях, в которых имеется наряду с главным сказуемым и второе слово, относящееся непосредственно к подлежащему по смыслу и связанное с ним грамматически..., соединяются оба сказуемые одним общим представлением о времени".

Сказуемое подчинённого предложения означает время, соотносительное с временем, выраженным главным сказуемым.

Обстоятельственные деепричастия в бурятском языке могут быть разделены на две временные группы: одна (условное, предельное, предварительное и последовательное деепричастия) выражает действия, которые происходят во времени раньше, чем действие главного предложения. Вторая (продолжительное и попутное деепричастия) выражает действия, происходящие одновременно с действиями главного предложения. Пример на первую группу деепричастий — *Хурын оробол, харгын тоохон дарагдаха һэн* „Если бы пошёл дождь, то не стало бы дорожной пыли" (досл. „Если дождь, то была бы подавлена пыль дорожная").

---

[1] Ср.: „Второстепенность" всех этих членов следует понимать... в грамматическом смысле, то есть в зависимости их... от одного из членов основного словосочетания (подлежащего или сказуемого). Еще: „тут важен еще самодовлеющий характер этого самого основного словосочетания и несамодовлеющий характер всех остальных словосочетаний распространенного предложения. Здесь не просто в зависимости друг от друга, а в зависимости от членов словосочетания, отличающегося особой внутренней цельностью и самостоятельностью". (А. М. Пешковский)

В главном предложении ставится любая глагольная форма всех времён, если сказуемым подчинённого предложения служат деепричастия первой временной группы[1], напр., *Уөлэй хүйтэн боложо байтар, малгайгүй ябадаг һэн* „В зимние холода он ходил без головного убора“; *Би, нугаһанай ниидэжэ ябабал, буудажа унагаахаб* „Я застрелю, если будут летать утки“; *Амаралтаа дүүргэһээр уншахаб* „Как только кончатся каникулы, прочту“; *Миниі ехэ ашаатай морёор гэшхүүлжэ ерэтэр, наран орожо, харанхы болошобо* „Пока ехал на очень нагружённой подводе, солнце зашло, наступили сумерки“.

Во всех приведённых предложениях сказуемыми подчинённых предложений служат деепричастия первой временной группы. Действие главного предложения при этих деепричастиях, служащих сказуемыми подчинённого предложения, совершается в прошедшем и будущем временах. Сказуемое главного предложения выражается помимо всех других глагольных форм и многократным причастием.[2] Исключением для этой группы является продолжительное деепричастие. В качестве сказуемого подчинённого предложения оно употребляется при сказуемом главного предложения, выраженном глаголом настоящего времени (помимо прошедшего и будущего времени), напр., *һалхинай болохолоор, модоной орой найгана* „Как только бывает ветер, верхушка деревьев качается“.

Не может быть такого рода сочетания при главном сказуемом, выраженном глаголом настоящего времени, напр., с условным, предельным, последовательным и другими деепричастиями, выступающими в качестве сказуемого подчинённого предложения.

Деепричастия второй группы (продолжительное и попутное) выражают действия, одновременные с главным действием, напр., а) при продолжительном деепричастии: *Улаахан хүбүүн улаа нэхэһээр орон нютагаа бусаагүй* „Голенький мальчик, отправившись в качестве подвозчика, не вернулся обратно домой“ (загадка); б) при попутном: *Би ябангаа танайда орохоб* „Проездом заеду к вам“; *Манай хүбүүн ондоо тээ худэлжэ байһанаа ерэнгээ городоор ябаха* „Наш сын заедет в город проездом с работы на стороне“.

---

[1] Ср.: „если в двух предложениях действие первого предложения имеет такое отношение ко второму, что последнее может совершиться или не совершиться от того, что первое совершилось или нет, то сказуемое первого предложения полагается в условном наклонении (т. е. деепричастии) на *-басу*.“ (А. Попов)

[2] Ср.: „если в двух предложениях оказывается: 1) современность действий, 2) совершение действия второго предложения, продолжающееся до предела совершения действия первого предложения..., противоположность или несогласие между действием и причиной, между условием и его исполнением, то сказуемое первого предложения полагается в деепричастии *-тала*.“ (А. Попов)

Одновременность действий заключается в длительности побочного действия, в продолжение которого совершается главное действие. Временное значение этой (второй) группы деепричастий соотносительно с временным значением русских деепричастных форм, „как значение одновременности с временем главного действия, к которому примыкает форма деепричастия настоящего времени“ (В. В. Виноградов).

Форма предпочтения на *-нхаар (айлhаа эринхаар, абдараа уудала* „лучше ройся в чемодане, чем (вместо того, чтобы) просить у соседей (посл.), и уступительное деепричастие на *-аашье hаа (бэе үтэлбэшье hаа, hанаан үтэлхэгүй* „хотя тело и одряхлеет, но мысль не стареет“) составляют обособленную от первых двух групп категорию, в которой временное отношение к главному действию не является формой отношений между действиями.

Подчинённый характер действия, выраженного этими деепричастиями, содержится в самой форме деепричастия по смыслу без формальных подчинительных союзов, как в русском языке, где „обратимость или необратимость отношений выражаемых союзами, зависит только от значений самих союзов. Союзы, употребляющиеся между однородными членами выражают по самим своим значениям как раз отношения обратимые (соединение, разделение, противопоставление), а все остальные союзы — отношение необратимые (причина и следствие, средство и цель, предшествование и последование)“ (А. М. Пешковский).

Пунктуация.

Пунктуация (лат. punctum означает точку, учение о знаках препинания) представляет собою условные идеографические средства для расчленения однородных членов внутри предложения, частей сложных предложений друг от друга и вообще составных частей предложения.

Пунктуация расчленяет в основном предложения на части по смыслу высказывания и по грамматической их структуре. Если знаки препинания употребляются в конце предложения или его заключают, то они указывают на природу предложения в целом. Таковы знаки препинания—точка, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие. Если знаки препинания употребляются в середине предложения, то они указывают на то, что из каких частей состоит предложение и на характер соотнесенности и взаимоотношения его частей друг к другу. Такова роль всех других знаков препинания.

В устной речи членение внутри предложения и предложений на отдельные части происходит посредством паузы и интонации, когда говорящий отделяет последовательное произнесение

одного члена предложения от другого или одного предложения от другого во времени, через определённый промежуток времени. Такое членение речи вызывается необходимостью правильной передачи мысли, или же для выражения модального отношения говорящего к сообщаемому факту во избежание субъективного толкования содержания предложений. Например, *Трактор морин хоерой абяан /хэдэн хоногhоо нааша/ таhалгаряагүй, шэхэ дүлиртэр /нэжэгэнэхэнь/ /зарим хүндэ/ /зүрхэ алдуутай/ /урматай шэнгеэр hанагдана/* черточки для показа паузы в устной речи) или: *Яагаабши шихэдээ, амбааршан, түлхюуршэн хүбүүтэй хүн аад лэ, түлеэ / залhаар ядаба гүш?; Хүбүүн үглөөгүүр эртэ мордохо гүш, манай колхозhоо шамhаа бэшэ хэд мордолсохо юм, али / гансаараа мордохо болоо хүн гүш? Яагаа hүрхэй сэсэн бэр- / хэ гэргэн гээшэбши? Аяар хоёрые бүтээлгэжэ үгэхэ байгаабши!* (стрелки для показа повышения интонации).

Знаки препинания по своей природе интернациональны и служат во всех письменных языках для расчленения членов предложения и предложений на части или во избежание различного толкования текста и, следовательно, для правильного произнесения и понимания текста. Всякое изменение знаков препинания или замена одного знака другим приводит к изменению смысла предложения или вносит в предложение новые дополнительные оттенки: *Ошоо! Ошоо? Ошоо.* Известно, что всего одиннадцать видов знаков препинания: точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, многоточие, тире, дефис, восклицательный знак, вопросительный знак, скобки и кавычки.

Всякий знак препинания употребляется в предложении тогда, когда в нем слова не зависят друг от друга, отсутствует подчиненность одного слова другому или нет связи между словами.

Примеры на употребление знаков препинания.

Точка: Севостьянов юушье дуу гарангүй манаэркэеэ абажа, саашань табина. (Д. Батажабай)

Запятая: Дамбаевай зууршалжа, тэрэнние завод эльгээхэдэ, нигэжэ гэм хэхын тухай тэрэ огто бодоогүй hэн. (Д. Батажабай)

Точка с запятой: Бадмын гараhанай hүүлээр Дондог заседатель hард гэжэ бодожо, мүнөө стол дээрэхи сааргhанай забhарта хабшуулжархиhан мүнгыень яаран абажа, тоолоод „хара нохоишни үнэхөөрөө мянган солхообо хабшуулжархёод гараhан байба лэ; поен приставтэ табан зууниинь хүрөө, саадань минии болог" гэжэ, табан зуунь тооложо абаад, hаршага-hоршого гэтэр үбэртэлжэрхиhөөр, мүн лэ газаашаа гарашана. (Х. Намсараев)

Двоеточие: Басаган энеэбхилэн хэлэбэ:— Бүдүүн байха гээшэ hаинтай бэшэ гэлсэдэг. Хахад нүүд багал даа. Борис

хоёр нүүдээр доошоо орохо һанаатай, тэрэнээ хүсэлдүүлхэл аа гү. Танай тураһантнай һайн бэшэл даа, нүхэрни. (Вс. Иванов)

Многоточие: Захын нарһан
залаагаараа шарбалзаа.
Залд гэһэншүү
һалганан татаад унаба.
Тэрээнэй хойноһоо
хоёрдохи нарһан...
Гурбадахи...
тэргэдэ тээлгэн жэгдээр
Абаашагдажа,
тэдэнэр холуур тараһан,
Агуу дайдаар
үреэдэгдэн гээгдээ. (Н. Дамдинов).

Тире: Мүнөө эхэнэр хоолойгоо доро болгожо:

— Би, тэрэ сагта гэр нютагһаа гарахадаа, үе нөһөн соогоо үнэшэржэ, газар дэлхэй дээрэ гансаардаба гээшэб гэжэ шиидээд ябаһан хүнби. (Х. Намсараев)

Кавычки: Эсэгэнь юун тухай бодоноб? Доржын һаяхан хөөрэһэн юумэд тухай бодоно гү? „Ямар тэнэг бэ энэ хүбүүн. Харгыда ябаһан бүхы залуу ородуудые, бүхы һайн хүнүүдые хони гаргажа хүндэлөө һаа, хониднай олон үдэр хүрэхэ гү?— гэжэ һанана гү, али „тэрэ хүнэй, Владимир Яковлевичын, ороо һаа, хүбүүнэйнгээ эгээл эрхим һургагшые али зэргэ хүндэлхэ, айлшалуулхабиб“ гэжэ һанана гү? (Ч. Цыдендамбаев)

Скобки: Бата Бадмаевич айхабтар энээн тухай зүбөөр хэлээ (би бултыень зүбшөөнэб), энээнэн хэлэһэнэй ёһоор эхилээ һаамнай, хэрэгнай химдаар бүтэхэ байна.

Эти знаки препинания могут употребляться как самостоятельно, т. е. одиночно, как показано выше, так и комбинированно, т. е. два или три знака могут употребляться вместе, как например, (?!), (?..), (!..), (:—), (“,—) и другие по требованию смысла высказывания.

Примеры на их смешанное употребление мы находим, когда имеем дело с прямой речью, с предложениями с оттенками вопроса и эмоции, с незаконченностью высказывания с оттенком удивления, с графическим изображением расчленения на составные части сложного целого высказывания и т. д.

(“,—): Тиихэдэнь мүнөө нүхэдынь аниргүй болон шагнажа һууха зуураа, зариманиинь зүб хэлэнэ гэһэн хэбэртэй толгойгоо үлэ мэдэг дохин һуухадань, нүгөө заримуудынь „ай барһан, анха түрүүн өөрөө эндэ һүрхэйтэн һонирхоһон аад лэ, харин мүнөө аймшагтай юумэ болохонь ха“,—гээд, һанахадаа— „айдаһаяа хүрэшоод али болохоор аргаяа бэдэрэн һууналтайш“,—гэжэ ехэл аягүйрхэһэн маягтайгаар „һэ“ гэлдэн, үзүүртэй шэрүүн нюдөөр хаана хаанаһаань харасагаалдан һуугаад һэн. (Х. Намсараев)

(!"или?—): Тиигээд „эжы аа!" гэжэ ирагуухан найртайгаар дуудахадань, Ямаахан хүгшэн аахилһаар гэрһээ гаража, хажуудань ерээд:

— Хүбүүмни, юу хэлэхээ һанабаш даа?— гэжэ зөөлэхэнөөр асуун зогсоно. (Х. Намсараев)

(: „или!—): Мария Андреевна хүгшэн мүнөө мэшээгтэй юумэеэ үгэжэ, баһа дахин таалаад: „Хүбүүмни, һайн ябаарай!" гэхэдэнь, Баашка Гавриил хоёр мүн лэ „һайн ябаарай" гэлдэжэ, Цыремпилэйнгээ газаашаа гарахадань, хойноһоонь адли гаралсажа, хүнэй харахагүй далда газараар дүтэхэн байһан ой хүрэтэр үдэшэжэ, харгыдань оруулаад, „Зай, нигээд маанартаа хойшоо һанаагаа бү зобо! Бидэшни яахашьегүйбди, зай, баяртай!— гэлдэжэ, баһа дахин таалалдажа, гараа барисалдаад, ехэл һаталсажа ядан, хоёр тээшээ тараа һэн. (Х. Намсараев)

(?"—): Пристав манай газаа нэгэ дохолон бурят ноентой тугаар һая ерээд, „танайда нэгэ залуу бурят байдаг гү?"— гээд, ехэ дошхоор асуугаа (Х. Намсараев)

("—): „Саг сагаараа, сахилзаа хүхөөрөө байхагүй"—гэдэг (Х. Намсараев).

(—?—):— Юу?— гээд, Ханда хүгшэн дуугай һууд гэбэ (Д. Батажабай).

(—!): — Ай тэнэг! Һүниндөө тэршэлээд, ходо нюсэгэн хэбтэхэдэшни, би шамайе харууһалжа, хүнжэлөөршни хушажа энэ болгооб (Д. Батажабай).

(!..): Юундэшье номоо үзэдэггүй барһан байгаабши даа!... (Д. Батажабай).

(",—): „Би заалһаа хүнэй аргашан боложо, мүн лэ эжынгээ хүл эдэгээхэо",—гээд, Шулуун Батын хэлэхэдэ. зүрхэнэй хайлама уриханаар хараад байһан Мэдэгэй нюдэн танихаар бэшэ хөртогор болошонхой байба (Д. Батажабай) и другие.

Знаки препинания по своему употреблению распадаются на две группы: а) знаки, которые употребляются и регулируются смыслом высказывания, непосредственно не связаны с структурой предложения и лишь являются выражением обозначения законченности или незаконченности предложения, условного выражения отношения говорящего к своему сообщению и обозначения прямой речи и т. д.: точка, восклицательный и вопросительный знаки, тире, многоточие, кавычки и скобки. Они преимущественно употребляются в конце предложения, выражая его конец, различные его оттенки, недосказанность, параллелизм высказывания, опущенные связки и т. д ; б) знаки, которые употребляются и регулируются синтаксической структурой предложения, грамматическими правилами: запятая, точка с запятой, двоеточие. Они преимущественно употребляются в середине предложения для указания на деление предложения на составные осмысленные части и отношения частей целого друг к другу.

Знаки препинания, связанные со смыслом высказывания.

Точка.

Точка ставится в конце полного и неполного, личного и безличного повествовательного предложения для показа законченности мысли, когда тон идёт на понижение и имеется отчётливая пауза:

Мүнөөдэртөө правленийн суглаан болохо, түрүүлэгшэеэ һунгаха бэзэбди. *(Н. Балдано).*

Гэмтэһэнийньшье лабтай мэдэгдэнэгүй. *(Н. Балдано)*

Точка употребляется в назывных предложениях, когда живо рисуется последовательная и быстрая смена событий и предметов:

Москва. Эртэ. Хүйтэн. Даарамаар. Дулаасаха хэрэгтэй.

Точка употребляется в тех случаях, когда имеются союзы *теэд, харин, зүгөөр,* которые не связывают предложения в одно целое ни интонационно, ни непрерывностью ритмического тона:

(**Теэд**): Юун болоод тиигээ хаб гэбэл, тэрэ аргашан улиһан урилһан шэнгеэр эгшэгдэшоод энеэжэ байба. Теэд аргашанай өөрөө эльбэдүүлжэ байгаа хада, үнэхөөрөөшье, гайтайл юумэн болобо гээшэ ха. *(Вс. Иванов)*

(**Харин**): Харин аргаалидаа бэшэгээ хабшуулжа ошоо бэшэ юм гү? *(П. Малакшинов)*

(**Теэд**): Теэд бөө гээд, хүниие нохойшолхо зэргэ байхагүй *(П. Малакшинов)*

Восклицательный знак.

Восклицательный знак ставится в конце восклицательного предложения, выражающего эмоции или эмоциональный оттенок сообщения посредством повышения тона на конце предложения:

Хос хонин бэлэг аб!— гээд, Доржын духа тэрэ няһалжархиба *(Ч. Цыдендамбаев)*

„Эбтээ орохо“ гэжэ би шамтай хэрэлдээгүйб! Худэлхээеэ болөоб, түлхюурээ абаад лэ һала! *(Х. Намсараев)*

Яараһан Доржо „Будьте здоровы!“ гэхын орондо „С легким паром!“ гэжэрхибэ *(Ч. Цыдендамбаев)*

Восклицательный знак ставится в тех предложениях, в которых имеются слова с усилительным значением, выражающим удивление, восхищение, возмущение и т. д.

Үгы! Би огто тэрьелхэгүйб! *(Ч. Цыдендамбаев)*

Дары тэрэ бэеэрээ газааһаа хоёр гурбан хүнүүд һубариддан орожо ерээд, Холхой үбгэниие гарһаань абяагүй шүүрэн: „Байзаагты! Юун боложо, яана гээшэбта!“— гэтэрнь, мүртэй дуу гаргуулангүй абаад гарашана. *(Х. Намсараев)*

Дуунтнай ямар гоёб даа!
Дахин нэгэ дуулаат үгыт! *(Крылов)*

Восклицательный знак ставится в тех предложениях, где выражено приказание, просьба, обращение.

Зогсо!— гэжэ хашхарба *(Ж. Тумунов)*

Доржо Цыренович! Та баһа эндэ аалта? — гэжэ Жамганов хүхюугээр ооголбо. *(Ж. Тумунов)*

— Самбуу, үшөө дахин һүхирэ!— гээд, Жамганов урагшаа мүлхижэ, бүһэдөө ябаһан гранатаа абаба. *(Ж. Тумунов)*

Восклицательный знак ставится после междометий и слов *үгы*, *тиимэ*, произнесенных с усиленной интонацией.

Халаг даа! Хайран нүхэрнай хара һаналтанай хардалгаар харагдахаяа болин ябашаба даа,— гэлдэжэ, нюдэнһөөн нёлбоно нубарюулан гэдэргээ эрьежэ, мориндоо мордоод, гэр тээшээ бусана. *(Х. Намсараев)*.

Үгы! Үгы! Еши амиды мэндэ! Еши зэмэтэн бэшэ! Тэрэ хэнһээшье ута наһа наһалха. *(Ч. Цыдендамбаев)*.

Тиимэ! Тиимэ! Тиихэл байха,

Знаки препинания, отмечающие на письме эмоциональную окраску высказывания (восклицательный и вопросительный), по своей роли, значению своего употребления в предложении соотносительны с точкой, идентичны.

Вопросительный знак.

Вопросительный знак ставится в конце предложения с вопросительной интонацией. Последняя бывает связанной с прямым вопросом или иногда без него. В качестве прямых вопросов вопросительного предложения выступают вопросительные местоимения *хэн? юун? хэды? ямар? алин?;* вопросительные частицы *-бэ? шабза? гү? алтай? бы? хаяа?*; наречия *хэзээ, хаана, хэдыдэ, хаагуур* и т. д.

(Юун... гү): Должод дулаахан илдам нюдөөр энеэбхилэн татажа: Шимни һаядаа юундэ энэ уруу ябахаяа болишобош, дуулаа һэн гүш?— гэхэдэнь, мүнөө хүбүүн урдаһаань баһал энеэбхилэн хараад:

— Дуулаа, дуулаа, харин дуулаһан сагтаа ерэжэ, шамтаяа уулзаха гэһэн аад лэ, нэгэл тиимэ байгаа һэн даа *(Х. Намсараев)*.

(Яагаа, гү): Задатай басаган байхаяа һанаба гү? Яагаа тиимэ хара муухай үүлэнүүд хадын саанаһаа орьёлон гаража байнаб? *(Х. Намсараев)*.

(Хэн): Үбгэржэ ухаан муу болоод, энэ тэрэ жэжэ юумэ мартадаг болооб даа, харин ши намайе хэн гэжэ танинабши. *(Х. Намсараев)*.

(Юм аа гү): Хүдөө газаа тээһээ хүн хара мэдээ һаа, хашартай түбэгтэй болохо юм аа гү? *(Х. Намсараев)*.

(Ямар):— Ямар юумэндэ сүлөөгөө табиһат? *(Х. Намсараев)*.

(Али зэргэ): Эхэнь булганай түлөө али зэргэ ехые хээб? *(Ч. Цыдендамбаев).*

(Аал): Баян бардам эзэнэй бадарган хараалһаа бэшые дуулаагүй ябагшадай сэдьхэлһээ хүхюу дуунууд түрэхэ юм аал? *(Ч. Цыдендамбаев).*

(Хайшань): Зай, саашань! *(Ч. Цыдендамбаев).*

(Аа бы): Тараа гээшэ аа бы? *(Н. Балдано).*

(Хаб): Энэ юун тухай бодожо һуупа хаб? *(Ч. Цыдендамбаев).*

(Хэды): Хэды үпеэ һаанаш? *(Ч. Цыдендамбаев).*

(Хэр): Аламшын аба, хэрээр харагданабиб? *(Ч. Цыдендамбаев).*

(Алин): Даймнай алин гээшэб? *(Ж. Тумунов).*

(Хаанаб): Амиды гэнэ гүш? Петров хаанаб? *(Ж. Тумунов).*

Вопросительная конструкция предложений без наличия прямых вопросов может быть при инверсии: когда сказуемостная часть простого предложения с вопросительной частицей переносится на первое место предложения и все зависимые члены от сказуемого и подлежащего переносятся на конец предложения и замыкают его и принимают вопросительный знак:

Харанагүй гүш, тайшаагай сабиналангай уһалагдажа байхые? *(Ч Цыдендамбаев).*

Харана гүш, эдэ хоёр уляаһадые? *(Ж. Тумунов).*

Рандал Сампилов, хэлэ эсэгэшни хэды хонитойб? *(Ч. Цыдендамбаев).*

Сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого может содержать интонационно вопрос и вопросительные атрибуты, оформляется в обеих частях без вопросительного знака, т. е. в тех случаях, последнее, главное предложение даёт ответ на вопросительную конструкцию придаточного предложения.

Таанарые алдаһанайнгаа һүүлээр Дандарониинь ерээд, Шаралдайгаа алан алдаад, тэрэ һасаран милицинь тэрьелжэ арилшоо ха. Манай баабайе асаржа, ехэ зобоогоо, нюргыень сохёо, минии эжые яагаагшаб даа, һайн мэдэнэгүйб. *(Н. Балдано).*

Яаха гэжэ даа, тэрэ буу сууранинь һураг бэдэрхэмни. *(Н. Балдано).*

Үнэн гү, худал хардалга юм гү, хэн мэдэхэб. *(Н. Балдано).*

Ямар саг болоо гээшэб даа, ши энээгээрээ ойлголсол даа. *(Н. Балдано).*

Вопросительный знак может быть вставлен для выражения сомнения там, где предложение заключено в скобки в более развернутом предложении, утверждающем нечто положительное от лица говорящего:

Сэсэгэй хэлэхын ёһоор, минии һанахада, нээрээшье, тиимэшүү гү гэжэ (Сэсэгтэй та уулзаа һэн гүт?) Һанамаар бололтой байна даа.

Вопросительный знак ставится и там, где нет формально выраженных вопросов. Его постановка базируется на выделительной силе произнесения гласных последнего слога слова или вообще последней части основы:

Үшөө ондоо? *(Ч. Цыдендамбаев).*

Оройхон тээшэ гараад, тэндэ гэдэһэ дотор, тархи шиирыень булажархёод, мяхыень хэрэглэжэрхюужэбди?..

Кавычки.

Слова, употребляемые не в собственном значении, заключаются в кавычки, т. е. слова, употребляемые иронически или в качестве названия газет, журналов, предприятий, произведений, колхозов, учреждений и т. д.

Малшадай дунда „шоно" гэжэ, гэмтэнэй дунда „пристав" гэжэ гү, али аймхайшуулай дунда „шүдхэр" гэжэ хашхаржархиһандал эпэ үгэ зэдэлбэ. *(Ч. Цыдендамбаев).*

„Ерэбэл",— гэһэн эпэ үгэ мориной урилдаан үдэр „дүүмыныхид" гэжэ хүнүүдэй хашхаралдаһан үгэ шэнги һүртэй тэбдүүгээр, анишагтайгаар дуулдашаба. *(Ч. Цыдендамбаев).*

„Эрдэм" гэжэ артелиин бишыхануул аад, һүрхэй гоёхоноор зэмсэглэн табиһан гэрпүүд будамал сагаанууд хоолойгоор үглөөнэй һаарал хүхэ сагаанууд утаан сорготон гаража, һаяхан үнеэгээ һаажа орохон һамгад сайгаа шанажа, үглөөнэй хоол хэнэ хэбэртэй. *(Х. Намсараев).*

Ан, Максим Горькиин „Минии университедүүд" гэһэн номые һэрээдэһэнэйшье үри үгы,— гээд, мүн лэ, Мэдэг нэмэбэ. *(Д. Батажабай).*

Прямая речь, если идёт в строку, заключается в кавычки, отделяясь от авторской речи:

„Паран арюунда шэнгэхэ гү, али бүрхэгтэ гү?"— гэжэ бодожо ябатараа, Гончаров нэгэ үдэр соо ямар ехэ тулалдаанай болоһые, хэды олон хубилалтануудые үзэһэнөө гайхажа, үшөө паранай оротор, ямар ехэ тулалдаан боложо болохоб гэжэ бодоно. *(Ж. Тумунов).*

Ш а р а л д а й: „Эпэ хэнтэй байнаш, яба түргэн, уһа асара". *(Н. Балдано).*

Тире.

Тире ставится в разнообразных случаях построения предложения, а именно:

а) Между подлежащим и сказуемым, выраженными одной и той же частью речи при их одинаковой морфологической форме:

Үнеэн — гэрэй амитан.
Алтан — үнэтэ металл.

б) Между подлежащим, выраженным местоимением и сказуемым, выраженным именным словом:

Энэ — мориң (мүн)
Энэ — hурагша.

в) После перечисления родовых понятий или однородных членов предложения и перед видовым понятием или обобщающими словами:

Хонин, үхэр, мориң, ямаан, тэмээн — эдэ табан хушуу мал болоно.

г) После прямой речи перед авторским словом или когда прямая речь вклинивается в авторский текст, то ставится в тексте тире с обеих сторон, причём тире обычно употребляется вместе с запятой:

Яагаа басаган гээшэб!— гээд, энеэнэ. *(Х. Намсараев)*.

Ханда басаган эжы аба хоёроо шарайшалан hуужа, нэгэ үдэшэлэн хэлэнэ:

— Эжы аба хоёрни, намайгаа харин орхибо хаяба гээд, гомдон дураа гүтажа бү hүүгаарайгты! Би, хаанашье ябаа hаа, та хоёроо харан үргэжэ, хажуудаа абажа ябаха хүнби,—гээд, үяран татажа, улаахан болоод hуухадань, эхэ эсэгэ хоёрынь бард гэлдэжэ, басаган тээшээ сошормогоор хараад орхино. *(Х. Намсараев)*.

д) Для отделения развернутого приложения от впереди стоящих определяемых существительных:

Нина Владимировна — сэрэгэй клиническэ госпиталиин туhалагша врач — өөрынгөө тэбхэрхэн таhалга соохи бишыхан столой саана сайбар борохон хабтаhатай зүзаан тетрадиин хуудаһа пража hууна. *(Н. Островскии)*.

е) Для обозначения начала абзаца в художественных произведениях: — Мархансайн хонин алдажа, шоно нохондо оруулжа бү орхи! *(Ч. Цыдендамбаев)*.

ё) Для обозначения двумя словами пределов пространственных, временных и количественных в тех случаях, когда можно ставить вместо тире „... *hаа ... хүрэтэр*“.

Москва — Пекин гэһэн маршрут.
5^{35}—7^{19} лекци үргэлжэлбэ.
10—20 хүнүүд нэгэн доро сугларба.

Многоточие.

Предложение может быть не закончено, прервано, недосказано, т. е. может не иметь смысловой законченности. В предложениях, не имеющих смысловой законченности или

полного грамматического оформления, или когда нет смысловой законченности при грамматической неоформленности, ставится многоточие.

Примеры на:

а) Смысловую незаконченность и грамматическую неоформленность: взволнованность, растерянность: Энэ асуудал үдэшэ Билдаан түрүүлэгшэһээ һураабди, тиинһэмнай Билдаан: „Би. . би ...би“,— гээд лэ һуушоо. (*Н. Балдано*).

— Хэн гээшэбшн? Хаана ерээд байна гээшэбиб?

— Манайда ерээд байналта даа, ганса басаганаймни нааданда ерэһэндэтнай баяртай байнам.

— Яагаа һүрхэй ганса басагатай... намай яаха зомта... архяа аара! (*Х. Намсараев.*)

б) Смысловую незаконченность и грамматическую оформленность: намёк — Бараг басагад баран тиимэрхүү байдаг юм гэлсэгшэ... (*Н. Балдано*).

Байза, Должод... Должод... эгээ энэ яагаа гэлтэй гээшэб?... Ай, нохойшни, сохом тиимэл байна даа... энэшни Должодые бэрние эриһэн аад лэ, доогуур нэгэ юумэ дуулаһан байгаад, намтай хүйтэрхэ хүндырэлсэхэ гээ юм байнал, һэ!.. (*Х. Намсараев*).

Многоточие также ставится при цитировании чужой мысли, когда цитата является неполной по отношению к цитируемому тексту и не самостоятельной по отношению к присоединяемому тексту, и оно может быть употреблено, когда цитата прерывается:

Катя хүгшэн зэбсэг бүхэнииe ганса гансаар баринжа үзэхэһөө гадна, юушьеб шэбэнэн байжа толгойдоо бодоходол гэнэ. Тэрэнэй аргаахан хэлэһэн үгэнүүд соohоо „Энэнь бии, энэнь үгы...“ гэһэн үгэнүүд саг үргэлжэ Шулуун-Батын шэхэндэ дуулдана. (*Д. Батажабай*).

Миф ба эпос соо, мүн баһа хэлэн соохидо адли, эпохын гол ехэ ажал ябуулагша тухай гансахан хүнэй бодол бэшэ, харин бүхы арадай хамтын творчество яһала тодоор харуулһан байдаг... (*М. Горькии*).

Скобки.

Берутся в скобки слова и предложения, которые служат для дополнительной характеристики высказываемой мысли мимоходом в основном предложении или для его пояснения:

Социализмын пропагандада хүдэлмэришэдэй революционно дүнүудай айхабтар ехэ удха шанартай байһан тухайнь В. И. Ленин „Германида хүдэлмэришэдэй хорэй хүгжэлтэ“ гэһэн ба Евгений Потье (тэрэнэй наһа барабанай 25 жэлдэ)“ гэһэн статьянууд соогоо хэлэһэн бандаг.

Жэшээнь, шэнэ хуушан хоёрой тэмсэл соohоо шэнэ ёho журамай батажан хүгжэхэдэ тохёолдоhон бэрхэшээлнүүдые

(албан хойрог ябадал, билдагуушалга, шүүмжэлэлые хабшаха гэхэ мэтые) илан гаража, социалистическэ обществын зарим хүнүүдэй һанал сэдьхэлдэ үшөө үлэһэн капитализмын үлэгдэлнүүдые усадхаха хэрэг дээрэһээ бодото ажабайдалай зүрилдөөнүүд гарана.

Каштанкын хажуугаар олон танигдаагүй заказчигууд, иишэ тиишээ зогсолтогүй үнгэрхэдөө, нюдэнэйнь хараа халхалан, хүлөөрөө дайран үнгэржэ байба... (Каштанка хамаг хүн түрэлтэнииге топ илгаатайгаар эзэд ба заказчигууд гэжэ хоёр хуби хубаадаг юм һэн. Эдэ хоёрой хоорондохи онсо илгаа гэхэдэ, эзэдынь Каштанкые сохихо эрхэтэй, харин заказчигуудай булшангые Каштанка өөрөө зууха эрхэтэй байдаг һэн). (*А. Чехов*).

Заключаются в скобки реакции слушателей на произносимые речи, аплодисменты, шум, движение:

Зүгөөр, „бүтэхэгүй юумын түлөө хии оролдолго гарганат" гэһэн мэдээжэ оньһон үгөөр тэдэндэ харюусажа болохо байна. (Зал соо шэмээтэй болоно, альга ташана.) (Л. И. Брежневэй үгэһөө).

Заключаются в скобки используемые источники, фамилии авторов и названия произведений:

„... Эдэ бүгэдэ соо, ехэнхидээ хуушарһаншье һаа, барагдашагүй элбэгээр арад зоной эрхим зэргын сэсэн мэргэниие харуулһан байлаг. Арадай аман зохёолнууд соо хэдэн олон үеын хүнүүдэй ажалай дүй дүршэл харуулагдана..." (М. Горькии, Литература тухай).

Знаки препинания, употребляющиеся и регулирующиеся синтаксичсской структурой предложения.

Двоеточие.

Употребление двоеточия разнообразно в зависимости от природы предложения. Оно ставится между расчленёнными на осмысленные части простыми предложениями, сложными предложениями, представляющие в системе предложения особые предикативные единицы:

Всеволод, би шамда омогорхохо сэдьхэл түрүүлхэ гэжэ үнэхөөр һанаа һаа, нимэ юумэ хэхэ һэм: ши, нээрээшье, нугаршагүй омог дорюун болсжо, шамтай ушардаг хамаг худал хуурмагые, муу муухайе улайшатар халаанан түмэрөөр хайража хаяха гэхэһэнши. (*Вс. Иванов*).

Барагдашагүй золтойдоо баярлангүй яахаб: хорёод ондо партизан ябаа, хотондоо энэ туг түрүүлэн үргөө. (*Ш. Нимбуев*).

Двоеточие ставится до или после однородных членов предложения или до или после перечисления родовых понятий и обобщающих их слов:

Нэгэшье, энэ басаганай согтой илдам нюдые, инаг һайхан шарайень: годли мэтээр һэрбыһэн нариихан харахан нидхэнүүдыень, дээрээ нэгэ хэды жэжэхэн бүдэнтэй тэгшэхэн хамарыень, түмбэгэрхэн зохидхон үргыень ямар үгэнүүдээр зураглан харуулжа болохоб!

Двоеточие ставится после авторской речи и перед прямой речью:

Һая Улааханиие ши өөрөө нагасаһаан һура гээб, тииһэмни: „Тонил саашаа! Һураха дуратай һаа, өөрөө һурыш!“ гээ *(Н. Балдано)*.

Двоеточие ставится в тех случаях, когда нет обобщающих слов, но предполагается предупреждение, заключающееся в наличии причины действия:

Эдирхэнэй толгойгоо үргэжэ харан гэхэдэнь: хоёр заахан басагад гайханш, айшан сошордоһон шэнгеэр урдаһань харан, зэргэлэн зогсожо байбад. *(И. Ким)*.

Тэдэнэй дунда: гармошко болгожо түриень шамаһан сабхи гуталтай, настар бүдүүн аад, мяхалиг шара нюуртай Николаев Ринчин гэжэ ород бурят хоёрой хоорондоһоо гараһан хэрээснэг хүбүүн нэгэдэхи „атаман“ болохо байба. *(Д. Батожабаи)*.

Двоеточие ставится между двумя частями целого, не связанными сочинительными и подчинительными связями, вторая которого разъясняет или конкретизирует первую:

Сабхинуудынь хараад, би ехэл гайхабаб: хүдэр зузаан улатай түмэрөөр шудхаһан шэнги гэхээр. *(Вс. Иванов)*.

Точка с запятой.

Точка с запятой ставится (1) между распространенными однородными членами предложения, (2) между независимыми предложениями, объединенными в одно сложное предложение и (3) между порядковыми перечислениями сообщаемых фактов.

1) Точка с запятой ставится между сильно распространенными однородными членами предложения, когда они внутри себя имеют запятые:

Тэдэнэр наар гаарааraa яһанад, түрүүшынхидынь — шэрүүн аад, буршыд гэнги үһэтэй, хүл нюсэгэн, шумуухан солбон хүдэлсэтэй хүбүүн ба наранда дүрэһэн шарайтай, баһа хүл нюсэгэн, гар хүлдэнь һааһагар шара үһэ ургаһан, алтан шара гээгэнүүдтэй басаган; хоёрдохинь — сагаан шара толгойтой, бүдэнтэй нюуртай бишыхан хүбүүн, тэрээнтэй ухаатай

нюдэтэй, аали зантай, баазаханаар хубсалһан басаган — энэ басаган Тося Мащенко гэжэ нэрэтэй. (*А. Фадеев*).

2) Точка с запятой ставится между значительно распространенными составными частями сложного предложения, имеющими в свою очередь внутри себя запятые:

Хүнүүд хорин мянган лье уһан доогуур тамардаг, шэнэ газарнуудые олодог; хүн зонгүй олтирог дээрэ ошоод, ажабайдалдаа хэрэгтэй хамаг юумэ өөһэдынгөө гараар шэнээр бии болгодог; дэлхэйн эгээн үндэр ууланууд дээрэ гарадаг; хүнүүд үнгэрхэдөө һара дээрэшье ошодог; һалхинда найгалзан байһан мачтынгаа үзүүр өөдэ абиржа байгаад, далай дээрэ аймшаглай һалхи шуургантай тэмсэдэг; далайн амитадай өөхэ тоһо хэһэн бочконуудаа эбхэрэн байгаа долгинуудсоо хаяжа абаад, уһан соохи орьёл шулуун хабсагайнуудыг дээгүүр тамардаг; хүнүүд аман соогоо хара түүлган һомо хатанги хабдархай хэлэн дээрээ эрьелдүүлэн, ангажа түлижа ябаад, океан далайе һалаар гаталдаг; сүл губи газарай халуун һалхи дабажа гарадаг, абарга могойнуудтай, ягуарнуудтай, крокодилнуудтаи, арсалануудтай, заануудтай тэмсээд, тэдэниие илажа гарадаг. *(А. Фадеев)*.

Түрмэ соонь жэн балай; хүнүүдэй бүдэхеэр гүбэр-гүбэр гэлдэхэ абяан, набша намаа доогуур урдаһан горхоной шолшогоноон шэнгеэр, камерын ханын сааналаа дуулдана. *(А. Фадеев)*.

3. Точка с запятой ставится при порядковом перечислении сообщаемых фактов:

Нэгэдэхеэр, бидэнэрээ ябуулхаа һанаа; хоёрдохёор, хэрэгээ бүтээхэеэ һанаа.

Запятая.

Постановка запятой в предложениях связана с короткой паузой между словами и между предложениями. внутри каждого в отдельности, следовательно, запятая совпадает с коротким интонационным членением составных частей предложения и сложного целого.

Запятая ставится между однородными членами предложения, не связанными между собою союзами и имеющими перечислительный характер.

Однородные определения.

Обогор томо, обор хүжүүн Балдан бултанай урда зогсожо, салигар үргэн хажуурзара хоёр һөөмөөр эдюулэн сабшажа оробо. *(Ч. Цыдендамбаев)*

Однородные дополнения.

Балданай монсогор мяхалиг мүрые, үргэн нэлбэгэр нюргые үбһэшэд бултадаа адаглан, омог баяртайгаар харана. *(Ч. Цыдендамбав)*

Однородные подлежащие.

Хүн бүхэн һанаһанаа хэлэнэ, шэнээр бии болохо фермэдэ һаалишан, мал адуулагша, тугалшан болохо дүратай байһан тухайгаа зариманиинь суглаан дээрэ дуулгаба. (Газета „Үнэн“)

Однородные сказуемые.

Трактораар хахалдаг, борнойлдог, таридаг.

Запятая ставится внутри независимого бессоюзного сложносочинённого предложения:

Хамаг бэень хуу һээжэгдэнхэй, бельень үргэлжэдөө бэедэнь няалдажа хаташоо; хүдэлсэ бүхэниинь энэ хүсэтэй хүндэ тэсэшэгүй үбшэн зоболон ушаруулна. *(А. Фадеев)*

Үдэр дүүрэн уншаба, наранай гэрэлээр уншаба, һарын толоор дуудаба (из улигера).

Һэрюун бүлеэн һэбшээ һэб-һэб гэжэ, айлай үдэшын унай утаан тунажа, аргалай үнэр гутаад, манан шэнги сайбар хүхэ уняар болон харагдана. *(Х. Намсараев)*

Запятая ставится внутри бессоюзного сложноподчинённого предложения, между главным и придаточным предложениями и между придаточными предложениями, относящимися к одному главному:

Тээсэгэншье юун болобо гээшэб, дуулажал байгаа бээт, Рабдан Борной түрүүлэгшэмнай манай Мантахай, Буда зайһанай Базар, ойроо хэдэн хүнөөр, Радна Гамбал хоёрой Читээр зольборжо бусаад, суглаа хэжэ байхадань, намнаха гэжэ дээдэ ахмадай соносхоһон захяа зарлигай ёһоор ошон гээд, алуулан алдажа, арай гэжэ амиды гараһан байгаа. *(Х. Намсараев)*

Галдама халуун байбашье, галгүйгөөр аргагүй ха юм; Гайхама сэсэн байбашье, улад зонгүйгөөр аргагүй ха юм. *(А. Тороев)*

Цэбэг Жаргал хоёрые эды шэнээн ехээр түлгэжэ зүрхэ шүлдээеэ таһархаяа һанажа байна гэжэ Энхэ үбгэнэй зосоо нэгэнтэшье ороногүй, харин мүнөө почтын конторо сооһоо оложо ерэһэн һониноо химгатаһаар удхалан хөөрэхэ гэжэ һанаһандал, тэрээн тухайда ямаршье харюу хэлэнгүй, тон ондоо юумэ дуугарна. *(Х. Намсараев)*

Запятая выделяет причастный и деепричастный обороты от главного предложения.

Причастный оборот.

Элеэ хирээнүүд хойноһоонь Хүсэжэ ядан тулина, Энээгүүр тэрээгүүр тойроходоод, Эндэ тэндэ хаагалан, Тэндэ эндэ хашхаран Хүсэжэ ядан гэхэдээ, Хусан, улин ниидэлдэнэ. *(А. Тороев)*

Теэд Доржын эсэгые харахадаа, хажуу тээшээ талиин арилна. *(Ч. Цыдендамбаев)*

Яба һанаг, энэ нохойшни тиимэ хара ажал харанхыгаар хэһэндэнь, минии хорон бусалжа, тэрэ бээрээ өөрөө гүйлгэжэ ерээд, һүрэг ехэ үбһыень хуухалжархиһыем һанажашье байхадаа болохо гээшэ. *(Х. Намсараев)*

Үшөөтэйдэ болохо мориной урилдаан тухай хүн амитанай хэлсээгүйдэ, Еши Доржотой үнэшэхэн зээрдэ гунаа һорижо эхилһэн юм. *(Ч. Цыдендамбаев)*

Деепричастный оборот.

Таамагаар бэшэхэдэшни, Большаков тэнэг бэшэ һэн хадаа, Монхой Шадаан хоёрой нэрые хухалһаар, болдогһоо бүхөөр Таряшада һууржажа болохо гэжэ ухаандашни ороногүй гү? *(П. Малакшинов)*

— Зай, ингэбэл, эдэгэхэ даа, би тон амарханаар эдэгэһэнээ юрэдөө мартагшагүйб, ород эм гээшэ ламанарай эмдэ оробол тон һайн юм гэжэ тэрээнһээ хойшо һанагшаб, урдань басаган ябахадаа, хүлөө нэгэ юумэндэ адаһан аад, **ламын эм хэжэ,** тэрээнһээ шархамни хубилжа, хахад жэл соо зобоһоноо баһа мартагшагүйб, — гээд хөөрэжэ юрэдөө дуу таһалнагүй *(Х. Намсараев)*

Ябаһан курсада нэгэшье машина ниидэнэгүй, **хуу һууряа һэлгэжэ, хуу агшан зууpаа хойно урдаа гаралсан, нэгэ хирэ анги болон таһаржа, удаань баһа дахин худхаржа,** хоёр хоёроороо дүүжэлдэхэ байһандал нэгэ газарта эрьелдэнэ — аюултайшье, һонирхолтойшье байба. *(Ж. Тумунов)*.

Эдэнэй дундаһаа нэрьень онсолжо абаад, ерээгүй шалтагааниинь багша оролдоно. *(П. Малакшинов)*

Һүхэ далайтар, гозуули амарба (поговорка).

— Харин ехэл ойлгомжотой байна, нэгэ зарымамнай ингэжэ удхалжа хэлээгүй һаань, **шүлэндөө һамаарһаар,** юушье ойлгоногүй гээгдэжэ болохо гээшэ *(Х. Намсараев)*

Балдан арайшье гэжэ **харанхы болотор моридоо адуулаад,** гэртээ ерэнэ (из улигера „Угытэй Балданай жаргал").

Бидэ тэрэ захиралтаар, **хаанай хатанай түрүүлжэ ерэмсээр,** энэ түүдэбшын галда арюулжархёобди, — гэжэ барлагууд харюусаба (из улигера „ямба ехэтэй хатан").

Запятая ставится для отделения приложения — определения от основного, определяемого слова:

Харин иигэжэ ёнотойхон хасаг болоод, халтар морёор тооно үрхирсэ гүйхэдөө хүршэнэрнай, илангаяа хамта наададаг хүбүүдни, **Аламжа, Эрдэни, Дарижап. Шагдарнууд,** олоороо харанай даа гэжэ хүсэнэ. *(Ч. Цыдендамбаев)*

Запятая ставится для выделения обращения вместе с относящимися к нему словами от основного предложения, независимо от места его расположения:

Һайн даа, **баабаймни,** миниигээ түлөө далай дээрэ гаралсахаб гэһэндэшни тоншье ехээр баясанаб. *(Н. Балдано)*

Зай, нүхэд, орой болобо, морёо уһалжа, эдеэлүүлэгты,— гэжэ хэлэхэдэнь, тэрэ бээлэйнүүдээ абажа үмдэн, газаашаа һубарилдан гарана. *(Х. Намсараев)*

Запятая ставится при вводных предложениях и словах, если они не выделены черточками или скобками или не являются восклицательными: **Байза,** зэмэтэй болоһон хүн зэмээ хүнгэлжэ, хүдэлэлсэхэ болоо гээшэ гү? *(Н. Балдано)*

Хэнэйшье мэдэһээр, газаагаа газар гэшхэхэ ганса һаамхай үнеэтэй хүн гээшэб. *(Н. Балдано)*

Запятая ставится для выделения междометий, если они не являются восклицательными:

Хэзээ тэрэ сагта, Должодой анхан түрүүн гэртээ орожо өрэхэдэнь, Хүхэнсэн Үбгэншэн хоюулан ехэ инагаар хаража, **„Ай,** ямар нюдэндөө галтайхан, хурса шарайтай басаган бэ“ гэлсэжэ, тэрээнһээ уламжалан өөһэдынгөө үнн сагта гээгдэһэн ганса арюухан басагаяа һанаандаа оруулжа, нюдөөрөө уһа дүүргэн, дороһоо абажа һанаа алдажа һуурһан юм. *(Х. Намсараев)*

— **Эх,** Банзар, Банзар... шинии эсэгэ Боргониие мэдэгшэ һэм... Табангууд отогонхид соо таатай хүнүүдэй нэгэн байгаал даа... Эх, Банзар, буруу бодоош даа... *(Ч. Цыдендамбаев)*

Запятая ставится для выделении утверждения *тиимэ* и отрицания *угы* от основного высказывания:

— **Тиимэ,** биб,— гэжэ залуу хүн толгойгоо дохижорхеод, нилээдгүй урматай болон һуугаа һэн. *(Х. Намсараев)*

— Угы, хүүгэд хэлээ... Танай Шагдарһаа дуулааб. *(Ч. Цыдендамбаев)*

Запятая ставится для выделения слов, дополняющих и конкретизирующих другие слова в предложении:

Нэгэтэ нэгэ үглөөгүүр, **үлэн шара наранай үрөөлэээ бултайжа, үзэгдэн һая байхада,** татахада һунаха, табихада агшаха улаан мүнгэн остолдоо эдеэнэй дээжые табижа, эбэр-шэбэр зугаалжа, һуугаа гэхынгээ хэрэндэ Агуу-Һоогоон абхайнь: „Ахай, ахай, дуулыш! Адаһанай мяхан хашараажа, ангай мяхан һанагдаба“ (из Улигера „Хараасгай мэргэн хүбүүн“).

Запятая выделяет в предложении сопоставительное слово *шэнги,* вместе к нему относящимися словами:

Дээрэһээ бууһан шэнги, дэгнүүл дээрэ тогтоһон шэнги, хурса хутагаар мүлиһэн шэнги, хурын үһаар угааһан шэнги (загадка).

Запятая ставится в предложениях после и перед словами, служащими для разделительных и противительных целей: *харин, зүгөөр, аад, теэд, гээд* и др.

Тэдэнэр нэгэ газарай баялигые дууһаагүй аад, ондоо газар онгиргоно. *(Ч. Цыдендамбаев)*

Аяг буруутайгаар намаг хараад, хултагад гэжэ бууруулан ябаад орхиходошни, зосоом ёро муутай юумэ ороод лэ орхёо һэн, *харин* энэ хубүүншни шамдал нюужа хабшажа ябаад, хүнэй ара үбэрһөө шэбэнэжэ зарлаа бэшэ, үнэн сэхыень зон нүхэдэин өө нюур дээрэ нюунгүн хэлэбэ гээшэ! *(Х. Намсараев)*

— Тэдэнэр эрдэмээршье танһаа дүтүү бэшэ һэн, **теэд** тэдэнэй түрэлхидэй суглаа зарлажа, һамга басагадаар хөөрэлдэхые хараагүй хүм. *(П. Малакшинов)*.

Нэгэ үдэшэ хаанай хатан дайрамтар үбшэрхэхэб гээд, яахэ аргагүй болоо, ёолон ёохойлон оро дэбисхэр дээрээ мухарина, тэхэринэ (из улигера „Ямба ехэтэи хатан").

ЛИТЕРАТУРА.

И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950.

Проф. С. И. Абакумов, Методика пунктуации, М., 1950.

Д. А. Алексеев, К вопросу о синтаксисе сложного предложения, „Записки НИИКЭ", Улан-Удэ, 1947.

И. И. Ашмарин, Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I и II, Казань, 1903.

О. С. Ахманова, Словосочетание. Сб. „Вопросы грамматического строя", М., 1955.

Алексей Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, разд. „Синтаксис", Казань, 1849.

В. А. Богородский, Общий курс русской грамматики, разд. „Синтаксис", М-Л., 1935.

О. И Богомолова, Современный французский язык, разд. „Предложение", М., 1948.

Т. А. Бертагаев, К исследованию сложноподчиненных предложений в бурят-монгольском языке, „Записки НИИКЭ", 1947.

Т. А. Бертагаев, О синтаксических особенностях деепричастных словосочетаний первой группы (на материалах монгольских языков), „Акад. В. В. Виноградову к его 60-летию", М., 1956.

Т. А. Бертагаев и др. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика, синтаксис, Улан-Удэ, 1955.

В. В. Виноградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, Сб. „Вопросы синтаксиса современного русского языка". М., 1950.

Основные принципы русского синтаксиса в „Грамматике русского языка", изд. АН СССР. „Известия АН СССР, ОЛЯ", 1954, вып. 6.

Основные вопросы синтаксиса простого предложения, Сб. „Вопросы грамматического строя", М., 1955.

Грамматика русского языка, т. II, ч. I и II, М., 1954.

Е. М. Галкина-Федорук и др., Современный русский язык, разд. "Синтаксис", М., 1958.

Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, разд. „Основные вопросы синтаксиса простого предложения", М.-Л., 1948.
Л. Р. Зиндер и Т. В. Сокольская, Современный немецкий язык, разд. „Синтаксис", Л., 1941.
А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, разд. „Синтаксис", М.-Л., 1956.
А-р Орлов, Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казань, 1878.
А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956.
А. Потебня, из записок по русской грамматике т. т. I. II, III, IV.
Н. С. Поспелов, О грамматической природе сложного предложения, Сб. „Вопросы синтаксиса современного русского языка", М., 1950,
Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, разд. „Синтаксис", М.-Л., 1941.
Г. Д. Санжеев, Синтаксис монгольских языков, М., 1934.
А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I и II,
Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр

Введение 3

Фонетика

Общие сведения. 17
Физиолого-акустическая характеристика звуков речи 18
Речевой аппарат . . . . . —
Дыхательные органы. 19
Гортань. . . . . —
Надгортанные полости 21
Активные и пассивные органы речи. 22
Описание звуков речи. 23
Гласные. . . . . —
Сингармонизм. 25
Краткие гласные . . . . . —
Долгие гласные 28
Физиолого-акустические особенности гласных в слове в окружении смягченных согласных 30
Перелом гласных. . . . . —
Дифтонги. 31
Согласные. 33
Сонорные согласные. . . . . —
Шумные согласные. 35
Щелевые согласные. . . . . —
Смычные согласные 39
Аффрикаты. 42
Мягкие согласные. 43
Чередование согласных 44
Слог . . . . . —
Ударение 45
Транскрипция . . . . . —
Литература 47

Орфография и графика

Графика 51
Бурятский алфавит 54
Орфография 56
Правописание гласных 58
Правописание согласных 62
Правописание заимствованных слов . . . . . —
Правописание сложных слов 64
Перенос слов 65
Вопросы упрощения и улучшения бурятской графики и орфографии . . . . . —
Литература 73

Лексика

Общие сведения 77
Бурятские слова с точки зрения их структурных особенностей . . 78
Словарный состав бурятского языка 80
Заимствование слов 85
Термины 89
Диалектизмы 91
Переносное значение слов 92
Синонимы 93
Омонимы 95
Сложные слова 96
Фразеология 100
Словари бурятского языка 102
Литература 107

Морфология

Общие сведения 111
Морфема 112
Состав слова 117
Части речи 122

Имя существительное

Имя существительное как часть речи 127
Грамматические категории имен существительных 128
Имена существительные собственные и нарицательные 129
Имена существительные личные и неличные 130
Обозначение значений естественного пола . . . . . —
Число имен существительных 131
Падежи 133
Именительный падеж . . . . . —
Родительный падеж 134
Дательный падеж 135
Винительный падеж . . . . . —
Орудный падеж 138
Совместный падеж 137
Исходный падеж . . . . . —
Склонение имен существительных 138
Простое склонение . . . . . —
Типы склонения 139
Двойное склонение 142
Притяжание 143
Личное и возвратное притяжание 144
Безличное притяжание 148
Образование имен существительных 149

Имя прилагательное

Имя прилагательное как часть речи 154
Качественные имена прилагательные 157
Степени сравнения 158
Сравнительная степень . . . . . —
Превосходная степень . . . . . —
Относительные имена прилагательные 159
Образование имен прилагательных 160
Субстантивация имён прилагательных 162
Новые прилагательные 163

Имя числительное

Лексико-грамматическое значение имен числительных. . . . .
Разряды имен числительных. 167
Количественные имена числительные. . . . . .
Счетные и дробные имена числительные. 169
Имена числительные порядковые. 170
Имена числительные собирательные. 171
Разделительные имена числительные 172
Склонение имен числительных. . . . . .

Местоимение

Местоимение как часть речи 175
Местоимения субстантивного характера. . . . . .
Личные местоимения. . . . . .
Вопросительные местоимения. 181
Обобщительные местоимения. 182
Местоимения определительного характера 183
Указательные местоимения. . . . . .
Неопределенные местоимения. 185
Выделительные местоимения. . . . . .
Синтаксические функции местоимений . . . . . .

Глагол

Лексико-грамматическая характеристика глагола. 188
Типы глагольного словообразования. 190
Сложная форма с употреблением сопутствующих деепричастий 192
Сложная форма с употреблением обстоятельственных деепричастий 193
Аффиксация глаголов . . . . . .
Залоги. 194

Действительный залог 196
Побудительный залог . . . . . .
Страдательный залог. 197
Взаимно-совместный залог. 198

Наклонение 199
Изъявительная форма глагола. . . . . .
Лицо и число. . . . . .
Время. 200
Настоящее время . . . . . .
Прошедшее время 201
Будущее время . . . . . .
Вид. 203
Формы обращения. . . . . .
Обращение к первому лицу. 204
Обращение ко второму лицу. . . . . .
Обращение к третьему лицу. 205
Формы обращения, пожелания и опасения. 206

Причастие

Значение причастий. 207
Временные причастия. 208
Вневременные причастия. 211

Деепричастие

Значение деепричастий 212
Синтаксические функции деепричастий 215
Сопутствующие деепричастия . . . . . —
Соединительное деепричастие . . . . . —
Разделительное деепричастие 218
Слитное деепричастие 221
Обстоятельственные деепричастия 222
Условное деепричастие 223
Предельное деепричастие . . . . . —
Последовательное деепричастие 224
Продолжительное деепричастие . . . . . —
Предварительное деепричастие 225
Заменное деепричастие 226
Попутное деепричастие . . . . . —
Вспомогательные глаголы . . . . . —

Наречие

Лексико-морфологическая характеристика наречий 227
Образование наречий 230
Наречия-повторы 231
Наречия-редупликаты . . . . . —
Парные наречия . . . . . —

Служебные части речи

Послелоги

Значение послелогов 231
Разряды послелогов . . . . . —

Союзы

Сочинительные союзы 238
Подчинительные союзы . . . . . —

Частицы 239
Междометие 243
Литература 244

Синтаксис

Типы предложений 247
Повествовательные предложения . . . . . —
Побудительные предложения 248
Вопросительные предложения 249
Восклицательные предложения 250
Простое и сложное предложения 251
Порядок слов в предложении . . . . . —
Способы выражения синтаксических отношений в предложении и типы связи слов 255
Сочинительный вид связи 256
Подчинительный вид связи 257
Согласование 259
Управление 261
Примыкание 262

Простое предложение

Главные члены предложения 263
Подлежащее. . . . . —
Сказуемое. 266
Второстепенные члены предложения. 268
Дополнение. . . . . —
Прямое дополнение. 269
Косвенное дополнение. 270
Определение. 271
Приложение. 273
Обстоятельства. . . . . —
Обстоятельство способа или образа действия. 274
Обстоятельство места. . . . . —
Обстоятельство времени. 275
Обстоятельство причины. . . . . —
Обстоятельство цели. . . . . —
Обстоятельство условия. 276
Однородные члены предложения. . . . . —
Однородные и неоднородные определения. 278
Строй простого предложения. 279
Безличное предложение. . . . . —
Неопределенно-личное предложение. 280
Назывное предложение. . . . . —
Слова, грамматически не связанные с предложением. . . . .
Обращение. . . . . —
Вводные слова. 281
Причастный оборот. . . . . —
Деепричастный оборот. 283

Сложное предложение

Сложносочиненное предложение. 286
Сложноподчиненное предложение 289
Сложные предложения с придаточными дополнительными . . . 290
Сложные предложения с придаточными определительными . .
Сложные предложения с придаточными подлежащими. . . . . —
Сложные предложения с придаточными сказуемыми 291
Сложные предложения с обстоятельственными придаточными —
Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными. 292
Прямая и косвенная речь. 293
Сочинение и подчинение предложений с употреблением деепричастий. 294
Общие замечания. . . . . .
Сопутствующие деепричастия 296
Сопутствующие деепричастия в составе сказуемого законченного предложения. . . . . .
Сопутствующие деепричастия в роли сказуемого со связкой. 298
Сопутствующие деепричастия в составе составного члена предложения. 299
Сопутствующие деепричастия в качестве сказуемого сочиненного предложения. 303
Способы сочинения предложений посредством деепричастия . . 307
Слитно-сочиненный вид предложения . . . . . .
Соподчиненно-сочиненный вид предложения . . . . . .

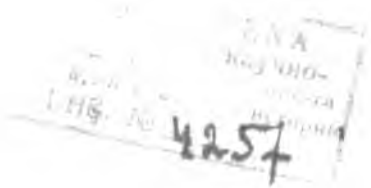
Обстоятельственные деепричастия

Роль обстоятельственных деепричастий в замыкаемом ими отрезке предложения (логическое сказуемое) 309

Обстоятельственные деепричастия в составе сказуемого законченного предложения. 310
Пунктуация. 314
Знаки препинания, связанные со смыслом высказывания 318
Точка . . . . . —
Восклицательный знак. . . . . —
Вопросительный знак. 319
Ковычки. 321
Тире . . . . . —
Многоточие. 322
Скобки. 323
Знаки препинания, употребляющиеся и регулирующиеся синтаксической структурой предложения. 324
Двоеточие. . . . . —
Точка с запятой. 325
Запятая. 326
Литература. 330

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	сверху 9	усвоение	освоение
54	сверху 4	впал	пал
57	снизу 3	выступает	вступает
57	сверху 13	существуют	сосуществуют
78	снизу 3	урадхал	урасхал
120	сверху 22	стоить	стоит
189	сверху 7	редко	резко
238	снизу 17	дуһаагүй	дуһаагай

Спец. редактор *Ж. С. Сажинов*

Редакторы *М. Н. Имехенов.* и *Ю. П. Болдонов*

Худ. редактор *П. С. Гурьянов.*
Техн. редактор *Д. Б. Батоцыренова.*
Корректоры: *М. Б. Шагдуржапов* и *В. Б. Раднаева.*

Сдано в набор 16/V-1958 г. Подписано к печати 25/X-1958 г.
Н-01249. Заказ № 2771. Объём п. л. 21,25. Уч.-изд. листов 25,5.
Тираж 1000. Формат бум 60X92¼₁₆.

Типография Министерства культуры БурАССР

Даши Доржиевич Амоголонов

СОВРЕМЕННЫЙ БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

4С(Бчр)
А623
: 121

Цена 6 р. 10 к.